

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
№ 17 / 2016

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

АКВИЛОН – ИВИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

МОСКВА
Аквилон – ИВИ РАН

ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL

**LAS IZQUIERDAS
EN AMÉRICA LATINA**

MOSCÚ
Akvilon – IVI RAN

ББК 63.3
Л 272

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.А. ЩЕЛЧКОВ (ответственный редактор), Е.А. ЛАРИН, Н.С. ИВАНОВ,
А.С. ШИШКОВ, О.В. УЛЬЯНОВА (Чили),
Р. ОРТИС ПЕРАЛЬТА (Мексика), Е. БРИДИХИНА (Боливия).

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ /

Отв. ред. А.А. Щелчков // Латиноамериканский исторический альманах. № 17 / 2016 (Специальный выпуск). М.: Аквилон – ИВИ РАН, 2016. 336 с.

В оформлении обложки использованы фрагменты работ мексиканского художника-муралиста Диего Риверы (1886–1957).

ISSN 2305–8773

ISBN 978–5–90657–821–1 (Аквилон)

ISBN 978–5–94067–466–5 (ИВИ РАН)

А К В И Л О Н

© Коллектив авторов, 2016.
© Институт всеобщей истории, РАН, 2016
© Издательство «Аквилон», 2016.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается.

*Н.С. Иванов**

N.S. Ivanov

ФИДЕЛЬ И НЕ ТОЛЬКО...

К 80-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАРИНА

FIDEL AND NOT ONLY...

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF EUGENE LARIN

Аннотация: Статья посвящена 80-летию известного советского и российского латиноамериканиста Е.А. Ларина. В ней приводятся фрагменты его воспоминаний о лидерах Кубинской революции, его работе на Кубе в 1963–1969 гг., анализируются его монографии и эссе, посвященные Кубинской революции, Латиноамериканской цивилизации.

Ключевые слова: Евгений Александрович Ларин, Латинская Америка, латиноамериканистика, Куба, Кубинская революция, Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, латиноамериканская цивилизация.

Abstract: The article is devoted to the 80th anniversary of the renowned Soviet and Russian latinoamericanist E. A. Larin. It contains the fragments of his memories about the leaders of the Cuban revolution, his work in Cuba in 1963–1969. His monographs and essays on the Cuban revolution, Latin American civilization are analyzed.

Keywords: Evgeny Alexandrovich Larin, Latin America, latinoamericanist, Cuba, Cuban revolution, Fidel Castro, Ernesto Che Guevara, Latin American civilization.

Евгений Александрович Ларин родился 19 сентября 1936 г. в г. Суничичи Калужской области. Война застала 5-летнего Женю в предме-

* *Николай Серафимович Иванов* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (*Nikolai S. Ivanov*, Institute of World History of the Russian Academy of Science), nik3334@yandex.ru.

стях Ленинграда, потом была блокада, последний эшелон с детьми, выехавший из осажденного города, эвакуация в Узбекистан. Весной-летом 1943 г. тысячи эвакуированных перегоняли скот (выведенный в Среднюю Азию в начале войны) обратно в освобожденные районы Европейской части СССР. На всю жизнь в памяти мальчика врезались картины разрухи, превращенный в руины Сталинград, другие города и села. Сызмальства тяжелый труд и, невзирая на это, великий оптимизм и вера в светлое будущее — таким было детство Евгения Александровича Ларина. С 15-ти лет он начал свою трудовую биографию, чтобы помогать семье: ученик слесаря, слесарь, буровой рабочий, коллектор геологоразведочной экспедиции и одновременно ученик вечерней школы рабочей молодежи. Несмотря на тяжелый труд, остались самые приятные воспоминания о дружбе с «солью земли» — рабочими, геологами, крестьянами. Навсегда врезалась в память и встреча с югославским лидером И.Б. Тито в Сухиничах:

«На железнодорожной станции Сухиничи—главные я встретился с Иосипом Броз Тито. Это было в июне 1956 года. Я работал в геологоразведочной экспедиции, и наш буровой станок стоял километрах в сорока от Сухиничей. И туда надо было добираться на «кукушке», а она ходила в половине пятого утра. Каждый раз, когда я был дома, я вставал в половине четвертого, чтобы попасть на работу. И вот я пришел на станцию где-то в 4.10. Нас там было человек пять-шесть, часть нашей бригады, которая ехала на смену. Сидим, ждем «кукушку». А ее нет, в назначенный срок не пришла. Пошли узнавать, в чем дело. А нам говорят:

— Пришло указание пропустить важный правительственный поезд. Поэтому пока местные маневры запрещены. Ждите, «кукушка» ваша пойдет, только пока трудно сказать, когда.

Мы вернулись на платформу, сели на лавку, сидим. Ребята говорят:

— А что мы просто так сидеть будем. Давайте закусим. У кого сало есть?

У кого-то нашлось сало, у кого-то хлеб. Сидим, закусываем. Кто-то налил по рюмочке». Сидим веселые, довольные, все отлично. И тут подходит поезд, останавливается. И из него выходит Иосип Броз Тито. Очень хорошо одет, элегантный такой. Нам-то работягам было интересно, никогда не видели людей в такой одежде. Нам понравился. Он посмотрел вокруг, нет никого, кроме нас. Он к нам подходит:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

На чистейшем русском языке. Со всеми за руку поздоровался. Мы ему:

— Вы нас извините, конечно. Вы Иосип Броз Тито?

— Да, я Иосип Броз Тито. Спасибо, что узнали. Я тоже узнал Сухиничи. Я здесь был в 1943 году (Не знаю, как он у нас оказался, может быть проездом?). Вы очень много сделали, здесь тогда все было разбито, разрушено.

На лавочке лежала закуска. Я ему:

— А давайте с нами за кампанию...

Он:

— Давайте.

Лишнего чистого стакана не было. Стали думать, что делать.

— Вы, знаете, у нас проблема с посудой.

— Да ничего, какая это проблема. Я же старый партизан. Сейчас помоем стаканчик и все.

Сам помыл стаканчик, ему налили самогонки. Бутерброд — черный хлеб и сало. Нормально.

— Ну давайте, за Советский Союз. За вас, за народ. Вы — главная сила Советского Союза.

Выпили. Вышла жена, Йованка. Тоже элегантная, почему-то вся в черном. К нам не подошла, прогуливалась мимо. И вся эта встреча длилась минут 15, не больше. Ему надо было ехать дальше, он пожал нам всем руки и сказал:

— Я надеюсь только на вас.

Он ехал на переговоры с Хрущевым для урегулирования отношений. И отношения потом действительно наладились. Видимо последней фразой он имел в виду, что наш народ его подержит. Конечно, это была незабываемая встреча».

Затем служба в армии. Там Е. Ларин стал радистом первого класса. Колоссальная ответственность за полученные и передаваемые «морзянкой» сообщения, идущие от командования Закавказского военного округа, от самого маршала К.К. Рокоссовского, который принял командование округом в 1957 г. в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке. Именно она, по словам Е.И. Ларина, развила и отшлифовала его природный дар — блестящую память, которая позволяет сохранять и пополнять огромный багаж информации, начиная от всемирной истории, истории Латинской Америки — до мельчайших подробностей встреч и диалогов, которые происходили в его жизни.

Кстати, с Рокоссовским связан один из рассказов тети Поли, соседки Лариных, у которой он жил несколько месяцев, когда мать уезжала весной на заработки на Украину и Белоруссию. Евгений Александрович вспоминает:

«После возвращения в Сухиничи из Средней Азии, я некоторое время жил у тети Поли и спал на кровати, где по ее словам спал Рокоссовский в мае 1942 г, который вместе с Жуковым остановился у нее на пути к Сталинграду. Рокоссовский принял командование 16-й армией, а позже Донским фронтом, который сыграл решающую роль в разгроме войск фельдмаршала Паулюса. Тетя Поля, конечно, очень гордилась такими постояльцами и часто рассказывала о каких-то эпизодах их пребывания в ее доме:

— Однажды Рокоссовский и Жуков проговорили всю ночь.

Я ей:

— А о чем говорили-то, тетя Поля?

— Да все спорили до хрипоты, как лучше организовать сельское хозяйство в Германии, после окончания войны. Провести там коллективизацию или оставить одиноличные хозяйства.

Впоследствии я часто вспоминал этот рассказ. Какую же надо было иметь уверенность в окончательной победе, чтобы в условиях, когда враг дошел до Волги, оккупировал огромные территории нашей страны, рассуждать ночью в Сухиничах об аграрной реформе в Германии после победы над ней!»

После трех лет службы в армии, заинтересовавшись историей, Евгений Ларин в 1959 г. поступил на исторический факультет МГУ. Блестящая память помогла ему быстро изучить не только исторические фоллианты, но и испанский, немецкий язык, латынь. Занимался спортом — футбол, шахматы. Писал стихи, и его любовь к поэзии сохранилась до настоящего времени. В 1963 г. он поехал работать переводчиком на Кубу, которая стала его «второй любовью» на всю жизнь (первой конечно же была и есть его супруга, Женни, потом — дочери Татьяна и Наташа, а к настоящему времени прибавились еще внук Георгий, внучки Ксения и София).

Ты прости меня, Русь,
Я наверно влюблюсь.
Мне она очень любя
И зовут ее Куба.

(1963 г.)

«На Кубе была серьезная, напряженная работа с нашими военными, которые помогли отстоять независимость Острова Свободы, отразить атаки американцев и спонсируемых ими «гусанос» (предателей, окопавшихся в Майями).

На Прадо или Малеконе
Опять я слышу возглас краткий,
Звучит давно родное соño —
На Кубе, значит, все в порядке.

Кубинец, что в проблемах тонет
На лбу не собирает складки.
Всегда спасительное «коньо»,
Сводит на нет все недостатки.

Юнец мужает,
Старец молодеет —
Так это слово
Душу греет.

А если янки вдруг их тронут,
Народ готов к смертельной схватке.
Решительно промолвит «коньо» —
И грингос вмиг покажут пятки!

(1963 г.)

Было много рискованных ситуаций. Несколько раз нас стреливали банды батистовцев. Официальная статистика насчитала 79 банд, которые орудовали на Кубе до 1965 г. Их численность составляла 3600 человек. Основная концентрация была в Эскамбрае, в центре Кубы. Порой были почти критические ситуации. Как-то мы были в Сантьяго: инструктор, блестящий пилот гражданской авиации, Павел Васильевич, Мариньо (личный пилот Фиделя Кастро, а позже министр гражданской авиации) и я. Нужно было лететь в Моа — каких-то 300 километров, может быть даже и меньше. Но самое главное — надо было пролететь над горами Сьерра-дель-Кристалль. Сидим в кафе для военных, и Мариньо говорит:

— Надо пилота найти.

Вызвал командира летной части:

— Есть у тебя парнишка, который знает этот маршрут?

— Есть.

— Здесь он сейчас?

— Здесь.

— Дашь его нам на пару часов, слетать туда и обратно?

— Да конечно!

Вызывает этого парня, спрашивает:

— Ты летал через эти горы?

— Летал.

— Знаешь проход там?

— Знаю.

Ну, что ж. Погода изумительная, ни облачка, солнце светит. Пилот в порядке. Летим!

Садимся в чешскую «Сесну» и полетели. Все великолепно, настроение отличное. Пообедали, выпили немного «на дорожку». Только вошли в горную систему, пролетели наверное километров десять-двадцать, и все заволкло облаками, ничего не видно. У парнишки — нашего летчика уже пот ручьем по лицу, чувствуется, что он дрожит. Павел Васильевич говорит мне:

— Переведи Мариньо, что пилота надо менять. Я сам сяду за штурвал. Спроси, как он отнесется к этому?

Я перевел. Мариньо:

— Я не против, пусть сам садится.

Павел Васильевич:

— А какая здесь высота гор?

— Да они не очень высокие — около полутора тысяч метров.

— Ну, все равно. Скажи Мариньо, что придется нарушить регламент. У Сесны максимальная высота тысяча восемьсот метров, а я собираюсь выйти примерно на две тысячи двести, чтобы с гарантией пролететь над горами.

Мариньо:

— Да, я согласен. Так и надо делать.

Парнишку пересадили назад, Павел Васильевич занял его место, набирает высоту. И самолетик начинает вибрировать, трястись. Кажется, что вот-вот развалится. И вдруг внезапно появился кусок голубого неба, можно было уже что-то видеть впереди. Тогда он прекратил набирать высоту. А все было, действительно, на грани. Дело дошло до того, что когда собирались лететь в Сантьяго, Мариньо сказал:

— Все, я больше не полечу.

Поэтому обратно поехали на автомобилях.

Но рядом с какими-то тревожными моментами в жизни обязательно появятся солнечные протуберанцы, особенно. Если ты на Кубе.

Некоторое время я работал с одним полковником. И он говорит:

— Знаешь, Евгений, я большой любитель пива. Найди какую-нибудь палаточку приличную.

Я нашел хорошее местечко, где можно было попить пива, закусить. Пришли туда раз, другой, третий... Как-то жара была дикая, он мне говорит:

— Пойдем попьем пивка.

А там негритенок, такой хитрюга, говорит:

— А в этот раз никому из вас пива не дам!

— Как не дашь?

— Не дам, пока вы не закажете и не съедите лягушку. Тогда получите пиво.

Спорили, спорили. Потом повел нас, показал: — Смотри, вот лягушечки. Выбирай, какая тебе, какая Федору.

Я уговорил полковника: Давай попробуем, кусочек ущипнем и все. Зато будет пиво.

— Ну ладно, давай.

Негритенок пошел, поджарил, принес:

— Ну давайте, режьте. Теперь в рот.

Налил пива. Попробовали лягушку, ничего, нормально, абсолютно съедобна, как курица. Только жестковата. И потом, после этого «боевого крещения» этот негритенок уже без всякого наливал нам пива».

Помимо основной работы, Евгений успевал заниматься спортом — он был достаточно мастеровитым футболистом, игравшим в армии в Баку (основном месте службы), потом за сборную МГУ и на Кубе — за местную футбольную команду. Но главной спортивной страстью на всю жизнь стали шахматы. Играя на уровне крепкого перворазрядника, он участвовал во многих турнирах, а пристрастие к блиц-партиям сохранилось до настоящего времени. На Кубе его любовь к шахматам совпала с тем же чувством, которое испытывали к этой древней игре кубинские революционеры. По инициативе фаната шахмат, великого революционера Эрнесто Че Гевары (с которым, кстати, Евгению посчастливилось сыграть несколько партий) на острове стали регулярно проводиться Мемориалы Капабланки с участием ведущих гроссмейстеров, а в 1966 году там провели шахматную Олимпиаду.

«На Кубе у меня были очень интересные встречи с гроссмейстерами. Мемориал Капабланки был очень мощным турни-

ром. Сначала скептики говорили:

— Никто не приедет! Чего там, Куба — бедная страна, она не сможет организовать достойные призы, да и провести турнир нормально не сможет!

Но мемориалы проходили с большим успехом,

На турнир 1963 года приехали Таль, Корчной и Геллер. Мне довелось с ними активно встречаться. Они жили рядом в гостинице «Гавана Либре» — это лучшая гостиница. Я-то жил в гостинице Националь, но в «Гавану Либре» ходил в гости к приятелю. Приехали наши кинематографисты и снимали художественный фильм «Я Куба» (1964). Второй оператор был молодой парень, Борис, и мы с ним общались. Он жил рядом с Талем. Таль часто заходил, просил перевести то, что ему не было понятно. А так как Борис тоже языка не знал, то мне приходилось Талю выручать. Это общение стало постоянным. Стали играть в шахматы: Таль без ладьи, Таль без ферзя. Но и без ладьи, и без ферзя его было трудно обыграть, тем более, что это были блиц-партии.

Перед турниром их всех троих пригласили в посольство на встречу с гроссмейстерами, и я там был тоже, как и вся наша колония. Их всех троих посадили на сцене, и работник посольства, который вел эту встречу, дал слово Талю, и тот практически взял на себя роль ведущего. Надо сказать, что во всех кубинских газетах с восторгом писали о нем: «Приехал гений Риги», «Величайший шахматист всех времен и народов», «чародей», «маг», — как только его не называли. А когда этот «маг» появился в гостинице, я подумал: «Бог мой, как же он будет эту свою “магию” разводить». В шевиотовом костюмчике, весь помятый, одна пуговица оторвана, и все это очень бросается в глаза. Мы посмотрели с Борисом, а Борис был примерно такого же роста как Таль. Он говорит: У меня костюм есть, я его еще не одевал. Может быть предложим его Талю? А чего он пойдет в этих лохмотьях? Человек выдающийся, вне всякого сомнения. Поговорил с ним, ты же больше с ним общаешься.

Я подошел к нему: Миш, вот тут возникла такая идея переодеть тебя в хороший костюм.

— А мой что, плохой что ли?

— Да нет, твой хороший, очень хороший. Но видишь ли, в самолете потрепался. А у Бориса новый костюм, ни разу он его не надевал. Давай, померяй.

Он такой общительный мужик, согласился: Ну ладно, давай. Померили, костюм сидит великолепно. Борис говорит: Ну, под этот костюм и башмаки должный быть другие. У меня есть.

Померили, и башмаки подошли.

Одели «с иголки»!

«Гений Риги» был неотразим...

Пришли в посольство гроссмейстеры, сели на сцене. В центре Корчной, а по бокам Геллер и Таль. Таль открыл встречу: Вы знаете, как обычно на таких мероприятиях первым должен говорить ветеран, это у нас Витя Корчной.

(Хотя какой он ветеран? Он же 31-го года, и ему тогда было 32 года. А сам Таль с 37-го года, ему было 26). И Таль говорит: Витя, давай.

Витя: Я родился в Ленинграде, учился в школе, потом поступил в шахматную секцию во Дворце пионеров.

Таль: Витя! Тебя не биографию спрашивают. Что ты думаешь об этом турнире? О соперниках? Как ты хочешь сам выступить? И реально, какое ты место займешь? Вот об этом расскажи. Для чего люди-то собрались?

Витя говорит:

— Но я-то вообще хотел о себе рассказать.

— Да у тебя ничего нет интересного в биографии. Чего у тебя там интересного? Абсолютно ничего.

Юмор был «родным братом» Таля. У него всё получалось.

Затем последовал его прогноз:

— Я занимаю первое место, ты второе, а Геллер пятое.

Геллер:

— Чегой-то я пятое?

— А ты очень призовые любишь, а призовые все будут нормальные. А самые большие тебе нельзя давать, деньги тебя испортят.

— А на самом деле выиграл Таль?

— Нет, выиграл Корчной.

Конечно, играли они здорово. Я может быть недооценивал Корчного, но он на турнире выступал потрясающе. Жертвовал, смело играл, рискованно. Но всегда удачно.

И все-таки бесспорным лидером среди них всегда был Таль.

— А как человек Геллер был интересен?

— Да нет, он какой-то был углубленный в себя. Вот Таль был открытым, интересным человеком. В каждой ситуации он

выплескивал эмоции — или как юморист, или как сострадающий человек.

Я как-то в нашем посольском магазине купил шампанского, мы решили отметить какие-то успехи. Разлили это шампанское. Таль выпил один бокал, потом половину второго и захмелел. И стал слезливым. Я ему:

— Миш, а чего это у тебя слезы текут?

Он:

— Ну ты же не знаешь моей личной жизни. Тебе написали в газетах «гений Риги», «маг», «кудесник». Но жизнь это не шахматная партия, хотя жертвовать чем-то всегда приходится. И чаще всего это не самые удачные жертвы.

Не знаю, может быть это был эпизод. Но это говорит о Тале, его естественности, эмоциональности, открытости.

А Корчной был глуховат. И ему в разговоре надо было почти кричать. Поэтому, когда Таль сказал ему в посольстве, — Витя, тебя не биографию просят рассказывать, — он ничего не понял.

Что касается алкоголя, то пили очень умеренно, понемножку. Только за какие-то успехи.

Помнится, что и Таль хорошо выступил на турнире. Он в Гаване всегда был в хорошем, игривом тону. Приехала переводчица от шахматной федерации Кубы, юная симпатичная девушка. Поехали в аэропорт. Она там закурила. Таль ей:

— Не могу не восхититься Вами, Вы просто изумительны. Откуда в Вас такая утонченность, умение элегантно держать сигарету, вставлять талантливые реплики в беседе?

Она, конечно, не поняла ничего из того, что он сказал. И отвечает:

— А это мы все в школе Горького проходили.

Причем это было сказано на полном серьезе, что было вдвойне смешно. Через несколько лет я совершенно неожиданно встретился с Корчным в Москве. Был на Красной площади, захожу в ГУМ, и там слышу громкий женский голос:

— Витя, надо быть круглым дураком, чтобы мальчику купить красные ботинки!

Думаю, что же это за Витя, прохожу в этот зал и вижу: Бог мой, это же Корчной!

Его узнали — великий гроссмейстер, вокруг толпа его почитателей, просят автограф, а жена его в это время отчитывает как какого-нибудь бомжа. Витя стоит, молчит.

Она ему:

— Чего молчишь! Иди сдавай! Бери черные!

Он:

— Черные не возьму! Черный цвет не люблю!

— Мало что ты любишь или не любишь! Ты люби жену свою!

На Кубе шахматисты оставили очень приятное впечатление. Во-первых, это была еще советская школа. Они были бесспорной элитой, хорошо обеспечены. У Корчного еще не было противостояния с Карповым. Он был одной из центральных фигур в нашей шахматной сборной. У него не было никакой критики в адрес общества, государства, он был нормальный советский человек. Видимо, чисто человеческие качества повлияли потом на его решение об эмиграции.

С успехом прошла и шахматная Олимпиада. На нее приехал Роберт Фишер, и это был выдающийся поступок с его стороны. Он так деликатно себя вел, был таким общительным, уважительным по отношению к кубинцам. В нем абсолютно не было никакого антикоммунистического снобизма, который постоянно присутствовал и присутствует у многих граждан США.

— Говорят, что он был какой-то «не совсем нормальный»...

— Ничего подобного! В нормальной обстановке он был абсолютно нормальным, дружелюбным. Где бы он ни был, я удивлялся — у него была такая обаятельная, скромная улыбка. Он все выслушает, потом улыбнется, скажет: Да, я очень рад, что встретился с Вами.

Фишер, конечно, уникальная фигура. Я его видел несколько раз, пообщаться лично не пришлось, потому что, во-первых, к нему не пускали. За этим очень следила охрана. Боялись, как бы чего не случилось, чтобы Фишер не пострадал. Но по всем интервью, кадрам кинохроники было видно, что вел он себя потрясающе. С моей точки зрения, у него было только одно нескромное заявление. Когда его спросили: Как бы Вы сыграли против сборной Советского Союза? Он ответил: Да я бы «на ноль» обыграл всех!

Потом оказалось, что, несмотря на ряд проигранных и сведенных вничью матчей, он действительно выступил неплохо.

Но еще до начала турнира возникла интересная идея. На турнир приехали наши шахматисты, и среди них был гроссмейстер Александр Зайцев с Дальнего Востока. У нас было два Зайце-

ва — один подмосковный, из Раменского, а другой с Дальнего Востока. И Фишеру предложили сыграть тренировочный матч с А. Зайцевым.

— Прежде чем Вы будете играть с Талем, другими нашими великими шахматистами, сыграйте с Зайцевым тренировочный матч.

Фишер согласился. Начали играть, и что-то у Фишера не пошло, проиграл несколько партий и отказался продолжать эту «тренировку».

— Значит, Зайцев был очень хорошим шахматистом?

— Зайцев был блестящим шахматистом. Он, когда в Москву с Дальнего Востока приехал, всех обыграл, а его тогда никто не знал».

Были незабываемые встречи с Фиделем Кастро, Э. Че Геварой, другими выдающимися деятелями кубинской революции, которые остались навсегда в памяти Е.А. Ларина. Была также напряженная работа в библиотеках, архивах, которая затем воплотилась в кандидатскую диссертацию «Роль Повстанческой армии в Кубинской революции», которую он защитил в 1972 г. и опубликовал в издательстве «Наука» в 1977 году. Впервые в советской историографии Е.А. Ларин ввел в научный оборот огромное количество архивных источников, документов, материалов, чтобы показать все сложнейшие перипетии борьбы на Кубе во второй половине 50-х годов, превращение маленького партизанского отряда в мощную Повстанческую армию, одержавшую триумфальную победу в январе 1959 г. «Весь ход Кубинской революции, — пишет автор, — подтвердил правильность курса на вооруженную борьбу, взятого Ф. Кастро и его сторонниками 26 июля 1953 г.; партизанская война, начатая в Сьерра-Маэстре, привела в движение народные массы, способствовала их мобилизации на борьбу против диктатуры, до предела обострила противоречия военно-политического режима». Ф. Кастро, характеризуя обстоятельства, способствовавшие успешному ходу борьбы, начатой им и его товарищами, писал: «Нам благоприятствовало, во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики, и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа руководителей — проводники консервативных или нерадикальных идей»¹.

¹ Ларин Е.А. Повстанческая армия в Кубинской революции. М.: Наука, 1977. С. 265.

В книге прослеживаются все основные политические и военные аспекты борьбы, начиная с Монкады и «Движения 26 июля» до победы революции. Кубинская революция, убедительно доказывает автор, носила глубоко народный характер. Ее основными движущими силами были рабочий класс, крестьянство, средние городские слои, прогрессивная интеллигенция. «Сила Повстанческой армии определялась прежде всего тем, что она представляла собой вооруженный народ».

Кроме партизанской войны, победе революции, пишет Е.А. Ларин, способствовали и другие формы борьбы: забастовки рабочих, народные протесты против репрессий, студенческие манифестации, движение крестьян против сгона с занимаемых земель, саботаж на фабриках, заводах и сахарных центрах, бойкот выборов. На протяжении революции на повестке дня постоянно был лозунг всеобщей забастовки, что заставляло правительство Батисты держать в боевой готовности войска в городах. Революционная борьба в городах явилась своеобразным щитом, прикрывшим Сьерра-Маэстру и не позволившим диктатору нанести партизанам сокрушающий удар. Революция на Кубе развивалась на основе национально-освободительных традиций кубинского народа и в то же время испытала большое влияние марксизма-ленинизма. «Без блестящей революционной деятельности Хосе Марти, — приводит автор слова Ф. Кастро, — без вдохновляющего примера и бессмертных дел Сеспедеса, Аграмонте, Гомеса, Масео и других легендарных героев прошлых сражений, без величайшего научного учения Маркса и Энгельса, без гениального Ленина и его подвига, не имеющего себе равных за всю историю, не могло быть и 26-го Июля...».

Интересны выводы Че Гевары о кубинской революции, приведенные в книге. Безусловно, на первое место Че Гевара ставит выдающийся талант руководителя, стратега и тактика революционной борьбы Фиделя Кастро. Другой особенностью кубинской революции, по мнению Э. Че Гевары, было то, что «американский империализм был дезориентирован и не мог определить истинные цели Кубинской революции». Говоря об отношении американских правящих кругов к повстанцам, Че Гевара отмечал: «До победы революции нас подозревали, но не боялись».

«Фидель очень часто рисковал своей жизнью. Но был убежден, что никто не посмеет поднять на него руку. Фактически его могли расстрелять после штурма Монкады. Ведь план был такой: в случае неудачного исхода всем надо отступать в Сьерра-Маэстру. В городе не оставаться ни в коем случае, выбираться в горы, а там объединиться. Действительно, штурм оказался неудачным. Какой-то солдатик вышел по нужде и заметил чужих

людей, поднял тревогу. Все случайно. Но тем не менее 80 человек погибло. И Фидель тоже отступал в Сьерра-Маэстру, и был один. И когда оказался в Сьерра-Маэстре, то сказала напряженность этих дней и ночей, и он захотел спать. Нашел укромное место, заснул. И на него набрел наряд, который искал беглецов — участников штурма Монкады. Ефрейтор Сария, как и другие военные, получил указание задерживать всех подозрительных лиц и везти их в ближайшую воинскую часть. Он увидел Фиделя, разбудил его. Тот говорит:

— Я Фидель Кастро.

Сария:

— Я должен вас арестовать.

— А что дальше?

— Я должен привезти вас в воинскую часть.

— А там меня расстреляют?

— Скорее всего да.

— Ну и зачем тебе везти меня туда? Есть в этом какой-то смысл?

— Да особого смысла я не вижу.

— Ну тогда давай так: ты пойдешь своей дорогой, а я своей.

И ты меня не видел. Согласен?

— Да.

Так Фидель избежал расстрела. Потом, после революции Сарию нашли, конечно, отблагодарили. Видимо судьба его берегла. Ведь на него было более шестисот покушений. Да и не столько судьба берегла, сколько ум. У него было потрясающее чутье на опасность, уникальное предвидение.

Он всю революцию просчитал до самых мелочей. Американцев обвел вокруг пальца тем, что в июле 1957 г. в Сьерра-Маэстре устроил встречу с ведущими политиками Кубы, всеми — левыми, правыми, буржуями и не-буржуями. Неважно, главное, чтобы занимали высокое место в политической иерархии, чтобы их знал народ, а также была известность за рубежом, прежде всего в США. И все приехали. И он говорит: «Вот теперь мы будем выбирать правительство, которое будет после победы революции. Наша победа неизбежна, и нам сейчас надо подумать о президенте и премьер-министре. Я предлагаю президентом Мануэля Уррутия, премьером Хосе Миро Кардону».

И предложил кандидатуры, которые были хорошо известны американцам. Уррутия был известным адвокатом, который за-

щищал на суде пленных участников революционного Движения 26 июля и заявил, что эти молодые люди имели полное право с оружием в руках защищать кубинскую конституцию. И Фидель на заседании 1957 г. сказал: Такие адвокаты — честнейшие люди нашего времени. И именно они должны возглавлять правительство.

А Миро Кардона был военным атташе в батистовском посольстве в США. Конечно, Кардона был врагом до мозга костей. Но Фидель сумел его привлечь к участию в революции! И даже назначил ответственным в Движении 26 июля за борьбу в городах. И я думаю, что все это было сделано специально, чтобы американцы особенно не беспокоились о том, что после революции пострадают их интересы на Кубе. И все пробуржуазно и проамерикански настроенные кубинцы подумали: «Это хорошо, это именно то, что нам нужно! И Уррутия в общем-то свой человек, а Миро Кардона — тем более».

ЦРУ и госдеп США клюнули на это, им очень понравился выбор Фиделя. И когда на следующий день после революции, 2 января президент США Эйзенхауэр попросил представить ему аналитическую записку ЦРУ о положении на Кубе, там было написано, что новым президентом Кубы будет М. Уррутия, премьером Миро Кардона, и эти люди очень лояльно настроены по отношению к США. Эйзенхауэр дал команду: «Как можно скорее признавайте это правительство, пока нас не опередили русские!» В результате они признали 8 января, а мы через день, 10-го.

Ясно, что какой премьер, такое будет и правительство. В это правительство попал только один революционер, Фаустино Перес, который стал министром мелиорации. И министр культуры.

Фидель — только главнокомандующий повстанческой армией. И у революционеров среди СМИ только газета «Революсьон», которая каждый день печатает статьи: «Да, революция победила. А что сделано из того, что планировалось, намечалось в качестве революционных реформ? Ничего абсолютно!» Конкретно ни на кого не указывали, просто констатировали: «К сожалению пока революция пока не приносит своих плодов».

И так было до 16 февраля. Газета точила, точила... Наконец Миро Кардона написал в газетах открытое письмо: «Фидель, друг, я благодарю тебя за доверие. Скажу тебе искренне, что творцом революции являешься ты. Ты совершил эту революцию, тебе и надо руководить. Ты это заслужил, ты этого добился».

В этот же день в вечерней газете: «Миро, друг. Я согласен. Ты, конечно, много сделал. Благодаря твоему мужеству, находчивости гражданское сопротивление в городах было на высоте, это твоя заслуга. Да и во главе правительства в самое трудное время ты тоже сделал очень много, не дал реставрировать режим. Огромное тебе спасибо».

Расстались друзьями. А потом стали врагами. Кордона уехал в Майями, там эта шайка сделала его лидером. В операции в Заливе Свиной, в других операциях ЦРУ он активно участвовал. Встречался с Кеннеди. Более того, в высадке в Заливе Свены контрреволюционная «Бригада 2506» вся оказалась в плену. Но за 52 млн. долларов ее продали обратно американцам. Когда начались переговоры с американцами после бесславного поражения при высадке, Фидель сказал:

— Зачем они нам нужны? Нам сейчас нужны деньги. Давайте продадим их за 52 миллиона. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Американцы заплатили, и всю эту бригаду отправили обратно вместе с ее знаменем. Их лидеров в 1962 г. пригласил Кеннеди, и они поехали в Белый дом с этим знаменем. Он сказал:

— Как хорошо, что вы сохранили это знамя. Я думаю, что в самое ближайшее время оно будет развеяться над президентским дворцом в Гаване. Там был и Миро Кардона.

А Уррутия в июле 1959 г. ушел со своего поста и не стал ввязываться ни в какие комбинации. Поэтому Фидель это супергений в политике. Да и если брать 1991 г. Тогда беспартийный Горбачев решил покончить и с кубинским социализмом. Ни гроша, ни копейки для Кубы. У страны остался только сахар, от которого мы отказались. Сахар у Кубы купила Украина, потом продала его Ирану, и мы этот же сахар купили у Ирана, но уже за четверную цену! И Фидель в этих чрезвычайных условиях нашел выход из положения, привлек иностранный капитал. И среди инвесторов даже началась драчка за выход на кубинский рынок: кто кого опередит. Сейчас там среди иностранных инвесторов на первом месте Канада, потом Франция, Испания, Китай.

В Китае там даже в партийных документах отмечено, что Куба является самым любимым местом отдыха китайцев. Они инвестируют туда большие деньги. Сейчас 3,5 млн туристов в год — это для Кубы уже хорошо. Это большие валютные поступления».

После книги «Повстанческая армия в Кубинской революции» Е.А. Лариным было опубликовано множество книг и статей, глав в коллективных трудах, эссе, посвященных истории Кубы, Эквадора, Доминиканской республики, Перу, английским, французским и голландским колониям Карибского бассейна, истории завоевания Нового Света и религиям доколумбовой Америки.

Среди них монографии «Куба конца XVIII – первой трети XIX в.», М., 1989 (докторская диссертация Е.А. Ларина); «História da América Latina», М., 1990 (в соавторстве); «История и культура Латинской Америки» (в соавторстве), М., 2005; «Латиноамериканская цивилизация», М., 2007; «Политическая история Кубы XX века», М., 2007; «Плеяда Освободителей Латинской Америки», М., 2010; «Пираты и мореплаватели», М., 2014; «Латиноамериканский авангард», М., 2015.

С 1987 г. Е.А. Ларин возглавляет Центр латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН. Он разработал концепцию пятитомного фундаментального исследования «История Латинской Америки», стал автором центральных глав и ответственным редактором труда. Поистине уникальным вкладом в историческую науку стал вышедший под его редакцией труд «История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков» (М., 2010). Его перу принадлежат главы и разделы, посвященные Х. Колумбу, испанским, итальянским и индейским хронистам XVI–XVII вв., историографии Мексики, Кубы, Эквадора, германской латиноамериканистике XIX в., деятельности в этой сфере Гумбольдта и оценкам Гегеля, жизни и борьбе С. Боливара, формированию представлений о Новом Свете в России в XVI–XIX вв.

Также под его редакцией вышли коллективные труды «Война за независимость Латинской Америки» (автор центральных глав и ответственный редактор), «Политическая история стран Латинской Америки в XIX в.». Во всех этих изданиях Е.А. Ларин участвовал и как автор главных, концептуальных разделов, так и глав по истории Кубы, Эквадора, Доминиканской республики, других стран. Кроме того, Е.А. Ларин написал многочисленные статьи в Большой Российской энциклопедии и Исторической энциклопедии. Был членом ВАКа с 1996 по 2007 г. Вел большую педагогическую работу, с 1981 г. был профессором кафедры всеобщей истории РУДН, профессором ГАУГН, вырастил целую плеяду своих учеников, молодых латиноамериканистов. Что немало важно, опубликовал две книги собственных стихов!

Несмотря на постоянное расширение исторического горизонта, написание фундаментальных, обобщающих трудов по Латинской Аме-

рике, у Е.А. Ларина на всю жизнь осталось особое, в высшей степени уважительное отношение к лидеру Кубинской революции, с которым ему довелось встретиться после долгого перерыва в 2005 г.

«Моя последняя встреча с Фиделем произошла в 2005 г. в Гаване на представительном международном форуме «Диалог цивилизаций». Все ждали президента Кубы и были убеждены, что Фидель не может не выступить на форуме с таким названием. Когда мы приехали во Дворец Революции, в лучшем зале, самом большом и красивом, в половине четвертого появился президиум, в центре которого была главная фигура Фиделя. Конечно, его очень тепло встретили. И вообще, он пользовался большой симпатией, и в разговорах, когда мы общались с иностранными делегациями, все говорили:

— Какой Фидель мудрый, какой он талантливый, какой прямой человек. Всегда называет все своими именами, великолепно ориентируется во всех проблемах — экономических, политических, религиозных, эстетических.

Необходимо отметить его уникальную эрудицию. Вот, например, Фидель говорит:

— Купил несколько книг.

Перечисляет их.

— Но в душе я хотел бы иметь все книги мира. По философии, истории, литературе. И прочитать их все.

В общем, действительно, такой человек и должен был делать главный доклад на форуме, посвященном «диалогу цивилизаций». Он начал медленно, неторопливо, как это он всегда делал. Затем в нем проявился мощный духовный порыв, и он пошел рассказывать обо всех цивилизациях, начиная с Междуречья между Тигром и Евфратом. Очень остроумно шутил по поводу того, что мы их назвали «цивилизациями», а они пожирают и уничтожают друг друга, а потом предлагают нам вести себя «цивилизованно», «цивильно» одеваться и «цивилизованно» решать проблемы. И когда вспоминаешь всю эту историю, кажется, что может быть лучше мы бы не знали об этих цивилизациях. Конечно, какие-то позитивные моменты безусловно были, но в конце концов цивилизации пожирали самих себя. И это оставило огромный неприятный след в истории, в целом на фоне положительных идей и задумок человечества создать какую-то цивилизацию, решить какие-то сложнейшие вопросы в области культуры, религии, политики, экономики, в быту.

Вот вроде бы цивилизация должна распоряжаться как какая-то верховная инстанция, уполномоченная какими-то мощными верховными силами, верховным разумом, а она оказывается в конце концов какой-то обычной политической игрой.

Такого рода речь была встречена очень позитивно, аплодировали, задавали много вопросов. Фидель начал доклад в полчетвертого, а закончил около восьми. Потом сказал: «А теперь я готов ответить на все ваши вопросы».

— Как на все?

— Да, абсолютно на все ваши вопросы.

Забеспокоился президиум. Вел собрание бывший гендиректор РЖД Якунин. Вопросов было очень много.

Я очень хотел задать Фиделю вопрос, и Якунин, видимо заметив мою руку и предоставил мне такую возможность. Мой вопрос звучал так: Команданте, вы уже давно находитесь в постоянной сверхсложной борьбе, на грани риска. Какой, на ваш взгляд, был самый трудный период в этой борьбе?

И он задумался на некоторое время. А надо сказать, до этого он отвечал на все вопросы быстро, мгновенно, не задумываясь. А тут задумался, потрепал характерным жестом свою бородку, постучал по микрофону, поправил его, и потом говорит:

— Сегодняшний день и твой вопрос!

Зал восторженно аплодировал Фиделю.

Он очень долго отвечал на вопросы. Рядом со мной сидели девушки, видимо из кубинской правительственной команды, или из какой-то общественной организации. Но по их разговору я почувствовал, что они всех знают, обсуждают какие-то государственные проблемы. Я решил с ними поговорить и начал с вопроса:

— Не кажется ли вам, что Фидель уже устал?

Они возмутились: Как устал?! Фидель не может устать! Вы знаете, что у него еще сегодня после этого форума заседание совета министров и потом встреча с кубинской молодежью, с комсомольцами!

И действительно, пока он отвечал, уже пошел десятый час, и здесь включился Якунин — как председательствующий он заявил:

— Уважаемые коллеги, я обращаюсь ко всем вам. В нашей стране есть Трудовой кодекс, где четко ограничены часы работы. Фидель Кастро с нами работает уже непрерывно пять с половиной часов, и давайте мы сделаем доброе дело. Поблуда-

рим его и пожелаем ему доброго здоровья и дальнейших успехов в выполнении той высочайшей миссии, которую он уже долгие годы реализует.

Естественно, все поддержали, заплодировали. Якунин заявил об успешном завершении работы форума «Диалог цивилизаций». Пошли на выход, а так как я сидел недалеко от президиума, мы тоже встали и пошли. Появился Серго Микоян, сын А.И. Микояна:

— Привет!

— Привет!

Тепло поздоровались, поговорили. Вдруг Фидель, заметив Микояна, зовет:

— Микоян, Микоян!

Подошел к нам, поздоровался с Микояном и со мной:

— Ну, как вы?

Мы:

— Все нормально, отлично! Спасибо за блестящее выступление!

Обменялись несколькими фразами, но надо было отпускать его, потому что Фидель — человек деликатный, мог с нами проговорить еще сколько угодно. Поэтому пожали друг другу руки и разошлись.

Хотелось бы отметить, что и первый, и второй раз, когда я с ним встречался, я почувствовал при рукопожатии его мощную руку — руку атлета, тренированного, уверенного в себе человека.

Тем неожиданнее оказалась его последующая болезнь. Потому что тогда он выступал как абсолютно здоровый человек — и интеллектуально, и физически, и психологически, и никаких проблем у него не было. И кубинские девушки, сидевшие рядом на форуме, подтвердили, что Фидель никогда не устает. И потом вдруг эта болезнь. Это было странно, неожиданно, причем болезнь настолько серьезная, что он был вынужден оставить все должности. Ну и потом мы видели уже Фиделя по телевидению, как болезнь потрепала его, как ему пришлось тяжело; в 2005 г. запомнилось его совершенно блестящее соло — этот доклад, эти ответы на вопросы. Это было великолепно! Похоже на Фиделя начала 60-х годов, когда я его видел и слышал, и это было последнее его мощное выступление. Да и аудитория была мощная, представительная. И он блеснул своей эрудицией, своим потрясающим кругозором. Это было просто незабываемо».

На мой взгляд, это выступление сыграло свою позитивную роль в том, что Е.А. Ларин взялся за тему «Латиноамериканская цивилизация» и опубликовал свой капитальный труд в 2007 г. В нем он глубоко исследует само понятие цивилизации, впервые введенное в трактате маркиза де Мирабо «Дух законов» (1757). Рассматривает развитие концепции в трудах Ф. Энгельса, Л. Моргана, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, А. Уайтхеда, Н. Элиаса, Э. Бэгбн, русского философа и востоковеда Б.С. Ерасова. Приходит к выводу, что все основные характеристики в трудах классиков присущи и латиноамериканской цивилизации. Вместе с тем она имеет и целый ряд специфических особенностей.

Индийский мир, пишет Е.А. Ларин, преуспел в производстве тканей и керамики, обработке камня, резьбе по золоту и меди, монументальной скульптуре и архитектуре майя, имел отдельные достижения в медицине и некоторые поразительные научные озарения и открытия. Тем не менее было очевидным его огромное отставание от западной (европейской) цивилизации в «технологичности» орудий труда, в средствах мореплавания и военном вооружении.

В сравнении с «классическими» цивилизациями, в ацтекской империи также было рабовладение, но суть его значительно отличалась от европейских аналогов. В отличие от абсолютно бесправных рабов в Европе рабы ацтеков имели реальные возможности изменить свою жизнь к лучшему. Нередко они являлись надсмотрщиками, управляющими поместий; законы позволяли им покупать землю и заводить собственных рабов.

Генезис любой цивилизации классики связывают с деятельностью «творческого меньшинства», способного сплотить «пассивное большинство» и принять тот или иной вызов. В доколумбовой Америке эту роль выполняли жрецы, что лишний раз подчеркивает определяющую роль религиозного фактора в повседневной жизни индейцев.

Основные ценности мировых религий и религиозных верований доколумбовой Америки, пишет Е.А. Ларин, в значительной мере не совпадали. Важнейший принцип духовной жизни — религиозное спасение также существенно различался. Убежденность индейца в том, что жизнь постоянно находит живительные силы в смерти, делала его абсолютно равнодушным к боли, страданию и возвышала в момент жертвоприношения людей. Смерть, несмотря на высокую степень ее сакрализации, навевала, скорее, минорные тона. Не отсюда ли типичные для основной массы индейцев черты характера: покорность, меланхолия, грусть? Думается, делает вывод автор, что цивилизации майя, ацтеков, инков и чибча–муисков подтвердили правоту принципиально важных выводов

о том, что цивилизации отличаются прежде всего своей неповторимой духовностью. При столкновении двух миров испанцы противопоставили святой наивности индейцев алчность, высокомерие и полное пренебрежение к моральным нормам и традициям аборигенов.

Новая фаза латиноамериканской цивилизации началась с конкисты. Индейцев силой заставили отказаться от своего прошлого. Начался трехвековой процесс обновления всех цивилизационных основ и прежде всего веры, властных структур, социально-экономических отношений, культурной и технологической составляющих. Европейцы прибывали в Новый Свет с чувством несомненного превосходства, глубокой убежденностью, что им должно быть там подвластно абсолютно все. Некое «историческое замешательство» индейских народов, в силу философии катастрофизма морально готовых к любым, даже более масштабным катаклизмам, весьма эффективно использовала испанская корона. Множество властных структур индейского мира — касики, советы касиков, короли и императоры — были заменены единой централизованной имперской властью, обеспечившей Испании, а впоследствии и другим европейским державам, контроль в производстве и потреблении. В значительной мере уничтожалась цивилизационная основа наиболее высокоразвитых обществ доколумбовой Америки. Формирование нового витка латиноамериканской цивилизации (конец XV – начало XIX в.) имело ряд специфических черт. Прежде всего была нарушена преемственность — одна из базовых характеристик развития любой цивилизации. В корне изменилась ее этническая составляющая за счет приехавших в Новый Свет миллионов европейцев и десятков миллионов насильственно завезенных африканских рабов. Это обстоятельство в свою очередь радикальным образом повлияло на характер культуры, социальной психологии, поведения, эмоций и веры, на производственные отношения.

ГИБЕЛЬ МЕХИКО В ТЛАТЕЛОЛКО²

Плачьте, друзья мои,
и поймите, наконец, что в этих событиях
мы потеряли себя.
Испортилась вода, испортилась еда —
вот что сделал Даритель жизни
в Тлателолко.

² О событиях 1521 г., завершившихся пленением и расправой над последними непокоренными жителями города. Перевод Е.А. Ларина.

«СЛОВО ПРОТИВ 12 МИССИОНЕРОВ-ФРАНЦИСКАНЦЕВ,
ПОСЛАННЫХ ПАПОЙ АДРИАНОМ VI В 1524 ГОДУ»³

А что же нам еще ждать?
Вы позвольте нам умереть,
позвольте нам исчезнуть,
Ведь наши Боги уже мертвы.

Тем не менее, сложившаяся к концу XVIII в. на Американском континенте новая историческая общность, «смоделированная» прежде всего Испанией и Португалией, а в определенной степени и Англией, Францией и Голландией, оказалась совсем не похожей на европейскую. Латиноамериканская цивилизация, приводит автор мнение С. Хантингтона, ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке и значимость которых меняется от Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии, с одной стороны, до Аргентины и Чили, с другой.

Культура, как никакая другая сфера общественного бытия, подверглась влиянию цивилизационного синтеза, определившего ее эволюцию и сегодняшнее состояние. Выдающийся мексиканский философ Леопольдо Сеа делает закономерный вывод: «...все истинно наше, американское, как роднит нас с Европой, так и не позволяет нам быть европейцами». И действительно, считает Е.А. Ларин, «сложившееся за пять последних веков латиноамериканское общество обрело и свой образ жизни, и свои духовные, и культурные ценности, и свою собственную историко-культурную «самость». Своеобразие всего латиноамериканского настолько очевидно и впечатляюще, что другой известный мексиканский философ XX в. Хосе Васконселос в 1925 г. даже предложил миру концепцию пятой «космической» расы — расы, которая сформировалась в Латинской Америке и будет определять будущее человечества. Фольклор индейцев на языке науатль: *Tlalticpac, Toquichtin tiez!*⁴

³ Перевод Е.А. Ларина.

⁴ «Земля будет такой, Какими будут люди!»

*В.П. Казаков**

V.P. Kazakov

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРГЕНТИНЕ

(В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

THE SOCIALIST MOVEMENT IN ARGENTINA

(AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE
XX CENTURIES)

Аннотация: В статье рассматривается возникновение социалистической партии: ее истоки, развитие в период олигархического режима и деятельности в годы демократии. Особое внимание уделяется теории и стратегии; пропаганде социалистической партии как либеральной модернизации, так и социалистических преобразований; роли лидера партии Х.Б. Хусто, который выступал за парламентский путь к социализму. Большой интерес представляет изучение связей и влияния социалистической партии в рабочем движении, особенно в свете ее соперничества с анархистами и синдикалистами; ее требование аграрной реформы путем ликвидации латифундизма. Идеино политические аспекты социалистического движения рассматриваются в контексте социально–экономического развития страны.

Ключевые слова: социалистическая партия, Х.Б. Хусто, анархизм, синдикализм, марксизм, аграрный вопрос, эволюция, реформа.

Abstract: This article examines the formation of the Socialist party of Argentina: its origins, its expansion during oligarchical governments and participation in an era of democratic rule. Special attention is paid

* *Владимир Петрович Казаков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Vladimir P. Kazakov* — Institute of World History).

to the theory and strategy that flowed from it; the party's advocacy of both the modernization (in liberal terms) and transformation (in Socialist terms) of the country; the role of the party's leader Juan B. Justo, who championed a parliamentary road to socialism. Of major concern have been the party's contacts and influence with organized labour particularly in the light of Socialist competition with anarchists and syndicalists for the political allegiance of the working class; its demand for agrarian reform by liquidation of large land holding (*latifundia*). Although this study is basically a political and ideological it includes material on social and economic development in the republic.

Keywords: socialist party, Justo, anarchism, syndicalism, marxism, agrarian problem, evolution, reform.

Восторжествовавший после войны за независимость тип капиталистической эволюции обусловил особенности развития промышленности, которая являлась дополнением агроэкспортной экономики и концентрировалась прежде всего в Буэнос-Айресе и других прибрежных городах. По переписи 1853 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось 746 мастерских, 206 «фабрик». На всех «фабриках» было занято около 2 тыс работников¹. Эти «фабрики» объединяло то, что все они, в отличие от мастерской ремесленника, в которой работали сам хозяин и ученики, были местом коллективного труда, где несколько человек трудились под руководством хозяина и для него. На «фабриках» существовала эксплуатация чужого труда и система заработной платы. В то же время хозяин и работник в социальном отношении все ещё стояли близко друг к другу. Наем нескольких рабочих, как правило, не освобождал хозяина от личного участия в производстве. С точки зрения политэкономии эти «фабрики» представляли собой мелкотоварные мастерские.

До 1870-х годов, по свидетельству авторов третьего национального ценса, аргентинской промышленности практически не существовало. И лишь начиная с этого рубежа, особенно после 1880 г. она могла приниматься в расчет при статистических подсчетах². Сдвиги наметились в десятилетие, предшествовавшее второму национальному цензу 1895 г. Массовая европейская иммиграция, расширение площади обрабатываемой земли и рост железнодорожной сети положили начало промышленному развитию Аргентины и складыванию внутреннего рынка для про-

¹ *Dorfman A.* Historia de la industria argentina. Buenos Aires, 1970. P. 73.

² República Argentina. Comisión nacional. Tercer censo nacional levantado el 1 de junio de 1914. T. I-X. Buenos Aires, 1916–1919. T, VII. P. 19.

мышленности. В 1895 г. в стране было около 23 тыс промышленных предприятий, из которых 80% принадлежало иммигрантам, и 170 тыс рабочих, среди которых доля иммигрантов была ниже — 60%³.

В целом промышленное развитие страны только начиналось и ограничивалось в основном отраслями по переработке сельскохозяйственной продукции — мясной, мукомольной, сахарной, винной, пивной. В отличие от западных стран, где огромную роль в промышленном становлении сыграла текстильная промышленность, в Аргентине последняя практически не развивалась во второй половине XIX в. На смену домашнему ткачеству в Интериоре пришёл импорт английского текстиля, а не развитие собственной текстильной промышленности.

В 1895 г. в промышленности использовались 3553 паровые машины мощностью 59819 л.с.⁴. Но даже в наиболее развитой отрасли — пищевой — переход к фабричному производству не был еще завершен. Преобладали мелкотоварные мастерские, на которые приходилось 67% всех предприятий и 59% рабочих⁵. Ко времени проведения третьего национального ценса положение качественно не изменилось. В стране в 1913 г. действовало 48,7 тыс. предприятий с капиталом в 1788 млн песо, числом занятых в 410 тыс человек, мощностью в 788 тыс. л.с. и 1875 млн песо произведенной продукции. В отраслевой структуре продолжала преобладать пищевая промышленность: треть предприятий и занятых, половина вложенного капитала и произведенной продукции и четверть мощностей⁶. Хотя также существовали крупные фабрики обрабатывающей промышленности, они тонули в океане мелких предприятий и кустарных мастерских. На последние приходилась половина всех предприятий, треть занятых, четверть капитала и около пятой части произведенной продукции⁷. В стране полностью отсутствовала тяжелая и горнорудная промышленность, а действовавшие предприятия работали на привозном английском угле. Ко времени первой мировой войны Аргентина ввозила более половины промышленных товаров конечного спроса⁸.

³ Segundo censo de la República Argentina. Mayo 10 de 1895. Vol. I-III. Buenos Aires, 1898. Vol. III. P. XLII.

⁴ Segundo censo. Vol. III. P. CLXXV.

⁵ Ortiz R.M. Historia económica de la Argentina. 1850–1930. Vol. 1-2. Buenos Aires, 1955. Vol. 1. P. 213.

⁶ Tercer censo. T. VII. P. 34, 40.

⁷ Подсчитано по: Tercer censo. T. VII. P. 35-36.

⁸ Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina. El desarrollo económico de la Argentina. México, 1959. P. 21, 159.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

По мере развития промышленности формировался и рос пролетариат. Ряды рабочего класса пополнялись в основном европейскими иммигрантами, которые и положили начало рабочему движению в стране. Первоначально созданные организации трудящихся представляли собой общества взаимопомощи.

Первой организацией подобного рода стало создание в 1857 г. Общества типографских рабочих Буэнос-Айреса. Общество ставило перед собой цель «оказывать помощь тем, кто в ней нуждается», «помогать больным и нетрудоспособным членам организации», а также следить, чтобы «рабочим выплачивали заработную плату, необходимую для их существования и в соответствии с их трудом и знаниями»⁹. Вслед за обществом типографских рабочих Буэнос-Айреса в 1860-е годы создаются общества сапожников, рабочих-поденщиков, ремесленников. Все эти общества носили мютюэлистский характер и по классовому составу не были чисто рабочими. Часто в них вступали и хозяева мелких предприятий, ремесленники, представители интеллигенции. Последние, как правило, формулировали рабочие требования, выступали пропагандистами идей социального освобождения.

Эти идеи были достаточно эклектичны, а их пропагандисты нередко меняли свои политические убеждения. Характерен в этом отношении пример испанского иммигранта каталонца В. Виктории-Суареса, который со страниц издаваемой им в 1863 г. первой рабочей газеты «Эль Артесано» пропагандировал идеи утопического социализма, анархизма, кооперации, выступал за включение в аргентинскую конституцию положения о социальных правах трудящихся, но очень скоро стал активным деятелем созданного в 1866 г. объединения аргентинских скотоводов Сельского общества. Впоследствии он издавал главный орган аргентинского масонства «Revista masónica americana»¹⁰.

На новую ступень — создание собственно профсоюзных объединений — рабочее движение поднялось под влиянием членов I Интернационала, которые в 1872 г. организовали в Буэнос-Айресе три секции: французскую, итальянскую и испанскую¹¹.

⁹ *Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978. С. 39-40; *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. Córdoba, 1970. P. 26.

¹⁰ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 36-37.

¹¹ Подробнее см.: *Ермолаев В.И.* Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М.: Мысль, 1982. С. 63-67.

В 1878 г. состоялась первая забастовка аргентинских рабочих. Стачка была проведена типографскими рабочими Буэнос-Айреса, создавшими с этой целью первый профсоюз — «Союз типографских рабочих Буэнос-Айреса». Профсоюз издавал газету и объединял 1 тыс рабочих. В его работе активное участие принимали интернационалисты, под влиянием которых были сформулированы следующие требования бастующих: установление нормированного рабочего дня, повышение заработной платы и ограничение детского труда. Забастовка длилась месяц и, несмотря на сильное противодействие предпринимателей, окончилась победой рабочих, в результате которой был заключен первый в истории страны коллективный договор: 12-ти часовой рабочий день в летние месяцы и 10-тичасовой в зимние; ликвидация возрастных различий при оплате труда¹². В 1880-е годы состоялось около 50 забастовок, которые постепенно принимали все более организованный характер и проходили под руководством созданных с этой целью профсоюзов. Главными требованиями рабочих были сокращение рабочего дня и повышение заработной платы¹³.

В 1882 г. в Буэнос-Айресе немецкие социал-демократы Г. Лальман, А. Кун и Ф. Вебер, проживавшие в Аргентине, организовали клуб «Форвертс» с целью «содействия в осуществлении принципов и целей социализма в соответствии с программой социал-демократической партии Германии»¹⁴. Клуб стал пропагандистом марксизма и местом проведения рабочих и профсоюзных собраний, на которых разгорелась острая идейная борьба между социалистами и анархистами. Последние находили благоприятную почву в среде рабочих полукустарной промышленности и небезуспешно оспаривали у социалистов руководство молодым рабочим движением.

Само рабочее движение, раздираемое внутренней борьбой между социалистами и анархистами, переживало начальный период своего становления. Многие профсоюзы, созданные для проведения забастовок, распались после их окончания. Объективные условия формирования молодого рабочего класса на мелких полукустарных предприятиях задерживали процесс его идейного роста и классовой организации. За исключением железнодорожников, в стране отсутствовали другие отряды индустриальных рабочих. Несмотря на отсутствие идейно-политического единства и единого руководящего центра, рабочее дви-

¹² *Искаро П.* Рабочее и профсоюзное движение. С. 47-48; *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 49.

¹³ *Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. Buenos Aires, 1973. P. 73.

¹⁴ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 6.

жение усилилось в конце 1880-х годов с первыми симптомами приближающегося экономического кризиса.

Начавшаяся во второй половине 1880-х годов инфляция больше всего ударила по наемным работникам, вызвав падение реальной заработной платы трудящихся. Если в 1885 г. дневной заработок квалифицированного рабочего составлял 1,05 золотых песо, то к 1891 г. он упал до 0,81 золотых песо. Принимая во внимание, что цены на предметы первой необходимости, исчисляемые в золоте, остались на прежнем уровне, а аренда жилья значительно возросла, оказалось, что всего лишь за одно пятилетие реальная зарплата рабочего сократилась наполовину¹⁵. Грабительский характер существовавшей денежной системы, в основе которой лежало два вида песо: золотой и неконвертируемый бумажный, прекрасно распознали представители наиболее сознательного отряда молодого аргентинского пролетариата — железнодорожники. В 1888 г., с появлением первых симптомов кризиса, рабочие Южной железной дороги, принадлежавшей английскому капиталу, объявили забастовку с требованием выплаты зарплаты в золоте. На подавление забастовки была брошена полиция, которая применила оружие, ранив нескольких рабочих¹⁶.

С углублением кризиса правительство олигархии начало проводить политику экономии, которая обрекала на голод и нищету народные массы. В первую очередь власти значительно сократили расходы на общественное строительство. «Начатые постройки, — писал русский поверенный в делах в Аргентине К.А. Богданов, — которые в одном Буэнос-Айресе давали работу до ста тысячам рабочих, останавливаются»¹⁷. В стране, где ощущалась нехватка рабочих рук, началась массовая безработица. Касаясь бедственного положения трудящихся, которые остались без куска хлеба, газета «Эль Насьональ» писала: «С каждым днем сцены нищеты на улицах Буэнос-Айреса принимают все более отвратительные формы. Однако ни власти, ни благотворительные общества не принимают никаких мер»¹⁸.

Начавшийся экономический кризис усилил движение рабочих в защиту своих жизненных интересов. Говоря о составе иммигрантов, приехавших в Аргентину накануне 1890 г., российский консул в Буэнос-

¹⁵ *Panettieri J.* Los trabajadores en tiempos de la inmigración masiva en Argentina 1870–1910. Buenos Aires, 1966. P. 58.

¹⁶ *Puiggrós R.* Antecedentes de la crisis nacional de 1890 // *Cursos y conferencias.* Vol. XVI. Año IX, octubre – noviembre de 1940. P. 2102.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1890. Д. 83. Л. 88.

¹⁸ Цит. по: *LV. La revolución del 90.* Buenos Aires, 1948. P. 62.

Айресе Кристоферсен отмечал, что «иммигранты, прибывающие через Антверпен, принадлежат по большей части к социалистам и стачечникам рудников Шарлеруа и других местностей»¹⁹. Именно пролетарии, прошедшие школу классовой борьбы у себя на родине, встали во главе забастовочной борьбы, которой к началу 1890 г. были охвачены тысячи рабочих. «Забастовка повсюду», — под таким заголовком газеты того времени сообщали о выступлениях рабочих²⁰.

На волне стачечной борьбы рабочие-иммигранты в Аргентине, как и пролетарии других стран мира, впервые отметили в 1890 г. 1 Мая. С этой целью в начале 1890 г. клуб «Форвертс» во исполнение решений Парижского 1889 г. конгресса II Интернационала обратился к рабочим организациям Буэнос-Айреса с предложением провести первомайскую демонстрацию. Для организации празднования Дня трудящихся 1 Мая был образован Интернациональный рабочий комитет. Комитет обратился к рабочим с манифестом, в котором призвал трудящихся не выходить 1 мая на работу и провести митинг.

В первомайском манифесте говорилось: «Современный кризис в стране обострил противоречия и ухудшил положение всех общественных классов, однако, не в такой катастрофической степени, как положение рабочего класса [...] В этих условиях трудящийся народ Аргентины впервые поднимает мощный голос миллионов обездоленных с требованием права рабочих на труд». Манифест заканчивался призывом: «Сплотимся и заявим в один голос о нашем каторжном положении. Пусть станет известно всем, что нас безнаказанно угнетают и эксплуатируют. Люди, отстаивающие свои права, объединимся»²¹.

Манифест обращался к «бедным иммигрантам, лишенным средств к существованию, которые не знают страны и ее языка», и призывал их обратиться к высшей власти в стране, «изложив перед ней и в то же время перед всей нацией, в должной и законной форме наши жалобы и наши требования». «Наш долг, — указывалось в манифесте, — использовать все средства, которые находятся в нашем распоряжении, чтобы конституция республики стала действительностью для нас. Мы требуем прежде всего свободы наших мнений, свободы наших устремлений и свободы пропаганды для улучшения нашего положения и мы требуем тех же гарантий для личности рабочих, как и для любого другого гражданина»²². 1-го Мая многие рабочие и ремесленники столицы

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1890. Д. 83. Л. 88.

²⁰ *Sommi L. V.* La revolución del 90. P. 69.

²¹ Цит. по: *Искаро Р.* Рабочие и профсоюзное движение. С. 67.

²² *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. Buenos Aires, 1934. Т. 1. P. 126.

не вышли на работу. По-существу это была первая всеобщая забастовка столичных трудящихся. В Буэнос-Айресе на площади Прадо Эспаноль состоялся трехтысячный митинг рабочих, на котором был единодушно одобрен Манифест и приняты решения: во-первых, создать в стране Федерацию рабочих; во-вторых, издавать газету для защиты интересов рабочего класса; в-третьих, направить петицию в Национальный конгресс с требованием о принятии закона в защиту рабочего класса²³.

Празднование 1-го Мая прошло также в Ла-Плате, Росарио, Санта-Фе и ряде других городов страны. В нем приняли участие не только рабочие профсоюзы, но и различные организации мютюэлистского и культурно-просветительного характера. В соответствии с решением первомайского митинга развернулась кампания по сбору подписей под петицией в Национальный конгресс. В течение месяца под петицией было собрано 8 тыс подписей и в начале июня она была представлена в палату депутатов. Петиция содержала следующие рабочие требования: 1) 8-часовой рабочий день; 2) запрещение использования труда подростков моложе 14 лет и сокращение рабочего дня до 6 часов для 14-15-летних подростков обоого пола; 3) отмена работы в ночное время, за исключением отраслей с непрерывным циклом; 4) запрещение женского труда на вредных работах; 5) отмена работы в ночное время для женщин и подростков моложе 18 лет; 6) непрерывный 36-часовой еженедельный отдых для всех трудящихся; 7) запрещение работ, орудий производства, опасных для здоровья; 8) запрещение сдельного и аккордного труда; 9) инспектирование мастерских и заводов официальными лицами; 10) санитарная проверка жилищ, контроль над производством и продажей напитков и продовольствия, привлечение к ответственности лиц, занимающихся мошенничеством; 11) обязательное страхование от несчастных случаев; 12) создание судов, состоящих из представителей рабочих и хозяев, для быстрого и бесплатного решения разногласий между ними²⁴.

29 июня 1890 г. Интернациональный рабочий комитет решил создать Рабочую федерацию Аргентины, которая была поддержана организациями плотников, рабочих табачной и обувной промышленности, рабочими немецкой типографии. В дальнейшем к ним присоединились рабочие организации в Росарио, Мендосе и Часкамусе.

Таким образом, ухудшение материального положения трудящихся в результате экономического кризиса обострило выше обычного их

²³ *Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение в Аргентине. С. 67.

²⁴ *Oddone J.* Historia del socialismo argentina. Т. 1. Р. 138-140.

нужду и бедствия. На базе ухудшения экономического положения и социального бесправия рабочих возросла активность пролетариев, которые осознали себя самостоятельной социальной силой, независимой от других общественных классов. До 1890 г. рабочее движение носило в значительной мере спорадический характер, отсутствовали даже попытки придать ему общеклассовую организацию, выработать программу общерабочих требований. В 1890 г. рабочее движение впервые сделало исторический шаг в направлении организации и объединения, подняв знамя забастовочной борьбы и выдвинув широкую программу экономических требований. Это было движение, созданное и руководимое рабочими, с программой чисто рабочих требований.

Обострение, выше обычного, нужды и бедствий рабочего класса и значительное повышение на этой основе его общественной активности позволяет говорить о том, что в середине 1890 г. в Аргентине начал складываться кризис низов. Однако этот процесс был далек от завершения. Значительное повышение активности трудящихся не вышло за рамки выдвижения ими чисто экономических требований. Это была экономическая, а не политическая активность. Борьба трудящихся за свои непосредственные интересы не получила развития и продолжения на политическом уровне.

Вместе с тем рабочие—социалисты, под влиянием которых был написан первомайский манифест, призывали трудящихся бороться за политические свободы. Правда, требования политической свободы так и остались общим призывом, не получившим дальнейшего развития применительно к конкретно-историческим условиям Аргентины 1890 г. В стране было единовластие президента — уникато — и отсутствовали свободные выборы, она управлялась камарильей латифундистов и коммерсантов, тесно связанных с иностранным капиталом, и находилась в полной финансово-экономической зависимости от западноевропейских стран. Рабочий комитет ни слова не сказал об этих главных стоящих перед страной проблемах, о начавшемся демократическом движении оппозиционных групп олигархии и городских средних слоев, незадолго до 1 Мая объединившихся в рядах Гражданского юза. С самого начала демократическое движение и движение пролетариата развивались параллельно, так и не слившись в едином потоке борьбы за установление в Аргентине политической демократии.

В определенной степени такое поведение рабочих объяснялось интернациональным составом пролетариата, преобладанием в нем недавно приехавших иммигрантов, не знакомых с местными условиями и не владевших испанским языком, слабой теоретической подготовкой рабо-

чих кадров, а также влиянием анархизма, отрицавшим необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу. Все это не позволило пролетариату выработать правильную и соответствующую времени стратегию и тактику рабочего движения в условиях назревшей в стране революционной ситуации.

Однако главная причина слабости пролетарского движения крылась в низком уровне общественно-экономического развития Аргентины, в которой едва намечился переход к фабричной промышленности. Собственно пролетариат — продукт крупной машинной индустрии — составлял ничтожно малую часть рабочего класса, в котором решительно преобладали работники ремесленно-мануфактурной промышленности. Он был ещё далек от классового самосознания и организованности фабричных рабочих и окончательно не выделился из рядов городского плебса, политическая ориентация которого не отличалась ни устойчивостью, ни классовой сознательностью.

Незрелость формационных предпосылок компенсировалась цивилизационными особенностями формирования рабочего класса, в появлении которого решающую роль сыграл внешний фактор — европейская иммиграция. Тот факт, что рабочее движение с момента своего зарождения развивалось как филиал западноевропейского, обусловило раннее проникновение в страну идей марксизма и анархизма, существование в ней секций Интернационала тогда, когда спонтанный ход исторического развития ещё не подошёл к этому. С идеологией и организацией рабочего класса произошло то же самое, что и с буржуазным либерализмом в Аргентине, как и в случае с последним, для генезиса рабочего движения было характерно не его спонтанное возникновение на основе общественно-экономического развития страны, а насаждение на слабо подготовленную спонтанным историческим развитием почву уже сложившихся организационных форм и идеологических схем международного рабочего движения.

Сочетание системных факторов повышенной зрелости, с одной стороны, и национальных и стадийных факторов более низкой степени зрелости, с другой, породило особенность аргентинского рабочего движения. Эта особенность заключалась в существовании боевого авангарда, проникнутого идеями классовой борьбы и впитавшего в себя опыт западноевропейского рабочего движения, в общественно-экономической среде, характерной для этапа генезиса капитализма, а не сложившегося в результате промышленного переворота буржуазного общества. К тому же этот авангард не имел корней в национальной почве, он не знал конкретно-исторической специфики страны и поэтому не мог уяв-

зать борьбу рабочих с развёртывающимся общедемократическим движением. В свою очередь имущие классы в условиях недостаточно развитого противоречия между трудом и капиталом и в обстановке экономического и назревающего политического кризиса заняли двойственную позицию по отношению к рабочему движению. Точка зрения демократической интеллигенции на рабочий вопрос нашла отражение в редакционной статье, опубликованной газетой «Эль Насьональ» 4 ноября 1889 г. В статье утверждалось, что «трудящиеся, которые пропагандируют социалистические, анархические или коммунистические идеи, ошибаются. У нас нет социального вопроса, а если и есть, то этот социальный вопрос отличен от европейского». Далее газета ставит вопрос: «Чего не хватает в Европе? Земли для трудящихся. Это как раз то, что у нас имеется в избытке».

В этой же статье «Эль Насьональ» после заявления, что в Аргентине нет социального вопроса и что социалистическая пропаганда не имеет под собой почвы, добавляла: «Этим мы не хотим сказать, что трудящиеся не должны заботиться о своих интересах. Наоборот, наши обычаи не допускают опеки одного класса над другим. Пускай поэтому трудящиеся ищут средство улучшить свое положение, но ищут его без угроз, без войны классов, без всего того мелодраматического аппарата, который до сих пор защищает действия рабочих»²⁵. Однозначно отрицательную позицию по отношению к забастовочной борьбе рабочих занимали сами предприниматели. Промышленный союз считал, что забастовки ведут к «разрушению промышленности» и ратовали за высылку из страны рабочих активистов²⁶.

В свою очередь позиции рабочего класса ослаблялись отсутствием единства в его рядах. Петицию в конгресс подписали как социалисты, так и анархисты. Формально в середине 1890 г. рабочее движение выступало единым фронтом. Однако за кажущимся единством скрывались глубокие разногласия между социалистами и анархистами. Они касались прежде всего отношения к борьбе Гражданского союза с режимом «уникато». Какую позицию по отношению к ней должно занять организованное рабочее движение? Если в официальных документах движения этот вопрос не нашел отражения, то это не значит, что он не обсуждался вовсе. Первыми свою позицию декларировали анархисты и она была резко отрицательной. Незадолго до вооруженного восстания 26 июля орган анархистов газета «Эль Персегидо» писала: «Вы, здешние, думаете, что Алем (лидер Гражданского союза — В.К.) лучше, чем Пеллегри-

²⁵ Цит. по: *Sommi L.V. La revolución del 90. P. 74-75.*

²⁶ *Ratzer J. Los marxistas argentinos del 90. P. 63.*

ни (вице-президент Аргентины. — *В.К.*), а Митре (бывший президент страны. — *В.К.*) лучше Роки (бывший президент. — *В.К.*) и Хуареса (действующий президент. — *В.К.*) и что с приходом радикалов мы все станем миллионерами и полиция ни с кем не станет ссориться [...] Необходимо обескуражить всех этих ослов»²⁷. В отличие от анархистов, группировавшиеся вокруг клуба «Форвертс» и издававшейся им одноименной газеты, социалисты пытались принять участие в политической жизни страны. В октябре 1889 г. редактор газеты Х. Винигер написал статью с критикой правящего режима: «Он располагает лишь поддержкой полицейских агентов»²⁸. За это полиция разгромила типографию газеты и арестовала ее редактора. Первая серьезная попытка соединить научный социализм с начавшимся в Аргентине массовым рабочим движением была предпринята уже после июльских событий 1890 г. в Буэнос-Айресе.

Таким образом, к моменту вооруженного выступления Гражданского союза против правительства президента М. Хуареса Сельмана рабочее движение находилось еще в стадии организации, не имело четкой идейно-политической ориентации, не располагало конкретной программой борьбы, его ряды раздирались острыми противоречиями между анархистами и социалистами. Поэтому рабочий класс как организованная сила не принял участия в развернувшейся вскоре вооруженной борьбе Гражданского союза против олигархического режима. В свою очередь буржуазия враждебно относилась к начавшемуся в стране самостоятельному рабочему движению. Раздававшиеся из рядов оппозиции отдельные сочувствующие рабочим требованиям голоса ничего принципиально не меняли. Гражданский союз искал союзников не слева, а справа, что привело к поражению восстания 26–29 июля 1890 г. в Буэнос-Айресе.

Вместе с тем в среде Гражданского союза накануне восстания предлагалась и иная тактика борьбы. Будущий основатель и бессменный лидер социалистической партии Х.Б. Хусто начинал свою политическую деятельность в рядах Гражданского союза, но очень скоро не согласный с курсом на вооруженное восстание, вышел из него. Хусто считал, что вооруженное восстание с участием армии приведет к развитию в Аргентине милитаризма. Вместо традиционного восстания молодой врач Хусто предлагал новый метод политической борьбы — всеобщую забастовку налогоплательщиков²⁹. Это могло стать важным средством политической мобилизации широких слоев населения. Однако план Хусто не был принят.

²⁷ Цит. по: *Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. P. 105.

²⁸ Цит. по: *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 66.

²⁹ *Cúneo D.* Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956. P. 58.

Июльское восстание 1890 г. и введенное правительством осадное положение на время затормозили наметившуюся тенденцию к организации рабочего движения. Поэтому принятое 29 июля 1890 г. Интернациональным рабочим комитетом решение о создании Рабочей федерации было реализовано лишь полгода спустя. В начале января 1891 года в Буэнос-Айресе состоялось учредительное собрание Рабочей федерации, у истоков которой стояли социалисты, члены группы «Форвертс». Лидеры последней К. Маули и Г. Нильке стали руководителями Рабочей федерации. С декабря 1890 г. начала выходить газета федерации «Эль Обреро», редактором которой был активный пропагандист марксизма немецкий инженер Г.А. Лальман, для которого Аргентина стала второй родиной. Если рабочая федерация была первым профсоюзным центром, рожденным в условиях подъема рабочего и демократического движения в стране, то на страницах первой марксистской газеты «Эль Обреро» была предпринята попытка соединить научный социализм с начавшимся в Аргентине рабочим движением.

Прежде всего, марксисты 90 г. попытались с позиций исторического материализма дать определение переживаемого Аргентиной этапа социального развития и на этой основе охарактеризовать происходившие в стране события. «Страна вступает, — писала «Эль Обреро», — в эпоху господства капитализма. До этого момента господствовал деспотический режим «уникато», особая южноамериканская форма абсолютизма»³⁰. Исходя из характеристики этапа развития страны, Лальман определил характер и цели июльского восстания, которое «является по преимуществу революцией аргентинской буржуазии, поднявшей знамя буржуазно-демократической республики»³¹.

Это общее положение Лальман дополнил конкретным анализом социально-экономической структуры страны. По его мнению, с социально-экономической точки зрения Аргентина не представляла собой единое целое. Наряду с существованием в прибрежных районах, в наибольшей степени подверженных европейской иммиграции, развивающихся капиталистических отношений, в остальной стране продолжали существовать отношения, унаследованные от колонии. Здесь трудящиеся подвергались наиболее варварским формам эксплуатации. Лальман отмечал, что для Аргентины в целом характерно наличие остатков прежних экономических отношений рабства и энкомьенды

³⁰ *Lallemant G.A.* La clase obrera y el nacimiento del marxismo en la Argentina. Buenos Aires, 1974. P. 66.

³¹ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 72.

и их переплетение с развивающимся капитализмом. Таким образом, он вплотную подошел к определению социально-экономической структуры страны как многоукладной, хотя и не использовал этого понятия.

Вместе с тем эти верные наблюдения не были учтены Лальманом при рассмотрении социально-классовой структуры аргентинского общества. В его представлении она носила уже достаточно сложившийся капиталистический характер и состояла из двух главных компонентов: буржуазии и пролетариата. Лальман подразделял класс буржуазии на три фракции: 1) крупнейших скотоводов и землевладельцев, которые безраздельно управляют страной со времен войны за независимость при помощи каудильизма; 2) мелкую буржуазию и 3) международный капитал, в основном европейский³². Однако в отношении пролетариата подробного анализа проведено не было. Более того, из этой схемы начисто выпал класс мелких землевладельцев со своими собственными интересами. И хотя Лальман указывал на латифундизм как на тормоз в развитии производительных сил, для него линия разделения не пролегла между различными формами развития капитализма.

Главную экономическую причину июльской революции Лальман видел не в борьбе двух путей аграрно-капиталистической эволюции Аргентины, а в стремлении иностранного капитала изменить господствующую систему с целью эксплуатации страны. «Поэтому он (иностранный капитал. — В.К.), — писал Лальман, — ведет беспощадную войну посредством лажа на золото и обесценения аргентинских ценных бумаг»³³. Таким образом, характеризуя события 1890 г. как буржуазную революцию, марксисты лишь частично раскрывали смысл и значение этой категории применительно к конкретно-историческим условиям Аргентины того времени. Если социально-экономический аспект революции остался для них скрытым, то этого нельзя сказать о политической стороне переворота.

В отличие от анархистов, отрицавших всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме социалисты отвергали как нелепую мысль, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что ему не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. В редакционной статье первого номера «Эль Обреро» провозгласила: «На политической арене Аргентины мы выступаем как авангард пролетариата, который только что отделился от эксплуатируемой массы и стал ядром нового класса, вдох-

³² *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 75.

³³ Цит. по: *Paso L.* Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina. Buenos Aires, 1974. P. 397.

новляемого великим учением современного научного социализма»³⁴. Выступив первыми организаторами рабочего движения, марксисты призывали рабочих не ограничиваться экономической борьбой. «Борьба пролетариата за улучшение своего экономического положения, — утверждала газета, — неотделима от его активного участия как класса в политической жизни страны»³⁵.

По мнению марксистов 90 г., участие пролетариата в политической жизни страны должно быть увязано с целями общедемократической борьбы. Рабочий класс должен был стать активным участником движения за установление в Аргентине политической демократии, бороться за нее наряду с буржуазией. В этой связи они рассматривали Гражданский союз, радикальную партию как революционную силу, рожденную экономическим кризисом и призванную преобразовать политическую систему страны в интересах капитализма. Указывая на классовую противоположность конечных устремлений радикалов и социалистов, марксисты в то же время объявляли себя самыми решительными сторонниками демократии, считая обязательным участие пролетариата в революционной борьбе буржуазии, который не должен был, однако, поступаться в ней своими классовыми интересами.

С последовательно революционных позиций подходили марксисты и к характеристике Гражданского союза, анализируя причины поражения организованного им вооруженного восстания. Отмечая, что под знаменем Гражданского союза собралась в основном мелкая буржуазия, Лальман одновременно указывал на социальную неоднородность его рядов, наличия в нем соглашательского крыла, выражавшего интересы крупных землевладельцев, группировавшихся вокруг Б. Митре. Именно последние господствовали в его руководстве и навязали ему свою линию поведения, что роковым образом сказалось на результатах вооруженной борьбы. Главную причину поражения повстанцев Лальман усматривал в союзе мелкобуржуазной демократии с оппозиционными группами олигархии, а не с народом, в исключении трудящихся масс из участия в борьбе. «Таким образом, — писал Лальман, — движение потеряло свой демократический характер и выродилось в заговор крупных землевладельцев во главе с митристами, которые искусно эксплуатировали веру в него». «Эль Обреро» решительно выступила против соглашения Рока–Митре. Касаясь выдвижения последнего на президентский пост, газета писала: «Гражданский союз совершил предательство. После

³⁴ Цит. по Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 238.

³⁵ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 18.

того, как он поднял народ на восстание, сейчас он предлагает свои услуги лакеям класса крупных землевладельцев»³⁶. Вскрывая причины поражения революции, критикуя колебания Алема, газета в то же время указывала путь, по которому должен идти Гражданский союз, если он желал быть подлинной народной силой. «Единственное, что может сделать Гражданский союз для восстановления своего престижа, — подчеркивал Лальман, — это действовать в соответствии с правом на революцию: покончить с каудильизмом во всех провинциях и затем установить демократический режим. Сомневаемся, что он может найти в себе соответствующую силу и энергию для решения этих вопросов»³⁷.

Скептицизм в отношении способности Гражданского союза действовать в дальнейшем по-революционному основывался у Лальмана на анализе поведения мелкой буржуазии. Касаясь ее колеблющейся, несамостоятельной позиции, он писал: «К сожалению, мелкая буржуазия никогда не отдает себе отчет об истинном положении вещей и поэтому всегда оказывается обманутой»³⁸. Однако дальнейший ход событий позволил скорректировать этот взгляд. Алем при поддержке большинства Гражданского союза решительно выступил против соглашения Рока — Митре, порвал с последним и создал новую партию Гражданский радикальный союз или радикальная партия на принципах непримиримости к олигархическому режиму. Несмотря на ограниченность радикализма Гражданского союза разрыв с митристами имел большое положительное значение для дальнейшей борьбы за установление демократии в Аргентине. Отмечая это, Лальман писал: «Мы горячо аплодируем поведению доктора Алема. Как демократическая партия, Гражданский союз не может идти на соглашение ни с Рока, ни с Митре»³⁹.

В области практической политики марксисты 90 г. преследовали цель путем развития профсоюзного движения создать рабочее ядро, вокруг которого в дальнейшем могла бы сложиться социалистическая партия. Для нас нет иной дороги двигаться вперед, — утверждала «Эль Обреро», — как ковать партию борьбы путем организации сильной Рабочей федерации и интернациональной политической партии наступления на буржуазной государство»⁴⁰. Так как в начале 1890-х гг. такой партии в Аргентине не было, Рабочая федерация стала не только профсоюзным объединением, но также выступила в роли политического организатора трудящихся.

³⁶ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 72-73.

³⁷ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 75.

³⁸ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 77.

³⁹ *Lallemant G.A.* La clase obrera. P. 76.

⁴⁰ Цит. по: *Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. P. 106.

В январе 1891 г. на массовом митинге безработных столицы рабочие потребовали у правительства принятия действенных мер по облегчению тяжелого положения трудящихся. Поскольку власти игнорировали представленную в национальный конгресс в июне 1890 г. петицию рабочих, трудящиеся направили новую петицию, в которой настаивали на необходимости изучения властями положения рабочего класса. Руководство Рабочей федерации дважды обращалось к президенту К. Пеллегрини с просьбой принять меры по защите рабочих и отменить налоги на предметы потребления.

Во второй петиции к президенту республики содержалась сводка основных социально–политических требований, объективно направленных на последовательную перестройку аргентинского общества на буржуазно–демократических началах. Руководители Рабочей федерации К. Маули и Г. Нильке, подписавшие петицию, выступали за ликвидацию официальных банков и их должников; за установление системы прямых прогрессивных налогов; за всеобщее избирательное право; за натурализацию иностранцев с тем, чтобы все классы приняли участие в разработке законодательства и в наиболее широком самоуправлении коммун⁴¹.

Одно в разработанной и одобренной на первом и втором конгрессах Рабочей федерации в 1891 и 1892 гг. программе Аргентина рассматривалась как уже сложившееся буржуазное общество. В основу программы легли требования, впервые выдвинутые в петиции 1890 г. Повторяя основные программные положения европейских социалистических партий, программа федерации не учитывала национальных исторических особенностей Аргентины и носила абстрактный характер. Да и сама Рабочая федерация, раздираемая борьбой между анархистами и социалистами, уже в конце 1892 г. перестала существовать. Еще раньше, в сентябре 1892 г. перестал выходить печатный орган федерации — газета «Эль Обреро».

На усиление забастовочной борьбы и попытку создания самостоятельной рабочей организации власти ответили репрессиями. Под предлогом свободы труда полиция оказывала давление, преследовала и арестовывала рабочих руководителей. Полицейский террор и продолжавшийся экономический кризис вынудили многих рабочих руководителей из числа наиболее сознательных рабочих иммигрантов покинуть Аргентину, что в свою очередь отрицательно сказалось на организации рабочего движения, вызвав в 1893 г. его дальнейший спад. Следует отметить, что даже Л. Алем, наиболее близкий к народным массам деятель Гражданского радикального союза, не понимал и не принимал начавшееся

⁴¹ *Oddone J. Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 142.*

в стране рабочее движение. Выступления рабочих в защиту своих прав не слились с борьбой радикальной партии за политическую свободу и рабочее движение не стало фактором общедемократической борьбы. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием политической организации пролетариата. Однако, несмотря на спад рабочего движения попытки ее создания не прекратились.

В декабре 1892 г. возникло социалистическое объединение Буэнос-Айреса. Параллельно с ним действовали созданные по национальному признаку группы: французская, итальянская, немецкий клуб «Форвертс». В конце 1893 г. на совещании представителей этих групп было решено издавать еженедельную социалистическую газету «Ла Вангвардия». Газета стала идейным центром по организации социалистической партии. Вокруг публиковавшихся на страницах газеты программных предложений развертывались дискуссии, в ходе которых вырабатывалась идейно–политическая платформа будущей партии.

Первым редактором газеты стал Х.Б. Хусто, завоевавший большой авторитет своей деятельностью по организации социалистической партии. Вместе с Хусто пришла большая группа уроженцев страны, ставшая ядром формирующейся партии. По признанию Хусто, его приход в социалистическое движения объяснялся прежде всего гуманистическими соображениями. Врач по профессии, он хотел лечить не только последствия социальных недугов, но и их причины. Вскоре взгляды Хусто стали определять позицию социалистов по ряду важных вопросов, в частности, по отношению к радикалам, к которым Хусто и его сторонники, в отличие от марксистов 90 г. относились крайне отрицательно. Это показала дискуссия, развернувшаяся на страницах «Ла Вангвардия» в 1894 г.

В первом номере газеты от 7 апреля 1894 г. было опубликовано письмо Ф. Энгельса к лидеру итальянской социалистической партии Ф. Турати, где он высказал ряд принципиальных соображений о тактике социалистов в отношении буржуазных республиканцев. Письмо Энгельса вызвало оживленную полемику. Применимы ли положения Энгельса о поддержке социалистами буржуазных республиканцев в общедемократической борьбе? Точка зрения марксистов 90 г., сформулированная Лальманом в статье «Рабочие в аргентинской политике. Мнение, заслуживающее быть услышанным», содержала утвердительный ответ. Лальман писал: «Я полагаю, что вы не сочтете бестактностью с моей стороны, что я веду пропаганду в пользу политической деятельности в духе письма Энгельса. Я думаю, что она принесет очень хорошие результаты. Но не платоническими замечаниями с галерки политического театра о буржуазных партиях [...], а активной политиче-

ской деятельностью, как советует Энгельс в своем письме». Ответ группы Хусто не заставил себя ждать. В следующем номере появилась статья Э. Хименеса «Политическая деятельность социалистической партии», где утверждалось, что письмо Энгельса неприменимо к аргентинским условиям для обоснования союза трудящихся с какой-либо буржуазной партией. «Есть ли здесь, — задавал вопрос автор, — какая-либо партия, которая преследовала бы столь революционную цель как в Италии — установление республики? Нет [...] если мы хотим однажды создать партию сознательных трудящихся, необходимо избегать контактов с буржуазными партиями»⁴².

Через неделю появилась редакционная статья «Социалисты в аргентинской политике», излагавшая кредо группы Хусто, по существу реформистское. «Революционная деятельность социалистической партии, утверждалось в ней, — есть и будет еще в течение многих лет совершенной утопией [...] Лучшим способом воспрепятствовать рабочим бесполезно вступать в уже существующие партии, это развернуть среди них агитацию за понятные для всех реформы»⁴³.

Реформистам ответил Лальман. В статье «Радикалы и демократия» Лальман, резюмируя свою позицию, утверждал, что «радикальная партия в настоящее время является революционным элементом в Аргентинской республике, рожденная экономическим кризисом и призванная преобразовать наши политические институты в формах, соответствующих интересам капитализма, хотя в ее рядах борется, прежде всего, огромное большинство мелкой буржуазии». «Как носитель чистого капитализма радикалы инстинктивно угадывают своего смертельного врага в социализме, угадывают своего будущего могильщика. Если радикалы нас боятся, — продолжал Лальман, — то мы симпатизируем их борьбе за демократию, хотя эта демократия буржуазная. Мы выступаем наиболее решительными сторонниками демократии, хотя и не разделяем иллюзий буржуазных демократов»⁴⁴.

В конечном итоге возобладала точка зрения Хусто. В социалистической партии возникла тенденция не принимать во внимание борьбу радикалов с олигархическим режимом. В целом, однако, реформистские взгляды возобладали не сразу, что показал первый съезд социалистической партии (28-29 июня 1896 г.). Этот учредительный съезд провозгласил создание социалистической рабочей партии Аргентины (в 1900 г. по

⁴² *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 148.

⁴³ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 149.

⁴⁴ *Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. P. 150.

решению III съезда партии она была переименована в социалистическую партию Аргентины — СПА). В работе съезда приняли участие не только делегаты от социалистических групп, но и профсоюзов, обществ взаимопомощи, которые объединяли 833 человека⁴⁵.

В своей речи избранный председателем партии Хусто заявил: «Социалистическая является прежде всего партией трудящихся, пролетариата, тех, кто не имеет ничего, кроме продажи своей рабочей силы». Вместе с тем «двери партии открыты настежь для лиц из других классов, которые желали бы вступить в нее, подчиняя свои интересы интересам пролетариата»⁴⁶. Хусто подчеркнул независимость социалистов «от любых интересов капиталистов и мелкой буржуазии, отметив, однако, что не всегда и не по всем вопросам «они противоположны нашим». «Мы начали, — продолжал Хусто, — на тридцать лет позже социалистических партий Европы и потому, что мы начали позже, мы должны начать лучше, используя весь опыт, накопленный международным рабочим движением».

Указав на особенности становления и развития европейских социалистических партий, Хусто призвал искать собственную модель, которая подходила бы к условиям Аргентины. Что касается программы партии, то она, по мнению Хусто, в силу слабой политической сознательности аргентинского народа должны включать лишь понятные для всех реформы, которые могли быть быстро и легко осуществлены⁴⁷. В наибольшей степени влияние марксизма отразилось в Декларации принципов. В одобренной съездом редакцией декларации провозглашались классовый характер партии, необходимость освобождения пролетариата от капиталистического ига «путем революции, которая может быть осуществлена силой организованного пролетариата»⁴⁸. Программа-минимум социалистической партии была нацелена на защиту интересов рабочего класса и на развитие капитализма в его наиболее демократических формах. Она предусматривала наряду с социально-экономическими требованиями демократизацию общественной и политической системы страны. Партия боролась за всеобщее избирательное право без различия пола, предоставление политических прав иммигрантам и их натурализацию, муниципальную автономию, ликвидацию армии и ее замену милицией, отделение церкви от государства, 8-часовой рабочий день и принятие рабочего законодательства. С этой целью социалисты предлагали реформу конституции: отмену ст. 2 об обязатель-

⁴⁵ *Oddone J. Historia del socialismo argentina. T. 1 P. 260-261.*

⁴⁶ *Documentos para la historia integral argentina. Buenos Aires, 1981; T. 2. P. 315.*

⁴⁷ *Documentos para la historia integral argentina. T. 2. P. 316.*

⁴⁸ *Oddone J. Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 269.*

ной поддержке государством католической религии и изменение ст. 20 с целью облегчения натурализации иммигрантов путем простого внесения их в списки для голосования⁴⁹.

Выполнение рабочих требований мыслилось социалистами через общую демократизацию государства и общества, на путях политической борьбы. С этих позиций они подходили к профсоюзному движению и забастовочной борьбе трудящихся. Социалисты утверждали подчиненный характер профсоюзов, которые должны были служить целям мобилизации рабочих, рекомендуя своим членам голосовать за социалистическую партию. Первый съезд постановил, что профсоюзные организации и федерации должны публично рекомендовать своим членам голосовать на выборах за социалистическую партию, которая требует законодательства по защите труда»⁵⁰. Принятый I съездом устав устанавливал организационную структуру партии, основанную на федеральном принципе: «партия состоит из групп, профсоюзов, кружков, общества взаимопомощи, кооперативов, признающих программу и методы деятельности партии и имеющих 10 и более членов». «Членами партии могут быть отдельные лица, признающие программные положения и уставные требования партии, в случае если они проживают в населенных пунктах, где нет партийной организации»⁵¹. Руководящим органом партии между съездами являлся исполком. Официальным органом партии стал еженедельник «Ла Вангардия».

ИДЕЙНО–ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА СПА

Ведущая роль в выработке программных установок СПА принадлежала Хусто. Его идеи и доктрины определяли идеологию и политику Социалистической партии. Хусто определяя свой подход к истории, подчеркивал познаваемость исторического процесса. История управляется законами и с каждым разом приобретает все более разумный характер. Исторические события логичны и необходимы, их возникновение и существование объяснимо, поскольку они являются результатом действия определенных законов. Исторические законы подобны законам природы. Они столь же объективны и их действия столь же неизбежны «как кристаллизация минералов, как электрический разряд, как эволюция видов»⁵².

⁴⁹ Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910. P. 133.

⁵⁰ Movimiento socialista y obrero. P. 123.

⁵¹ Oddone J. Historia del socialismo argentina. T. 1. P. 73.

⁵² Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. Buenos Aires, 1909. P. 5.

Как познать исторические законы? Только через практическую деятельность тех, кто в наибольшей степени соприкасается с реальной действительностью, у кого нет привилегий, которые нужно скрывать и защищать. Именно трудящиеся больше всего нуждаются в познании общества. Но чтобы прийти к исторической правде, необходимо познать ее во всей глубине. С познанием ее законов история потеряет свой катастрофический характер, приобретет упорядоченный вид и ею станет возможно управлять.

Хусто подчеркивал партийный характер истории. «Пока будут партии, историческая наука, в отличие от математики, будет партийной наукой»⁵³. Но на какой основе возможно познание истории, из чего необходимо исходить, приступая к ее изучению? Для Хусто несомненна биологическая основа исторического процесса. В этом вопросе наиболее заметно позитивистское и социал-дарвинистское влияние во взглядах Хусто на социальные процессы, в частности, в его объяснении исторического прогресса. По Хусто, теория борьбы за существование и естественный отбор применимы не только к животному и растительному миру, но и к человеческому обществу. Из этого вытекает суровая борьба за жизнь, которую обязаны вести все живые существа, от нее зависит как жизнь индивида, так и существование его потомства. В этой борьбе побеждают индивиды, наделенные лучшей наследственностью и приспособляемостью к условиям времени и месте, выживают наиболее приспособленные. Общественный прогресс начался в первобытный период истории человечества. Один человек, слабый и незащищенный, не мог победить в борьбе с физико-биологическим миром иначе, как только объединившись с другими людьми в общество. В подтверждение своих взглядов Хусто ссылаясь на Ф. Энгельса, на его слова, что производство и воспроизводство реальной жизни есть в конечном счете определяющий момент истории.

Вместе с тем Хусто далек от того, чтобы одними биологическими законами объяснять историю. Огромное преимущество человеку в борьбе за существование дает техника. Но в современном обществе техника и кооперация покоятся на частной собственности на средства и условия производства, созданные человеком, и это исключительное господство одного класса людей над физико-биологическим миром, над орудиями труда и материалами, вносит беспорядок, нарушает условия борьбы за жизнь. Пролетариат, лишенный орудий труда, должен бороться за свое существование в тяжелых условиях, обречен на недолгую

⁵³ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 8.

жизнь и слабое развитие личности. «Если для многих людей нет места «на празднике жизни», — заключал Хусто, — это потому, что другие занимают слишком большое место за столом»⁵⁴. С разделением общества на антагонистические классы и их борьбой исторический процесс приобретает собственную форму.

Центральное место в эволюции человечества занимает труд. Человеческий труд, — по мнению Хусто, — это то, что подчиняет историю биологии и в то же время отделяет ее от нее. История подчиняется биологии, так как производственная деятельность человека подчиняется животным инстинктам, преследуя цель удовлетворить прежде всего первичные потребности, потому что они реализуются благодаря физико-биологическому миру, в который все больше проникает человеческий труд для его преобразования. История отделяется от биологии, поскольку техника является созданием человека, которую он сознательно и целенаправленно производит.

В современной истории технический фундамент человеческой эволюции открыл К. Маркс. Он и Энгельс были первыми, кто во всей полноте поняли историческую роль способа производства, которому подчинены все другие стороны общественной жизни. По Марксу, средства производства являются не только способом развития человеческой силы труда, но также определяют производственные (экономические — по Хусто. — *В.К.*) отношения, в которых он работает. Экономические эпохи, — повторял Хусто вслед за Марксом, — отличаются не тем, что человек делает, а как он это делает, какими орудиями труда. Уровень развития материальных производительных сил зависит от отношений людей в общественном производстве. Экономическая структура общества есть базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

По мере познания людьми физико-биологического мира и применение этих знаний в технике развиваются экономические отношения. С их развитием начинается собственно история. Технический прогресс ведет к возникновению новых экономических отношений, которые делают производство более эффективным. Хусто рассматривал возникновение монополий, как прогрессивное экономическое явление. «Они упрощают управление производством и способствуют большему развитию их технико-экономических возможностей»⁵⁵. Хусто отмечал противоречивый характер развития капитализма. Концентрация промышленности и тор-

⁵⁴ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 32.

⁵⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 96.

говли во все более крупных предприятиях свидетельствовала, что ответственность сосредоточивается в руках все меньшего количества людей. Но в то же время крупные предприятия создавались в форме акционерных обществ, что само по себе перечеркивало предыдущий вывод. Хусто согласен с Э. Бернштейном в том, что значительная часть акций в них распределена среди широких слоев населения. Исходя из этого, он делал вывод: «Вне всякого сомнения, растет число состоятельных людей, что показывает, что какого бы неравенства в состояниях не было, растет число людей, которые что-то имеют, и их число имеет тенденцию к увеличению»⁵⁶.

Количество людей с доходом выше минимального уровня росло за счет складывания многочисленного слоя трудящихся физического и умственного труда, а также наемных служащих, чье вознаграждение за труд было выше, чем у бедных групп пролетариата. «Между тем, — добавлял Хусто, — ничто не доказывает, что растет число лиц полностью неимущий»⁵⁷. Наряду с огромными состояниями в немногих руках росло число состоятельных людей в трудящихся слоях. Поэтому, по мнению Хусто, нельзя было говорить об абсолютном обнищании трудящихся, а лишь об относительном.

Хусто объяснял это более быстрым ростом национального богатства относительно численности населения, что вело к росту не только больших состояний, но и к увеличению средств существования и развития народа, а для «исторического будущего, — подчёркивал Хусто, — это последнее обстоятельство имеет решающее значение»⁵⁸. Вместе с тем Хусто отвергал краеугольный камень марксистской политической экономии — учение о прибавочной стоимости, за которую рабочий не получал вознаграждения. Для Хусто рабочая сила не являлась товаром, поскольку в этом случае «наемный труд не является добровольным и свободным соглашением, а смягченным рабством»⁵⁹. В то время как в действительности отношения между рабочими и капиталистами носили правовой характер.

Хусто признавал, что продукт труда рабочего превышал его зарплату, но считал, что с развитием экономико-политических способностей наемного работника и при условии его самостоятельных действий в защиту своих прав, его потребности приблизятся к стоимости произведенного им продукта. «С каждым днем будет все меньше паразитиз-

⁵⁶ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 298.

⁵⁷ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 301.

⁵⁸ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 304.

⁵⁹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 225.

ма, — заключал Хусто, — и в конце концов нельзя будет говорить о зарплате»⁶⁰. Путь к этому лежал через повышение вознаграждения за труд рабочего. Хусто призывал различать номинальную и реальную зарплату. Для определения последней необходимо связать денежное вознаграждение рабочего с ценой товаров первой необходимости, в которых нуждается трудящийся. Таким образом получается числовое выражение уровня жизни. Разница между двумя зарплатами, по Хусто, имеет фундаментальное значение, хотя в обоих случаях рабочий эксплуатировался.

Хусто объяснял насилие, классовую борьбу, войны и революции с социал-дарвинистских позиций, связывая их с борьбой за существование. Первоначально войны носили примитивный характер биологической борьбы. С установлением господства одного класса над другими войны из внешних превратились во внутренние. Восстания рабов, кровавые раздоры и распри между богатыми и бедными, должниками и кредиторами всегда были борьбой за жизнь внутри существовавшего общественного строя. Только значительно позже (Хусто имел в виду зарождение капитализма. — *В.К.*) они превратились в гражданские войны за новый общественный строй. Так, английская революция XVII в., американская и французская XVIII в., борьба за независимость Южной Америки, вызванные экономической эволюцией, вылились в прогрессивные политические изменения.

Хусто был уверен, что в будущем с развитием цивилизации войны исчезнут, а вооруженные движения с каждым разом будут все менее необходимы для политической эволюции. Новые политические обычаи и нравы, вызванные технико-экономическим прогрессом, низведут вооруженные силы ко все более подчиненному положению в иерархии человеческой деятельности, сделав их ненужными и излишними для исторического прогресса. В качестве примера Хусто приводил Швейцарию — насколько более сильную без постоянной армии, с поголовно вооруженным народом, привыкшим исполнять свои права и обязанности без насилия.

Какая сфера человеческой деятельности осталась для войны? — задавал риторический вопрос Хусто. Если раньше войны ускоряли технико-экономическую эволюцию, то исторический прогресс привел к безграничным возможностям для индивидуального и коллективного развития как внутри национальных границ, так и за их пределами, открыв для свободного перемещения людей и товаров всю доступную территорию земли. Последнее обстоятельство устраняло, по мнению

⁶⁰ *Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. P. 269.*

Хусто, всякую необходимость покорять ее с оружием в руках. Вместо войны изменения в жизни народов внесет торгово–промышленное соперничество, которое «скорее навяжет Англии и США метрическую систему и с меньшими потерями, чем войны»⁶¹.

Войны останутся между дикими и варварскими народами, как инстинктивная борьба за жизнь. Но война между цивилизованными народами является преступлением. К тому же, по верному замечанию Хусто, их с каждым разом все труднее заканчивать и они опасны для привилегированных классов по мере роста политического сознания трудящихся. Одновременно Хусто признавал войну законным средством, если речь шла о присоединении к цивилизации новых земель.

По существу Хусто оправдывал колониальные войны: каждый народ обязан сам эксплуатировать свои природные ресурсы или открыть их для эксплуатации другим. В этой связи он соглашался с Кипплингом, когда тот говорил о «бремени белого человека» и оправдывал войны европейских колонизаторов в Африке и аргентинского правительства против индейцев в собственной стране. Но и эти войны исчезнут с развитием культуры. Но чтобы они исчезли окончательно, необходимо выравнивание уровня развития всех народов, включение диких и варварских народов в цивилизацию. Хусто не исключал, что сохранение различий между народами приведет к новым войнам.

Силовое решение проблем в человеческих взаимоотношениях не всегда выходит на поверхность, но сила всегда заставляет и заставляет одних людей подчиняться другим. За господствующими классами всегда стоят правительства, которые диктуют законы и заставляют их исполнять. Но господствующие классы не вечны. В процессе развития они утрачивают свое первоначальное экономическое и военное превосходство, деградируют в паразитическую касту и удерживают свое господство лишь силой. На смену им появляются новые, революционные классы, носители технико-экономического прогресса. Борьба этих классов двигает вперед историю.

Повышение уровня жизни рабочих, подчеркивал Хусто, не является результатом гуманности самого капитализма. Рост производительности труда автоматически не вызывает рост зарплаты. Наоборот, если капиталист не встречает противодействия со стороны рабочего и действует беспрепятственно, он стремится понизить уровень жизни трудящихся. Только эффективное сопротивление рабочих способно нейтрализовать, до определенной степени, деградирующее воздействие капитализма на

⁶¹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 128.

человека. Технический прогресс, в той мере, в какой он зависит от предпринимателя, предполагает увеличение его прибыли, а не облегчение жизни трудящихся и увеличение массы продуктов для потребления.

При капитализме прогресс идет беспорядочно, хаотично. В своем стремлении к прибыли капиталист не признает никаких ограничений, все средства хороши, чтобы устранить конкурента. Из тирании капитализма ничто так отрицательно не влияет на трудящегося, как чрезмерный труд и насильственная безработица. Сама природа капиталистического строя, при котором трудящийся является не личностью, а только средством производства, вызывает необходимость существования резервной армии труда.

Внутри буржуазных форм собственности, отмечал Хусто, разрушительная конкуренция ведет к образованию монополий, которые характерны для передовых в технико-экономическом отношении стран и представляет собой высший уровень организации труда. Хусто, вслед за лидерами Американской федерации труда, утверждал, что они не ухудшают положения занятых на них трудящихся, за исключением случаев сокращения производства и уменьшения численности рабочих. С наибольшей силой монополии ущемляют интересы потребителей. Удешевление производства сопровождается не понижением, а ростом цен. «Тресты, — писал Хусто, — создаются не для службы народу, а для получения большей прибыли»⁶². Х.Б. Хусто разделял мнение многих социалистов, что монополии создают материальные предпосылки для перехода к социализму. «По своим размерам, — отмечал он, — частная собственность на средства производства оказывается ограничена до абсурда. Тенденцией исторического развития является ее устранение и установление коллективной собственности, которая даст новую силу и энергию народам, будет регулировать технический прогресс и сделает экономические отношения столь сознательными и справедливыми, что мы, люди, станем способными к свободной кооперации»⁶³.

Хусто был далек от признания теории «автоматического краха капитализма». Только классовая борьба пролетариата способна положить конец капиталистической эксплуатации. Идеалом пролетариата как угнетенного класса являются свобода и равенство. Этот идеал переходит в практические действия рабочих, которые революционизируют историю. Но методы борьбы, подчеркивал Хусто, должны носить позитивный характер и не покидать почву реальности.

⁶² *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 319.

⁶³ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 321.

В этой связи профсоюзное движение, по Хусто, является первой, еще неразвитой, почти инстинктивной формой современной классовой борьбы. Оно носит экономический характер. «Это первичная реакция рабочих на стремление предпринимателей держать на низком уровне вознаграждение за труд»⁶⁴. Методом профсоюзной борьбы является забастовка. По мере роста профсоюзных организаций растет и число забастовок. Для Хусто забастовки носили позитивный характер, «когда организованные рабочие и предприниматели встречаются лицом к лицу и появляется почва для нормального взаимопонимания, результатом которого становится коллективный договор»⁶⁵. Коллективный договор, в системе взглядов Хусто, должен был развивать не только экономические способности рабочих, понимание того, что их эксплуатируют, но одновременно заставлять «предпринимателей организоваться для взаимопонимания с профсоюзами, поддерживая между предпринимателями и наемными работниками нормальные и прогрессивные отношения». Таким образом, по мнению Хусто, «коллективный договор меняет до такой степени классовую борьбу, что можно сказать, что ее отменяет»⁶⁶.

Хусто признавал огромное историческое значение пролетарских профсоюзов. «Они материально и интеллектуально поднимают современный рабочий класс, вытаскивают его из пассивности и несознательности»⁶⁷. Но он не преувеличивал значение забастовочной борьбы, не симпатизировал всеобщим забастовкам: «Они всегда представляют собой насильственную, разрушительную агитацию, сопровождаемую, как правило, кровавыми событиями [...] Всеобщая забастовка развивает чувства, но мало или совсем не развивает созидательные способности народов»⁶⁸.

Созидательные способности рабочих призваны были развить кооперативы. «В кооперативах, — считал Хусто, — рабочий класс не действует как наемные рабочие, а как потребители, покупатели и производители, как хозяева средств производства». Кооперативы не только поднимают уровень жизни трудящихся, освобождая их от паразитических посредников, но и развивают технико-экономические способности народа. «Свободные кооперативы, — подчеркивал Хусто, — демонстрируют, что для высшего уровня производства не нужна частная собственность на средства производства, ни другие привилегии»⁶⁹. По

⁶⁴ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 329.

⁶⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 321.

⁶⁶ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 383.

⁶⁷ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 381.

⁶⁸ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 436.

⁶⁹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 412.

убеждению Хусто, «кооперативы один из методов освобождения рабочего класса, один из вариантов классовой борьбы»⁷⁰.

Но решающее значение имеет политическая борьба пролетариата. Уже с развитием и централизацией профсоюзных организаций становится очевидной необходимость политических действий рабочих. Сама жизнь подводит профсоюзы к необходимости участия в политике, чтобы добиться рабочего законодательства. Для развития рабочего движения необходимы элементарные свободы: собраний, объединений, печати, которые ограничиваются буржуазными правительствами как только пролетариат начинает ими пользоваться, но пролетариат должен был научиться пользоваться политическими правами.

Хусто отвергал насильственные методы классовой борьбы. «В борьбе классов насилие то же самое, что и борьба между народами, оно означает биологическое состояние войны»⁷¹. Он осуждал Парижскую коммуну, называя ее «ужасным эпизодом современной классовой борьбы» и ее причины усматривал в чрезмерном преувеличении значения завоевания политической власти, диктатуры пролетариата и «в безразличной и враждебной другим фундаментальным действиям народа»: профсоюзной, кооперативной, парламентской. Для доказательства ненужности революции в современных условиях Хусто апеллировал к опыту первой русской революции: «С 80 млн восставших крестьян, в большинстве своем голодных, с радикальным революционным фабричным населением, со всем классом писателей, учителей, инженеров, врачей, адвокатов на стороне свободы и справедливости, с войском, подрываемым недовольством, и открыто восставшим флотом русское возмущение 1905–1906 годов не смогло свергнуть правительство». «По мере распространения и углубления исторического сознания войны между народами, как и войны между классами, — по мнению Хусто, — становятся все более редкими»⁷².

Хусто — решительный противник самой идеи революции. Она подменяла развитие исторического сознания пролетариата верой в сверхъестественную силу диктатуры рабочих организаций, которая сразу же приводит «к социальной трансформации и сразу установит прекрасный порядок». Он отвергал марксистское понимание социальной революции. В одной из лекций перед рабочими Хусто говорил, что К. Маркс и Ф. Энгельс для объяснения социальной революции прибегли

⁷⁰ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 389.

⁷¹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 432.

⁷² *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 432.

«к искусству метафизики [...] говоря, например, что общество трансформируется в силу своей «собственной внутренней и неизбежной диалектики» или в силу «отрицания отрицания». «Для трудящихся и для науки, — заключал Хусто, — эти формулы ничего не объясняют. Со своей стороны, я их никогда не понимал и искал другой способ объяснения»⁷³. Для Хусто он заключался в примерах английской и французской буржуазии, которые победили абсолютизм и остатки феодализма не потому, что они были угнетенным классом, а потому, что они были наиболее сильными и умными, обладали наибольшей экономической силой в своих странах. Таким будет, по мнению Хусто, и положение рабочего класса, который в борьбе против капиталистического угнетения добьется подъема своего положения и приобретет силу, которая позволит ему освободиться от всякого угнетения.

Свой путь к социализму Хусто обозначил как «рабочая демократия». Увеличение политической силы рабочего класса, заявлял Хусто, создает условия для все более широкого участия рабочих в политической жизни, так как «буржуазия не способна в одиночку управлять процессом исторического развития, что доказывает безработица, банкротства, забастовки, экономические кризисы и другие разрушающие общество конфликты»⁷⁴. Проявлением этого он считал возникновение «нового исторического явления, всеобщего голосования», благодаря которому трудящиеся смогут участвовать в формировании правительства и в исполнении государственной власти»⁷⁵. Признавая классовый характер буржуазного государства, Хусто вместе с тем считал, что по мере роста влияния трудящихся в экономической и политической жизни, оно будет постепенно утрачивать функцию подавления и развивать функцию управления, «поскольку данное государство будет меняться по мере участия в нем представителей рабочих»⁷⁶.

Но что дает рабочим возможность участвовать в управлении страной? Хусто полагал, что этому будет способствовать рост их сознания, понимание своего места в обществе, а развитие техники даст время для этого. Средством достижения этой цели станет всеобщее избирательное право. Оно распространит политическую власть во всех общественных классах, придав борьбе между ними наиболее разумные формы. Если, как справедливо считал Хусто, буржуазия обладает политической властью не в результате выборов и голосования, а посредством богатства

⁷³ *Justo J.B.* Cooperación obrera. Buenos Aires, 1917. P. 17.

⁷⁴ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 438.

⁷⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 419.

⁷⁶ *Justo J.B.* El socialismo. Buenos Aires, 1928. P. 68-69.

и образования, то для рабочего класса путь к власти лежит через голоование. В буржуазном обществе у него лишь случайное право собственности, но его участие в политической власти и приобретение навыков управления общественными делами через кооперативы придаст праву рабочих на собственность реальный смысл.

Рабочая демократия немыслима без рабочей партии. С ее созданием политическая деятельность трудящихся приобретает новую силу для ведения на законной основе классовой борьбы для завоевания политической власти и обобществления средств производства. Рабочие партии имеют интернациональный характер и объединены в международную организацию. Рабочая демократия отлична от буржуазной. Если последняя на развалинах замков, трона и алтаря утверждала абсолютную частную собственность, то рабочая демократия ее отменяет, как источник привилегий и угнетения.

Рабочая демократия у Хусто неразрывно связана с новым пониманием классовой борьбы, которая трактуется не как «социальная бойня», а как возможность регулировать и гармонизировать отношения между людьми. Хусто пояснял это следующим образом: «Если капиталист говорит рабочему: я разрешаю тебе работать со средствами производства, которые я присвоил для получения прибыли, то рабочий, в свою очередь, должен сказать капиталисту: ты не можешь эксплуатировать человеческие существа как только в гуманных условиях труда». Постоянной задачей рабочих партий являлось принятие рабочего законодательства с обязательным арбитражем, установление которого, как считал Хусто, возможно только рабочей демократией. В качестве примера он приводил Новую Зеландию, где «народ есть государство»⁷⁷.

Рабочая демократия должна бороться с монополиями. В качестве первого шага необходимо установить государственный контроль над трестами, а в дальнейшем передать их в общественные руки. В муниципальную собственность должны перейти все предприятия общественного пользования. Пример Германии убеждал Хусто, что железные дороги должны быть государственными.

В целом, по мнению Хусто, пролетариат был еще не в состоянии провести немедленное обобществление и построить политико-демократическое государство. Но необходимо было начинать это делать: добиться присутствия рабочих представителей в органах государственной власти. По мере роста их влияния администрация будет приобретать новый характер. Государственные ресурсы начнут

⁷⁷ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 461.

направляются на удовлетворение общественных потребностей. Предприятия общественного пользования перестанут устанавливать монопольно высокие цены и приблизят их к себестоимости как в свободных кооперативах. Свободное от конкуренции государство должно взять под свой контроль и другие общественные институты, прежде всего школу. Без образования немыслима борьба за жизнь. Рабочая демократия должна обеспечить всем детям обязательное и бесплатное начальное образование. Необходима также налоговая реформа: отмена всех косвенных налогов и прогрессивное налогообложение собственности, прежде всего земельной.

Социальное законодательство должно обеспечить минимальные потребности труда и жизни трудящихся и сопровождаться уголовным наказанием за его неисполнение. Однако Хусто был противником насильственного навязывания рабочей демократии. Необходимо добиваться взаимопонимания сторон для принятия нового порядка и достижения общественного прогресса, чтобы все сознательно и добровольно вошли в него. В новом обществе законы, по Хусто, «уважали бы в такой же степени, как техника уважает законы физики»⁷⁸.

Строительство «социального государства высшего порядка» несовместимо с сохранением церковных догм и символов: Хусто считал срочной задачей ослабление позиций церкви, разрыв ее отношений с государством, прекращение последним бюджетного финансирования религии. Антиклерикальные меры освободят ум народа, ускорят технический прогресс, сделают науку, «деятельность до сих пор редкую и чуждую повседневной жизни, регулярным занятием всех»⁷⁹. Хусто скептически относился к излишнему теоретизированию, чисто философским зачатиям. По его мнению, философией народа должен стать «бесхитростный реализм», который он понимал как «способ интуитивно видеть то, что философы презирают, не считают нужным видеть»⁸⁰.

В целом Хусто с оптимизмом смотрел на будущее развитие человечества: «Мир станет менее жестоким, менее иррациональным и хаотичным по мере того, как любовь к человеку–животному будет подчинена любви к сознательному человеку». Животное начало в нем перестанет преобладать, уступив место сознательной человеческой деятельности. С ее распространением «в мире будет больше разума, больше красоты, больше доброты»⁸¹.

⁷⁸ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 472.

⁷⁹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 488.

⁸⁰ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 495.

⁸¹ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 498.

Хусто стал первым, кто рассмотрел аргентинскую историю в социально-экономических понятиях, исходя из научного метода и выделяя экономическую основу борьбы за независимость. Прежде всего ценна его методология, основанная на признании экономического фактора как главной причины Майской революции и последующих гражданских войн, который неразрывно связывается с образованием классов, частной собственности и технико-экономическим развитием колоний.

Развитие колоний и последующее образование независимой Аргентины основывалось на борьбе имущих и неимущих, угнетенных и угнетателей. Колониальное общество состояло из трех классов: господствующего — потомков конкистадоров, которые составляли верхушку колониального общества и имели право на собственность на землю и скот; среднего класса — мелкие собственники, земледельцы, торговцы, ремесленники, лица свободных профессий (адвокаты, нотариусы), которым доставалась небольшая часть от распределяемых богатств и которые состояли из креолов и немногих иностранцев, проживавших на Ла-Плате; неимущих — негры рабы, индейцы в энкомьендах, гаучо в сельской местности.

Хотя Законы Индий проводили различие между неграми и индейцами — первые были рабами и подлежали купле-продаже, а вторые — нет — фактическое положение индейцев мало чем отличалось от рабского, так как их заставляли бесплатно работать и не признавали за ними гражданских прав.

Особую прослойку составляли гаучо в сельской местности. Гаучо скитались, не имея ни дома, ни земли и скота, живя за счет охоты на скот. Закон преследовал их, объявляя бродягами и применяя к ним суровые наказания. На время клеймения скота гаучо нанимались в качестве поденщиков в асьенды, чтобы затем вновь исчезнуть в пампе.

Экономическая власть в колонии находилась в руках помещицкой и торговой олигархии. Собственность основывалась на средневековом праве, которое провозглашало собственность королей Испании на все завоеванное. Частная собственность появилась как результат «королевского пожалования». Сосредоточение огромных земельных площадей в руках немногих, пожалованных королем, привело к появлению латифундий. Скот находился в руках так называемых «акционеро-пайщиков» — привилегия, пожалованная Х. де Гараем при втором основании Буэнос-Айреса в 1580 г. первым поселенцам и их потомкам и подтвержденная кабильдо и королем. Торговля с Испанией и появление технологии засолки мяса привели к росту цены на скот, что позволило экспортировать шкуры и солонину, положив начало развитию

и росту влияния скотоводов. Такова была социальная обстановка в колонии накануне 1810 г. в интерпретации Хусто.

Говоря о социально-экономических предпосылках войны за независимость и характеризуя ее как буржуазную революцию, Хусто указывал, что владельцы земли и скота, торговая буржуазия хотели монопольно эксплуатировать богатство колонии, для чего было необходимо освободиться от власти Испании. Об их буржуазном характере свидетельствовало и постоянное противодействие увеличению зарплаты⁸². Впервые местная буржуазия обратила внимание на те ограничения, которые препятствовали развитию креольской торговли во время английского вторжения в 1806 г., когда она смогла убедиться в выгодах свободной торговли. Поэтому в соответствующий момент «достойная буржуазия» возглавила революцию в защиту своих прав.

Хусто подчеркивал, что в действительности освободительное движение преследовало цель разорвать экономические узы с Испанией и заменить испанское господство на креольское, а не установить республику или демократию. Эти прагматичные революционеры, отмечал Хусто, не мечтали ни о свободе торговли и демократии, ни о свержении династии или провозглашении конституции. Они желали экономической независимости и свободы торговли⁸³.

Вместе с тем Хусто далек от того, чтобы умалять прогрессивное значение Майской революции. Он признавал, что она — оставив в стороне ее буржуазный характер — имела важные последствия для народных масс. Хотя они были политически невежественными, они получили выгоды от движения за независимость. Для их привлечения в революционные армии буржуазия отменила рабство. Две трети рабов Куйо были освобождены в 1816 г. и влились в Андскую армию (многие из них погибли). Таким образом, были заложены основы для полной отмены рабства. В результате революция сделала решающий шаг к формированию рабочего класса.

По Хусто, война за независимость была славой буржуазии. Народ принимал в ней участие как исполнитель замыслов привилегированного класса, который руководил движением. Но вскоре народу пришлось бороться с ним для защиты своих интересов.

Хусто обращал внимание на те трагические последствия, которая имела революция для гаучо. По мере того, как росли в цене сельскохо-

⁸² С этой целью они «заставляли трудящихся одеваться в грубые ткани местного производства, а не в дорогие импортные». — *Justo J.B. La realización del socialismo. Buenos Aires, 1947. P. 161.*

⁸³ *Justo J.B. La realización del socialismo. P. 162.*

зайственные продукты, и земля приобретала ценность, буржуазия начала монополизировать земли и скот, стремясь подчинить гаучо, лишив его свободы передвижения и традиционных источников существования. Гаучо не были готовы адаптироваться к новым условиям капиталистической эксплуатации. Увидев, что под угрозой находится их образ жизни, они восстали против буржуазии в защиту земли, на которой жили. Здесь лежит объяснение гражданских войн, которые опустошали Аргентину с 1815 г. Хусто характеризовал их как настоящую борьбу классов. Гаучо — эти революционеры на конях — боролись против аристократии городов и ненавистного правительства Буэнос-Айреса. И хотя их ряды были многочисленны, гаучо не обладали экономической и политической силой. Их восстание было чисто инстинктивным, а успех мимолетным. Они боролись за сохранение статус-кво, что было невозможно и вело к экономическому застою и изоляции от остального мира.

Хусто не считал революционеров на конях предшественниками социалистической партии. От их движения ничего не осталось, даже славы. Он указывал, что гражданские войны и их результат — деспотизм, препятствовали национальному развитию Аргентины. Реформы Б. Ривадвии потерпели поражение. Неспособность к эксплуатации ферм, занятию земледелием гаучо дали дорогу, не догадываясь об этом, деспотизму, который привел к консолидации помещичьего режима. После падения диктатуры Росаса ускорилось экономическое развитие страны.

Хусто отмечал, что в сравнительно короткий исторический период, менее чем за столетие, Аргентина осуществила изменения, на которые Европе понадобилось несколько столетий. В результате этих изменений усилилась эксплуатация рабочих, утвердилось господство буржуазии. Несмотря на то, что законодательство носило откровенно классовый характер, Хусто пришел к выводу, что классовые антагонизмы вызывают социальный прогресс.

Но возможно ли в такой аграрной стране как Аргентина существование социалистического движения? Правомерность существования социалистической партии поставили под сомнение некоторые деятели II Интернационала. Посетивший в 1908 г. Аргентину один из руководителей итальянской социалистической партии Э. Ферри, назвал ее «экзотическим цветком» на Ла-Плате, которая является не естественным результатом развития страны, а завезена иммигрантами.

Вместе с тем Ферри не отрицал роли и значения социалистической партии в политической жизни Аргентины: она единственная современная партия, имеющая программу и построенная на идейной основе, а не личной преданности тому или иному политику. «Она выполняет полез-

ную работу и по праву заслуживает общественного одобрения [...] Но это не социализм»⁸⁴. В основе этого утверждения лежала убежденность Ферри, что без развитого капитализма, крупной промышленности и многочисленного рабочего класса невозможно существование социалистической партии. «Пролетариат есть продукт паровой машины. И только с пролетариатом рождается социалистическая партия, которая является этапом эволюции — первоначальной рабочей партии. В социально-экономических условиях Аргентины, добавлял Ферри, Маркс не написал бы «Капитал».

В подтверждение своих слов Ферри ссылаясь на свою родину. Так, в Южной Италии, по преимуществу аграрной, социалистическая партия крайне слаба. И, наоборот, на индустриальном Севере «она трансформировалась из рабочей в социалистическую партию, которая там очень сильна». Пример Новой Зеландии, который любил приводить Хусто, убеждал Ферри в его правоте, а не Хусто. «Там нет машинной промышленности в подлинном смысле этого слова, там существует рабочая партия, которая даже вошла в правительство, но там нет социалистической партии». Поэтому, по мнению Ферри, социалистическая партия называется «социалистической», но она ничто иное как рабочая партия в своей экономической программе и «радикальная партия» в политической, поскольку в стране отсутствует радикальная партия в европейском понимании и социалисты выполняют ее роль»⁸⁵.

В идейно-теоретическом плане партия, по мнению Ферри, также не могла называться социалистической, поскольку без требования коллективной собственности в программе называться социалистической — «это абсурд». «Я полагаю — и это всегда является живой частью марксизма, — что без коллективной собственности нет социалистической доктрины». Свое мнение Ферри подтверждал социально-экономическими реалиями Аргентины: хотя сельское хозяйство технически оснащено, страна находится на этапе аграрного развития — имеется значительный фонд общественных земель для перехода в частную собственность. Аграрии—медьерос и мелкие собственники не являются социалистами. Ими могли быть наемные работники («пеоны»), но они в своем большинстве несознательные и являются «ласточковыми» иммигрантами, которых невозможно организовать в социалистическую партию. Да, соглашался Ферри, в Буэнос-Айресе есть слой промышленных рабочих, но «их недостаточно, чтобы изменить характер экономи-

⁸⁴ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 239.

⁸⁵ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 238-239.

ческих условий Аргентины, которая находится на аграрном этапе своего развития». В действительности, они тредюнионисты, которые очень отличны от социалистов»⁸⁶. Таков был итог серьезных, по словам Ферри, размышлений о соцпартии Аргентины.

Возражая Ферри, Хусто утверждал, что идеи аргентинских социалистов имеют корни в аргентинской истории. Он ссылаясь на Майскую революцию, чьи идеи шли от французской революции. Он рассматривал М. Морено, Б. Монтеагудо и Б. Ривадавию как предшественников социализма в Аргентине. Идейные предпосылки для социализма получили дальнейшее развитие в период диктатуры Росаса с появлением социалистической догмы Майской ассоциации, написанной Э. Эчеверрией. Создав партию, социалисты дали стране политическую организацию, которая отстаивала постулаты социальной справедливости, изложенные этими знаменитыми аргентинцами.

Хусто опроверг и другой аргумент Ферри: отсутствие в Аргентине пролетариата. Хусто ссылаясь на последнюю главу I тома «Капитала» «Современная теория колонизации», где Маркс предвидел действия господствующего класса по быстрому созданию пролетариата в аграрных странах, наподобие Аргентины. Хусто считал забавным, что Ферри отвергал от имени ортодоксального марксизма то, что Маркс признавал, поскольку, по Марксу, пролетариат появился не вследствие промышленного переворота, а в результате разложения феодализма.

Все рассуждения Ферри, по мнению Хусто, пронизаны догматизмом. Это касалось и краеугольного камня социалистической доктрины, коллективной собственности. Конечно, соглашался Хусто, социализм немислим без общественной собственности. Но пролетариат уже сейчас необходимо готовить к «возможному коллективизму», уча его свободной кооперации и политическим действиям. Для Хусто, социализм, прежде всего, деятельность, «действия во благо трудового народа, и прежде всего, действия самих трудящихся для собственного блага». В этом заключается живая часть социализма, а не в доктринах. Они могут быть разными даже в Социалистическом Интернационале, где «существуют столь различные мнения, как наше и Ферри»⁸⁷.

Хусто был первым, кто поставил проблему типологии развития капитализма применительно к Аргентине. В программных документах социалистов Аргентина характеризовалась как капиталистическая страна — но отсталая по сравнению с другими переселенческими странами — США,

⁸⁶ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 239.

⁸⁷ *Justo J.B.* La realización del socialismo. P. 247.

Австралией, Новой Зеландией. Корни отсталости они видели в латифундизме. В отличие от других переселенческих стран, где за каждым переселенцем признавалась собственность на занятую им землю, Аргентина была страной латифундией. Здесь, как и в других латиноамериканских странах, право на земельную собственность, полученное спекулянтами и фаворитами правительства, значило больше, чем права поселенцев. В стране существовала аграрная проблема. «Нельзя, — писал Хусто, — чтобы немногочисленный класс помещиков, удовлетворенный получением ренты с незаселенных и едва обрабатываемых латифундий, изымал их из жизни и производства целого континента»⁸⁸. Такое положение объяснялось историческими особенностями развития Аргентины.

После завоевания независимости аграрная эволюция протекала на основе так называемой систематической капиталистической колонизации, суть которой состояла не в создании класса фермеров-собственников, а пролетариата и в присвоении земли высшими классами. С этой целью доступ к земле затруднялся систематическим и искусственным повышением цены на нее. Аграрное законодательство благоприятствовало скупке земли и разнузданной спекуляции, результатом чего стало экстенсивное и кочевое земледелие, немногочисленное сельское население и его слабая ускоренность на земле. Подавляющая часть земледельцев являлась арендаторами. Аренда земли носила краткосрочный и крайне невыгодный для них характер.

Правительственная политика в области иммиграции сводилась к искусственной иммиграции и преследовала цель не заселить страну свободными фермерами — собственниками земли, а иметь в изобилии дешевую рабочую силу. Латифундия и искусственная иммиграция препятствовали демографическому, технико-экономическому и социально-политическому прогрессу страны и прямо затрагивали интересы трудящихся. «Дорогая земля и высокая рента, — отмечал один из руководителей социалистической партии Э. Дикман, — имеют своим следствием низкую зарплату, редкое и убогое население»⁸⁹.

Что же конкретно предлагали социалисты? Они выступали против экспроприации латифундий и их раздела, так как «экспроприровать латифундию — это значит заплатить за нее дорого, увеличить цену соседних латифундий и способствовать спекуляции». Вместо экспроприации латифундий они предлагали прогрессивный налог на земельную ренту и налог на большую стоимость, которая получается не в результа-

⁸⁸ *Justo J.B.* La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917. P. 3.

⁸⁹ *Dickman E.* Inmigración y latifundio. Buenos Aires, 1915. P. 21.

те усилий земледельца, а всего общества. Земельная рента — это чистая привилегия и общество вправе конфисковать ее полностью или частично в свою пользу. Эти меры, по мнению социалистов, являлись настоящей панацеей против «аргентинского зла — латифундий»⁹⁰. Они должны были сопровождаться освобождением от налогообложения мелких землевладельцев; возмещением арендаторам стоимости произведенных улучшений; развитием на селе кооперативного движения⁹¹. Аграрная программа соцпартии была нацелена на создание и развитие многочисленного класса фермеров — собственников земли. Социалисты были убеждены, что от решения аграрной проблемы зависело и политическое будущее страны, судьба демократии. Социальным результатом систематической капиталистической колонизации стало образование помещичьей олигархии, которая, разделенная на фракции, правила без участия народа, хотя внешне имела республиканский и демократический вид. Хусто называл ее также плутократией, живущей за счет повышенной эксплуатации трудящихся. В результате решения аграрной проблемы она бы исчезла и на смену олигархическому режиму пришла бы демократия. Но пока «сельская местность оставалась лугом для выпаса скота и необрабатываемых латифундий, в Аргентине не могло быть ни демократии, ни республики.

Политическому прогрессу страны, помимо существующего аграрного строя, мешала «креольская политика» — беспринципная борьба за власть между различными группировками господствующего класса. «Креольская политика» была прямым порождением латифундизма. В эстансии, где царил власть помещика и господствовали патриархальные отношения, пеоны не могли быть сознательными избирателями. Напротив, по убеждению социалистов, ферма (чакра) дает другой тип избирателя: независимого, сознательного. В нем социалисты видели надежду для аргентинской демократии: на смену «креольской политике» придут настоящие политические партии с программами, выражающими классовые интересы своих избирателей.

Социалистическая партия не обошла вниманием и проблему зависимости страны, роли в ней иностранного капитала. В одной из своих ранних работ Хусто характеризовал Аргентину как «простую европейскую колонию, хотя и с политической независимостью»⁹². В ряде других он доказывал зависимость страны от иностранного капитала⁹³.

⁹⁰ *Dickman E.* Inmigración y latifundio. P. 22.

⁹¹ *Movimiento socialista y obrera.* P. 136-137.

⁹² *Justo J.B.* Socialismo. P. 28.

⁹³ *Justo J.B.* La cuestión nacional. Buenos Aires, 1980. P. 82-93.

Осуждая конкретные проявления хозяйничанья иностранного капитала в стране, лидеры социалистов признавали его как «реальность, способствующую политическому и социальному развитию страны»⁹⁴.

В экономической области партия выступала за свободу торговли и отвергала протекционизм. «Для нее (рабочей партии — В.К.) нынешние таможенные препоны торговле между народами носят такой же варварский характер, — писал Хусто, — как и те, что 50 лет назад препятствовали торговле провинции с провинцией. Их нельзя беречь, как только в том случае, если они необходимы для функционирования уже существующих предприятий, чье разорение нанесет вред занятым на них рабочим»⁹⁵. Социалистами не подвергалась сомнению агроэкспортная модель аргентинской экономики, которая, по их мнению, отвечала интересам страны, обеспечивая ей внешний рынок. Она была также в интересах трудящихся, давая им возможность покупать промышленные товары по более низким ценам, чем те, по которым они производились бы в стране. В международном разделении труда, согласно этой концепции, Аргентина оставалась аграрной страной.

Как же социалистическая партия намеревалась получить представительство в национальном конгрессе, если в стране не было свободных выборов. Социалисты, в отличие от радикалов, не выдвигали в качестве предварительного условия для участия в выборах требование демократизации избирательной системы. С момента образования в 1896 г. соцпартия принимала участие во всех фальсифицированных выборах, рассматривая избирательный процесс как школу гражданственности, где народу даются понятия о его правах, а сама партия приобретает практические навыки работы с избирателями⁹⁶.

Социалисты считали, что получив, таким образом, политическое образование, трудящиеся в конце концов положат конец «креольской политике». В этом заключалось коренное расхождение социалистов с радикалами. Если для радикалов главным препятствием для демократизации был олигархический режим, то для социалистов — «креольская политика». В глазах социалистов ее олицетворением была не только олигархия, но и радикальная партия. Не случайно, поэтому социалистическая партия осудила восстание радикалов (1905). В своем заявлении она квалифицировала их как партию без программы и морали, которая своими действиями затрудняет «политическое возрожде-

⁹⁴ Цит. по: *Walter J.B.* The socialist party of Argentina. Austin (Tex). 1977. P. 117.

⁹⁵ *Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. P. 465.

⁹⁶ *Movimiento socialista y obrero.* P. 35-36.

ние» и подчеркнула, что трудящиеся, организованные в политическую партию, должны держаться подальше от этих раздоров, спровоцированных чрезмерной жадной властью и низменными амбициями»⁹⁷. Тем самым рабочая партия исключалась из борьбы вместе с радикалами за решение общенациональной проблемы: установление в Аргентине политической демократии.

СПА И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЕ

С начала XX в. пролетариат становится все более важным фактором в политической жизни страны. В мае 1901 г. на съезде 35 профсоюзов была создана Рабочая федерация Аргентины (ФОА) при участии как анархистов во главе с П. Гори и Э. Маттеи, так и социалистов во главе с Ф. Кунео и А. Патрони на основе «полной автономии и независимости от социалистической партии и анархизма»⁹⁸.

Главные решения съезда носили компромиссный характер. Съезд признал всеобщую забастовку высшей формой экономической борьбы между трудом и капиталом и необходимость ее пропаганды среди рабочих «как вызов господствующей буржуазии, когда забастовка демонстрирует возможность успешной борьбы»⁹⁹. Анархисты выступили против предложения социалистов добиваться принятия рабочего законодательства и арбитража. Свой отказ они мотивировали тем, что только «организованная и сознательная борьба рабочих даст им права, а закон лишь санкционирует то, что уже завоевано». В результате съезд постановил, что «только от солидарности трудящихся необходимо ждать завоевания ими прав, но в отдельных случаях решение экономических конфликтов между трудом и капиталом передается на рассмотрение арбитража». В вопросе рабочего законодательства восторжествовала точка зрения анархистов. Съезд постановил, что «закон всегда принимается в пользу капиталистов и от его исполнения можно уклониться и рабочим нужно полагаться на свою сознательность и единство, отвергая обращение к государственной власти для получения любого улучшения»¹⁰⁰.

Период, последовавший за созданием ФОА, был насыщен забастовками. В ноябре 1902 г. забастовали рабочие Центрального рынка Буэнос-Айреса, которые требовали 9-часового рабочего дня, повышения

⁹⁷ Цит. по: *Cuneo D. Justo y los luchas sociales en la Argentina*. P. 287.

⁹⁸ *Movimiento socialista y obrero*. P. 141; *López A. Historia del movimiento social y la clase obrera argentina*. Buenos Aires, 1971. P. 132-133.

⁹⁹ *Movimiento socialista y obrero*. P. 141.

¹⁰⁰ *Movimiento socialista y obrero*. P. 142.

ежедневной зарплаты и признания хозяевами своего профсоюзы. В их поддержку выступили трамвайщики столицы. Вскоре забастовку объявили все профсоюзы Буэнос-Айреса.

В ответ на всеобщую забастовку правительство ввело осадное положение, а национальный конгресс принял закон о местожительстве, который предоставлял правительству право высылки из страны «любого иностранца, чье поведение угрожает национальной безопасности или нарушает общественный порядок»¹⁰¹. Власти закрыли рабочие газеты, сотни активистов были высланы из страны. Рабочие ответили всеобщей забастовкой, которая продолжалась 4 дня и закончилась из-за жестоких преследований властей. Забастовка продемонстрировала серьезные расхождения между анархистами и социалистами. Поддержав требования рабочих Центрального рынка, исполком социалистической партии высказался против забастовок солидарности¹⁰².

Профсоюзы, поддерживавшие политику социалистической партии, вышли из ФОА и основали в марте 1903 г. Всеобщий союз трудящихся (УХТ). Новое профобъединение, насчитывавшее 7100 членов, выступило против закона о местожительстве, являвшегося произволом господствующего класса, и обвинило ФОА в том, что она своими авантюристическими действиями способствует этому произволу. УХТ признавал важность забастовочной борьбы, но только при условии тщательной подготовки, позволявшей рассчитывать на успех. В отличие от анархистов он призывал рабочих «участвовать в политической борьбе, отдавая свои голоса партиям, в программах которых содержатся требования рабочего законодательства»¹⁰³.

После выхода социалистов ФОА окончательно перешла на позиции анархистов. В 1905 г. она была переименована в ФОРА — Региональную федерацию рабочих Аргентины, насчитывала 33,8 тыс членов и строила свою деятельность на принципах анархизма. «Наша федерация, — говорилось в программе, — носит исключительно экономический характер. Она отлична и противоположна всем политическим рабочим партиям. Если последние созданы для завоевания политической власти, то мы — для ее упразднения, создавая на ее месте свободную Федерацию свободных производителей»¹⁰⁴. Несмотря на раскол, рабочий класс продолжал борьбу за свои права. В 1904 г. состоялись круп-

¹⁰¹ Congreso nacional. Diario de sesiones de la cámara de diputados. 1902. Buenos Aires, 1930. Т. II. P. 1227-1228.

¹⁰² Oddone J. Historia del socialismo argentino. Т. II. P. 15.

¹⁰³ Movimiento socialista y obrero. P. 151.

¹⁰⁴ Santillan D.A. La FORA: Ideología y trayectoria. Buenos Aires, 1971. P. 120.

ные забастовки железнодорожников страны, продавцов и пекарей в Росарио. Эти забастовки, а также первомайская демонстрация анархистов были жестоко подавлены полицией и войсками. В ответ на репрессии властей 1–2 декабря ФОРА объявила всеобщую забастовку, к которой присоединились социалистическая партия и УХТ.

В 1906 г. социалистическая партия потеряла влияние в УХТ, руководство которой перешло к синдикалистам, которые требовали от руководства партии «подчинить парламентскую деятельность революционной борьбе»¹⁰⁵. Синдикалистское большинство в УХТ оказалось меньшинством в самой партии и на VII съезде в 1906 г. они были исключены из социалистической партии. С этого времени УХТ выступал за всеобщую стачку как наиболее эффективное оружие борьбы. Сближение позиций ФОРА и УХТ привело в 1907 г. к попытке их объединения. Однако объединительный съезд закончился безрезультатно из-за позиции анархистов, которые стремились навязать профсоюзному движению свои принципы. В забастовочной борьбе оба профцентра выступали единым фронтом. Все чаще забастовщики наряду с экономическими требованиями выдвигали требования отмены «закона о местожительстве» и прекращение правительственных репрессий.

Кульминацией стачечной борьбы стала всеобщая забастовка, проведенная с 3 по 8 мая 1909 г. («Майская неделя»), которая явилась ответом рабочего класса на политику террора правящего режима. Накануне в очередной раз была расстреляна первомайская демонстрация. Забастовщики, общая численность которых в Буэнос-Айресе составила 220 тыс человек, требовали освобождения арестованных товарищей и свободы профсоюзной деятельности. Правительство было вынуждено принять их требования. Положение в стране вновь обострилось в связи с убийством анархистом С. Радовитским начальника полиции Буэнос-Айреса. Х.К. Фалькона, виновного в расстреле манифестантов и забастовщиков. Правительство ответило новыми репрессиями и принятием закона «О защите общества», который не разрешал въезд в страну всех нежелательных для властей лиц и запрещением деятельности анархистских организаций¹⁰⁶.

Закон «О защите общества» ознаменовал период разгрома движения анархистов, после чего их влияние в профсоюзах стало падать. В 1909 г. была создана Региональная рабочая конфедерация Аргентины (КОРА) на основе объединения УХТ и автономных профсоюзов, которые вошли

¹⁰⁵ Godio J. Historia del movimiento obrero argentina. P. 250.

¹⁰⁶ Diputados 1910. Buenos Aires, 1910. Т. II. P. 784-787.

в ФОРА в 1905 г.. В том же году большинство профсоюзов, входивших в ФОРА, отказалось от принципов анархистского анархизма. Но и социалисты потеряли влияние в рабочем движении, на это были как объективные, так и субъективные причины. На рабочем движении отрицательно сказались раздробленность пролетариата по мелким предприятиям и неоднородность его национального состава. Это затрудняло деятельность социалистов, которые выполнение рабочих требований мыслили через общую демократизацию государства и общества, на пути политической борьбы. Такое положение рабочего класса благоприятствовало агитации анархистов и синдикалистов. Анархисты, будучи противниками любой формы государственности, рассматривали политическую деятельность как «игру внутри границ власти». Она была «делом» буржуазии и потому чуждой эксплуатируемым.

Анархисты утверждали, то «дело» трудящихся состояло не в изучении чуждого для них «дела» буржуазии, а в развитии собственного, в формировании профсоюзов, ведущих рабочих на всеобщую забастовку с целью разрушения государства и экономического освобождения трудящихся. Хотя анархисты и говорили о пролетариате, в действительности они растворяли эту категорию в эксплуатируемой массе: от промышленных рабочих до люмпен-пролетариата. Для анархистов единственными границами в мире были границы, разделявшие бедных и богатых, а национальные знамена — тряпками. Тактика анархистов скрывала под «антиэтатизмом» линию экономизма. Но этот экономизм нес в себе для рабочих ясный и привлекательный ответ иммигрантам, которые не были заинтересованы в политических вопросах, но через профсоюзы противостояли эксплуатации.

Социально-экономическое положение рабочих-иммигрантов — жизнь в конвентильо, работа от зари до зари за мизерную плату — создавало благоприятную почву для радикальной альтернативы анархистов. Отвержение иммигрантами существующего порядка находило в анархизме простой, но удовлетворительный ответ: главными виновниками были хозяева и государство. Для иммигранта-рабочего политика была делом эксплуататоров, недоступным для необразованного трудящегося. Лозунг анархистов: «Ни Бога, ни Родины, ни хозяев» отвечал наиболее элементарным требованиям и ожиданиям рабочих.

Синдикалистов роднила с анархистами убежденность, что не политические партии, а профсоюзы должны возглавлять борьбу рабочих. Как и анархисты, главным орудием этой борьбы они считали забастовку. Но в отличие от анархистов, они не требовали «идейной определенности» профсоюзов. Напротив, синдикалисты стремились объединить

в профсоюзы всех рабочих, независимо от идеологии. Синдикализм стал реакцией на недостаточность исключительно экономической борьбы, которую вели анархисты. Если последние отрицали политическую борьбу, то синдикалисты ее признавали и выступали за политическую забастовку, говоря о «революционном насилии». Но в отличие от социалистов, политика не была для синдикалистов главной сферой деятельности. Таковой по-прежнему оставалась экономика. Именно здесь, по их мнению, достигались главные завоевания рабочего класса. Такая позиция синдикалистов находила поддержку в рабочих массах, мало политизированных, но заинтересованных в организации для борьбы за свои непосредственные интересы.

Одновременно с усилением анархо-синдикализма в рабочем движении шло ослабление связей социалистической партии с профсоюзами. Это стало прямым следствием роста реформизма. Уже на II-ом съезде из Декларации принципов было изъято положение о приходе пролетариата к власти революционным путем. Обосновывая этот шаг, Хусто заявил, что «для трудящихся [...] существует возможность прихода к власти путем использования политических прав. На VI-ом съезде руководство партии объявило о несвоевременности революционной политической борьбы рабочих¹⁰⁷. С изменением программных установок менялась и политика социалистической партии в отношении рабочего движения. На первых порах социалисты играли заметную роль в рабочем движении Аргентины. Они внесли свой вклад в пробуждение классового сознания рабочих и их организацию путем создания социалистической печати, а также организовывая лекции для рабочих. В 1898 г. Хусто впервые перевел на испанский язык I том «Капитала» К. Маркса.

Усиление реформатских тенденций в партии отталкивало от нее многих активных рабочих, усиливало представление о политической деятельности как о деятельности реформистской. Социалистическая партия почти никогда не выступала в качестве инициатора стачечной борьбы. В лучшем случае она поддерживала забастовки, которые проводили анархисты. Такая политика партии вела к разрыву между экономической и политической борьбой пролетариата.

В глазах общественного мнения социалисты заявляли о себе как о партии демократических реформ, а не революции. В этой связи характерен манифест, с которым исполком партии обратился к «народу, трудящимся и гражданам» по поводу трагических событий Майской недели», в котором осудил как «насилие сверху», так и «насилие снизу»

¹⁰⁷ Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения С. 54.

и подтвердил свою приверженность конституционным методам политической деятельности: «Мы защищаем конституцию, так как хотим пользоваться всеми гражданскими правами. Мы не признаем насилие сверху, которое дает пищу другому насилию» и которое, «сея в народе скептицизм и пренебрежение к закону, препятствует развитию нашей мирной и плодотворной деятельности, направленной на обучение и исполнение (народом — В.К.) политических прав»¹⁰⁸.

По мере потери социалистической партией связей с рабочим классом, ее социальной опорой становился своеобразный блок части рабочих и городских средних слоев, видевших в деятельности социалистов протест против олигархического режима. Увеличение количества партийных организаций и численности партии — с 19 в 1896 г. до 60 в 1912 г. и с 8912 чел в 1902 г. до 11616 в 1911 г. — происходило на основе этого социального блока¹⁰⁹.

Параллельно с рабочим движением в городах началась борьба сельских трудящихся против произвола латифундистов. В 1912 году в стране развернулось широкое аграрное движение, получившее название «Клич Алькорты». 20 июня в местечке Алькорты (провинция Санта-Фе) на собрании земледельцев и мелких торговцев обсуждалась необходимость организации аграриев с целью добиться снижения арендной платы и свободной продажи урожая. 25 июня состоялся массовый митинг земледельцев, на котором присутствовали делегаты от основных сельскохозяйственных районов, где было решено объявить забастовку под лозунгами: «Долой рабские контракты!», «Долой высокую арендную плату!» Движение явилось протестом фермеров-арендаторов против системы землепользования, которая обогащала владельцев земли и связанные с ними иностранные компании.

Аграрное движение получило поддержку социалистической партии. Социалисты оказали всемерную помощь «Кличу Алькорты». Они развернули антилатифундистскую кампанию в партийной прессе, провели в Буэнос-Айресе ряд митингов солидарности с чакарерос.

В июле 1912 г. Хусто по приглашению руководителя забастовки Ф. Нетри посетил зону конфликта и выступил перед чакарерос с разъяснением позиции социалистической партии в аграрном вопросе. Он сказал, что развернувшиеся события подтверждают то, о чем социалисты уже давно говорили: аргентинская политика должна перестать быть междоусобной борьбой различных камарилей и превратиться в борьбу обще-

¹⁰⁸ Movimiento socialista y obrero. P. 201-202.

¹⁰⁹ Oddone J. Historia del socialismo argentino. Т. II. P. 208.

ственных классов за свои интересы. Он с удовлетворением констатировал, что классовая борьба до сих пор шла в городах между трудом и капиталом, началась и в деревне между арендаторами и землевладельцами.

Хусто подчеркнул, что только одна социалистическая партия защищает интересы сельских тружеников и намерена добиваться в национальном конгрессе принятия законодательства в защиту их интересов. Для освобождения от различных форм эксплуатации Хусто призвал чакарерос организовывать кооперативы: «Потребительские кооперативы, чтобы освободиться от торговцев; заготовительные кооперативы, чтобы освободиться от скупщиков; кооперативы взаимной помощи от стихийных бедствий; арендные кооперативы совместно с латифундиями для их раздела на фермы и передачи пайщикам»¹¹⁰.

Позиция социалистической партии в отношении «Клича Алькорты» была единственным случаем в ее политической практике сочетания внепарламентских и парламентских методов борьбы. Начав в 1912 г. парламентскую деятельность, депутаты–социалисты Хусто и А. Паласиос были единственными, кто потребовали рассмотреть события, связанные с аграрным движением в аргентинском конгрессе. 2 июля, через неделю после начала забастовки, они обратились с запросом к министру сельского хозяйства и одновременно потребовали прекращения репрессий против забастовщиков¹¹¹.

На состоявшемся заседании министр Мухико признал «несовершенство экономической системы сельского хозяйства и неустойчивое положение земледельцев», одновременно обвинив «агитаторов, подстрекающих к пересмотру условий контрактов»¹¹². По замечанию Хусто, «[...] выступление министра сельского хозяйства не раскрыло ни существа проблемы, ни путей ее решения»¹¹³. Он обвинил министров сельского хозяйства и внутренних дел в стремлении «разрешить аграрный конфликт полицейскими методами»¹¹⁴. Вместе с тем он подчеркнул, что забастовка чакарерос являлась признаком роста их классового самосознания и новым фактором в аргентинской политике¹¹⁵.

Под угрозой потери урожая латифундисты пошли на переговоры. Поддержав идею переговоров, социалисты советовали руководителям движения не проявлять чрезмерной уступчивости. Хусто в письме

¹¹⁰ *Grela P.* El grito de Alcorta. Rosario, 1958. P. 263.

¹¹¹ Diputados. 1912. T. I. P. 742-743.

¹¹² Diputados. 1912. T. I. P. 886-887.

¹¹³ Diputados. 1912. T. I. P. 901.

¹¹⁴ Diputados. 1912. T. I. P. 904.

¹¹⁵ Diputados. 1912. T. I. P. 902.

к Нетри настаивал на снижении арендной платы до 25% урожая, тогда как комиссия правительства Санта-Фе предлагала 30%¹¹⁶. Чакарерос добились снижения арендной платы до 28%; свободной продажи своей продукции; пользоваться не принадлежавшей землевладельцу сельскохозяйственной техникой. В ходе забастовки была создана Аргентинская аграрная федерация, объединившая мелких и средних аграриев¹¹⁷.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПА.

Принятие национальным конгрессом в феврале 1912 г. закона о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании и представительстве меньшинства позволили социалистам провести в палату депутатов своих представителей — Хусто и А. Паласиоса. Депутаты-социалисты пришли в парламент для защиты интересов трудящихся в рамках закона. Как сказал Паласиос: «Наша деятельность направлена на пробуждение в народе сознания его исторических целей и на подготовку постоянного прогресса народа. Мы всегда действуем в рамках конституции, потому что именно в них и в законодательной деятельности видим гарантии улучшения жизни трудящихся и потому, что сознаем бесплодность ничего не создающего и препятствующего нашей мирной деятельности насилия»¹¹⁸.

Парламентская деятельность социалистов по защите интересов трудящихся принесла им успех на последующих выборах, позволив увеличить представительство в палате до 9 депутатов и получить одно место в сенате. Проблеме выборов уделялось особое внимание. Как отметил Паласиос, она «является главнейшей для социалистической партии, так как лишь через выборы в конгресс социалисты могут реализовать свою программу»¹¹⁹. В центре внимания продолжала оставаться демократизация политической системы. Разбирая результаты выборов в провинции Буэнос-Айрес, депутаты-социалисты разоблачали нарушение законности: подлоги, подкуп, давление на избирателей и вмешательство властей. Но уже вскоре они констатировали успехи демократизации. Результаты выборов 1913 и 1914 гг. показали, что быстрыми темпами «идет трансформация политической жизни от «старой креольской политики» к новой институциональной жизни, где камарильи уже не будут

¹¹⁶ *Grela P.* El grito de Alcorta. P. 155-156.

¹¹⁷ *Grela P.* El grito de Alcorta. P. 18, 68-83, 419-440.

¹¹⁸ Diputados. 1912. T. I. P. 27.

¹¹⁹ Diputados. 1912. T. I. P. 63.

вершить судьбы нации»¹²⁰. Однако борьба не сводилась лишь к демократизации выборов. «Выборы и избирательные кампании, — заявил Хусто, — это узкое понимание политики»¹²¹. Социалисты считали гарантией свободного волеизъявления граждан широкое участие трудящихся в избирательном процессе, а для этого, по их справедливому заключению, необходима борьба против антирабочего законодательства, за создание условий для свободной деятельности профсоюзов. Прежде всего, социалисты требовали изменения «закона о местожительстве»: высылка из страны «нежелательных иностранцев» должна перейти от исполнительной власти к судебным органам, чтобы обеспечить гласный и демократический характер разбирательства»¹²². Одновременно социалисты добивались «легализации рабочих организаций. С этой целью они внесли законопроект «Об ассоциациях трудящихся», где речь шла о профсоюзах для борьбы с хозяевами за выгодные условия продажи рабочей силы, за улучшение условий труда и жизни рабочих»¹²³.

Все законодательные инициативы социалистов преследовали цель вовлечь рабочий класс в политическую борьбу. Как разъяснял Хусто, цель социалистов «всячески содействовать расширению политической борьбы рабочего класса и его участию в процессе демократизации политической жизни», для того, чтобы «включить рабочий класс в государство, бескровно завоевать власть»¹²⁴. Для завоевания государства изнутри и наполнения его новым содержанием рабочий класс должен стать, по словам Хусто, «политически и, главное, экономически [...] самым мощным классом аргентинского общества»¹²⁵.

Социалисты стремились использовать малейший шанс для принятия трудового законодательства, «бомбардируя» конгресс серией законопроектов, содержащие основные требования рабочих: введение восьмичасового рабочего дня, повышение зарплаты, улучшение условий труда. В то же время они искали себе поддержку и в непролетарских слоях. С этой целью социалисты предложили законопроект «Об изменении закона о патентах»¹²⁶.

Наряду с принятием рабочего законодательства социалисты стремились решить проблему дороговизны и высоких налогов, которые съеда-

¹²⁰ Diputados. 1913. T. I. P. 77.

¹²¹ Diputados. 1912. T. I. P. 85-88.

¹²² Diputados. 1912. T. I. P. 284-285.

¹²³ Diputados. 1912. T. I. P. 309.

¹²⁴ Diputados. 1912. T. I. P. 310-311.

¹²⁵ *Justo J.B.* La cooperación obrera. P. 18, 20-21.

¹²⁶ Diputados. 1913. T. I. P. 856, 857; T. III. P. 895-896.

ли значительную часть зарплаты рабочих. Ключ к их решению виделся в реформе федерального бюджета: увеличить расходы на нужды трудящихся и снизить расходы на армию и полицию. Оправдывая эти меры, Хусто говорил: «Бюджетные средства есть деньги, отнятые у народа путем налогов и пошлин, которые делают дороже жилище, питание, одежду»¹²⁷. Социалисты настояли на постатейном обсуждении бюджета. «Новым явлением в обсуждении бюджета палатой депутатов, — заявил Хусто, — можно назвать участие в нем депутатов-социалистов, которые защищают народные интересы»¹²⁸.

Помимо прочего, своими законодательными инициативами социалисты стремились «побудить государство расширить свою административную деятельность в пользу трудящихся», поскольку это «наиболее эффективный и безболезненный способ решения социальных проблем»¹²⁹. Новым моментом в парламентской деятельности социалистов стала попытка сочетания защиты интересов трудящихся с содействием развитию промышленности, чтобы предприниматели повышали эффективность производства не за счет трудящихся, а за счет более разумной организации труда и внедрения технических новшеств, «гарантируя себе таким образом прибыль, на которую они имеют полное право»¹³⁰.

Для решения аграрной проблемы парламентская фракция социалистов предложила законопроект «Об аграрной колонизации», суть которого заключалась в скупке государством частных земель и раздел их на участки, размер которых варьировался в зависимости от плодородия и расположения земли. 20% стоимости должны были выплатить при получении надела, а 80% платились в рассрочку при 8% годовых. Для стабильного хозяйствования фермеров предусматривалась неотчуждаемость надела, меры против спекуляции и снижение риска в случае неурожая¹³¹. Помимо этого, социалисты предлагали увеличить налогообложение латифундий; обязать собственников оплачивать арендаторам произведенные ими улучшения и увеличить минимальный срок аренды до 5–7 лет. В обоснование своих предложений социалисты ссылались на требования ААФ¹³².

Первая мировая война привела к размежеванию внутри социалистической партии на сторонников и противников войны. Первоначально

¹²⁷ Diputados. 1912. T. I. P. 715.

¹²⁸ Diputados. 1913. T. I. P. 178.

¹²⁹ Diputados. 1914. T. III. P. 398.

¹³⁰ Diputados. 1914. T. I. P. 607.

¹³¹ Diputados. 1916. T. IV. P. 2850-2853.

¹³² Diputados. 1917. T. I. P. 247-248.

партия выступала против войны. Но постепенно, особенно после вступления США в войну, верх взяли сторонники вступления Аргентины в войну. Такая позиция руководства партии и парламентской фракции вызвала протест членов партии и исполком вынужден был созвать в апреле 1917 г. третий чрезвычайный съезд партии, на котором позиция руководства не получила поддержки. Несмотря на это, парламентская фракция внесла в конгресс резолюцию о разрыве дипломатических отношений с Германией¹³³, что привело к расколу социалистической партии. Левое крыло образовало в январе 1918 г. новую интернационально-социалистическую партию, с 1920 г. — коммунистическую партию.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермолаев В.И.* Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М.: Мысль, 1982.
- Искарро Р.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978.
- Очерки истории Аргентины. М., 1961.
- Cúneo D.* Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956.
- Dickman E.* Inmigración y latifundio. Buenos Aires, 1915.
- Dorfman A.* Historia de la industria argentina. Buenos Aires, 1970.
- Godio J.* Historia del movimiento obrero argentino. Buenos Aires, 1973.
- Grela P.* El grito de Alcorta. Rosario, 1958.
- Justo J.B.* Cooperación obrera. Buenos Aires, 1917.
- Justo J.B.* El socialismo. Buenos Aires, 1928.
- Justo J.B.* La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917.
- Justo J.B.* La cuestión nacional. Buenos Aires, 1980.
- Justo J.B.* La realización del socialismo. Buenos Aires, 1947.
- Justo J.B.* Teoría y práctica de la historia. Buenos Aires, 1909.
- Lallemant G.A.* La clase obrera y el nacimiento del marxismo en la Argentina. Buenos Aires, 1974.
- López A.* Historia del movimiento social y la clase obrera argentina. Buenos Aires, 1971.
- LV. La revolución del 90. Buenos Aires, 1948.
- Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910.

¹³³ Diputados. 1917. T. V. P. 29-30.

- Oddone J.* Historia del socialismo argentina. T. 1–2. Buenos Aires, 1934.
- Ortiz R.M.* Historia económica de la Argentina. 1850–1930. Vol. 1–2. Buenos Aires, 1955
- Panettieri J.* Los trabajadores en tiempos de la inmigración masiva en Argentina 1870–1910. Buenos Aires, 1966.
- Paso L.* Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina. Buenos Aires, 1974.
- Puiggros R.* Antecedentes de la crisis nacional de 1890 // Cursos y conferencias. Vol. XVI. Año IX, octubre – noviembre de 1940.
- Ratzer J.* Los marxistas argentinos del 90. Córdoba, 1970.
- Santillan D.A.* La FORA: Ideología y trayectoria. Buenos Aires, 1971.
- Walter J.B.* The socialist party of Argentina. Austin (Tex), 1977.

*В.В. Дамье**
V.M. Damier

«ВЫ НАС С КЕМ-ТО СПУТАЛИ...»

АРГЕНТИНСКИЕ АНАРХИСТЫ И РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

“YOU GET US CONFUSED...”

ARGENTINE ANARCHISTS AND
THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Аннотация: Революция 1917 г. в России произвела огромное впечатление на анархистов Южной Америки, в частности, Аргентины. Большинство из них первоначально восприняли победу большевиков как шаг в направлении безгосударственного общества анархистского коммунизма. Они видели в Российской революции то, что им хотелось видеть, и поэтому они проявляли склонность истолковывать события в далекой России в духе собственных идей и представлений. Лишь постепенно, по мере поступления информации о реальной ситуации в России, большевистской диктатуре и репрессиях против анархистов и социалистов в России, в анархистском движении начался пересмотр прежней идеализации российской революции. Критика действий большевиков способствовала разработке идейных концепций аргентинского анархизма. В статье рассматривается процесс размежевания аргентинских анархистов с большевизмом в 1919–1923 гг.

Ключевые слова: Анархизм, Аргентина, большевизм, Российская революция, ФОРА.

Abstract: The 1917 revolution in Russia made a huge impression on the anarchists of South America, particularly in Argentina. Most of them are originally accepted the victory of the Bolsheviks as a step

* *Вадим Валерьевич Дамье* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. (*Vadim V. Damier* — Institute of World History). vaddam@mail.ru.

towards a stateless society of anarchist communism. They saw in the Russian Revolution that they would like to see, and so they tend to interpret events in the distant Russia in the spirit of their own ideas and views. Only gradually — as the receipt of information about the real situation in Russia, the Bolshevik dictatorship and repression against anarchists and socialists in Russia — the anarchist movement began to rethink its idealization of the Russian Revolution. Criticism of Bolshevik actions contributed to the development of the original ideological concepts of Argentine anarchism. The article discusses the process of delimitation of the Argentine anarchists against Bolshevism in 1919–1923.

Keywords: Anarchism, Argentine, Bolshevism, FORA, Russian Revolution.

Революция 1917 г. в России произвела колоссальное впечатление на анархистские и синдикалистские движения и организации по всему миру. Активист Аргентинской региональной рабочей федерации (ФОРА), крупнейшего профобъединения, которое стояло на анархистских позициях, позднее вспоминал: «победивший в России большевизм смог до такой степени повлиять на рабочую и революционную среду всех стран, что в результате стало материально невозможно делать что-либо независимо от русского феномена. Чтобы понять это, нам достаточно напомнить о том, что организации, до тех пор остававшиеся верными принципам, которые Бакунин отстаивал в споре с Марксом, и другие, принявшие синдикалистскую концепцию Пуже и Пеллутье и подписавшиеся под Амьенской хартией, настолько пострадали от влияния, исходившего из Москвы и пронизавшего все умы, что сочли для себя приемлемым вступить в Коминтерн. Так произошло с Национальной конфедерацией труда Испании, Итальянским синдикальным союзом и фракцией меньшинства во французском синдикализме». Чувства солидарности с революцией в России (которая отождествлялась с большевизмом) и «симпатии, которые вызывали такие идеи «совета», «диктатуры пролетариата», «коммунистического государства», облегчили большевикам их намерения»¹.

Информация о революционных событиях в России стала докатываться до Южной Америки на фоне общей ситуации, которая складывалась под воздействием Первой мировой войны на этот континент, удаленный от главных театров боевых действий. Война оказала

¹ *Aladino B.* La Asociación Internacional de los Trabajadores // Certamen Internacional de “La Protesta” en ocasión del 30 aniversario de su fundación. 1897 – 13 de junio 1927. Buenos Aires, 1927. P.149, 150.

неоднозначное влияние на южноамериканские страны. Большинство из них сохраняли официальный нейтралитет; Бразилия формально выступила против Германии, но реально в боевых действиях не участвовала. Потребности рынка воюющей Европе в сырье и продовольствии, отрезанность от поставок из Европы — все это способствовало развитию промышленности государств Южной Америки, строительству новых фабрик, увеличению числа наемных работников. Но экономический бум и увеличение прибылей предпринимателей не сопровождалось подлинным ростом уровня жизни трудящихся. Они все больше страдали от стремительно разворачивавшейся инфляции, волны всеобщего подорожания товаров и услуг, расцвета спекуляции. Рабочих становилось все больше, они все явственнее ощущали свою силу, а положение их ухудшалось. В годы войны по многим странам континента прокатились волны массовых протестов и забастовок против роста цен на основные продукты и товары. Эти социальные движения сопровождалось усилением радикальных настроений, распространением анархистских взглядов и революционно-синдикалистских методов.

Рабочее движение на континенте в те годы было весьма пестрым в идейном отношении. «...Сохраняли свое влияние анархизм и анархо-синдикализм, агитировали социалисты, воспитанные в духе авторитетов II Интернационала, делал первые шаги национал-реформизм, питавший трудящийся люд надеждами на защиту народных интересов всевластными президентами и диктаторами»². Мексиканская революция 1910–1917 гг. и начавшаяся в 1917 г. революция в России усиливали бунтарские настроения. В 1918–1923 гг. практически вся Латинская Америка переживала бурный социально-революционный подъем. Анархисты шли в первых его рядах. Они занимали ведущие позиции в рабочем и профсоюзном движении в Аргентине (несмотря на откол в 1915 г. от ФОРА синдикалистско-социалистического профцентра ФОРА IX конгресса)³, Бразилии (где под их влиянием находилось большинство профсоюзов Бразильской рабочей конфедерации)⁴, Уругвая⁵. Суще-

² *Калмыков Н.П.* Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С. 387–388.

³ *Oved I.* El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina. Mexico, 1978; *Yerril P., Rosser L.* Revolutionary Unionism in Latin America: FORA in Argentina. London; Doncaster, 1987; *Alexander R.J.* History of organized labor in Argentina. Westport; London, 2003; *Suriano J.* Auge y caída del anarquismo. Argentina, 1880–1930. Buenos Aires, 2005.

⁴ *Rodrigues E.* Alvorada operária: os congressos operários. Rio de Janeiro, 1979.

⁵ *Mantero R.* Historia del movimiento sindical uruguayo. Montevideo, 2003.

ственным влиянием пользовались анархисты также в Чили⁶, Перу⁷, Боливии⁸, Парагвая⁹ Эквадора¹⁰.

Многие анархисты Южной Америки были очарованы Русской революцией не меньше, чем их товарищи в Европе — точнее, даже больше, в силу географической удаленности и отсутствия достоверной информации. Тем сильнее оказывался соблазн воспринять заявления и действия большевиков не как то, чем они были в реальности, не как установление нового авторитарного режима, но как нечто, соответствовавшее желаемому — как решительный шаг на пути к установлению справедливого и безгосударственного строя анархистского коммунизма. Немало число либертариев на континенте эволюционировало к «анархо-большевизму», а затем и просто к большевизму. Отношение к «российскому опыту» глубоко раскололо латиноамериканский анархизм и поставило его перед решающим выбором. В этой статье мы попытаемся рассказать о том, как реагировали анархисты Аргентины на большевистский соблазн.

Ко времени окончания Первой мировой войны Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА), несмотря на раскол 1915 г., отделивший от нее сторонников объединения с социалистическими профсоюзами и «чистых» синдикалистов (ФОРА–IX), оставалась наиболее значительной организацией в рабочем движении страны и одним из самых влиятельных профцентров Латинской Америки. Она пришла в мировое анархо-синдикалистское движение собственным путем, отличным от европейского революционного синдикализма. Провозгласив в 1905 г. на V конгрессе своей целью «анархистский коммунизм», ФОРА считала себя продолжателем линии бакунистского крыла Первого Интернационала. Аргентинский исследователь Антонио Лопес отмечает явные черты сходства в содержании и даже в терминологии между резолюциями конгресса антиавторитарного Интернационала в Сент-Имье (1872 г.) и документами его испанской секции, с одной стороны, и основополагающими документами ФОРА («Пактом солидарности», «Организаци-

⁶ *Solar F., Pérez A.* Anarquistas. Presencia libertaria en Chile. Santiago, 2008.

⁷ *Hirsch S.J.* Peruvian anarcho-syndicalism: adapting transnational influences and forging counterhegemonic practices, 1905–1930 // *Anarchism and syndicalism in the colonial and postcolonial world, 1870–1940: the praxis of national liberation, internationalism, and social revolution.* Leiden, 2010. P. 227–271.

⁸ *Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano (1912–1965). Buenos Aires, 2010; *Подригес Гарсиа В.* Анархизм в боливийских Андах в первой половине XX века // *Латиноамериканский исторический альманах.* 2014. № 14. С. 246–265.

⁹ *Duarte C.* El sindicalismo libre en Paraguay. Asunción, 1987.

¹⁰ *Pérez A.* El Anarquismo en el Ecuador. Quito, 1986.

онной системой» и «Декларацией принципов»), с другой¹¹. ФОРА не испытала на себе непосредственного влияния французского революционного синдикализма и продолжала именовать свои рабочие союзы не синдикатами, а традиционным термином «общества сопротивления». В организационном отношении ФОРА представляла собой федеративное объединение таких рабочих обществ, созданных преимущественно на профессиональной основе и связанных узлами солидарности и взаимопомощи. Ее «центральный» орган — Федеральный совет, согласно утвержденной системе, должен был быть всего лишь центром связи и посредником между ними.

В отличие от европейского революционно-синдикалистских профсоюзов, ФОРА была одновременно организацией профсоюзной и идейно анархистской. Она вела борьбу теми же методами «прямого действия», что и революционный синдикализм (стачки, бойкот, саботаж и т.д.), но отвергала идейную нейтральность, выдвигая вместо этого недвусмысленно сформулированную анархо-коммунистическую цель. ФОРА была анархистским рабочим движением. Таким образом, она задолго до европейского анархо-синдикализма (и гораздо более последовательно) следовала принципу: анархизм — это цель, синдикализм — средство его достижения. ФОРА, как она себя понимала, — «это ни анархистская «партия», ни синдикалистская организация..., она — конкретизация наших идей и наших надежд, принесенных в рабочее движение и поставленных на службу полному освобождению пролетариата... движение угнетенных и эксплуатируемых, которое отвергает угнетение и эксплуатацию человека человеком, самая широкая человеческая концепция, которая только может существовать»¹².

Теоретики ФОРА представляли себе будущее общество без централизованной экономики и огромных индустриальных предприятий, без государства и классов, без денег. Все это следовало не передать в руки синдикатов, а сломать. Такой подход соответствовало основным положениям анархо-коммунизма, как они были сформулированы Кропоткиным. «Позитив» ФОРА высказывала в самой общей форме: автономные коммуны свободных людей и их ассоциации были для нее «элементарным принципом» ее идеологии, основой реорганизации общества, «подлинными ячейками социального организма»¹³.

¹¹ López A. La FORA en el movimiento obrero. Tomo 1. Buenos Aires, 1987. P. 13.

¹² López Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925. P. 7-8.

¹³ Ibid. P. 65.

Революция в России и последовавший за ней революционный подъем в мире, вспоминал Д. Абад де Сантильян, бывший до 1930 года одним из теоретиков ФОРА, встретили «живой отклик в Аргентине, и всё это превратило ФОРА V конгресса в центр притяжения больших масс [трудящихся]. Русская революция и окончание войны пробудили здесь организационную лихорадку; на протяжении нескольких месяцев поднялись профсоюзы с тысячами и тысячами членов; рост был чрезвычайно быстрым, и [движение] оказалось неподготовленным к такому стремительному притоку»¹⁴.

Газета «Ла Протеста», которая фактически являлась главным изданием анархистского движения и неформальным органом ФОРА, приветствовала революцию в России как продолжение и триумф долгой традиции всемирного движения за свободу, отмечая, что «полный разгром государственного режима самим же правительством» открывает новые перспективы для анархизма. Она стала «последним краем тропы, проложенной эпохой жестокости и преступлений», началом новой эры во всем мире, когда люди смогут построить новое, свободное общество, как начало мировой революции»¹⁵.

Видя в революционных событиях в России то, что они хотели увидеть, авторы «Ла Протеста» пытались по-своему истолковать и большевистскую «диктатуру пролетариата». «Диктатура пролетариата, первое следствие социальной революции, инструмент прогресса, который применяют народы для разрушения всех общественных анахронизмов и которая послужит основой для организации, строящейся на гуманном принципе свободного производства и вольного коммунизма», — писала эта газета 5 марта 1919 г.¹⁶ Такая диктатура необходима для разрушения сопротивления угнетательских классов и преодоления консервативного духа среди части трудящихся. Иными словами, «диктатура пролетариата» истолковывалась не как политический правительственный режим, но как непосредственное революционное насилие со стороны трудящихся.

Для анархистского движения Аргентины 1919-й и последующие годы были временем тяжелых и острых конфликтов с властью. В январе 1919 г. расстрел гвардейцами рабочих бастовавшей в Буэно-Айресе металлургической фабрики «Васена», которые добивались сокращения рабочего дня, привел к организованной ФОРА всеобщей забастовке

¹⁴ *Abad de Santillan D.* La F.O.R.A.: ideología y trayectoria del movimiento obrero revolucionario en la Argentina. Buenos Aires, 1971. P. 242.

¹⁵ Цит. по: *Pittaluga R.* De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina, 1917–1924) // *Sociohistórica*. 2002. No. 11–12. P. 73–75.

¹⁶ Цит. по: *Ibid.* P. 77.

и баррикадным боям в столице страны. В ходе этих событий, получивших название «Трагической недели», погибло от 700 до 1400 человек, 5 тыс были ранены, 55 тыс арестованы¹⁷. Репрессии затронули и провинции страны. Так, в период «Трагической недели» в Кордове были арестованы и подверглись пыткам и избиениям свыше 600 активистов различных рабочих и политических организаций¹⁸. Удар, испытанный рабочим движением, был жестоким. Помещения и бюро ФОРА были закрыты, типографии захвачены войсками, собрания и митинги запрещены, множество людей подверглись арестам и депортациям. Анархистские газеты вынуждены были на несколько месяцев закрыться. Однако движение быстро восстановило и даже умножило свои ряды и влияние. За послевоенные годы тираж «Ла Протеста» увеличился в два, а затем в три раза; появились новые анархистские и синдикалистские издания. Работа анархистов не ограничивалась районом столицы, но ощущалось и в провинции. Так, в Кордове они в 1918–1919 гг. расширили свою деятельность и укрепили свое влияние в местных рабочих союзах¹⁹. Острота социального противостояния и репрессии не способствовали прояснению позиции анархистов по отношению к событиям, происходившим в далекой России. Тем не менее, по мере того, как информации о Русской революции становилось все больше, среди анархистов Аргентины стали раздаваться первые критические голоса. Стимулом к пересмотру прежней позиции стала и деятельность созданной в 1918 г. в Аргентине Интернациональной социалистической партии (впоследствии — Коммунистической партии Аргентины): она служила напоминанием о партийном и государственном характере большевизма.

Известный анархист Теодоро Антили уже в 1919 г. выступил с развернутой статьей «Коммунизм и анархия», в которой указывал на то, что большевики отнюдь не заменяют партии и политические институты власти вольными Советами, но заменяют буржуазный режим другим, государственным. Он и другие авторы газеты «Трибуна пролетария» оценивали большевизм как продолжение этактической социал-демократии, с ее концепцией «переходного государства» и сотрудничеством с буржуазией, и, заявляли, что он отнюдь не является переходным шагом к свобо-

¹⁷ Yerril P., Rosser L. Revolutionary Unionism. P.26-27; Colombo E. La FORA. Le “finalisme” révolutionnaire // De l'histoire du mouvement ouvrier révolutionnaire. Actes du colloque international “Pour un autre future”. Paris, 2001. P. 120-123; Bilsky E. La Semana trágica. Buenos Aires, 1986.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 72. Л. 185.

¹⁹ Там же. Л. 183.

де и может быть устранен лишь новой революцией. Большевистский, марксистский коммунизм не имеет ничего общего с анархистским коммунизмом, поскольку марксизм «всегда мечтает о централизации и диктатуры ради утверждения в такой форме коллективистского государства». Соответственно, «диктатура пролетариата» есть, по сути, диктатура большевистских вождей над пролетариатом, а Советы — отнюдь не революционный комитет, а инструмент демократии, орудие партии²⁰.

На противоположном фланге сложилось течение «анархо-большевиков», издававшее газету «Ла Бандера роха» (Красное знамя). Ее тираж быстро вырос до 20 тыс экземпляров. Как отмечает исследователь Р. Питталуга, это направление стремилось извлечь свои уроки из российского опыта и заимствовать его, не только переформулировав политико-теоретические принципы анархизма, но и внеся изменения в политическую практику. «Анархо-большевики увидели в Русской революции подтверждение и легитимацию — помимо новых теоретико-практических элементов — для реализации практики, имеющей более открытую классовую ориентацию, чем имел до тех пор анархизм на Ла-Плате, и это вело их к большей централизации конфликтов вокруг контроля над процессом труда, к стремлению добиться единства рабочего движения и создать особую политическую организацию анархизма»²¹. Такая организация (по существу, политическая партия) могла бы, по их мысли, оказывать решающее влияние на объединенное рабочее движение, в котором объединились бы анархистская ФОРА и синдикалистская ФОРА—IX.

Для достижения своих целей аргентинские «анархо-большевики» воспользовались тем, что репрессии способствовали росту духа примирения и сближения между сторонниками различных направлений в рабочем движении. Примером такой тяги может служить ситуация в провинции Кордова. Там профсоюзы различной идейной ориентации собрались в апреле 1919 г. по инициативе местного рабочего союза на провинциальный рабочий конгресс. На нем была создана провинциальная рабочая федерация, в руководство которой вошли анархисты, коммунисты, социалисты и беспартийные. Провинциальный профцентр постановил сохранять автономию перед лицом раскола движения в общенациональном масштабе, но поддерживал контакты как с ФОРА, так и с ФОРА—IX и объявлял о своей приверженности борьбе против буржуазии, в защиту интересов рабочего класса. Конгресс принял резо-

²⁰ См.: *Antilli T.* Comunismo y anarquía. Toda la tendencia humana es al comunismo y la anarquía (1919). Buenos Aires, 2014.

²¹ *Pittaluga R.* De profetas. P. 80.

люцию приветствия в адрес русской революции. К июню 1920 г. в Кордовскую федерацию входило 80 профсоюзов²².

Опираясь на тенденции к объединению, «анархо–большевики» добились в конце 1919 г. в ходе обновления состава Федерального совета ФОРА избрания секретарем организации Антонио Госальвеса, а его заместителем — Себастьяна Феррера. Оба они питали симпатии к идее «диктатуре пролетариата», способствовали продвижению на посты в организации своих людей и выступали за сотрудничество с кругами, близкими к изданию «*Ла Бандера роха*». В качестве первого шага были организованы совместные выступления за возвращение сосланных в Ушуайю редакторов этого издания. В марте 1920 г. состоялась всеобщая стачка за освобождение политических заключенных. Ее подготовка сопровождалась ажиотажем, угрозами взрывов бомб в столице и многочисленными арестами. Более «Традиционалистские» анархисты в ФОРА и редакция «*Ла Протеста*» отнеслись к планам стачки с недоверием и опасались подчинения движения политическим целям. Однако, несмотря на то, что дискуссии еще не были завершены, новый Федеральный совет ФОРА провозгласил всеобщую забастовку. Плохо подготовленная, она закончилась полным провалом. Все бомбы были конфискованы полицией, а активисты, занимавшиеся подготовкой стачки, арестованы. Через несколько месяцев обнаружилось, что за этими событиями стояла провокация полиции, агентом которой выступал Хуан Портас²³.

В конце сентября – начале октября 1920 г. в Буэнос-Айресе собрался чрезвычайный конгресс ФОРА, именовавшейся теперь «Коммунистическая ФОРА». В нем приняли участие представители 400 организаций, входивших в Федерацию, 56 автономных союзов и 192 организаций, разделявших принципы ФОРА. В ходе дискуссий некоторые высказывали симпатии к «диктатуре пролетариата», но эта позиция была отвергнута. После долгих дебатов абсолютное большинство участников подтвердили решение V конгресса ФОРА 1905 г., которое рекомендовало в качестве цели организации «анархистский коммунизм»²⁴. В то же время, к эмблеме ФОРА — рукопожатия — были добавлены символы Русской революции — серп и молот.

В центре обсуждения на конгрессе оказался вопрос о единстве рабочего движения. Прежде всего, участники высказались в поддержку

²² РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 72. Л. 185-186.

²³ Bericht der “Federacion Obrera Regional Argentina” — “Regionale Arbeiterföderation Argentiniens” zum zweiten Kongreß der “Internationalen Arbeiter-Assoziation” (I.A.A.) // Die Internationale. 1925. Nr. 5. Juni. S. 99-101.

²⁴ López A. La FORA. Tomo 1. P. 124-125.

«восстановления Революционного синдикального Интернационала» как «продолжения Первого Интернационала» и поручили Федеральному совету ФОРА предпринять необходимые действия в этой связи. Пока такое международное объединение родственных рабочих федераций еще не создано, указывалось в решении конгресса, необходимо оказывать поддержку любым акциям бойкота, кампаниям поддержки заключенных и международным стачкам, либертарным по духу и идущим на пользу «революционной рабочей фракции». Получила поддержку также идея проведения съезда синдикалистских организаций Южной Америки. Делегаты предоставили Федеральному совету полномочия созвать такой форум в подходящее время.

Конгресс высказался за установление «сердечных отношений» со всеми профсоюзными организациями страны, носящими «действительно революционный характер». Это должно было обеспечить эффективную солидарность в ходе рабочей борьбы против капитала и государства. Делегаты подчеркнули при этом, что речь может идти только о поддержке «синдикальной практики», свободной от легалистских и политических моментов²⁵. Странники «анархо–большевизма» и ряд профсоюзов добились объединения с синдикалистской ФОРА–IX конгресса, которая отвергала анархо–коммунизм. Но в это вопросе они не добились успеха. Делегаты постановили, что «любое предложение об объединении со стороны синдикатов, групп автономных синдикатов и других организаций, представляющих различные профессии» будет рассматриваться лишь в том случае, если оно основано на принципах, не противоречащих «методам борьбы и социальной цели Коммунистической ФОРА». Если подобный проект выдвигался какой-либо организацией, входившей в состав ФОРА, Федеральный совет был обязан назначить референдум среди союзов Федерации. В случае одобрения этих предложений, они послужили бы основой для объединительного конгресса. Однако делегаты подчеркнули, что пока никаких ясных проектов на сей счет нет, обсуждать нечего и данную «идею следует полностью отвергнуть»²⁶.

В то же время, конгресс подтвердил, что различные фракции рабочего движения, независимо от их идейных разногласий, в определенных обстоятельствах могут заключать соглашение о совместных действиях. Профсоюзу ФОРА–IX было предложено договориться о «Пролетарском согласии» в борьбе за освобождение заключенных участников социальных и рабочих выступлений, за отмену репрессивных законов, включая

²⁵ *López A.* La FORA. Tomo 1. P. 123, 124.

²⁶ См. текст резолюции конгресса: “La fusón”. P.122-123.

закон о проживании, за свободу рабочей и революционной печати и против любого наступления на организации трудящихся «со стороны капитализма, государства и любого другого консервативного института»²⁷.

Это последнее решение позволило «анархо-большевикам» и другим сторонникам объединения продолжить свои усилия в этом направлении, несмотря на растущее сопротивление со стороны анархистов, группировавшихся вокруг «Ла Протеста» и «Трибуна пролетариа». В феврале 1921 г. представители ФОРА были приглашены на конгресс ФОРА–IX. Направленные в качестве наблюдателей Гонсальвес и Феррер самовольно предложили синдикалистам осуществить объединение обеих федераций. Конгресс ФОРА–IX принял это предложение, образовал комитет по объединению рабочих и пригласил ФОРА принять в нем участие. Анархистская рабочая организация оказалась в сложном положении. С одной стороны, ее секретарь действовал единолично, не имея никаких полномочий выступать с подобным предложением, и Федеральный совет в изданном им циркуляре осудил действия Гонсальвеса. С другой, с учетом решений чрезвычайного конгресса, нельзя было просто отвергнуть участие в создаваемом комитете. Поэтому совет призвал синдикаты и организации ФОРА высказать свое мнение о возникшей ситуации²⁸.

Одновременно с попытками образовать «единый фронт» внутри страны, группа Гонсальвеса и Феррера искали сближения с Советской Россией. Они — опять-таки самовольно — решили направить от имени ФОРА делегата на конгресс Профинтерна в Москве в июле 1921 года²⁹. Представительство было возложено на активиста Индустриальных рабочих мира (ИРМ) Тома Баркера. Родившийся в Британии, Баркер с 1909 г. работал в Новой Зеландии, вступил в ИРМ и социалистическую партию, в 1914 г. после преследований переехал в Австралию, где редактировал печатный орган ИРМ, «Дайрект экшн». Арестованный за антивоенные выступления, он был в 1918 г. выслан в Чили, а затем отправился в Буэнос-Айрес, где выступил одним из организаторов профсоюза моряков³⁰. В декабре 1920 г. Баркер уже представлял ФОРА на международной синдикалистской конференции в Берлине, где, по оценке историка У. Торпа, проявил «путаницу и утомленность» в теоретических вопросах. С одной стороны, он заявил, что ФОРА стоит на бакунистских позициях, ничего хорошего не ждет от государственного переворота, даже если тот имену-

²⁷ См. текст резолюции: “Entente proletaria”. P. 123-124.

²⁸ Bericht der “Federacion Obrera Regional Argentina”... S. 102-103.

²⁹ Ibid., S. 104.

³⁰ См.: *Burgmann V. Revolutionary Industrial Unionism: The Industrial Workers of the World in Australia.* Cambridge; New York; Melbourne, 1995. P. 71, 271.

ет себя «пролетарским», и, по ее мнению, лишь профессиональные, а не политические организации трудящихся могут служить основой для социальной революции. С другой, Баркер объявил себя марксистом в вопросах экономики, уточнил, что он «за Москву, но против государства», и призвал «покончить со всякими теориями»³¹.

Отправляя Баркера на конгресс Профинтерна, ФОРА выдала ему мандат, в соответствии с которым делегат не имел права принимать окончательное решение о вступлении в эту международную организацию, но должен был следовать цели ФОРА (анархистскому коммунизму) и решениям конгресса Федерации 1920 г. Ему надлежало настаивать на автономии Профинтерна от Коминтерна, переводе его штаб-квартиры из Советской России и осуждении Амстердамского Интернационала, созданного профсоюзами, которые ориентировались на социал-демократию. Профинтерн, указывалось в инструкциях, данных делегату Федеральным советом, должен быть «создан на коммунистических, либертарных и революционных принципах, быть действительно антиполитическим и антигосударственным»³². Однако Баркер нарушил эти инструкции: он голосовал против резолюции о связи между Коминтерном и Профинтерном, на которой настаивали большевики, но выразил свою личную поддержку Профинтерну³³.

Отношение к революции в России в ФОРА и среди большинства анархистов в Аргентине резко ухудшилось к середине 1921 г., когда в Южной Америке стали известны детали подавления Кронштадтского восстания и разгрома анархистского движения в России большевистской диктатурой. Большую роль в информировании аргентинских либертариев сыграли статьи и брошюры таких видных представителей международного движения, как немецкие анархо-синдикалист Рудольф Роккер и Аугустин Сучи, американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман и др.³⁴. Еще одним источником информации о положении в России служили сообщения русских анархистов, публиковавшиеся в выходившем с 1920 г. в Буэнос-Айресе журнале «Голос труда», органе Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, и распространявшие-

³¹ Thorpe W. "The Workers Themselves": Revolutionary Syndicalism and International Labour, 1913–1923. Dordrecht; Boston; London, 1989. P. 154.

³² López A. La FORA. T. 2. P. 161-162.

³³ Thorpe W. "The Workers Themselves". P. 195.

³⁴ См.: Rucker R., Goldman E., Berkman A., Kropotkin P. ¿Soviet o dictadura? Buenos Aires, 1920–1921; Souchy A. Viaje a la Ucrania revolucionaria. Buenos Aires, 1921; Rucker R. Bolchevismo y anarquismo. Buenos Aires, 1922.

ся Рабочей издательской группой в Аргентине³⁵. Еще одним фактором, который ослаблял позиции анархо-большевиков, стала неудача в деле практического взаимодействия с ФОРА–IX в социальных конфликтах. Так, в 1921 г. ФОРА предложила синдикалистской ФОРА–IX совместно поддержать бастовавших рабочих Ла-Форесталь в Чако, в большинстве своем не принадлежащих ни к одной из федераций. В этой стачке в провинции Санта-Фе приняли участие около 20 тысяч трудящихся. Забастовщики подверглись нападению со стороны армии и полиции, что повлекло за собой человеческие жертвы. ФОРА призвала синдикалистов к совместной акции 5 апреля. Однако те ответили только 10 апреля, причем в весьма неопределенных тонах, что сорвало намеченное выступление. Забастовка во Флорестале была жестоко подавлена.

Когда 1 мая 1921 г. в столкновении с фашистами из «Патриотической лиги» в Гуалегайоу (провинция Энтре-Риос) был убит активист ФОРА–IX, а несколько сторонников организации ранены, анархистская ФОРА вновь предложила синдикалистам провести совместное выступление протеста 6 мая. Те ответили только 12 мая, пообещав «обсудить» вопрос. Тем временем, 26 мая 1921 г. фашистские группы внезапно напали на помещения проводившего стачку союза кочегаров и машинистов порта в Буэнос-Айресе, убили одного рабочего и нескольких ранили. Трудящиеся требовали ответить на это всеобщей забастовкой. Соблюдая решение чрезвычайного конгресса 1920 г., Федеральный совет ФОРА вновь предложил синдикалистам совместное выступление. В ходе переговоров между представителями обеих федераций была достигнута договоренность о создании совместного комитета по организации выступления. Но ФОРА–IX настаивала на предварительном проведении референдума среди профсоюзов по вопросу о забастовке, добивались соглашения с полицией и всеми силами тормозила акцию. Она направила «ногу» президенту страны, но тот не ответил на нее. Тогда 30 мая ФОРА решила объявить на следующий день всеобщую стачку самостоятельно. Однако в ходе подготовки полиция произвела аресты 180 рабочих, принадлежащих к различным направлениям; среди них были делегаты от всех синдикатов. Все помещения ФОРА и редакции «Ла Протеста» были закрыты. Арестованы были и лидеры ФОРА–IX. Тем не менее, стачка была объявлена, и после двух дней руководство синдикалистов вынуждено было под давлением рядовых рабочих присоеди-

³⁵ См., например: *Руденко П.* На Украине. Повстанчество и анархическое движение. Буэнос-Айрес, 1922. Ряд материалов русских анархистов был переведен на испанский язык: *Nabat.* Primera Conferencia de las Organizaciones Anarquistas en Ucrania. Buenos Aires, 1922; *Gorelik A.* Los anarquistas en la revolución rusa. Buenos Aires, 1922.

ниться к ней. Она продолжалась до 6 июня. Ход выступления и поведение синдикалистов принесли «так много горьких разочарований, что должны пройти годы, прежде чем ФОРА может решиться на то, чтобы еще раз обсуждать и согласовать проведение совместных акций с другими организациями», — констатировали аргентинские рабочие анархисты в отчете II конгрессу анархо—синдикалистского Интернационала³⁶. Большинство членов ФОРА испытали глубокое разочарование в идеях «единого фронта» пролетариата. Сторонники объединения попытались еще издавать газету «Эль Трабахо», но она прекратила выходить спустя всего несколько недель³⁷. Сторонники «Ла Протеста» с июня 1921 г. начали кампанию против анархо—большевиков.

Сочетание внешних и внутренних факторов, информация о реальном положении дел в Советской России, попытки большевиков подчинить синдикалистские профсоюзы компартиям, ширящееся в рядах ФОРА недовольство результатами сотрудничества с ФОРА—IX и самовольными действиями, и заявлениями секретарей и делегата на конгрессе Профинтерна привели к тому, что 20 августа 1921 г. была созвана конференция Федерации, которая резко осудила деятельность избранных представителей организации. Участники официально отвергли приглашение вступить в комитет по объединению и отмежевались от решений об участии Коммунистической ФОРА в Профинтерне. Был избран новый состав Федерального совета. По поручению конференции, Федеральный совет распространил соответствующее заявление. В нем говорилось, что в организацию «на ответственные места пришли элементы, которые под большевистским влиянием действовали вопреки четко изложенным принципам нашей организации». Совет обвинил бывших членов Секретариата ФОРА Хулио Р. Баркоса, Немесио Каналеса, Хесуса М. Суареса (Фернандо Гонсало), Алехандро Альбу (Сильветти), Энрике Гарсиа Томаса, Антонио Гонсальвеса и Себастьяна Феррера в злоупотреблении своим положением с целью «поддержки устремлений, диаметрально противоположным принципам нашей организации». Указанные лица были исключены из ФОРА. В ходе опроса из 139 синдикатов лишь 26 высказались против циркуляра, в котором излагались решения конференции. 110 повторили, что любое единство возможно лишь при условии признания коммунистического анархизма³⁸.

³⁶ Bericht der “Federación Obrera Regional Argentina”... S. 102-103.

³⁷ Ibid., S. 103-104.

³⁸ Ibid. S. 104; *López A.* La FORA. T. 1. P. 127.

В августе издания «Ла Протеста», «Трибуна обрера», «Ла Анторча» (Т. Антили), «Идеас», издательство «Ла Аргонаута», Лига рационалистического образования, Аргентинский анархистский коммунистический союз и Коммунистическая ФОРА выступили с совместным манифестом «Об удушении анархистской пропаганды в России». С сентября 1921 г. тон критики в адрес большевиков и Советской России становится еще жестче: «диктатура пролетариата» определяется как новая государственная власть и, следовательно, — отрицание свободы, а репрессии против анархистов оцениваются как проявление и следствие марксистской идеологии.

Со страниц «Ла Протеста» аргентинские либертарианцы обвинили большевиков в обмане и предательстве. Ленин «поднял знамя Бакунина», чтобы поднять трудовой народ на революцию, говорилось в еженедельном приложении к газете от 27 февраля 1922 г., поскольку «русский народ склонялся к формам жизни без правительства»; однако затем партия узурпировала власть и отняла все достижения, завоеванные «в первый либертарный период» борьбы. Страной управляет «новая каста, выросшая из коммунистической партии», утверждалось в статье, опубликованной в приложении от 16 января 1922 г.³⁹. Радикализм ФОРА был подкреплен событиями, разыгравшимися в 1921 г. в южном регионе Патагония. Там Рабочая федерация Рио-Гальегос возглавила борьбу против иностранных овцеводческих фирм в зоне Санта-Крус. Многие из рабочих были иммигрантами из Европы и Чили. Пеоны требовали предоставления нормальных жилищных условий и гигиены, выделения помещений под рабочие собрания, регулярной выплаты зарплаты в аргентинской валюте и т.д. В ходе всеобщей забастовки в районе в конце 1920 – начале 1921 г. работникам удалось заручиться поддержкой со стороны подполковника Э. Варелы, командира армейской части, направленной из столицы, он заставил стороны сесть за стол переговоров и достичь соглашения.

Рабочие прекратили забастовку, но 3 тысячи бастовавших разбили лагерь, которые превратились в вооруженные коммуны со своими собственными законами; все решения принимались на народных ассамблеях. Однако помещики, нарушив соглашение, отказались выплатить долги по зарплате, и противостояние возобновилось. Когда в октябре полиция арестовала и выслала активистов рабочего союза, вновь разгорелась забастовка. Организованные группы пеонов ходили от поместья к поместью, призывали трудящихся объединиться, конфисковали продовольствие, перерезали телефонные линии и занимали целые населенные пункты.

³⁹ Цит. по: *Pittaluga R. De profetas*. P. 90-91.

В ноябре власти вернули в район военные части. Правительственные силы численностью 10 полков включали кавалерию и военные суда, обстрелявшие один из городов, захваченных рабочими. Не обнаружив взбунтовавшихся пеонов в населенных пунктах, войска стали охотиться на них в открытом поле, как на диких зверей. В Пунта-Альта они окружили бунтарей и расстреляли их издалека. В Анита потребовали, чтобы те сложили оружие, после чего расстреляли 250 человек, отказавшихся выдать «зачинщиков». Других раздевали догола, привязывали на ночь колючей проволокой, а затем обливали горючим и сжигали живьем. Власти и помещики обвинили работников в «бандитизме», и им пришлось защищаться с помощью примитивного оружия. Под станцией Тэуэльче они вступили в бой с войсками. На одноименном предприятии владелец распорядился расстрелять 27 рабочих — по одному за каждую из потерянных им лошадей.

В конце концов трудящиеся вынуждены были сдаться. 7 декабря 1921 г. стачечная комиссия сообщила полковнику Вареле: «В нашей власти находятся 80 пленных, 3 тысячи лошадей, 450 единиц длинноствольного, 300 единиц короткоствольного оружия, 15 тысяч патронов для длинноствольного и 3 тысячи для короткоствольного оружия; все, что находится в нашем распоряжении, мы готовы передать армии в обмен на достаточную гарантию сохранения наших жизней». Но это не положило конец расправам. Всего в ходе стачки погибло 1500 рабочих, включая 600 чилийцев и 300 испанцев⁴⁰. Характерно, что делегат, направленный в Санта-Крус ФОРА-IX, выступил с критикой акций рабочих Юга и поддержал губернатора провинции, назначенного президентом-радикалом И. Иригойеном. Напротив, делегат ФОРА, член общества сопротивления строителей и корреспондент «Ла Протеста», тайно проник в зону, был схвачен военными и расстрелян⁴¹.

Размежевание с анархо-большевиками и разрыв с ФОРА-IX означали, что ФОРА заняла непримиримую линию в отношении Москвы. Осенью 1922 г. она самым решительным образом отклонила приглашение руководства Профинтерна принять участие в работе его конгресса в Москве, как «особенно кровавую иронию». «Наша федерация, — говорилось в ответном послании Федерального совета, — не имеет никаких контактов с этим Интернационалом и не выказывала в отношении его никакой симпатии». Подтвердив, что ФОРА дезавуирует действия

⁴⁰ См.: Fiorito S. *Las Huelgas de Santa Cruz (1921–1922)*. Buenos Aires, 1985. P. 38. См. также: Bayer O. *Los Vengadores de la Patagonia trágica*. Vol.1–4. Buenos Aires; Frankfurt a.M., 1972–1974; 1979; Усмирение Патагонии. Буэнос-Айрес: Издание Рабочей издательской группы в Аргентине, 1923.

⁴¹ Colombo E. *La FORA*. P. 123-124.

Тома Баркера в качестве своего делегата на конгрессе Профинтерна в 1921 г., совет выразил «революционную верность всем угнетенным, включая нынешних рабов в большевистской России», и твердую решимость разорвать «недостойную связь с предателями и заговорщиками», которые «обезглавили русскую революцию», заменив ее «отвратительной диктатурой пролетариата» и «беспримерным абсолютизмом нынешнего марксистского государства». Профинтерн воспринимался анархистами как «рабский инструмент коммунистической партии, которая властвует над несчастным российским народом и чья главная цель восстановить инквизицию и убить все анархистское движение».

Ответ ФОРА был выдержан в тоне резкой отповеди: «Вы нас с кем-то спутали. Наша позиция абсолютно противоположна вашему Интернационалу и тем более тому преступному делу, которое творится институтами российского правительственного механизма и направлено против всех тех, кто не принимает причастия в соответствии с темной религией, чей основной источник — в священном культе, почитаемом большевистской сектой и направленном, в первую очередь, против анархистов». Аргентинские рабочие анархисты обвинили большевизм и Профинтерн в том, что те «расставляют ловушки трудящимся, вносят смуту в пролетариат, сеют хаос и ведут борьбу иным, еще более отвратительным оружием». ФОРА выражала протест против репрессий в отношении анархистов в России, в том числе русского анархо-синдикалиста Александра Шапиро⁴².

16 октября 1922 г. представители рабочих союзов ФОРА собрались на конференцию с тем, чтобы выработать мандат для делегатов, посылаемых на Учредительный конгресс революционно-синдикалистского Интернационала в Берлине. В принятом заявлении содержалась резкая критика в адрес большевистского Профинтерна. ФОРА утверждала, что в нем нет ни одной организации, которая могла бы войти в революционный рабочий Интернационал, более того, им «там нечего делать». В создании подлинного Интернационала, по мнению аргентинских рабочих анархистов, могли участвовать только те организации, которые «окончательно порвали с Красным Интернационалом профсоюзов и заняли ясную революционную позицию». Создаваемое международное объединение должно было противостоять как Московскому, так и Амстердамскому профсоюзным Интернационалам и способствовать пониманию трудящимися мира их реакционной роли. В заявлении вновь подчеркивалось, что ФОРА — открытый противник любого «единого

⁴² РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 72. Л. 7-8.

фронта ценой уступок». Делегатам поручалось не искать «основу, на которой все революционно-синдикалистские силы могли бы объединиться в одном организме», а предпринять шаги по созданию нового Интернационала, обращая основное внимание не на количество участников, а на «ясность революционных принципов»⁴³

В свою очередь, сторонники социал-демократов, коммунистов и изгнанные из ФОРА образовали новую объединенную профсоюзную организацию — Аргентинский синдикальный союз (УСА); в его руководстве оказались многие из анархо-большевиков, а также приверженцев группы «Ла Анторча», которые, как сообщал провинциальный союз профсоюзов Кордовы в Профинтерн, откалывали «от ФОРА все профсоюзы», находившиеся под их влиянием⁴⁴. Учредительный конгресс УСА состоялся 6-13 марта 1922 в Буэнос-Айресе. В союз вошли ФОРА-IX, большая часть независимых профсоюзов и некоторые союзы, входившие ранее в ФОРА, но заявившие о своем несогласии с ее курсом, враждебным «единству рабочих сил»⁴⁵. Организация официально не присоединилась к Профинтерну, выступая за проведение международного конгресса по объединению рабочего движения. Однако в первый период ее существования в пользу членства в московском Интернационале высказывались не только коммунисты, но и многие анархисты, включая большинство групп «Либертарного альянса»⁴⁶. Внутри УСА существовали различные тенденции. Синдикалисты и анархисты — противники ФОРА имели большинство в руководстве УСА в целом, руководили профсоюзами портвиков, металлистов, рабочих гаражей и авторемонтных мастерских, маляров. Социалисты и реформисты (до выхода из УСА в 1926 г.) пользовались влиянием в объединениях железнодорожников, союзах муниципальных работников, деревообделочников, печатников. Коммунисты же стали самой крупной «сплоченной тенденцией» в УСА. Они удерживали большинство в крупных профсоюзах металлистов и портных, во множестве мелких союзов⁴⁷.

Отношения между ФОРА и УСА были натянутыми; дело доходило до физических столкновений. Так, в сентябре 1923 г. в Вилья-Ласа (провинция Буэнос-Айрес) в ходе рабочего собрания в одной из таких стычек погибли 2 человека⁴⁸.

⁴³ Der Syndikalist. 1923. Nr. 7. Beilage.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 72. Л. 183.

⁴⁵ Там же. Л. 4-6.

⁴⁶ Там же. Л. 242, 66.

⁴⁷ Там же. Л. 109-111, 127, 134-138.

⁴⁸ Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina". S. 110.

Отныне пути анархистов из ФОРА и промосковских коммунистов разошлись навсегда. ФОРА, отказавшись от приставки «коммунистическая» и сняв со своей эмблемы серп и молот, но сохранив приверженность анархистскому коммунизму, пошла своим путем. В 20-х годах ее теоретики расширили и углубили критику марксизма, с его линейной философией истории и идеей прогрессивности капиталистической индустриализации. Они выступили не только за ликвидацию государства и капитализма, но и за слом их основы — индустриальной формы организации производительных сил: фабричной системы с ее иерархией, централизации производства, отраслевой специализации и жесткого разделения труда⁴⁹. УСА, в котором коммунисты окончательно взяли верх над анархо-большевиками и «чистыми синдикалистами», в 1930 г. влился в новый крупнейший профцентр — Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), ставшую после 1945 г. официальным профобъединением перонистского режима.

ЛИТЕРАТУРА

- Дамье В.В.* Забытый Интернационал. Международное анархосиндикалистское движение между двумя мировыми войнами. М., 2006.
- Дамье В.В.* Идеи Кропоткина и международное анархистское движение в 1920–1930-х гг. // Петр Алексеевич Кропоткин. М., 2012.
- Дамье В.В.* История анархо-синдикализма. М., 2010.
- Калмыков Н.П.* Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
- Родригес Гарсия У.* Анархизм в боливийских Андах в первой половине XX века // Латиноамериканский исторический альманах. 2014. № 14.
- Руденко П.* На Украине. Повстанчество и анархическое движение. Буэнос-Айрес, 1922.
- Abad de Santillan D.* La F.O.R.A.: ideología y trayectoria del movimiento obrero revolucionario en la Argentina. Buenos Aires, 1971.
- Aladino B.* La Asociación Internacional de los Trabajadores // Certamen Interna-

⁴⁹ См., например: *López Arango E.* Doctrina y táctica // Certamen internacional de “La Protesta”. P. 91-99; *López Arango E.* La oposición al marxismo en el movimiento obrero // *López Arango E.* Sindicalismo y anarquismo y otros artículos. Buenos Aires, 1975. P. 7-13. Подробнее о взглядах аргентинских рабочих анархистов 1920-х гг. и их критике марксизма см.: *Дамье В.В.* Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М., 2006. С. 623-626; *Дамье В.В.* История анархо-синдикализма. Краткий очерк. М., 2010. С. 84-90; *Дамье В.В.* Идеи Кропоткина и международное анархистское движение в 1920–1930-х гг. // Петр Алексеевич Кропоткин. М., 2012. С. 266-299.

- cional de “La Protesta” en ocasión del 30 aniversario de su fundación. 1897 – 13 de junio 1927. Buenos Aires, 1927.
- Antilli T.* Comunismo y anarquía. Toda la tendencia humana es el comunismo y la anarquía (1919). Buenos Aires, 2014.
- Bayer O.* Los Vengadores de la Patagonia trágica. Vol.1–4. Buenos Aires; Frankfurt a.M., 1972–1979.
- Bericht der “Federación Obrera Regional Argentina” — Regionale Arbeiterföderation Argentinien zum zweiten Kongreß der Internationalen Arbeiter-Assoziation (I.A.A.) // Die Internationale. 1925. Nr. 5. Juni.
- Bilsky E.* La Semana trágica. Buenos Aires, 1986.
- Burgmann V.* Revolutionary Industrial Unionism: The Industrial Workers of the World in Australia. Cambridge; New York; Melbourne, 1995.
- Colombo E.* La FORA. Le “finalisme” révolutionnaire // De l’histoire du mouvement ouvrier révolutionnaire. Actes du colloque international “Pour un autre future”. Paris, 2001.
- Duarte C.* El sindicalismo libre en Paraguay. Asunción, 1987.
- Fiorito S.* Las Huelgas de Santa Cruz (1921–1922). Buenos Aires, 1985.
- López A.* La FORA en el movimiento obrero. Tomo 1. Buenos Aires, 1987.
- López Arango E., Abad de Santillan D.* El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925.
- Mantero Álvarez R.* Historia del movimiento sindical uruguayo. Montevideo, 2003.
- Oved I.* El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina. México, 1978.
- Páez A.* El Anarquismo en el Ecuador. Quito, 1986.
- Pittaluga R.* De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina, 1917–1924) // Sociohistórica. 2002. No. 11–12.
- Rocker R.* Bolchevismo y anarquismo. Buenos Aires, 1922.
- Rocker R., Goldman E., Berkman A., Kropotkin P.* ¿Soviet o dictadura? Buenos Aires, 1920–1921.
- Rodrigues E.* Alvorada operária: os congresos operárias no Brasil. Rio de Janeiro, 1979.
- Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano (1912–1965). Buenos Aires, 2010.
- Solar F., Pérez A.* Anarquistas. Presencia libertaria en Chile. Santiago de Chile, 2008.
- Souchy A.* Viaje a la Ucrania revolucionaria. Buenos Aires, 1921.
- Suriano J.* Auge y caída del anarquismo. Argentina, 1880–1930. Buenos Aires, 2005.
- Thorpe W.* “The Workers Themselves”: Revolutionary Syndicalism and International Labour, 1913–1923. Dordrecht; Boston; London, 1989.
- Yerril P., Rosser L.* Revolutionary Unionism in Latin America: FORA in Argentina. London: Doncaster, 1987.

Л.А. Ивкина *

L.A. Ivkina

ХУЛИО АНТОНИО МЕЛЬЯ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ**

JULIO ANTONIO MELLA

THE LIFE AFTER THE DEATH

Аннотация: Основное внимание в работе уделено малоизвестным страницам личной жизни видного деятеля рабочего и коммунистического движения Кубы Х.А. Мелья (1903–1929), его становлению как лидера студенчества и его роли в борьбе студенческой молодежи за университетскую реформу.

Ключевые слова: Хулио Антонио Мелья, университетская реформа, 1-ый Национальный конгресс студентов, Народный университет Хосе Марти.

Abstract: The article focuses on the little-known pages of the private life of the great figure of Cuba's Labor and Communist movement J.A. Mella (1903–1929), his role in the organization of the student movement in the struggle for University reform.

Keywords: Julio Antonio Mella, University reform, 1-St National Congress of students, People's University José Martí.

За свою короткую жизнь ему удалось сделать так много, что создается впечатление, что он торопился жить, осознавая, что ему выпал столь недолгий срок пребывания на этой земле. Лишь только одно перечисление всех его должностей и занятий займет много места: основа-

* *Людмила Андреевна Ивкина* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Ivkina Liudmila A.* — Institute of World History of the Russian Academy of Science), lais07@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»).

тель Кубинской антиклерикальной лиги (1922); один из основателей группы революционного студенчества «Реновасьон» (1923); редактор студенческой газеты «Альма Матер» (1922–1923); секретарь Федерации университетских студентов — ФУС (1922); президент ФУС (1923); президент Национальной Конфедерации студентов Кубы (1924); основатель ж-ла «Хувентуд» (1923–1925); организатор 1-го Национального. Революционного конгресса студентов (1923); основатель Народного университета Хосе Марти (1923); член коммунистической группы Гаваны — КГГ (1924); основатель и член Исполнительного комитета кубинской секции Всеамериканской антиимпериалистической лиги — ВААИЛ (1925); инициатор создания политехнического ин-та «Ариэль» (1925); делегат 1-го съезда Коммунистической партии Кубы; секретарь и член Коммунистической партии Кубы — КПК (1925); покинул Кубу и обосновался в Мексике (1926); член редколлегии журнала «Эль Либертадор»; редактор «Эль Мачете»; член Коммунистической партии Мексики — КПК (1926); секретарь. ВААИЛ от Кубы (1926); основатель Национальной крестьянской лиги Мексики (1926); генеральный секретарь Временного Национального комитета Федерации коммунистической молодежи Мексики — ФКММ (1926); генеральный секретарь Континентального организационного Комитета против колониального угнетения и империализма; делегат Брюссельского конгресса от Национальной крестьянской лиги Мексики и ВААИЛ (1927); участие в работе Красного интернационала профсоюзов (Профинтерн, КИП) в СССР (1927); делегат II конгресса Международной организации помощи революционерам (МОПР) от Мексики; член Исполнительного комитета МОПР (1927); один из основателей комитета «Руки прочь от Никарагуа» (1928); основатель Ассоциации пролетарских студентов и ее печатного органа «Трен Блиндадо» (1928); один из основателей Ассоциации новых революционных эмигрантов Кубы — АНРЭ (1928); редактор ж-ла «Куба Либре» (1928); один из основателей и директор школы Коммунистической партии Мексики «Рикардо Флорес Магон» (1928); член Генерального Совета Лиги против империализма и за национальную независимость (от Национальной Крестьянской. Лиги Мексики (1928). И участник многих других революционных организаций, съездов, конференций, автор многочисленных статей, манифестов, обращений.

Жизнь и деятельность этой поистине легендарной личности продолжает оставаться в центре внимания исследователей. Кубинский народ, надо отдать ему должное, свято чтит память человека, чья недолгая, но такая плодотворная жизнь была отдана делу освобождения страны. О Х.А. Мелье за последние десятилетия XX и начало XXI вв. создано

немало работ, биографий, воспоминаний, статей¹. Особо хотелось бы отметить подготовленный кубинским историком Аной Каиро Бальестер двухтомный труд, посвященный 100-летию со дня рождения Мельи². В нем собраны не только наиболее важные труды самого Мельи (дневник, статьи, переписка с друзьями, женой), но и воспоминания его современников, людей, знавших его лично по студенческому, рабочему и коммунистическому движению. А в последнее время, когда стали доступными материалы многих архивов, среди них архивные материалы, связанные с деятельностью Коминтерна (1919–1943), появились исследования, открывшие новые грани его деятельности. Многочисленные работы, вышедшие за последние четверть века на Кубе, в Мексике, Германии, России, в основном освещают проблемы, связанные с участием Мельи в работе Коминтерна и Крестинтерна, его революционной деятельностью в период пребывания в Мексике (1926–1929), исследуют причины разногласий Мельи с Компартией Кубы в конце 1925 г., когда он объявил голодовку, за что был временно отстранен от партийной работы, его разногласия с компартией Мексики, линией Коминтерна, начатой V-м конгрессом (стратегия на «большевизацию» компартий) и особенно VI-м, когда началась реализация политики Коминтерна «класс против класса»), а также вопросы, связанные с убийством Мельи в январе 1929 г.³

¹ *Dumpierre E.* Mella: biografía. La Habana: Ciencias Sociales, 1977; *González Carbajal L.* Mella y el movimiento estudiantil. La Habana: Ciencias Sociales, 1977; *Padrón P.L.* Julio Antonio Mella y el movimiento obrero. La Habana: Ciencias Sociales, 1980; *Pérez Cruz F.* Mella y la Revolución de Octubre. La Habana: Ed. Gente Nueva, 1980; *Cabrera O.* Julio Antonio Mella, reforma estudiantil y antiimperialismo. La Habana: Ciencias Sociales, 1977; *Cabrera O.* Mella: una historia en la política méxicocubana. Jalisco: Ed. Guadalajara, 2002; *Fadragas A.M.* Mella: nacimiento de un líder. La Habana: Ed. Extramuros, 2001; *Machado Hernández T.* Julio Antonio Mella Mc Partland // El Pensamiento Latinoamericano del siglo XX. Vol.3. La Habana: Ciencias Sociales, 2010. P. 199-226; *Hatzky C.* Julio Antonio Mella (1903–1929). Una biografía. Santiago de Cuba: Oriente, 2008; *Cupull Reyes A.* Julio Antonio Mella en los mexicanos. La Habana: Ed. Política, 1984; *Cupull A., González F.* Hasta que llegue el tiempo. La Habana: Ed. Política, 1999; *Cupull A., González F.* Así mi corazón: Apuntes biográficos sobre Julio Antonio Mella. La Habana: Casa Editora Abril, 2003; *Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella: Biografía. La Habana: Casa Editorial Abril, 2010.

² Mella J.A.: 100 años. 2 vols: La Habana: Ed. Oriente, 2003.

³ *Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Обвиняется Хулио Антонио Мелья. Дело Мельи и Коминтерн // Латинская Америка. 1999. № 7–8. С. 64–89; *Хейфец Л.С.* Коминтерн и коммунистическое движение Кубы // Латиноамериканский исторический альманах. М.: ИВИ РАН, 2001. № 2. С. 135–152; *Jeifets L., Jeifets V.* Comunismo en Cuba y México. Parte I // Memoria CEMOS (México). Marzo, 2010. P. 43–48; *Jeifets L., Jeifets V.* La

Все работы в итоге, внося новые моменты, только еще более возвеличивают личность самого Мелья, не принижая и не умаляя его вклад в развитие революционного процесса как на Кубе, так и в Латинской Америке. Мелья был лидером латиноамериканского масштаба, о чем свидетельствуют его статьи, работы, вся его деятельность. Главное в жизни Мелья были его поступки и мысли, его прозорливые взгляды на современные ему события. В работах Мелья нашли освещение ряд проблем, только одна постановка которых представляет огромный вклад в революционную теорию не только Кубы, но и всего континента. Все главные характеристики его революционного мировоззрения, как антиимпериализм, интернационализм, национализм и патриотизм, осознание авангардной роли рабочего класса в процессе социального преобразования общества, необходимость союза всех социальных сил (рабочих, интеллигенции, студенчества, мелкой и средней национальной буржуазии, стоящей на патриотических позициях) для решения главной задачи того периода — борьбы против американского империализма — были обозначены уже с первых его шагов на политическом поприще. Речь идет о студенческом движении, которое он возглавил и идеологически оформил, превратив его в одно из главных орудий и движущих сил антиимпериалистической борьбы. Основное внимание в работе уделено малоизвестным страницам личной жизни Х.А. Мелья, первым этапам общественной деятельности Мелья, его становлению как лидера студенчества и его роли в развертывании

historia no contada del Partido Comunista de Cuba: desde mellismo hacia castrismo // *Pacarina de Sur. Revista del Pensamiento Crítico Latinoamericano*. México, 2014. Año 5, № 19; *Jeifets L., Jeifets V.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario Biográfico. Santiago de Chile: Ed. Ariadna, 2015; *Rojas Blaquier A.* El primer Partido Comunista de Cuba. Sus tácticas y estrategias, 1925–1935. T. 1, 2. Santiago de Cuba: Ed. Oriente, 2005–2006; *Massón Sena C.* Comintern y comunismo en Cuba. Una reflexión crítica // *Revista Izquierda*. 2010. Año 3. № 7; *Massón Sena C.* Comunismo, socialismo y nacionalismo en Cuba (1920–1958). La Habana: Ed. ICICJM, 2013; *Massón Sena C.* Advenimiento del Comunismo en América Latina. Los casos de México, Brasil y Cuba // *Revista de Estudios and Pesquisas sobre las Américas*. 2014. Vol. 8. № 2. P. 234–247; *Pérez Camejo B.N.* Cuba en el Archivo de la Internacional Comunista // *Boletín del Archivo Nacional*. La Habana, 2012. Vols. 18–20. P. 119–137; *Hatzky C.* “Nosotros vamos por otro camino: somos revolucionarios”. Julio Antonio Mella, el movimiento estudiantil cubano y los anti-imperialistas de los años veinte // *Revista Iberoamericana*. 2003. Vol. III. № 12. P. 187–193; *Peláez Ramos G.* Julio Antonio Mella, a 85 años de su asesinato // *Rebelión. Medio Alternativo de Información*. 17–01–2014; *Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella y Tina Modotti contra el Fascismo. La Habana: Casa Editora Abril, 2005; *Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella en medio del fuego: Un asesino en México. La Habana: Casa Editora Abril, 2006.

студенческого движения на Кубе за демократизацию и реформу высшего образования. Следует признать, что именно ему принадлежит заслуга в создании нового революционного пространства на Кубе — университетского движения, ставшего одним из главных центров антиимпериалистической борьбы и которое впоследствии будет играть исключительно важную роль в революционном процессе.

НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

О личной жизни Мелья известно немного. Вплоть до конца XX в. вся информация о его родных и близких (жене и дочери) была закрыта. Как правило, таких лидеров всегда изображали манекенами, лишёнными всяких проявлений человеческих страстей, зомбированных своей романтической целеустремленной энергией и направленностью и погруженных в свою революционную деятельность. А между тем Мелья был самым обыкновенным в смысле человеческих проявлений и желаний молодым человеком. Так, однажды в дружеской беседе с Рафаэлем Каррильо, генсеком КПМ (1924–1929) Мелья сказал, что у него есть три желания: иметь печатную машинку, ручку и мотоцикл. Какие полудетские желания... Ручку ему подарил Р. Каррильо, машинку Мелья купил сам, а вот третье желание — приобрести мотоцикл — так и не сбылось⁴.

Внешний облик Мелья прекрасно обрисовал его современник Хуан Маринельо: «Тот, кто видел вблизи Мелью, узнал одну из самых крупных и обаятельных личностей, возвращенных на нашей земле. Внешний облик этого человека прекрасно гармонировал с его натурой, с тем делом, которому он посвятил всю жизнь. Он был очень высок ростом, атлетически сложен, с прекрасной, сильной и гордо посаженной головой, с энергичными и в то же время спокойными движениями. Эта внешность самым лучшим образом помогала ему в установлении мгновенных контактов со многими людьми. Кубинец до мозга костей, он был, подобно Марти, удивительным примером всего лучшего, что мы, кубинцы, можем дать миру. Вдумчивый и отважный, улыбающийся и сдержанный, веселый и серьезный, наделенный воображением, и практической смекалкой, он был чрезвычайно обаятелен... Глубокий и всеобъемлющий ум сочетался у него с подкупающей общительностью. Все, включая его чуть шепелявую речь, размашистую, немного нескладную походку, его позу, с легким наклоном влево, которую он принимал на трибуне — все это было в нем обаятельно и привлекало

⁴ *Cupull A.* Julio Antonio Mella en los Mexicanos. La Habana: Política, 1984. P. 50.

сердце... Мелья проявлял себя в статьях и манифестах, в социальной диагностике и прогностике. Он выдвигает мощные и динамичные идеи, мысли глубокие и полные движения, подобные большой многоводной реке. Это и ставит его в один ряд с самыми выдающимися вождями революционного движения на Кубе и во всей Латинской Америке⁵. Х. Маринельо представляет Мелью как настоящего кубинца. А ведь это высочайшая оценка его личности, учитывая тот факт, что он не был кубинцем по национальности, но родился на Кубе и всегда рассматривал ее как свою Родину. Хосе Инхеньерос назвал Мелью «надеждой континента».

Хулио Антонио Мелья или Никанор Мак Партланд родился 25 марта 1903 г. в Гаване. Он был внебрачным сыном известного и состоятельного кубинского портного, (о котором писала даже гаванская *El Figaro*) доминиканского происхождения Никанора Мельи-и-Бреа (1850–1929) и англичанки ирландского происхождения из Гемпшира Сесилии Магда лены Мак-Партланд-и-Дъес (1882–19?), которая подарила ему двух сыновей — нашего героя Никанора Хулио и его младшего брата — Сесилио. Мать была на 31 года младше Никанора Мельи и в 1910 г. после охлаждения отношений, покинула Кубу, вернувшись в США, где создала новую семью. Два сына от этого внебрачного союза были в 1910 г. зарегистрированы в книге актов гражданского состояния в одном из муниципалитетов Гаваны и остались в семье отца, Никанора Мельи, где росли три дочери.

В детские годы его любимым развлечением были игры в солдатики. Вероятно, рассказы отца о его деде, участнике освободительной борьбы в Санто-Доминго генерале Матиасе Рамоне Мелье Кастильо (1816–1864) произвели на него неизгладимое впечатление. В юношеские годы мечтал посвятить свою жизнь военной карьере, и дважды, в США в 1915 г., а затем в 1920 г. в Мексике, пытался поступить на военную службу. В 1915 г. несколько месяцев учился в академию Ньютона, где преподавал известный мексиканский поэт Сальвадор Диас Мирон (1853–1928), затем в Пинар-дель-Рио, где получил степень бакалавра, а в 1921 г. поступил в Гаванский университет на факультет права, философии и литературы. Увлекался спортом (баскетбол, плавание, гребля) и, поступив в университет, в 1922 г. создал Атлетическую университетскую секцию. Прекрасно владел английским языком, что впоследствии помогло ему в его революционной работе. Здесь же в 1922 г. встретился со своей женой Оливин (Оливией) Маргаритой Сальдивар Фрейре, также студенткой факультета права. 19 июля 1924 г. они зарегистрировали свой брак. Жена стала помощницей и соратницей в его бурной и полной событиями сту-

⁵ *Маринельо Х.* Современники. М.: Прогресс, 1968. С. 249, 251, 252.

денческой жизни, вместе с ним и его друзьями принимала участие в движении за университетскую реформу, в подготовке 1-го Национального студенческого конгресса, в организации Народного университета. Хосе Марти. Она же поддерживала его во время ареста по ложному обвинению 27 ноября 1925 г. и голодовки, объявленной им в знак протеста.

В январе 1926 г., находясь на шестом месяце беременности, она вслед за мужем, который покинул родину тайно, приехала в Мексику, где также активно участвовала во всех революционных мероприятиях вместе с Мельей. Первый их ребенок умер, и они, находясь в тяжелом материальном положении, не смогли его даже достойно похоронить. Молодой семье постоянно помогал отец Хулио-Никанор, что-то зарабатывал сам Мелья, публикуясь в различных периодических изданиях КПМ. Его вторая дочь Наташа Мелья родилась 19 августа 1927 года в Мексике, однако тяжелое материальное положение молодой семьи и неустроенность в бытовом плане вскоре вынудили Оливию в октябре 1927 г. покинуть Мексику и вернуться на родину в Камагуэй, к своим родственникам. Больше они с Мельей так и не увиделись. Сохранилась только частная переписка, которая свидетельствовала о том, что Х. Мелья всячески пытался помогать своей жене и дочери, хотя это было довольно трудно. А потом четырехмесячный роман Мельи с итальянским фотографом и деятелем Коминтерна Тинной Модотти (1896–1942) положил конец их матримониальным отношениям. Они так и не были разведены.

Что касается его дочери, Наташи Мельи, то все попытки вовлечь её в активную революционную борьбу новыми поколениями кубинских революционеров (40–50-е годы) не увенчались успехом. После революции 1959 г. она недолго работала в МИДе Кубы, а в 1961 г. ввиду возникших разногласий с властями покинула родину и обосновалась в США (Майя-ми). К ней вскоре присоединилась ее мать и вдова Х. Мельи, Оливия, долгое время работавшая на дипломатической службе. Она так никогда больше и не вышла замуж и умерла в 1982 г. в доме престарелых. Дочь Мельи Наташа умерла 11 февраля 2014 года. Единственная ее дочь и внучка Х.А. Мельи — Илеана де ла Торрьенте Мелья живет в США.

МЕЛЬЯ И СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КУБЫ

Впервые Мелья включился в активную общественную жизнь, поступив в университет, который уже бурлил, вызывая недовольство правящих кругов. В ноябре 1921 г. студенты решительно выступили против присвоения американскому консулу Эноху Краудеру и военному губернатору Кубы в 1900 г. Леонардо Вуду звания «почетного доктора уни-

верситета». 18 ноября началась манифестация, в которой приняло участие свыше тысячи студентов различных учебных заведений. К ним присоединились и рабочие. Группа студентов была направлена в правительственную резиденцию для переговоров с властями, Среди членов этой делегации был и Мелья. В результате проявленной твердости студентов правительство отказалось от своих намерений, а 18 летний юноша вскоре стал главным вожаком студенческой левой молодежи, проявив себя как великолепный руководитель, организатор и оратор⁶.

Толчком для начала активной действий гаванских студентов стала лекция аргентинского профессора (медика) Хосе Арсе, бывшего ректора столичного аргентинского университета, студенты которого одними из первых в Латинской Америке добились автономии. 4 декабря 1922 г. он выступил перед гаванскими студентами, и его рассказ об университетской реформе в Аргентине посеял в умах самых радикальных студентов стремление начать подобное обновление, в котором так нуждалось высшее образование Кубы⁷.

Когда 15 декабря в университете начались волнения, вызванные конфликтом между студентами медицинского факультета и профессором Р. Менокалем, делегация студентов, в которую входил Х.А. Мелья, потребовала от ректора уволить профессора, создать комиссию по чистке преподавательского состава, ввести в совет университета представителей студенчества, модернизировать учебный процесс и т.д. 20 декабря 1922 г. была создана Университетская федерация студентов (ФУС). Её президентом был избран студент архитектурного факультета Фелио Маринельо (брат Хуана Маринельо), а секретарем — Мелья. 12 января 1923 г. состоялось открытое собрание, на котором присутствовали помимо студентов преподавательский состав, заместитель министра просвещения, представители от правительства. 15 января студенты захватили здание университета и удерживали его в течение двух дней. Студенческие активисты предъявили университетским властям и правительству свои требования: немедленного увольнения профессора Менокаля; создание трибунала для чистки преподавательского состава; участие студентов в профессорской преподавательской коллегии (клаустро); строительство университетского городка; бесплатное образование; новую систему преподавания; университетской автономии. Требование автономии было поддержано передовыми преподавателями и профес-

⁶ *Pérez Cruz F.* Mella y la Revolución de Octubre. P. 23-26.

⁷ *Portuondo F.* La revolución universitaria de los años veinte. Mella y el Primer Congreso nacional de Estudiantes // Estudios de la historia de Cuba: La Habana: Ciencias Sociales, 1977. P. 167, 168.

сорами Энрике Хосе Вароной, Эусебио Эрнандесом, Альфредо Агуайем, Родригесом Лендианом, участниками последней освободительной эпопеи на Кубе (1895–1898). Под активным напором студенчества был создан трибунал по чистке, создана Смешанная комиссия из преподавателей и студентов для изучения вопроса об университетской автономии. 24 января делегация преподавателей и студентов встретилась с президентом республики А.Сайясом, 30 января палата представителей начала обсуждение законопроекта об университетской автономии. Для Мельи все эти события стали первой ступенькой для вхождения в бурлящую реку жизни. Уже тогда его общительность, обаятельность, настойчивость, знания, смекалка, выделили его из студенческой массы.

13 марта 1923 г. благодаря решительным действиям студенчества двери университета были открыты для занятий. 17 марта президент издал указ о создании Университетской ассамблеи, которая должна была заняться реформой образования, Она состояла из преподавателей, студентов и аспирантов. Ее возглавлял ректор университета. 21 марта возобновились занятия в Университете. В мае Смешанная комиссия подготовила проект создания Университетской ассамблеи⁸. Победа оказалась за студенчеством. А Мелья окупился в организационную деятельность по подготовке 1-го Национального конгресса студентов.

Годы формирования Мельи как студенческого и революционного лидера, пришлось на первые десятилетия существования псевдореспублики, когда после продолжительных освободительных войн XIX века Куба, сбросив колониальное испанское иго, попала в руки еще более циничного и безжалостного северного соседа. Опутанная неравноправными экономическими договорами и навязанной стране «поправкой Платта», существенно ущемлявшей ее суверенитет, американский империализм с утроенной энергией начал захватывать важнейшие стратегические позиции в экономике страны. Республика, созданная в 1902 г. не стала той свободной республикой, о которой мечтали и за которую боролись кубинские революционные лидеры К.М.де Сеспедес, Хосе Марти, Антонио Масео, Максимо Гомес и многие герои великой героической эпопеи последней трети XIX в. Осознание произошедшей трагедии все более овладевало умами прогрессивных деятелей кубинской общественности: интеллигенции, мелкой и средней буржуазии города, передовых представителей рабочего класса, только начинавшего осознавать себя как класс, студенческой молодежи. Экономический кризис

⁸ *Portuondo F.* Estudios de historia de Cuba. P. 170-173; *Cabrera O.* Julio Antonio Mella. Reforma estudiantil y antiimperialismo. P. 10-14.

1920–1922 гг., выразившийся в падении цен на сахар, основной товар Кубы, способствовал разорению сотен кубинских бизнесменов и землевладельцев, не связанных напрямую с американскими монополиями, ускорив вызревание антиимпериалистических настроений. Вмешательство США во внутренние дела Кубы, коррупция на государственном уровне, разьедавшая все моральные устои общества, воспринимались, как предательство идеалов борьбы за независимость, как причина нищеты и бедствий кубинского народа. В стране пышным цветом расцвел nepотизм, взяточничество, стремление к личному обогащению, особенно проявившиеся в годы президентства А. Сайаса (1921–1925). Общественное мнение все более убеждалось в том, что независимость, достигнутая Кубой в 1902 году после 4-х летней оккупации острова США, превратилась лишь в формальный акт.

Огромное влияние на становление антиимпериалистической национальной идеологии нового XX в. на Кубе оказали события всемирно исторического значения: Первая мировая война (1914–1918), неоднократные вмешательства США во внутренние дела Кубы и других латиноамериканских государств (Панама, Никарагуа, Венесуэла и др.), интервенции американских войск на остров, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., которая тогда казалась главным событием, показавшим поработенным народам и трудящимся всех полуколонизированных и зависимых стран путь освобождения от гнета своих и чужеземных угнетателей.

Именно в таких условиях происходило становление как нового национального самосознания, так и новой политической культуры, что нашло отражение в возникновении организованных акций протеста, создании гражданской оппозиции продажному и коррумпированному правительству (Хунта национального и гражданского возрождения, Кубинская фаланга действий, группа Меньшинства и др.). Представители прогрессивной национальной кубинской интеллигенции, ученые, писатели, литераторы, журналисты, историки, студенты и ветераны войн за независимость протестовали против падения нравственных и моральных устоев кубинского общества, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

Но наиболее откровенно выступало молодое поколение кубинцев, поколение эпохи псевдореспублики, не запятнанное грязными играми правящей кубинской элиты, погрязшей в коррупции и рабском преклонении перед своим северным соседом. Именно оно вновь обратилось к традициям вооруженной борьбы за независимость и возродило революционное наследие Хосе Марти, восприняло идеи Октябрьской социалистической революции в России. Х.А. Мелья стал выразителем этой

радикальной стратегии революционной антиимпериалистической национальной борьбы в новое время, одним из первых молодежных лидеров той эпохи, осознавшим национальные реалии, сорвавшим декоративный орнамент, украшавший первые республиканские правительства и коррумпированную атмосферу властных структур, осудил иностранное вторжение в дела государства, разоблачил продажную прессу и смело протестовал против непрофессионализма университетских преподавателей и профессоров. Он понимал лучше, чем любой из его современников, драму, постигшую страну, и своей деятельностью наметил новый этап революционной борьбы.

Неудачи и ошибки не сломили революционного накала Мельи. После провала движения ветеранов и патриотов Х.А. Мелья в своей статье «Последний фарс политиков и политиканов» (1924), разоблачив махинации и откровенные намерения псевдопатриотов, стоящих у руководства этим движением, писал: «Действительность открыла нам глаза. Не было ни апостолов, ни мучеников, так как не было великих идеалов, а поэтому не могло быть и героев... Ветераны и патриоты хотели выполнить работу Геркулеса в авгиевых конюшнях... Мы пойдем другим путем. Мы — настоящие революционеры, подлинные революционеры, Нам не нужны высокие посты, мы не хотим заменить одних людей другими, а хотим освободить народ от рабства. История нам показала, что для того, чтобы преобразования были реальными и справедливыми, необходимо изменить экономическую систему»⁹.

В это время все происходящее в университете отражало ситуацию в самой стране и в кубинском обществе. С провозглашением республики университет слишком далеко отстоял от требований нации, а сам учебный процесс не был проникнут жаждой обновления и перемен, так необходимых кубинскому обществу в поисках своего национального самосознания. Он страдал духовным бесплодием, деградацией, изолированностью от тех процессов, которые происходили во всем мире, оторванностью от реальной действительности. Процесс индустриализации на Кубе настоятельно требовал формирование новых профессиональных кадров — геологов, строителей, инженеров, экономистов, химиков,

⁹ *Mella J.A. Documentos y Artículos. La Habana: Ciencias Sociales, 1975. P. 98;* Движение Ассоциации ветеранов и патриотов (создано в августе 1923 г.) пыталось с помощью народного недовольства решить свои узко классовые интересы. Движение получило поддержку со стороны студенческой молодежи, женских организаций, рабочих клубов и профсоюзов. Однако предательство руководства Ассоциации ветеранов дискредитировало это движение в глазах кубинской общественности и оттолкнуло от нее наиболее радикальные слои населения, в частности, студенческую молодежь.

агрономов. Наиболее востребованные квалифицированные профессии в ведущих отраслях занимали американцы.

Жажда реформы образования была тогда велением времени, одинаковой для всех латиноамериканских университетов, однако там мало было места для подлинной научной деятельности. Требования студенческой молодежи в основном сводились к требованию университетской автономии, свободного посещения лекций, улучшению методики преподавания, ликвидации поборов, коррупции среди преподавательского состава и пр. Однако Мелья изначально стал рассматривать движение за университетскую реформу как первый шаг на пути глубоких преобразований не только в сфере высшего образования и просвещения, но и как первый шаг на пути более широких социальных перемен в кубинском обществе. Понимая, что представители студенчества Кубы были выходцами из самых различных социальных страт: крупной и средней буржуазии, землевладельцев, мелкой буржуазии и в меньшей степени, из рабочих и трудящихся слоев населения, Х.А. Мелья считал, что студенческое движение, обладая своими собственными целями и определенной независимостью, в то же время выражало устремления всего кубинского общества¹⁰.

В статье «Социальные функции Университета» (1923), опубликованной в созданной им в 1922 г. студенческой газете «Альма Матер» Мелья впервые сформулировал задачи и функции нового университета: «Руководство федерации понимает, что необходимо сделать нечто важное — определить, что подлинная функция Университета в обществе не должна и не может ограничиваться только лишь тем, чтобы быть самым высшим центром культуры, простой фабрикой титулов, ни школой торговли, которая может служить лишь средством для обеспечения условий жизни; современный университет должен влиять непосредственно на социальную жизнь, должен объяснять направление пути Прогресса, должен своими действиями направлять этот самый Прогресс, должен посредством преподавателей вырвать науку из небытия и поставить ее на службу человечества»¹¹.

Мелья стремился направить студенческое движение на решение задач в сфере образования и просвещения, которые позволили бы сформировать подлинно национальное самосознание и стать стартовой площадкой для дальнейших глубоких социально значимых преобразований

¹⁰ *González Carbajal L.* Mella y el movimiento estudiantil. La Habana, Ciencias Sociales, 1977. P. 19.

¹¹ *Mella J.A.* Documentos y Artículos. P. 49.

всего кубинского общества. Отчетливо все эти тенденции проявились в период работы 1-го Национального (революционного) конгресса студентов, когда Мелья по существу вывел из летаргического сна и оцепенения всю систему образования Кубы, активизировал энергию студенческих масс и студенческую жизнь страны. Организация и проведение 1-го Национального конгресса студентов — одна из его главных заслуг.

1-й Национальный конгресс студентов Кубы проходил с 15 по 25 октября 1923 г. в актовом зале университета. На нем присутствовало 128 делегатов от 53 учебных заведений страны, представлено 33 доклада по самым разным аспектам.

С самого начала работы конгресса прослеживалась его социальная направленность. Так, касаясь задач и целей конгресса, Мелья писал в преамбуле: «Цель данного конгресса — разработать мероприятия по развитию студенческого движения в области образования, а также в социальной и международной областях, предоставив данные заключения и вы воды после завершения работы на рассмотрение Университетской ассамблеи, а также исполнительных и законодательных органов республики»¹². Эта фраза, предложенная самим Мельей, изначально ориентировала работу конгресса на решение не только преобразований в системе образования, но и совершенно не связанных с ней задач в сфере социальной организации общества.

Действительно, может показаться, а скорее всего это так и было на самом деле, конгресс студентов несколько превысил свои непосредственные обязанности и полномочия. Но это свидетельствует и о социальной смелости автора этих заявлений, который не побоялся поставить на повестку дня такие задачи. Активная позиция Мельи, его выступления и предложения — по-существу самые значительные и важные, характеризующие стремление к обновлению, новаторству, переменам — определили всю деятельность конгресса. Анализ материалов 1-го Национального студенческого конгресса наглядно свидетельствует, что тон всей работе задавал лично сам Х. А. Мелья и его единомышленники. Кстати сказать, Мелья вошел в четыре из семи созданных комиссий: комиссию по созданию конституции студенческой федерации Кубы, по изучению причин неблагополучного состояния второго уровня образования (среднего), по международным проблемам, по принятию резолюции по докладу Альфонсо Бернала де Риесго «Принипы, тактика и цели университетской революции»¹³. Вместе с Мельей, возглавлявшего левое

¹² *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 519.*

¹³ *Pérez Cruz F. Mella y la Revolución de Octubre. P. 33.*

студенчество, находились его единомышленники: лидер группы «Реновасьон» Альфонсо Берналь де Риесго, редколлегия журнала «Альма Матер», Сара Паскуаль, Густаво Альдерегия, Рохелио Сопо Баррето, Офелия Пас, Лоло де ла Торрьенте, Леонардо Фернандес Санчес, Армандо дель Валье, Фернандес Сирго и др. Именно эта группа вносила на рассмотрение конгресса самые демократические предложения.

Повестка конгресса была чрезвычайно широка. Из 33-х представленных докладов девять затрагивали проблемы неудовлетворительного состояния среднего образования (2-го уровня), шесть были посвящены проблемам обеспечения университетских кафедр достойными компетентными профессиональными кадрами. Среди других вопросов, обсуждавшихся на конгрессе, были такие, как реформа преподавания на факультете права, медицинском и фармацевтических факультетах, проблема стипендий, летних курсов, аспирантуры¹⁴.

В выступлениях участников студенческого форума прозвучали критика в адрес архаичных методов преподавания, царящей в студенческих аудиториях нездоровой моральной атмосферы, ретроградства многих преподавателей, не стремившихся к введению новых программ и современных знаний, против вмешательства правительства в учебный процесс и университетские дела, отсутствия демократических прав, требование к правительству об исполнении 31-ой статьи Конституции об обязательном начальном образовании, за включение в общеобразовательные программы изучение истории латиноамериканских стран и своей страны, что должно стать основой новой «моральной духовности кубинской нации». Документы конгресса позволяют оценить масштабы тех преобразований, которые учащаяся молодежь хотела и стремилась воплотить в жизнь с целью совершенствования общества.

В первый рабочий день конгресса, 16 октября, был заслушан и одобрен доклад лидера группы «Реновасьон» А. Берналя де Риесго «Принципы, тактика и задачи университетской революции». После жарких дискуссий были приняты и одобрены следующие резолюции: 1) исполнительный комитет Федерации должен воспитывать студенчество в духе нового революционного мышления; 2) Федерация должна создать честную прессу, которая была бы способна руководить студенчеством и завоевать авторитет в стране; добиться участия студентов в работе всех университетских организаций, составлять учебные планы в самом университете¹⁵.

¹⁴ *Portuondo F.* Estudios de historia de Cuba. P. 176, 177.

¹⁵ *Mella J.A.* Documentos y Artículos. P. 525-526; 523-528.

17 октября Мелья предложил на обсуждение делегатов конгресса разработанную им «Декларацию прав и обязанностей студента». Среди прав студента фигурировали такие, как: право свободного посещения занятий, право самому выбирать себе преподавателя, участвовать в решении административных и учебных проблем; требовать от цивилизованного правительства, главная функция которого состоит в просвещении общества, особого внимания в решении вопросов образования; студенческой автономии, то есть невмешательства правительства во внутренние дела учебных заведений, которые должны быть исключительно привилегией преподавателей и самих студентов; право студентов требовать от самых известных ученых страны безвозмездной передачи своих знаний учащейся молодежи¹⁶.

Что касается обязанностей студентов, то они заключались в следующем: студент обязан: 1) распространять в обществе полученные им знания, и в первую очередь среди лиц физического труда, создавая таким образом основы нового общества, в котором не будет ни паразитов, ни тиранов и каждый будет жить за счет своих собственных усилий; 2) обязан уважать и привлекать к делу просвещения великих ученых, отдающих свои знания и культуру для блага и прогресса человечества; презирать и изгонять плохих преподавателей, торгующих наукой; 3) обязан всегда доискиваться правды, не позволяя мнениям преподавателей и книгам возобладать над собственным рассудком; 4) оставаться всегда нравственно чистым, помня о своей благородной социальной миссии и жертвуя всем ради духовной и интеллектуальной истины; 5) обязан постоянно работать над самосовершенствованием во славу своей семьи, области, нации, континента и всего человечества. Это самосовершенствование является высшей целью свободного человека, ибо мы провозглашаем безраздельно главенство общечеловеческих ценностей над ценностями континентальными, континентальных же над национальными, национальных над региональными, которые в свою очередь главенствуют над семейными, эти последние над индивидуальными, ибо индивид является основой и слугой семьи, области, нации, нашего континента и всего человечества»¹⁷.

Поразительно, что подобные идеи и предложения мог поставить и предложить юноша, которому было всего 20 лет. В этом видятся не только его аналитический ум и высокие нравственные ценности, но

¹⁶ *Mella J.A.* Documentos y Artículos. P. 530-531; *Маринельо Х.* Современники. С. 260-261.

¹⁷ *Mella J.A.* Documentos y Artículos. P. 530-532.

и глубокое понимание сущности человеческой жизни, и главное, такое возвеличивание человека, стремящегося к знаниям. Помимо, конечно, некоторых утопических, а может юношеских, скажем так, идей, за всем этим видится такая чистота души, светлость, одухотворенность, непосредственность, такой жизненный оптимизм, такая вера в добрую природу человека... Ему удалось преодолеть университетский консерватизм, внести новый дух и начать новый этап в развитии университетской жизни и студенческого движения, поставить задачи национального обновления и возрождения. Предложенная Мельей «Декларация» была одобрена и принята единогласно.

Большое внимание в четвёртый день работы Студенческого конгресса (18 октября 1923 г.) было уделено качеству школьного (среднего) образования. Весь образовательный процесс подвергся резкой критике за организацию учебного процесса в целом, взяточничество, профессиональную непригодность учителей.

Поставленные на повестку дня вопросы и дискуссии по многим из них разделили студенчество на два противоборствующих лагеря: передовой, возглавляемый Х.А. Мельей и его сторонниками, входившими в группу «Реновасьон» и издаваемой ими газеты «Ла Хувентуд» и консервативный, представленный в основном студентами католических колледжей и вузов. Однако на начальном этапе работы конгресса все же первенство принадлежало левому студенчеству.

В период работы конгресса ярко проявился интернационализм Мельи. На вечернем заседании 19 октября он вступил с предложением о созыве Латиноамериканского студенческого конгресса, расширении и упрочении связей как со всеми народами, так и со студенческим движением всех стран Латинской Америки. «Будущее и прогресс Родины и всего человечества, — справедливо полагал он, — требуют подлинного единения между народами Латинской Америки, нашей общей родины, ради ее величия и могущества, что может быть достигнуто лишь посредством союза с братскими республиками. Человечество же нуждается в этом потому, что союз народов Латинской Америки может послужить основой и здоровым примером будущему Всемирному государству, которое является высшим идеалом. Мы убеждены в том, что за исключением нынешней Русской Республики, никакое другое содружество народов не является более способным, чем наша Америка, давать цивилизации прогрессивные идеи и принципы благодаря нашим специфическим и биологическим и социальным условиям»¹⁸. На утреннем за-

¹⁸ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 557.*

седании 20 октября, когда депутаты вновь вернулись к обсуждению проблем среднего образования, делегация газеты «Реновасьон» обратилась к департаменту культуры с предложением начать активную национальную кампанию против безграмотности, подобно тем, которые были осуществлены в Мексике и Советской России¹⁹.

В это же день на вечернем заседании по предложению делегации газеты «Реновасьон» и ряда левых студентов были приняты резолюции, касающиеся международных отношений. Одна из них осуждала политику изоляции, которой была подвергнута Новая Россия: 1) Национальный студенческий конгресс протестует против насилия, совершаемого против народов Антильских островов, Центральной Америки, Ирландии, Египта, Индии высказывается самым решительным образом за предоставление этим народам подлинного права на самоопределение и требует от кубинского правительства признания права вооруженной интервенции для тех, кто борется за свою независимость. 2) Конгресс протестует против актов жестокости французского капитала против беззащитного немецкого народа. 3) Конгресс протестует против несправедливой политики изоляции, которой некоторые западные страны подвергают Советскую Россию, и просит кубинское правительство рассмотреть вопрос о её признании²⁰. Все внесенные предложения были приняты единогласно.

Заседание 23 октября стало особым днем, продемонстрировавшим патриотическую направленность работы студенческого форума. Выступление Мельи на тему «Долг студенчества в свете международного положения Америки» было встречено громкими аплодисментами и овациями. Его содержание раскрывает твердые антиимпериалистические убеждения автора доклада. Предложения, внесенные Мельей, были поддержаны и дополнены соратниками Мельи (Рохелио Сопо Баррето и другие).

Главные предложения сводились к следующему: Национальный студенческий конгресс выступает против всех разновидностей империализма, и особенно против вмешательства американского империализма во внутренние дела страны. Конгресс выступает против «поправки Платта». Конгресс выступает против доктрины Монро и пан-американизма. Конгресс выступает за отмену неравноправного торгового договора между Кубой и США. Конгресс протестует против агрессий и интервенций, нарушающих национальное достоинство. Конгресс выступает против существующей на Кубе экономической системы и международного капитализма.

¹⁹ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 563.*

²⁰ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 571, 572.*

Другие участники конгресса, среди них Рохелио Сопо Баррето и Карлос А. Кастьянос, Густаво Альдерегия, Гай Кальбо, Сара Паскуаль, Мануэль Бисбе, Х.А. Виво Эското. Х.М. Перес Кабрера, поддержав предложения Х.А. Мелья, внесли ряд предложений идентичного содержания, в частности, о непризнании всех договоров, действующих между латиноамериканскими странами, которые ущемляют суверенитеты этих стран; что ни одно американское государство не имеет права вмешиваться в дела другого государства. Этот день в работе студенческого конгресса показал со всей очевидностью, что студенческая молодежь была настроена воинственно и решительно в отстаивании национального суверенитета своей родины

Мелья внес предложение: рекомендовать студентам и преподавателям «бороться за со здание нового университетского духа и морали на основе высшей социальной справедливости и в целях укрепления крепких братских связей среди народов, исповедующих наши взгляды с тем, чтобы заменить старый прежний религиозный дух, уже выполнивший свою историческую роль»²¹. Мелья также предложил направить от имени Национального студенческого конгресса дружественное приветствие Федерации рабочих Гаваны, «ознакомив ее с принятыми на конгрессе решениями и выразить свое желание об установлении братских тесных связей между студентами и рабочими Кубы посредством обмена идеями, мнениями с целью подготовки основы для преобразований существующей экономической, политической и социальной системы на принципах социальной справедливости»²².

Звучали и другие предложения, которые свидетельствовали о ярко выраженной национальной направленности конгресса: необходимость проведения Латиноамериканских студенческих конгрессов; необходимость создания Всеамериканской студенческой лиги для того, чтобы реализовать на деле практике идею Боливара о создании Латиноамериканской республики; необходимости изучения в начальных классах латиноамериканской литературы; об обмене университетскими студентами всех Латиноамериканских стран; о чествовании всех национальных праздников Латинской Америки; о проведении межвузовских студенческих олимпийских игр; обращение конгресса к муниципальным властям Кубы с выражением несогласия об использовании на улицах и в городах объявлений и рекламы на иностранном языке; о возведении в университете монумента Гению Латинской Америки с пригла-

²¹ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 599.*

²² *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 601.*

шением на его открытие Х. Васконселоса, Хоакина Гонсалеса, Хосе Инхеньероса и Луначарского и других²³.

Удивительно, насколько мудро и своевременно звучали многие лозунги и предложения, внесенные на конгрессе представителями кубинской просвещенной молодежи. Это был урок высокой революционности, духовности и морали.

Мелья сумел понять и выразить в своих работах мысль о том, что университетская реформа не сможет состояться и свершиться без глубокой социальной революции, что из всех фундаментальных требований университетской реформы социальная борьба представляет наибольший интерес. Позднее, уже находясь в Мексике в статье «Студенты и социальная борьба», написанной в декабре 1927 г., касаясь движения за университетскую реформу, движения, охватившее многие страны Латинской Америки (Аргентина, Чили, Перу, Куба) и ставшего поистине континентальным движением, или, говоря словами Х. Инхеньероса, «знаменем Нового Времени», он писал, что для «университетской революции характерна социальная направленность, ее стремление проникнуться нуждами и чаяниями угнетенных масс, выйти из рядов реакции, отмежеваться от безразличных и нейтральных и, определив свои позиции, принять участие в борьбе за Социальную Революцию под руководством пролетариата. Без этого руководства, без этого стремления не может быть университетской революции... Все проявления и социальные акты Университетской революции в Латинской Америке — верные показатели будущих политических преобразований. Нет и не было чисто университетского движения, которое не было бы связано с социальными массами и их проблемами»²⁴.

Мелья осознавал нравственную и высокую миссию главного центра прогресса, просвещения и культуры Университета, назвав его «кузницей, где формируются борцы за новый завтрашний день»²⁵. Насколько своевременны эти слова и сегодня, а уж для нашей действительности тем более, понятно каждому грамотному человеку.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ХОСЕ МАРТИ

Самой, пожалуй, большой реальной победой конгресса стало создание Народного университета Хосе Марти. Его открытие состоялось

²³ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 598, 601, 603.*

²⁴ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 343, 345.*

²⁵ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 119.*

3 ноября 1923 г. в актовом зале Гаванского университета. В своей ответственной речи Мелья подчеркнул важность этого события, призванного нести культуру и знания в народные массы. В уставе университета было отмечено, что его задача — формировать в рабочем классе новую культуру и новое революционное мышление²⁶.

Была создана специальная комиссия из студентов, призванная руководить Университетом. Преподавание в нем должно было стать бесплатным и доверено самым видным прогрессивным ученым и профессорам. В университете читали лекции такие преподаватели, как Эусебио Эрнандес (медицина, материнство, сексуальная профилактика, естественные науки), Х.М. Перес Кабрера (всемирная география), Сара Паскуаль (грамматика и литература) А. Берналь де Риесго (психология и логика), Х.А. Мелья (всемирная история), А. Альдерегия (психология и биология) и т.д. Его филиалы были открыты в других городах Кубы — пригородах Гаваны, Камагуэе. Все кубинцы вне зависимости от цвета кожи и социального положения могли посещать классы университета.

Преподавание велось в доступной для слушателей форме. Прогрессивные преподаватели выступали с лекциями, докладами, сообщениями перед рабочей аудиторией, знакомили ее не только с основами грамматики и арифметики, литературы, истории страны и всемирной истории, но с основами рабочего законодательства, освещали проблемы международного характера, пропагандировали идеи научного социализма, выступали с разоблачением империалистической сущности США, с достижениями в социальной и экономической сферах, происходившими в России²⁷.

Другая главная цель народного университета состояла в объединении рабочего класса со студенчеством и просвещенной интеллигенцией, а обучение и преподавание ряда предметов должно было способствовать повышению культурного, политического и идеологического уровня кубинского пролетариата, пробудить в нем классовое самосознание и способность выступать в защиту своих прав, исходя из принципов социальной справедливости. Мелья сам активно сотрудничал со многими коммунистическими, профсоюзными и рабочими лидерами Кубы (Карлосом Балиньо, Альфредо Лопесом, Хосе Рего и др.), которые в свою очередь поддерживали левое студенчество Кубы. В аудиториях Народного университета формировались многие лидеры кубинского пролетариата. По мнению Мельи, Народный университет, как и любой образовательный

²⁶ *Mella J.A.* 100 años. La Habana: Ed. Oriente, 2003. P. 49-51.

²⁷ См.: *Зорина А.М.* Рабочее движение на Кубе, (1850–1925). М.: Наука, 1975. С. 206-208.

центр, не являлся единственным средством освобождения народа: «Мы далеки от того, чтобы утверждать так, но считаем, что каждый новый орган, созданный для раскрепощения народа, может быть чрезвычайно важен и полезен. Такова задача и народных университетов. Они разрушают одну из основ современного нынешнего тиранического режима: монополию на культуру»²⁸.

В статье «Ученикам Народного университета и народу Кубы» Мелья писал: «Наша культура и наши усилия направлены на революцию в сознании людей Кубы с целью формирования нового общества, свободного от паразитов и преступников, которые существуют в настоящем обществе сейчас... Видные профессора будут сотрудничать с нами... Они также признают, что самая благоприятная среда, которая способна воспринять новые идеи и где могут взойти новые посевы, пролетарские элементы. Они — основа будущего человечества. Сегодня он сражающийся раб, который борется не для того, чтобы стать хозяином, а стать братом. Четко осознавая существующую реальность и борясь за справедливость, представители интеллигенции и студенчества основали для трудящихся Кубы Народный университет Хосе Марти... Только культура является единственной основой подлинной и окончательной независимости»²⁹.

Несмотря на сравнительно короткое существование (был закрыт в 1927 г.) Народный университет принес неоценимую пользу революционному движению на Кубе, содействовал углублению и развитию тех идеологических процессов и перемен, которые происходили в тот период в кубинском обществе.

1923 г. ознаменовался серьезной победой студенческого движения, когда левому студенчеству под руководством Мельи удалось всколыхнуть омертвевшие основы и привычный застойный ритм университетской жизни, создать Федерацию университетских студентов и провести I-ый Национальный конгресс студентов.

Ярко выраженная социальная направленность дискуссий и резолюций конгресса не могла не насторожить правительство и реакционные профессорские круги, которых резко критиковал Мелья. А его сближение с лидерами рабочего профсоюзного и коммунистического движения (в 1924 г. он вступил в коммунистическое объединение Гаваны), которые охотно посещали лекции Народного университета, вызывали гнев и ненависть правительственных кругов и департамента образования и культуры. И реакция со стороны правительства не замедлила последо-

²⁸ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 126-127.*

²⁹ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 100, 101.*

вать. Ему были предъявлены обвинения в диктаторских замашках, а затем против него была развернута кампания дискредитации. В условиях откровенной травли со стороны преподавательской коллегии (клаустро), индифферентного отношения основной массы студентов 30 декабря 1923 г. Мелья вынужден был отстраниться от руководства ФУС³⁰. Власть перешла к студенческому Директорату, в который вошли студенты, далекие от революционных и реформистских позиций левого крыла студенчества. Сама деятельность ФУС была приостановлена, постепенно сошли на нет и требования университетской автономии. Университетская ассамблея просуществовала до конца 1925 г.

Постепенно Мелья все более активно вовлекается в рабочее и коммунистическое движение Кубы, уделяя большое внимание деятельности Народного университета. В сентябре 1925 г. Мелья был изгнан из университета, а два месяца спустя была распущена смешанная комиссия, созданная с целью решить участь тех преподавателей, которых студенческое сообщество обвиняло в непрофессионализме и некомпетентности³¹. Вскоре и многие преподаватели были возвращены на свои кафедры. И все же, несмотря на поражение, студенческое движение 1923 года стало стартовой площадкой, отталкиваясь от которой, начался новый этап университетского движения.

В 20-е годы XX в. на Кубе вновь на повестку дня встал вопрос о борьбе за полную независимость, о которой мечтали старое поколение кубинских революционеров. Мелья, будучи представителем радикального крыла кубинской студенческой молодежи, сумел в новых исторических условиях понять, каким путем необходимо следовать, творчески восприняв заветы и наследие прошлых битв за свободу и независимость. Пример и опыт Октябрьской социалистической революции в России 1917 г. продемонстрировал ему, на какие силы необходимо опираться в первую очередь.

Резолюции, принятые на конгрессе в поддержку рабочего движения, Октябрьской социалистической революции, осуждавшие агрессивную роль американского империализма, интернациональной солидарности с братскими угнетенными народами не только Латинской Америки, но и всего мира, свидетельствовали о глубокой социальной и политической направленности кубинского студенческого движения, о складывании серьезной политической силы, наряду с рабочим классом, претендующим на руководство революционной борьбой.

³⁰ *Cabrera O. Julio Antonio Mella. Reforma estudiantil y antiimperialismo. P. 35.*

³¹ *González Carbajal L. Mella y el movimiento estudiantil. P. 22-23.*

Мелья постоянно подчеркивал необходимость единения всех прогрессивных слоев кубинского общества для решения задач социальной революции, неизбежной и исторически predetermined. В письме к своему другу Г. Альдерегии 18 сентября 1926 г. Мелья точно определил основные параметры борьбы на тот момент: «Борьба против империализма всех сил и политических направлений от рабочих и крестьян до национальной буржуазии (хотя она и чаще всего способна к предательству) — это в настоящее время наиболее важная задача... Каково бы не было будущее Кубы... наш долг поставить и решить проблемы: национальные для одних, социальные для других и антиимпериалистические для всех»³².

«Борьба за социальную революцию в Америке, — писал он в 1925 году в работе «Куба: народ, который никогда не был свободен», — это не утопия сумасшедших и фанатиков. Это борьба за новое ближайшее будущее. Только недалекие умы могут полагать, что революция народов Америки завершилась с войной за независимость и созданием факторий, называемых республиками. где управляют люди, может быть, намного худшие, чем испанские вице-короли и генерал-капитаны. Многие считают, что пример России будет ограничен лишь современными границами социалистической республики, однако близорукость этих людей достойна сожаления, хотя ею страдают и многие университетские интеллектуалы, поддерживающие эту историческое невежество. Социальная революция — это неизбежный исторический факт, не зависящий от всяких пропагандистских фантазий»³³.

Погружение в революционную борьбу, сближение с рабочими и пролетарскими лидерами, знакомство с трудами деятелей научного социализма подвигло Мелью вновь возвратиться к наследию кубинского революционера — демократа Хосе Марти, в эпоху войн за независимость последней трети XIX века Мелья осознал, насколько созвучны были идеи Марти с его мыслями и идеологическими воззрениями. Он мечтал написать книгу о Марти; считал необходимым вновь возвратиться к его трудам, проанализировать его взгляды в свете нового времени, его революционную деятельность, вернуть память о нем и о тех исторических событиях, героем и лидером которых он был, понять причины поражения Революционной партии и манифеста Монтекристи, возникшие в рядах освободительных сил разногласия и антагонизмы, причины, породившие союз столь разрозненных политических сил в прошлой борьбе: анархистов, социалистов, национальной буржуазии,

³² *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 259.*

³³ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 182-183.*

заново оценить главный революционный лозунг Марти — «со всеми и для блага всех».

Особенно трепетно Мелья писал об отношении Марти к пролетариату, его твердых антиимпериалистических позициях и его интернационализме: «Чтобы быть интернационалистом нет необходимости ненавидеть землю, на которой родился, забывать ее, пре давать или нападать на неё. Такие нелепости говорят реакционеры и продажные писаки о нас, сегодняшних интернационалистах. Нет! Интернационализм означает в первую очередь борьбу за национальное освобождение от иностранного империалистического ига и, вместе с тем, солидарность, тесный союз с угнетенными других наций!»³⁴.

В сентябре 1925 г., изгнанный из университета, Мелья направил письмо в Университетский совет, где написал: «Я твердо убежден, что смогу сделать намного больше за годы, что мне отпущены судьбой, для моей страны и всего человечества, чем было сделано мною в университете, и чем сделали до настоящего времени мои судьи»³⁵.

Мелья, обладавший обостренным чувством социальной справедливости, настолько явственно осознавал изменения, происходившие в этот период истории, что многие его высказывания были пророческими. В статье «Будущее время должно быть еще лучше» он писал, что «мы живем в очень интересный период времени в истории человечества, когда необходима полная переоценка ценностей, когда история уже ждет новых Мирабо, новых Дантонов, новых Марти, новых Боливаров, которые должны осуществить новые идеалы... Существует насущная необходимость в новых апостолах, героях, жертвах для того, чтобы победило это новое, и эти апостолы, герои, жертвы находятся среди студенческой молодежи нашей Америки»³⁶.

«Даже после нашей смерти мы будем полезны Родине. Ничего из наших трудов не исчезнет бесследно»³⁷. Так написал Х.А. Мелья в одной из своих работ в 1926 г. Думается, что не раз историки будут возвращаться к трудам высказываниям Мельи, переосмысливать революционное творчество одного из ярчайших представителей революционного движения Кубы первой трети XX в.

³⁴ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 271, 272.*

³⁵ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 209.*

³⁶ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 78.*

³⁷ *Mella J.A. Documentos y Artículos. P. 241.*

ЛИТЕРАТУРА

- Зорина А.М.* Рабочее движение на Кубе. М.: Наука, 1975.
- Погосов Ю.В.* Мелья. М.: Молодая гвардия, 1968.
- Cabrera O.* Julio Antonio Mella, reforma estudiantil y antiimperialismo. La Habana: Ciencias Sociales, 1977.
- Cabrera O.* Mella: una historia en la política méxicocubana. Jalisco: Ed. Guadaluajara, 2002.
- Cupull Reyes A.* Julio Antonio Mella en los mexicanos. La Habana: Edición Política, 1984.
- Cupull A., González F.* Hasta que llegue el tiempo. La Habana, 1999.
- Cupull A., González F.* Así mi corazón: Apuntes biográficos sobre Julio Antonio Mella. La Habana: Casa Editora Abril, 2003.
- Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella y Tina Modotti contra el Fascismo. La Habana: Casa Editora Abril, 2005.
- Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella en medio del fuego: Un asesino en México. La Habana: Casa Editora Abril, 2006.
- Cupull A., González F.* Julio Antonio Mella: Biografía. La Habana: Casa Editorial Abril, 2010.
- Dumpierre E.* Mella: biografía. La Habana: Ciencias Sociales, 1977.
- Fadragas A.M.* Mella: nacimiento de un líder. La Habana: Ediciones Extramuros, 2001.
- González Carbajal L.* Mella y el movimiento estudiantil. La Habana: Ciencias Sociales, 1977.
- Hatzky C.* Julio Antonio Mella (1903–1929). Una biografía. Santiago de Cuba: Oriente, 2008.
- Jeifets L., Jeifets V.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario Biográfico. Santiago de Chile: Ed. Ariadna, 2015.
- Massón Sena C.* Comintern y comunismo en Cuba. Una reflexión crítica // Revista Izquierda. 2010. Año 3. №7.
- Massón Sena C.* Comunismo, socialismo y nacionalismo en Cuba (1920–1958). La Habana: Ed. ICICJM, 2013.
- Massón Sena C.* Advenimiento del Comunismo en América Latina. Los casos de México, Brasil y Cuba // Revista de Estudios and Pesquisas sobre las Américas. 2014. Vol. 8. № 2. P. 234-247.
- Mella J.A: 100 años. En 2 vols. La Habana: Ed. Oriente, 2003.
- Padrón P.L.* Julio Antonio Mella y el movimiento obrero. La Habana: Ciencias Sociales, 1980.
- Pérez Camejo B.N.* Cuba en el Archivo de la Internacional Comunista // Boletín del Archivo Nacional. La Habana. 2012. Vols. 18-20.
- Pérez Cruz F.* Mella y la Revolución de Octubre. La Habana: Ed. Gente Nueva, 1980.
- Rojas Blaquier A.* El primer Partido Comunista de Cuba. Sus tácticas y estrategias, 1925–1935. T. 1, 2. Santiago de Cuba: Ed. Oriente, 2005–2006.

*Х. Уртубия Одекеркен**

X. Urtubia Odekerken

ТИП ПАРТИЙЦА В КОМПАРТИИ ЧИЛИ (1924–1933)

MODELS OF MILITANT IN THE COMMUNIST PARTY OF CHILE (1924–1933)

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в восприятии членства в коммунистической партии в период её большевизации через процесс взаимодействия и напряжённости, возникших в результате столкновения традиционной политической культуры Чили с большевистскими критериями партийности, установленными партийным руководством. Автор доказывает гипотезу, что эта политика насаждения новых критериев гегемонии и контроля за партийными рядами неминуемо привела к внутреннему партийному конфликту между официальной фракцией, поддержанной Коминтерном, и диссидентской.

Ключевые слова: партийность, политическая культура, коммунизм, большевизация, Чили.

Abstract: This article explains the mutations in the nature of communist militancy during the bolshevisation of the Communist Party of Chile. This process is examined from the interactions and tensions between a traditional political culture and Bolsheviks references promoted by the party leadership. The hypothesis of this paper is that the hegemonic nature of these representations expresses the political dimension finally acquired by the conflict between an official fraction (backed by the Communist International) and another dissident.

Keywords: Militant, political culture, Communist Party of Chile, bolshevization.

* *Химена Уртубия Одекеркен* — Университет Чили (*Ximena Urtubia* – Universidad de Chile), xurtubiaode@gmail.com.

В развитии КПЧ период с 1924 по 1933 г. вошел в историю как этап «большевизации» партии. Этот процесс заключался в постоянной корректировке линии партии в соответствии с требованиями Коминтерна в этот ключевой период развития международного коммунистического движения. На IV Конгрессе Коминтерна был сформулирован тезис о «третьем периоде» развития мирового капитализма как преддверия его крушения. На основании этой оценки был брошен призыв к компартиям всего мира преодолеть внутренние слабости и добиться лидерства в рабочем движении своих стран. Коминтерн полагал, что для достижения этой цели его секции должны полностью соответствовать большевистской модели партии¹. Объявленная Коминтерном большевизация должна была привести к построению монолитной революционной массовой партии, но «с учётом конкретной ситуации в каждой стране»². Однородность, внутреннее единство модели компартий диктовали особый тип партийной принадлежности: боевые кадры коммунистов являлись дисциплинированными, теоретически подготовленными членами партии, способными правильно оценить политическую конъюнктуру и действовать соответственно этой оценке. Таким образом, национальные компартии становились все более тесно связанными с международным коммунистическим движением.

Этот процесс трансформации проходил под пристальным вниманием высшего руководства Коминтерна. В случае с чилийской компартией эту задачу выполнял Южноамериканский секретариат (ЮАСКИ), с 1931 г. — Южноамериканское бюро (ЮАБ). Как утверждает исследователь темы, историк Ольга Ульянова, тот факт, что вмешательство этих органов происходило в условиях нахождения компартии в подполье после установления диктатуры Ибаньеса в 1927–1931 г.³, весьма облегчил задачи Коминтерна⁴.

Под большевизацией КПЧ историки понимают стратегическую и организационную трансформацию, начало которой было положено смертью в 1924 г. считавшегося либералом признанного лидера Социалистической рабочей партии (ПОС), а затем и КПЧ Луиса Эмилио Ре-

¹ Carr E. *El socialismo en un solo país, 1924–1926*. t. 3. Madrid: Alianza Editorial, 1976. P. 104–105.

² Carr E. *El socialismo en un solo país*. P. 105.

³ Подробнее о политических событиях национальной истории того времени см. Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. *Политическая история Чили, XX век*. М.: Высшая школа, 2009. С. 42–49.

⁴ Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931. / Ulianova O., Riquelme A. (eds.) Santiago: Ediciones DIBAM, 2005, P. 258.

кабаррена⁵. С 1926 г. компартия изменила свою федеративную структуру, унаследованную от ПОС и основанную на принципах внутренней демократии и открытых ассамблей, на новый принцип организации ячеек на основе «демократического централизма». В рамках этого стратегического поворота, инициированного Коминтерном, КПЧ отказалась от прежней политической практики, восприняв риторику «третьего периода» и начав проводить с 1931 г. политику «класс против класса» в самой жёсткой форме.

С другой стороны, отделение компартии от Рабочей Федерации Чили (ФОЧ), которая была её основной профсоюзной базой, проходило через создание так называемых «коммунистических фракций» в профсоюзах. В рамках риторики «третьего периода» посредством наступательной тактики партия стремилась проводить политику гегемонии в этих фракциях профсоюзов. В эти годы КПЧ последовательно декларировала отказ от союзов с другими политическими силами. ФОЧ была основой для формирования под руководством коммунистов Единого фронта.

Главным последствием этого процесса был разделении КПЧ на две фракции: официальную компартию (признанную ЮАСКИ — ЮАБ) и диссидентскую. Начиная с 1931 г., каждая фракция сформулировала свою программу и свой политический проект, что привело к окончательному расколу партии. В марте 1933 г. на своем партийном съезде диссиденты решили создать свою партию Коммунистическую левую (ИК — *Izquierda Comunista*). Официальная фракция коммунистов подтвердила своё преобладание в партийных рядах на съезде КПЧ несколько месяцев спустя. Этот конфликт фракций в компартии историки обычно связывают с противостоянием троцкистов и сталинистов. В последние годы исследователи подчёркивают, что существовала преемственность диссидентов с «традицией Рекабаррена», а официальная фракция стала единственным бастионом «большевизации»⁶.

Все согласны с тем, что большевизация привела к глубокой трансформации: изменение политической практики позволило официальной фракции КПЧ создать в конце 20-х гг. основы для «сталинизации» партии. Укрепилась точка зрения, что большевизация была неизбежной, поддержанной всеми чилийскими коммунистами. Хотя тема политической культуры в этот период мало изучена в историографии, очевидно,

⁵ *Ramírez H.* Origen y formación del Partido Comunista de Chile. Ensayo de historia política y social de Chile, Moscú, Editorial Progreso, 1984. P. 285

⁶ *Muñoz G.* Disputa por el comunismo en Chile: estalinistas y opositoristas en el partido de Recabarren (1924–1934), Tesis para optar al grado de Licenciado en Historia, Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile, Santiago, 2014.

что дисциплина и доктринальное единомыслие были самыми важными принципами, которые сформировали политическую культуру коммунистов⁷. Исследователи истории партии отмечали, что большевизация КПЧ приветствовалась в рядах партии.

Цель данного исследования — анализ модели партийности с учетом того, что официальная (партийная) историография КПЧ утверждает онтологическую природу коммуниста, партийца, которая отрицает фракционность, внутреннюю принципиальную борьбу, а все внутривнутрипартийные конфликты для нее сводятся к личностным противоречиям лидеров. Что касается влияния большевизации на оппозиционную фракцию, то этот вопрос остаётся неизученным не из-за отсутствия источников, а в основном из-за того, что эту фракцию априори считали троцкистской и жёстко противостоящей официальной партии, что дало повод исследователям отрицать всякое влияние большевизации на оппозицию в партии. Данное исследование обращается к неизученным предшественникам источникам (Личный архив Мануэля Идалго Пласы и газета этой фракции «La Chispa», Сантьяго), которые позволяют определить преобладавшие модели поведения активистов компартии. Мы попробуем проследить взаимосвязь между изменениями в политической культуре коммунистов и соотношении сил, вызванным процессом большевизации. Историческое развитие характеристик партийности КПЧ связано с существовавшей напряженностью и взаимодействием между глубоко укоренённой в Чили традиционной политической культурой и большевизацией, насаждаемой партийным руководством. В исторической ретроспективе очевидны три момента, которые будут проанализированы в данной статье. Во-первых, мы представим чилийского коммуниста в рамках традиционной политической культуры. Затем, опишем влияние большевизации на характер партийности. И, наконец, рассмотрим различные модели, связанные с фракционной борьбой за руководство КПЧ.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОММУНИСТ (1924–1925)

В январе 1925 г. Фермин Кодоседо так вспоминал свои впечатления от речей погибшего Рекабаррена: «Меня охватило и потрясло до самого сердца яркое чувство возрождения через новый идеал, которому хочу

⁷ *Aránguiz S.* Rusia Roja de los Soviets: Recepciones de la Revolución Rusa, del bolchevismo y de la cultura política soviética en el mundo obrero revolucionario chileno (1917–1927). Tesis para optar al grado de Doctor en Historia, Instituto de Historia, Pontificia Universidad Católica de Chile. Santiago, 2012.

быть преданным. В тот день я как будто родился заново; все моё существо пронизал яркий луч коммунизма»⁸. Для Кодоседо лекции и собрания, дискуссии стали крайне необходимыми, они уже были частью его жизни. Из воспоминаний этого члена партии ясно, что после привлечения новых членов партии надеялись сформировать у них революционное сознание.

Понимая, что революция не стоит в ближайшей повестке дня, чилийская компартия ставила своей целью «готовить массы». Это означало работу над формированием классовой сознательности, которая поможет обеспечить создание революционных организаций, идущих за коммунистами. В этом смысле коммунистическая деятельность приобретала чёткий «педагогический» смысл, направленный на политический прозелитизм и пропаганду. Так, автор статьи, подписанной инициалами P.V., указывал, что членам партии следует «через устную и письменную пропаганду, лекции, ежедневные беседы, просвещать, обучать массы тому, что означает борьба труда и капитала, какие средства и методы надо реализовывать на практике»⁹. Таким образом, делалась ставка на присоединение трудящихся к борьбе за коммунистический идеал¹⁰. Эта работа должна была помочь избежать дезертирства или предательства, когда наступит революционная пора¹¹.

«Подготовка масс», согласно взглядам коммунистов, состояла в утверждении рационализации, позволяющей понять положение с эксплуатацией и найти формы её преодоления. Это стало привнесение сознательности в умы масс. Речь шла о формировании критического взгляда трудящихся на капитализм и классовую иерархию. С этой точки зрения, готовить массы означало делать ставку на самых политически способных, то есть формирование революционного сознания было возрождением, «пробуждением» класса, Фермин Кодоседо называл это «родиться заново».

Революционное сознание заключалось в критическом взгляде на трудовые отношения, на эксплуатацию, и оно затрагивало не только трудовые отношения, но и всю структуру личности. В этом смысле рационализация человеческой сущности коммунистами неизбежно приводила к ее проблематизации. Если капиталистическое общество создало определённый тип человека, то и революционный проект должен был

⁸ *Codoedo F.* Recuerdos de gratitud // *El Comunista*, Antofagasta, 4 de enero de 1925.

⁹ *P.V.* Conciencia revolucionaria // *El Comunista*, 1 de marzo de 1925.

¹⁰ *P.V.* Lucha e ideales // *El Comunista*, 7 de marzo de 1925.

¹¹ *Rayo Rojo.* Debemos triunfar contra todos nuestros enemigos // *La Jornada Comunista*, Valdivia, 2 de noviembre de 1925.

предложить новый тип человека бесклассового общества. Это было то пространство борьбы и спора, в который вступили коммунисты. Мораль коммунистов была основана на вызове капитализму, разрушении кодексов и ценностей капиталистического общества. В ней предстал следующий образ коммунистов: это справедливые люди, готовые на самопожертвование, ведущие аскетический образ жизни, способные к любви, солидарности, сочувствующие чужой боли¹². Напротив, буржуа характеризовались как амбициозные, растратчики, эгоисты и тщеславные люди¹³. Этот взгляд на классовый конфликт строился вокруг революционного проекта партии: идеала будущего аскетичного коммунистического общества, к которому готовились партийцы, обязанные быть морально устойчивыми¹⁴.

Главная цель коммунистической активности состояла в придании первостепенного значения «борьбе за идеалы», приверженности политической цели. Но это подразумевало также, что профессиональные требования и социальные реформы не являются главной целью трудящихся¹⁵. Тем не менее, это не означало, что Компартия отвернулась от возможностей борьбы за эти непосредственные цели. Хотя коммунисты-парламентарии и члены партии в профсоюзах должны были вести упорную пропагандистскую работу, также они должны были поддерживать и выдвигать инициативы по улучшению текущего положения трудящихся и их движений, не отказываясь от участия в правительственных органах¹⁶. Взаимодействие между коммунистической моралью и революционным проектом предполагало проведение своей политики среди народных масс. Это вылилось в постоянное осуждение в партийной прессе КПЧ «пороков рабочего класса» (алкоголизация, проституция и азартные игры), а после 1926 г. частью обязанностей членов партии стала борьба с этими явлениями¹⁷.

Чилийские коммунисты понимали свое членство в партии и политическую деятельность как свой долг, продукт индивидуальных убежде-

¹² *Miranda M.* La figura del comunista según mi concepto // *La Jornada Comunista*, 30 de mayo de 1925.

¹³ *L. S. S.* Somos revolucionarios // *La Jornada Comunista*, 27 de agosto de 1926.

¹⁴ *A. G. Moral* comunista // *Justicia*, Santiago, 1 de mayo de 1925; *Villarín C.* ¿Dónde empieza la lucha contra el régimen? // *Justicia*, 28 de marzo de 1926.

¹⁵ *Grez S.* Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924). Santiago, Ediciones Lom, 2011. P. 266.

¹⁶ *Vampa L.* Emancipémonos! // *Justicia*, 6 de mayo de 1925; *Rayo Rojo*, Labor de los representantes comunistas en el Parlamento // *La Jornada Comunista*, 17 de noviembre de 1925.

¹⁷ Estatutos del Partido Comunista // *Justicia*, 22 de julio de 1926.

ний и сознательности. В идеале это представлялось как результат опыта борьбы в профсоюзах и участия в общественных баталиях. Речь не шла о чисто формальном членстве в партии. Политическая культура КПЧ включала в себя идею, что каждый коммунист живёт и постоянно работает над повышением своей сознательности, размышляя и совершенствуясь в идейном плане. И тогда возникала проблема, как сочетается бытие коммуниста и обычное человеческое измерение.

Для вступления в ряды КПЧ необходимо было продемонстрировать свои политические убеждения, и это было основой бытия коммуниста в Чили. Традиционно коммунисты считали, что для того, чтобы показать свои партийные убеждения, достаточно просто убедить своих партийных товарищей, понимая, что решение о вступлении принимает узкий круг партийцев. По логике коммунистов, они имели на это право, так как обладали особой, но не исключительной рациональностью. Если организованный трудящийся хотел вступить в партию, ему было достаточно установить контакт с каким-либо партийцем, получить от него рекомендации и завоевать доверие среди других товарищей. На практике это означало, что КПЧ отдавала предпочтение профсоюзной деятельности своих будущих членов, а не знанию ими марксистской теории. Это объясняет, что в то время рабочих из ФОЧ обычно все считали коммунистами.

Так как коммунисты напрямую связывали сознательность и партийность, для партии крайне важной задачей было политическое образование своих членов. С другой стороны, это отвечало идеалам просветительства, которые с начала века проповедовали старые руководители партии. Так, Сальвадор Барра Волл говорил: «Не забывайте, что ваша доктрина вас обязывает методически и систематически трудиться над задачей прихода нового, менее жёсткого и подлого общества, чем сегодняшнее. Ваши устремления смогут осуществиться, если каждый день вы будете посвящать просвещению, самосовершенствованию, становясь более талантливыми и умными»¹⁸. Таким образом, коммунисты представлялись как люди, стремящиеся к знанию, обучению¹⁹. Однако эти идеи не стали господствующими в партийных школах и курсах коммунистов.

Воспитание в рамках КПЧ предполагало развитие критических взглядов членов партии²⁰. Это означало в соответствии с идеалами просвещения формирование взгляда на действительность на основе дисциплинированного познания и усвоения марксистской теории. Критическое мыш-

¹⁸ Barra S. Ciudadano comunista // El Comunista, 19 de junio de 1925.

¹⁹ Miranda M. op. cit.; Lillo J. Cultura y moralidad // La Jornada Comunista, 18 de junio de 1926.

²⁰ L. F., Los cuatro manifiestos // Justicia, 2 de agosto de 1925.

ление должно было развиваться не внутри марксистской теории, а в споре с другими доктринами с позиций марксизма. Доктрина партии функционировала как гибкий инструмент, играя второстепенную роль при политическом анализе. Это связано с прозелитской деятельностью партии в профсоюзах и других организациях, не считая системы партсобраний в жизни самой партии. При этом всегда присутствовала линия на укрепление сознательности и постановку прагматических задач. Среди коммунистов особо ценилась критика и самокритика в рамках допустимых ошибок, которые исправлялись в ходе критики и воспитания товарищей.

У партии не было своих школ теоретической подготовки, обучение строилось на изучении, чтении, обсуждении материалов. Лекции, театральные пьесы, теоретические обсуждения, партийные собрания, не считая партийной печати, играли основную роль в политическом воспитании членов партии. Если профсоюзная борьба была способом повышения сознательности, то политическое просвещение должно было направлять её в соответствии с коммунистической доктриной. Профсоюзы были школой и местом завоевания политического капитала. Этот опыт борьбы создавал коммунистам авторитет среди масс.

Лидерство в профсоюзах было показателем успеха в завоевании авторитета в массах. Выбор кандидатов КПЧ происходил через предвыборную борьбу между разными секциями партии, а потом уже проводилось окончательное голосование. Не всякий член партии мог претендовать на выборные посты, а только имевшие стаж и авторитет в партийной организации. Они должны были иметь соответствующий уровень политической подготовки и лидерские способности. Все кандидаты были членами партии из «старой гвардии»: Мануэль Идальго, Луис Э. Рекабаррен, Сальвадор Барра Воль, Луис Виктор Крус и другие. Об этом свидетельствует один эпизод при выборах Национального Исполкома компартии на ее чрезвычайном съезде в Винья-дель-Мар в сентябре – октябре 1924 г.

Как утверждает историк Серхио Грез, Рекабаррен, присутствовавший на первых заседаниях съезда, отказался от своего назначения в Исполком, аргументируя это тем, что большинство избранных в комитет «не были опытными борцами и не могли представить доказательства своей преданности идеям коммунизма и готовности жертвовать собой»²¹. Роберто Пинто ответил на это, что «старая гвардия» состояла из консерваторов, авторитарных людей, которые хотят использовать партию и нарушают нормы и решения съездов²². В конце концов, так называемое «новое по-

²¹ Grez S. Historia del comunismo en Chile. P. 326.

²² Grez S. Historia del comunismo en Chile. P. 329-330.

коление коммунистов» потерпело поражение в своей попытке изменить соотношение сил в партии в свою пользу. Противопоставление знаниям и опыту как достоинства для коммуниста, что лежало в основе аргументов Рекабаррена, наступило позже в рамках процесса большевизации.

В течение 1925 г. слышались постоянные призывы определённого сектора руководства партии к изменениям деятельности КПЧ в виду ее плохой координации, неэффективности, нестабильности, что являлось крайне негативным в тот важный момент начала контрнаступления буржуазии против рабочего движения. Появились первые публикации в партийной прессе на тему системы ячеек в партии и о большевизации в целом. Некоторые партийцы заявляли, что процесс избрания руководства не был прозрачным, отсутствовали партийные школы, что позволило проникнуть в партию «разлагающему влиянию»²³. Через это обращения формализовывались изменения в отношении членства в партии, полностью реализованные к концу этого года.

На VII съезде компартии в декабре 1925 г. были приняты новые принципы избрания руководителей для обеспечения выполнения решений КПЧ²⁴. Решением партии была установлена система ячеек и принципы «железной дисциплины» их членов. Была определена роль парламентской фракции в соответствии с решениями Коминтерна²⁵. Помимо этого, была улучшена система получения книг и брошюр для партийных библиотек, установлено расписание чтения этих материалов, а также принято решение о создании Института Карла Маркса для подготовки партийных кадров. Распределение задач между партийными кадрами соответствовало новым отношениям внутри партии: коммунисты теперь отчитывались о выполнении заданий не перед собранием своей ячейки, а только перед вышестоящими органами, которые давали им указания и наказывали.

ПРОЦЕСС БОЛЬШЕВИЗАЦИИ (1926–1931)

В течение 1926 г. перемены, происшедшие на VII съезде партии, отразились и на новой риторике КПЧ. В рамках критики неэффективности и слабости компартии, новый руководитель ее Исполкома, избранный в тот год, Руфино Росас отчеканил: «Мы не являемся и не будем комму-

²³ Manifiesto del CEN a las secciones del país // El Despertar de los Trabajadores, Iquique, 30 de enero de 1925; *Galdames M.* Las tendencias izquierdistas // Justicia, Santiago, 17 de junio de 1925.

²⁴ *Galdames M.* Proyecto de organización celular se discute en estos momentos en el Congreso del Partido Comunista // El Comunista, 28 de diciembre de 1925.

²⁵ Justicia, 3 de enero de 1926.

нистами только на словах, но можем ими стать на деле. Не тот революционер, кто проповедует революцию, а тот, кто к ней сам готовится»²⁶. Под этим лозунгом верхушка КПЧ стала проводить в жизнь новую концепцию коммунистической партийности.

Большевизм связывался с историей революции 7 ноября 1917 года и последующими событиями, которые, по словам Сантьяго Арангиса, стали основой понимания чилийским коммунизмом большевизма и Русской революции. Проводя связь между Октябрьской революцией и последующими действиями советского правительства, КПЧ защищала принципы, провозглашённые большевизмом. Проблемы дисциплины и внутренняя борьба в ВКП(б) в 1925–1926 гг были самыми сложными моментами для КПЧ, что привело её к выводу в необходимости железной дисциплины и доктринальной ортодоксии²⁷.

Эти элементы большевистской политической культуры стали ключевыми для нового руководства КПЧ для упрочения своих позиций в партии. Под лозунгом большевизации проводилась политика санкций и приказов, рассматриваемая как форма контроля над членами партии. Это давление сверху вызвало напряжение внутри партии и даже открытое противостояние ее новому руководству, а затем и делегатам от ЮАСКИ (Южноамериканского секретариата Коминтерна)²⁸.

Введение железной дисциплины на VII и VIII съездах компартии Чили соответствовало изменению соотношения сил внутри партии, которое стало намечаться с кризиса сентября 1924 г. и после смерти Рекабаррена. В официальном дискурсе КПЧ железная дисциплина понималась как подчинение нижестоящих организаций, а значит, и рядовых членов, приказам руководства²⁹. Эта линия вылилась в создание цепочки иерархий внутри Исполкома партии, её целью было придание более органического характера деятельности членов партии. Чтобы достичь своих целей, Исполком не сразу ужесточил санкции, а делал это посте-

²⁶ *Rosas R. Nada de vacilaciones // Justicia*, 3 de enero de 1926.

²⁷ *Aránguiz S. Rusia Roja de los Soviets*. P. 215.

²⁸ Во время диктатуры Карлоса Ибаньеса (1927–1931) отношения между ЮАСКИ и КПЧ стали более прочными. При этом происходил обратный процесс в их взаимоотношениях из-за стремления ЮАСКИ осуществлять жёсткий контроль над КПЧ и сопротивлением последней. См. *Chile en los archivos soviéticos 1922–1991*. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931. P. 215–248; *Urubia X. Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile: la transformación del militante tradicional, 1924–1933*. Santiago: Ariadna Ediciones, 2016. P. 125–137.

²⁹ El acatamiento de las instrucciones de la dirección y [la] realización del trabajo [son] deber de todo militante // *El Comunista*, 5 de julio de 1926; El último boletín semanal del Comité Ejecutivo de nuestro Partido // *El Comunista*, 23 de agosto de 1926.

пенно, исключения из партии были отложены до конца 1926 г. Примером этого были парторганизации 3-ей и 2-ой коммуны Сантьяго в 1925–1926 гг. В обеих организациях существовали явления недисциплинированности, были попытки раскола на собраниях. Но реакция Исполкома оказалась непропорциональной: 16 членов партии были временно отстранены от партийной деятельности, а 6 человек, обвинённые в раскольнической деятельности, исключены из партии³⁰. Что же касается городского комитета Сантьяго, то Исполком в 1926 г. провёл его полную реорганизацию (работала специальная комиссия), а все замешанные в расколе были исключены³¹.

Реорганизация партийного комитета Сантьяго вызвала беспокойство среди членов партии, и Исполком был вынужден объяснить свои действия тем, что партия дала ему право руководства. Он также аргументировал законность своих действий тем, что его члены были избраны демократическим путём членами партии³². Коммунисты, которые критически относились к действиям Исполкома, считали эти действия самоуправными, так как недисциплинированность была проявлена небольшим числом партийцев, и ранее Исполком не реагировал так на подобное³³. Более того, они обвиняли Исполком в преследованиях партийцев³⁴. Проблема недисциплинированности представлялась таковой лишь для меньшинства в руководстве, но она была также вопросом несправедливости. Для критически настроенных членов партии дисциплина являлась продуктом согласия между рядовыми членами партии и руководством, проводящим тактическую политику и опирающимся на принципы КПЧ³⁵. Они говорили о сознательной и принимаемой членами партии дисциплине, которая опирается на убеждения коммунистов и необходима им в революционной борьбе.

Критика неэффективности комитетов и призывы заменить их системой ячеек отразилась в решениях VII съезда компартии в конце 1925 г. Макловлю Гольдамес через несколько недель после своего избрания в Исполком подчёркивал благо введения ячеек: «В рамках этой системы каждый коммунист будет работать на партию, которая поручит каждому члену свою миссию, работу, о которой каждый будет отчитываться,

³⁰ Sección Santiago // El Comunista, 5 de enero de 1925.

³¹ Reorganización de la Sección Santiago // Justicia, 14 de abril de 1926.

³² Todos nos debemos a la centralización y a la disciplina // El Comunista, 8 de septiembre de 1926.

³³ La disciplina // El Comunista, 14 de octubre de 1926.

³⁴ La Jornada Comunista, 7 de agosto de 1926.

³⁵ Gat J. Nuestra disciplina // La Jornada Comunista, 17 de septiembre de 1926.

будь то перед руководителем ячейки или собранием»³⁶. Эта динамика предполагала реструктуризацию иерархий партийных рядов. Речь шла не только о взаимных обязательствах товарищей по партии, но и перед руководством партии, которое стало приказывать и наказывать. Чтобы обеспечить деятельность партийцев, система ячеек требовала консолидации внутри руководства. В манифесте 1926 года Исполком напоминал, что «всякая деятельность должна быть контролируема руководством партии»³⁷, то есть региональными комитетами, секретарями ячеек или комитетов, а также самим Исполкомом.

Как указывал ГальдAMES, с начала этого года каждый член партии в рамках жёсткой дисциплины должен был действовать вместе со всей ячейкой или комитетом. Он завершал: «Нужно не большое число членов партии, а высокое качество каждого из них, нам нужны только самоотверженные и убеждённые люди»³⁸. Таким образом, укрепление дисциплины через наказания и санкции гарантировало координацию и контроль за расширением рядов партии. Как можно судить по словам ГальдAMESа, это новое понимание членства в партии предполагало новую модель *ad hoc*, и её ещё предстояло создать. Партийная работа стала рассматриваться как показатель убеждений коммуниста, которые надо было доказывать.

Для создания этой системы иерархий, построенной вокруг руководства партии, чтобы формировать партийные ряды, была необходима легитимация действий. Доктринальная ортодоксия играла центральную роль, позволяя оправдывать или нет действия самого руководства, используя ту же риторику, что и органах Коминтерна. Хотя концепция «уклонов» затрагивала и проблему единства партии, и вопрос теоретической ортодоксии, в КПЧ обращали внимание лишь на первую. Вина в «уклонах» до 1926 г. состояла в попытке раскола из-за стратегических расхождений, что приводило к неподчинению указаниям руководства партии и даже созданию альтернативного руководства. Так, в отношении попыток раскола во 2 и 3 коммунах Сантьяго Исполком ограничился указанием, что эти группы приняли резолюции, наносящие ущерб партии. На чрезвычайном съезде компартии в сентябре 1924 г. были наказаны комитеты партии Винья-дель-Мар и Вальпараисо за уклонизм, деморализацию и дезорганизацию³⁹. Исполком заявил, что большинство обвинённых в уклонах не следовали линии партии, определённой на её

³⁶ *Galdames M.* Nuestro partido // Justicia, 13 de diciembre de 1925.

³⁷ Manifiesto del CEN del PCCCh a las secciones y afiliados // La Jornada Comunista, 4 de febrero de 1926.

³⁸ *Galdames M.* Hacia la bolchevización // Justicia, 24 de enero de 1926.

³⁹ *Grez S.* Historia del comunismo en Chile. P. 325.

съездах, а действовали в соответствии с политикой электоральных союзов. Для делегатов съезда это было серьёзным обвинением, так как компартия ничего не выиграла от этих союзов. Большинство обвинённых временно были лишены членства в партии, исключён только один, секретарь комитета Вальпараисо. Речь шла не об идеологических уклонах, а о текущих ошибках и создании неофициального руководства.

Использование обвинений в уклонении от доктринальной концепции в официальном дискурсе КПЧ против «уклонистов» в конце 1926 г. проявилось в Открытом письме ЮАСКИ. Среди парламентариев-коммунистов, обвинённых в правом уклоне, символическим стало дело Абраама Кеведо, депутата из Вальдивии. Он не подчинился указаниям Исполкома партии и поддержал предложения буржуазного парламентария о вотуме недоверия министру. Кеведо обвинили в нарушении дисциплины и исключили из партии.

Характер конфликта вокруг Открытого письма ЮАСКИ совпал с делом о правом уклоне Кеведо, рассмотренном на VIII съезде партии. Как писали Росас и Гальдамес, дебаты, которые вызвало Открытое письмо ЮАСКИ, стали важным этапом, который позволил выявить доктринальные ошибки коммунистов⁴⁰. Хотя критика была обычным механизмом исправления ошибок, она не одинаково действует для всех. Гальдамес писал, что и Барра Волл, и Барриос, и даже руководители парламентской фракции должны были пройти через горнило критики⁴¹. А вот Фр. Прадо утверждал, что критика подрывает авторитет руководства и его влияние в массах и в партии⁴². С другой стороны, критика ЮАСКИ была сосредоточена на правом уклоне парламентской фракции компартии, состоявшей из партийных руководителей с большим политическим опытом. Тема опыта, как принципа авторитета в партии, выдвигалась теми, кто считал, что все коммунисты должны подвергаться критике и самокритике и публично признавать свои ошибки. Оскар Сепульведа и Руфино Росас указывали, что, критикуя, надо принимать во внимание теоретические знания, а не партийный стаж⁴³. Франсиско Прадо считал, что такие комментарии несправедливы в отношении старых руководителей партии, так как критика ослабляет их лидерство и авторитет, а критиковать их нужно в рамках партийных институтов⁴⁴.

⁴⁰ *Galdames M.* Errar es humano // Justicia, 15 de diciembre de 1926.

⁴¹ *Barra S.* Lucha contra el personalismo // Justicia, 14 de diciembre de 1926; *Barrios C.* Comentario a un comentario // Justicia, 15 de diciembre de 1926.

⁴² Cit. por: *Galdames M.* Bolchevización.

⁴³ *Sepúlveda O.* Terciando el debate // Justicia, 14 de diciembre de 1926.

⁴⁴ *Prado F.* Bolchevización sí, personalismo no // Justicia, 14 de diciembre de 1926.

Использование критики уклонов как механизма, обеспечивающего доктринальную однородность КПЧ, было необходимо, чтобы ликвидировать защиту старейших кадров, их заслуг и опыта как форму легитимации лидеров в рамках традиционной политической культуры. Таким образом, теперь Исполком мог судить любого члена партии. Так удалось нейтрализовать некоторых старых лидеров, не вписывавшихся в большевизацию, а следовательно, потенциально противостоявших гегемонии новой линии. Во время этих дебатов в присутствии делегатов Коминтерна были созданы условия, в которых VIII съезд чилийской компартии принял положения о железной дисциплине и доктринальной ортодоксии. Эти решения сыграли большую роль в выживании партии, когда она перешла на нелегальное положение⁴⁵.

С 1926 г. проведение большевизации предполагало изменения в деятельности коммунистов и коммунистических фракций в профсоюзах. Их долг состоял в направлении деятельности своих членов, чтобы добиться преобладания компартии в профсоюзе. Предполагалось, что это будет достигаться через убеждение. Но одна лишь идеологическая пропаганда не могла привлечь сторонников, необходимо было сочетать её с непосредственными требованиями профсоюзов⁴⁶. На практике это означало, что работа партийцев станет более слаженной и будет лучше контролироваться со стороны Профсоюзной комиссии партии. Эта стратегия сохранялась во время диктатуры Ибаньеса, хотя «кидальгистский» ЦК решил держать в секрете эту деятельность своих фракций в профсоюзах, чтобы избежать преследований властей⁴⁷.

Тоже самое произошло с публичными выступлениями и деятельностью парламентской фракции коммунистов. Несмотря на усилия Исполкома обеспечить повиновение кадров партии, они ограничились закрытыми увещеваниями, не имевшими особых последствий. Учитывая престиж своих лидеров, коммунистическая фракция чувствовала себя достаточно легитимной, чтобы избегать публичной критики. Ситуация изменилась после получения Открытого письма ЮАСКИ, когда Исполком, получив поддержку Коминтерна, заставил парламентариев-коммунистов признать свои ошибки, о которых писалось в Открытом письме, что ставило под сомнение их лидерство.

Создание коммунистических фракций в профсоюзах вело к разделению внутри профсоюза на коммунистов и прочих трудящихся. По большевист-

⁴⁵ *Urtubia X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile. P. 125

⁴⁶ ¿Cómo se consigue acercarse a las masas obreras?//Justicia, 6 de febrero de 1926.

⁴⁷ Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, archivo de Manuel Hidalgo. Las fracciones sindicales comunistas, [s/d]. Fj. 6.

ской логике их разделяли теоретические познания. С 1926 г. и даже в период подполья руководство партии проводило линию на доктринальную чистоту в соответствии с указаниями ЮАСКИ⁴⁸. Руководство рассматривало распространение брошюр и статей как самый простой шаг. С переходом КПЧ на нелегальное положение партия столкнулась с сокращением своих рядов, преследованиями и упадком духа. Для ЦК партии было важно следить за состоянием базовых организаций для подавления «смятения» в своих рядах, чтобы обеспечить выживание партии⁴⁹.

Изменения в политике руководства в рамках большевизации были направлены на усиление контроля и координации партийной деятельности, ущемляя индивидуальные инициативы членов партии и их критическое отношение. Это происходило одновременно с ужесточением дисциплинарных санкций и отслеживанием «уклонов». Также устанавливались чётко иерархические отношения внутри КПЧ.

Отсутствие основы для реализации органической, менее очеловеченной концепции партии привело к тому, что усилия руководства в этом направлении были очень скромными. Система ячеек, хотя и не вызвала противодействия снизу, находилась в зачаточном состоянии. С другой стороны, железная дисциплина и риторика борьбы с уклонами решительно проводились руководством партии. Но оно не смогло создать партийных школ, а ЮАСКИ больше всего критиковала чилийских коммунистов как раз за их низкий идейный уровень и слабую подготовку. Распространение литературы было затруднено переходом партии на нелегальное положение. Ухудшились связи между местными комитетами и руководством партии, ослаб контроль ЦК. Хотя в период диктатуры сохранялась стратегическая программа партии с её целями, реальное содержание политики коммунистов оставалось в рамках традиционной чилийской политики.

ПАРТИЙНЫЕ КАДРЫ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИЗАЦИИ (1932–1933)

Большевизация предполагала изменение концепции деятельности КПЧ. Начиная с 1926 г., Исполком партии выступил инициатором ряда мер для укрепления организации коммунистов. Это подразумевало формирование членов партии *ad hoc*. Вводились в обращение термины «кадры» и «фракции», предлагалось отказаться от индивидуального подхода к партийцам, что было частью традиционной политической

⁴⁸ *Ulianova y Riquelme*. Op. cit. P. 284.

⁴⁹ *Ulianova y Riquelme*. Op. cit. P. 423. Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, Informe elevado a la Conferencia Regional celebrada el día 18 de setiembre de 1929, Antofagasta, 18 de setiembre de 1929. Fj. 1.

культуры. Это привело к обезличиванию типа партийца, которое происходило под лозунгом большевизации: подчинение иерархии партийного руководства и верность теоретической ортодоксии. Субъективная точка зрения и позиция членов партии должны были быть преодолены.

С 1931 г. обе фракции КПЧ разделяли поведенческую матрицу самопожертвования и героизма, что было естественной формой жизни в условиях подполья. Эта партийная мораль партийности из принципов большевизации. Из них не следовало обесчеловечивание членов партии, но все это вело к упрощению традиционной морали коммунистов. Официальная фракция КПЧ, и возможно, диссидентская, не меняли свои критерии для членства в партии (принятые в конце 1925 г.), поэтому партия считала, что должна заняться подготовкой своих кадров. Оба сектора КПЧ вели курсы повышения идейной подготовки, создали собственные издательства и имели свои газеты. Эти меры считались частью большевизации, но каждая фракция по-разному относилась к идеологической подготовке в этом процессе.

В соответствии с императивами большевистской политической культуры и при прямом контроле со стороны ЮАБ (особенно во время визита Паулино Гонсалеса Альберди), официальная фракция КПЧ заявила, что марксизм-ленинизм, доктрина партии является её главной отличительной чертой. В программе обучения кадров, опубликованной в 1933 г., цитировались слова Ленина: «Без революционной теории нет революционного действия». Эта фраза отражала дух партийных курсов. С целью формирования кадров эти программы были разработаны в духе характеристики «третьего периода» развития мирового капитализма, среди которых выделялись отличия Латинской Америки. Особенно важное значение уделялось основным теоретическим постулатам ленинизма, овладеть которыми следовало для понимания тактических целей партийной работы в профсоюзах⁵⁰. Последнее рассматривалось через призму решений 1-й Профсоюзной латиноамериканской конференции, резолюций о профсоюзах ЦК КПЧ и некоторых текстов Ленина. Всё это соответствовало политике «класс против класса», проводимой ЦК чилийской компартии и ЮАБ. Цель состояла в принятии членами партии коммунистической ортодоксии. Санкции за уклоны касались целого комплекса различных ошибок, отклонений от линии партии, особенно приверженности «вредным идеологиям» (идальгизм, гровизм, анархизм и так далее).

⁵⁰ Plan de estudios de un curso de capacitación. Hacia la formación de un poderoso activo en el Partido Comunista chileno. Santiago: Gutenberg, enero de 1933.

Диссидентская фракция в партии стала главным объектом этой критики. Её руководители сделали ставку на гибкую линию, противостоящую жёсткости ориентировок Коминтерна и официальной фракции. Генеральный секретарь ЦК фракции Умберто Мендоса (Хорхе Левин) указывал, цитируя Ленина, что КПЧ должна не строго подчиняться заранее установленному плану, а самостоятельно предпринимать адекватные действия⁵¹. Другой деятель партии писал, что сама ситуация в стране подскажет политическую линию, нет необходимости следовать только «литературе, которую называют подрывной»⁵². Отклонения и ошибки необходимо корректировать в педагогических целях, но не осуждать как уклоны, подлежащие исправлению⁵³. Тем не менее, и диссидентская, и официальная фракция партии проводили политику укрепления кадровой дисциплины, хотя партийную дисциплину они понимали по-разному.

С установлением железной дисциплины в политической культуре официальной фракции КПЧ ЦК партии под руководством Карлоса Контрераса Лабарки призвал преодолеть пассивность своих членов. Этот поворот привёл к новым дисциплинарным санкциям. Если до 1927 г. отсутствие на партсобраниях или невыполнение заданий никак не наказывались, с 1931 г. за это стали исключать из партии. Отстранение Аурелио Монтесиноса за нераспространение брошюры ФОЧ⁵⁴ продемонстрировало стремление руководства партии наказывать за безответственное отношение к заданиям и свободную инициативу, то есть убирать всех, кто не принял новую гегемонию и правила руководства.

Под этими лозунгами фракция, признанная ЮАБ, выработала механизмы увеличения партийной нагрузки на членов в сфере, которая больше всего беспокоила руководство: увеличение численности партии и усиление её влияния. «В 1931 г. началась кампания «пролетаризации»: массового призыва в партию рабочих стратегических отраслей. ЦК разработала так называемые «Пакты революционного соревнования» между ячейками, районными, местными и региональными комитетами, чтобы выполнить поставленные цели увеличения своих рядов»⁵⁵. Однако эта форма не была распространена на другие аспекты партийной деятельности.

⁵¹ *Levin J.* Revolución y burocracia // *La Chispa*, Santiago, septiembre de 1931.

⁵² *E.R.M.* Lo que hay que hacer // *La Chispa*, noviembre de 1931.

⁵³ Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, Informe del Comité Regional al Congreso Regional de Aconcagua y Santiago, [noviembre de 1931]. Fj. 4.

⁵⁴ *El Comunista*, 24 de octubre de 1931.

⁵⁵ *Bandera Roja*, Santiago, 29 de marzo de 1932.

После выполнения этого задания определялись результаты деятельности ячеек и районных комитетов⁵⁶, одновременно составлялись доклады о работе руководству. С целью контроля над партийцами и очистки партии от уклонистов и неверных действий была введена практика «самокритики», то есть публичного признания собственных ошибок⁵⁷. С другой стороны, диссидентская фракция требовала дисциплины исходя из логики традиционной политической культуры коммунистов. Цитируя Ленина, безымянный автор статьи в газете «La Chispa», отвечая на вопрос о партийной дисциплине, подчеркивал «сознательный характер пролетарского авангарда, его верность делу революции, его самообладание, его дух самопожертвования и героизм»⁵⁸, то есть ставил акцент на сознательности. Так, делегаты съезда диссидентской фракции партии в 1933 г. постановили, что для изживания недисциплинированности «требуется не только принять меры наказания, но и развивать коммунистическую культуру, познание теории, изучать экономические и общественные законы, историю, формы и методы классовой борьбы и цели пролетарской революции»⁵⁹. Партийная дисциплина рассматривалась как результат сочетания индивидуального долга партийца с его революционной сознательностью. Понятие дисциплины у этой фракции коренным образом отличалась от официальной партии.

Эти различия в интерпретации политической культуры большевизма оказали влияние на партийную деятельность, на кадровый проект каждой партии. Хотя обе части КПЧ придерживались тактики создания партийной фракции в профсоюзах, между ними имелись серьезные различия. В рамках политики «класс против класса» официальная часть КПЧ делала ставку на «красные профсоюзы». Через свои фракции в профсоюзах, а начиная с 1932 г. через Революционную профсоюзную оппозицию партия стремилась привлечь к себе рабочих, выдвигая непосредственные требования. Также проводились кампании дискредитации враждебных профлидеров, чтобы заменить их на своих. Запрещались всякие союзы с социал-демократами, анархистами и другими партиями в профсоюзах, а подготовленные, самоотверженные и дисциплинированные партийцы могли добиться лидерства в рабочей среде, что позволило бы обеспечить руководство будущей революции со стороны КПЧ.

⁵⁶ Funcionamiento de las células de empresa // *Bandera Roja*, 28 de octubre de 1931.

⁵⁷ *El Comunista*, 25 de mayo de 1932.

⁵⁸ A. Párrafos de un libro sobre Lenin // *La Chispa*, 20 de agosto de 1931.

⁵⁹ En defensa de la Revolución. Informes, tesis y documentos presentados al Congreso Nacional del Partido Comunista a verificarse el 19 de Marzo de 1933. Santiago: Editorial Luis Emilio Recabarren, 1933. P. 24.

Эта модель оставалась без изменений, несмотря на то, что трудно было гарантировать исполнение этой линии со стороны ЦК, а с 1932 г. ослаб и контроль со стороны ЮАБ.

Диссиденты, напротив, считали, что контроль за профсоюзами должен быть завоеван в ходе убеждения в верности позиции КПЧ по разным вопросам в результате работы коммунистических фракций в профсоюзах. Отдавалось предпочтение дебатам и собраниям, которые должны были развивать в кадрах критический подход и способствовать формированию широких стратегических альянсов. Исходя из этого, кадры должны были заботиться о единстве вокруг непосредственных требований, чтобы затем уже привлечь своих сторонников к политической борьбе.

На съезде партии в 1933 г. утверждалось, что успехи в профсоюзах постепенно будут выливаться в политическую борьбу⁶⁰. Партия с конца 1931 г. считала, что переход к политической борьбе возможен только после формирования революционной сознательности, то есть политических убеждений. С этой целью было необходимо организовать чтение партийных газет и центры обучения рабочих, которые создавались Коммунистическим университетом Луиса Э. Рекабаррена. Диссиденты считали, что такое изучение доктрины придаст гибкие черты политическим действиям лидеров и кадров партии. Они ожидали, что члены их партии, будучи критическими, самоотверженными и дисциплинированными людьми, смогут верно оценить политическую конъюнктуру и возглавить рабочее движение.

Механизмы воспитания членов партии устанавливали горизонт возможностей, а модели партийности представлялись как сфера борьбы между фракциями, они определяли, что означало быть коммунистом и как реагировать на деятельность партии. Взгляд же на членство в партии отражал позицию по отношению к руководству и её действиям внутри партии.

Восприятие и насаждение определённых элементов большевистской политической культуры служили консолидации руководства партии. Единственное, что было решительно реализовано чилийской компартией перед VII Конгрессом Коминтерна, это укрепление дисциплины и введение санкций за уклонизм, что вызвало напряжение среди членов партии и создало трудности для её руководства. Эта избирательность в выборе критериев большевизации соответствовала изменениям в соотношении сил внутри партии, ею объяснялась новая модель партийности коммунистов. Эти факторы привели к напряжению в ходе диалога

⁶⁰ Ibid., P. 25.

и взаимодействия двух различных политических культур: с одной стороны, традиционной и, с другой, большевистской.

Начиная с 30-х годов, когда КПЧ уже раскололась на две фракции, меры, связанные с большевизацией, реализовывались с большей системностью, что привело к кризису политических традиций внутри партии, показало необходимость её обновления. Именно в этом русле понималась большевизация. Каждая фракция приняла те или иные элементы большевизации, но при этом либо сохраняла, либо подвергала обновлению традиционную политическую культуру, что оказало влияние на выработку соответствующей модели партийности. Таким образом, было бы большим упрощением рассматривать диссидентов компартии как наследников традиции, а её официальную фракцию как единственную представительницу большевизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Богущ Е.Ю., Щелчков А.А.* Политическая история Чили, XX век. М.: Высшая школа, 2009.
- Aránguiz S.* Rusia Roja de los Soviets: Recepciones de la Revolución Rusa, del bolchevismo y de la cultura política soviética en el mundo obrero revolucionario chileno (1917–1927). Tesis para optar al grado de Doctor en Historia, Instituto de Historia, Pontificia Universidad Católica de Chile. Santiago, 2012.
- Carr E.* El socialismo en un solo país, 1924–1926. T. 3. Madrid: Alianza, 1976.
- Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931 / *Ulianova O., Riquelme A.* (eds.) Santiago: DIBAM, 2005.
- En defensa de la Revolución. Informes, tesis y documentos presentados al Congreso Nacional del Partido Comunista a verificarse el 19 de Marzo de 1933. Santiago: Editorial Luis Emilio Recabarren, 1933.
- Grez S.* Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924), Santiago: Lom, 2011.
- Muñoz G.* Disputa por el comunismo en Chile: estalinistas y opositores en el partido de Recabarren (1924–1934), Tesis para optar al grado de Licenciado en Historia, Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile. Santiago, 2014.
- Plan de estudios de un curso de capacitación. Hacia la formación de un poderoso activo en el Partido Comunista chileno. Santiago: Taller gráfico Gutenberg, enero de 1933.
- Ramírez H.* Origen y formación del Partido Comunista de Chile. Ensayo de historia política y social de Chile, Moscú: Editorial Progreso, 1984.
- Urtubia X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile: la transformación del militante tradicional, 1924–1933. Santiago: Ariadna Ediciones, 2016.

*Е.А. Ларин**

E.A. Larin

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ THE FORMATION OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CUBAN REVOLUTION

Аннотация: В статье анализируется трудный период в жизни Ф.Кастро, связанные с пребыванием в тюрьме на острове Пинос (сентябрь 1953 – май 1955). В эти 20 месяцев во многом формировалась идеология Кубинской революции, создавалась идейно-политическое течение «Движение 26 июля» и готовились кадры революции.

Ключевые слова: Фидель Кастро, Кубинская революция, тюрьма Модело, письма из заключения.

Abstract: The article examines the difficult period in the life of Fidel Castro, his imprisonment on Pines island (September 1953 – May 1955). During these 20 months the ideology of the Cuban revolution was shaped in its main parts, the ideological and political foundations of the “Movement of 26th of July” were laid and cadres of the revolution were prepared.

Keywords: Fidel Castro, the Cuban revolution, the Modelo prison, letters from the prison.

После победы Кубинской революции в 1959 г. некоторое время довольно популярным в мире был тезис Жан Поль Сартра, о том, что эта революция показала ненужность всякой идеологии. Стремление дока-

* *Евгений Александрович Ларин* — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Evgueni A. Larin* — Institute of the World History), elarin@inbox.ru.

зать стихийность этого события всемирно-исторического масштаба, а ее лидеров представить людьми весьма далёкими от важнейших революционных течений XX в. была доминирующей во многих работах историков, социологов, философов западно-европейских государств. «Совершенно очевидно, — писал американский социолог Л. Лодж, — что «По ком звонит колокол» Эрнесто Хемингуэя имел на Фиделя большее влияние, чем Маркс и Ленин»¹.

Ответ на этот вопрос, данный Ф. Кастро, не оставляет сомнений в несостоятельности выводов как французского философа, так и других исследователей, разделяющих его выводы. «В Университете, — отмечал Ф. Кастро в своей речи 1 декабря 1961 г., — мы начали впервые знакомиться с «Манифестом Коммунистической партии», с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина. Это определило наше развитие. Я могу сказать, признаться честно, что многое из того, что мы совершили в ходе революции, отнюдь не было изобретено нами»². Широкий круг чтения марксистской литературы был и у Эрнесто Че Гевары. Его первая жена, перуанская революционерка Ильда Гадеа, писала: «Мы вместе читали «Что делать?», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке», «Капитал»³.

Главным героем данной статьи является молодой адвокат Фидель Кастро Рус, осужденный на 15 лет за руководство штурмом казармы Монкада 26 июля 1953 г. и оказавшийся в тюрьме «Модело» на острове Пинос (ныне «Остров молодежи»). Основным источником для исторической реконструкции данного периода в жизни великого революционера XX в. будут письма Ф. Кастро из заключения.

Первое письмо, посланное жене Мирте Диас Баларт, не имеет конкретной даты, однако ее легко определить, так как Ф. Кастро отмечает в нем, что с момента его задержания уже прошло 35 дней. Таким образом, речь идет о начале сентября 1953 г. Еще не было судебного процесса, он находится в камере предварительного заключения в Сантьяго и, судя по всему, полон сил и надежд на будущее. Нельзя не отметить, что письмо окрашено очень добрым юмором: «В конце концов, для меня тюрьма — хороший отдых, единственным недостатком которого является его обязательность, но если бы не было ее, то, как бы я еще отдох-

¹ Lodge G.C. Engines de Change. United States Interests and Revolution in Latin America. N.Y., 1970. P. 242.

² Кастро Ф. Речи и выступления. 1961–1963. М., 1963. С. 455.

³ Gadea H. Che Guevara. Años decisivos. México, 1972. P. 29, 36.

нул»?... Жизнь ведь будет такой, как ты ее будешь интерпретировать. Человек никогда не доволен. Если мы свободны, то нас беспокоят другие проблемы, если мы в заключении, то стремимся к свободе. И так далее, и так далее; т.е. всегда имеется какая-то цепь явлений, и как только ты ее поймешь, так появится ее естественное восприятие. Почему для меня тюрьма терпима? Потому что я использую с пользой время. Много читаю, многому учусь...». Далее Ф. Кастро попросил жену выкупить и прислать ему некоторые книги: «Философия в текстах Мариаса», произведения Шекспира, «Предварительные уроки философии Гарсии Моренте». Пожелал жене спокойствия и мужества и закончил «семейный» блок письма фразой «Давай будем делать всё возможное, чтобы было хорошо, прежде всего, Фиделито»⁴.

Потрясает познавательная заряженность Фиделя, стремление к постижению бесконечных по сути интеллектуальных богатств мира. «Когда я читаю произведение знаменитого автора, историю народа, доктрину мыслителя, теории экономиста, проповеди апостолов меня охватывает желание познать труды всех на свете авторов. Я хочу знать всё, и даже библиографические листы читаю с жадным интересом, стремясь найти там новые книги». В этом же письме он рассказывает о своей идее создать некий каталог лучших книг всемирной литературы. «Я тщательно и без спешки отберу лучшие книги испанской, французской и русской литературы, а ты сделаешь то же самое в отношении английской. Тебе нравится идея? У нас достаточно времени. Целых 15 лет заключения». Через 10 дней, в письме от 18 декабря, последовал длинный список книг, прочитанных за это время: «Ярмарка тщеславия» Теккерея, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Рыцарь надежды» Ж. Амаду, «Беглецы любви» Э. Найта, «Жизнь Луиса Карлоса Престеса», «Как закалялась сталь» Н. Островского. «Я никогда не разочаруюсь в том, что прочитал эти книги, — констатировал Фидель. Все они имеют огромное социальное значение»⁵.

«Кроме того, я основательно изучаю «Капитал» Карла Маркса» (пять огромных томов экономики, исследованной и представленной в строжайшем научном стиле). Также я начал изучать труды кубинских авторов Феликса Варелы, Лус-и-Кабальеро и другие.

На следующий день Фидель написал одно из самых ярких своих писем философско-психологического характера. Никаких новостей, просьб, заявлений. «Человеческая душа загадка; она как природа имеет

⁴ Franqui C. Diario de la Revolución cubana. Barcelona. 1976. P. 85.

⁵ Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 87.

свои дни спокойствия и бури, подобно земле, солнцу, облакам, морю, имеет свои штилы и шторма. Это не всегда проявляется в каких-то видимых реакциях поведения или воли, которая, коль сильна, может противостоять любым ударам и продолжать следовать, импульсам спокойного разума. Часто, если окружающие не чувствуют внутренний мир человека, это остается невидимым, и сам человек оказывается наедине со своей бурей, молниями и громом, терзающих его с чудовищной силой. Какая же необыкновенная школа это заключение! Здесь я заканчиваю свое формирование взгляда на мир и формирую окончательный взгляд на свою жизнь. Не знаю, будет ли она длинной или короткой, успешной или несостоявшейся. Однако я чувствую сложившуюся убежденность в необходимости самопожертвования и борьбы. Ненавижу существование, связанное с жалкими побуждениями к выгоде и обогащению. Думаю, что существует возраст, который человек не должен достигать. Это тот период, когда жизнь начинает идти под откос, когда затухает пламя, некогда осветившее самым ярким светом каждое существование, когда оставляют силы, возвышавшие человека в период достоинства, когда появляются поникшая голова и раскаяния, жестокие предательства в самом глубоком болоте подлости. Люди начинают стыдиться своей совести, единственной ценности, которую имели в жизни, своих честно прожитых лет, своего великодушия, своего бескорыстия. Это отказ от всего того, что они сделали в жизни, и начало того, что противоположно всему тому, о чем они мечтали и заявляли. Начиная с этого момента, они трактуют свою молодость как наивность, сумасшествие, нехватка опыта и сон. Они уже неисправимы. Им уже не понять, что это движение назад, жалкое и смешное зрелище, грустный спектакль человека, потерявшего дорогу, на которую он уже никогда не вернется»⁶.

22 декабря последовало письмо, касавшееся быта заключённых: 5.00 подъем, 5.30 — завтрак, в 10.45 — обед, с 16.00 до 16.45 — прогулка, 16.45 — ужин, 21.30 — отбой. Читатель, конечно же, заметил в этом распорядке большое количество свободного времени. Фиделевская мысль, темперамент, увлечённость историей, философией, социологией, мировой экономикой, всемирной литературой превратили это, казалось бы, изобилие свободного времени в повседневный дефицит. Была найдена потрясающая идея — превратить тюремные годы в университетское образование. Тем более, что администрация тюрьмы никак не стремилась ограничить деятельность заключённых в этом направлении. И теперь уже новый повседневный распорядок приобрел следующий

⁶ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 88.*

вид: 5.00 — подъем, 5.30 — завтрак, 8.00 — 10.30 — занятия, 10.45 — обед, 14.00 — 15.00 — занятия, 15.00 — 16.00 — прогулка, 16.45 — ужин. 19.00 — 20.15 — занятия, 21.30 — отбой. Вся эта огромная педагогическая работа легла, прежде всего на плечи Ф. Кастро и его ближайших соратников, также осужденных на длительные сроки заключения. Необходимость подобного политического ликбеза была очевидна. Всеобщее недовольство военно-полицейским режимом Батисты привело в движение практически всё кубинское общество от безработных до капиталистов.

На начальном этапе борьбы некоторые «попутчики» стремились только к захвату власти любыми средствами, включая и новый государственный переворот. Об одном таком «деятеле», предлагавшем свою тактику ведения революционной борьбы, вспоминал Че Гевара. В Мексике во время подготовки экспедиции «Гранмы» Фидель Кастро говорил Геваре. «Все очень просто. Мы должны совершить государственный переворот. Батиста совершил переворот и захватил власть. Надо сделать еще один и лишить его этой власти. Батиста предоставил американцам сто концессий, мы им предоставим сто одну»⁷. К счастью для революции и истинных революционеров их пути с этим «реформатором» разошлись.

«Каждый день, — писал Фидель Кастро, — с половины десятого я преподаю то философию, то всеобщую историю; историю Кубы, грамматику, арифметику, географию и английский преподают другие наши товарищи»⁸. Любой день, выпадавший на 26 число каждого месяца, отмечался заключёнными как праздник. Все дни, выпадавшие на 27 число, объявлялись днями дуэли с установленным режимом. Обо всех патриотических праздниках обязательно читались лекции. Занятия велись с понедельника до 12.00 субботы. Заключённые собрали и свою собственную библиотеку, насчитывавшую 300 книг. «Все парни великолепны, — писал Ф.Кастро 22 декабря 1953 г. — Это истинная элита, потому что они прошли через тысячи испытаний. Тот, кто научился владеть оружием, научится постигать и книги для великих сражений завтрашнего дня. Дисциплина спартанская, жизнь спартанская, образование спартанское, в них всё спартанское, и настолько сильна их вера и несокрушимая твердость духа, что они всегда готовы повторить знаменитый девиз: Со щитом или на щите!» 31 декабря 1953 г., провозжая год своей первой битвы, Ф. Кастро писал: «Для меня самым счастливым

⁷ Pensamiento crítico. 1969. № 31. P. 83.

⁸ Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 89.

моментом 1953 г., да и всей моей жизни, был тот день, который привел меня к борьбе. Самым тяжелым испытанием оказалась необходимость прочувствовать горечь поражения и его последствия в виде позора, клеветы, неблагодарности, непонимания и зависти. Нет ничего более великого, чем убежденность человека в своих идеях и в своей правоте. Этот человек непобедим, даже если все силы мира будут направлены против него. И сегодня я созерцаю с определенной радостью первые плоды той истины, которая утверждается нами»⁹.

Создание в тюрьме этого учебного заведения, который Ф. Кастро называл «Идеологической Академией имени Абея Сантамарии», предполагало огромный объем предварительной работы. Некоторые сторонники Фиделя уже имели университетское образование, значительное количество располагало знаниями на уровне средней школы, но немало было и заключенных, закончивших лишь начальную школу. Их крайне узкий общеобразовательный уровень и политический кругозор нуждался в существенной корректировке. В соответствии с этой ситуацией и была создана структура обучения: каждая из трех групп имела свою собственную программу и отдельных преподавателей, естественно из числа заключенных революционеров. По существу — это было начало нового революционного обновления страны.

После победы Революции 1 января 1959 г., в течение первых 6 лет именно Движение 26 июля будет «главной кузницей кадров» на всех направлениях социально-экономического и политического переустройства страны. Именно они возьмут на себя управление экономикой, образованием, здравоохранением, социальными вопросами, международными отношениями, всеми проблемами становления государства нового типа на Кубе. И многими министрами, и главными организаторами этой модернизации страны станут узники тюрьмы «Модело» на острове Пинос. Помимо этого повседневного «всеобуча», важнейшей задачей стратегического характера в конце 1953–1954 г. было создание военно-политической организации Движение 26 июля. Начальная фаза решения этого вопроса наиболее обстоятельно освещена в письме Ф. Кастро от 14 августа 1954 одному из членов партии «ортодоксов» Луису Конте Агуэро. «Ты не можешь себе представить, — писал Ф. Кастро, — сколько бесконечных часов я посвятил этому вопросу, и сколько идей приходят в голову, исходя из опыта последних лет. Я думаю, что одним из главных препятствий для формирования подобного движения является избыток персоналий и амбиций отдельных групп и каудильо, труд-

⁹ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 90.*

ности, связанные с тем, чтобы каждый достойный человек смог бы подчинить свои достоинства общему делу, идеологии и дисциплине, отказавшись при этом от тщеславия и каких-то ожиданий подобного рода». Фидель Кастро сравнил эту ситуацию в стране с тем периодом, когда Хосе Марти объединял кубинцев для борьбы за независимость. По словам Фиделя, «каждый из них имел свою историю борьбы, свои заслуги, свои подвиги, и каждый думал, что все другие, по меньшей мере, равны ему... Сегодня я уверен, что без той гигантской работы Куба до сих пор оставалась бы испанской колонией или территорией, зависимой от янки. Наверно поэтому я больше всего люблю эти страницы истории Кубы»¹⁰. Ф. Кастро был убежден в том, что процесс новой политической эволюции Кубы неразрывным образом, органически связан с политическим наследием Х. Марти. Ключевая идея Апостола кубинской свободы организовать борьбу за ее достижение на базе присущего кубинцам культура достоинства человека была всецело использована Ф. Кастро.

Начинать создание организации Ф.Кастро предполагал с установления контактов с теми, кто был связан с подготовкой штурма казармы Монкада: «Обязательные условия для формирования подобного гражданского движения — идеология, дисциплина и руководство. Все три являются определяющими, но руководство — главное. Знаю, — отмечал лидер революции, — что даже Бог не смог создать в течение одного дня все чудеса Света, однако, с первых же мгновений существования организации должны ощущаться те основы, которые приведут к ожидаемым результатам»¹¹.

Большое внимание уделялось пропаганде. В письме к Мельбе Эрнандес, одной из двух девушек, принимавших участие в штурме Монкады, датированным 17 апреля 1954 г., Ф. Кастро выделил три важнейших принципа этой деятельности в тот период. 1. «Ни на минуты не прекращать пропаганду. Потому что она является душой всякой борьбы. Наша пропаганда должна иметь свой собственный стиль и соответствовать обстоятельствам...». 2. Надо скоординировать работу наших сторонников на Кубе и за границей. С этой целью ты должна как можно скорее осуществить поездку в Мексику, встретиться там с Р. Мартинесом и Лестером Родригесом¹² и после тщательного анализа сложившейся ситуации наметить план действий в этой области. Не допускать никаких недооценок, не заключать никаких соглашений, если они не базируются на твердых, ясных и безусловно позитивных принципах для Ку-

¹⁰ *Agüero L.C. Cartas del Presidio. La Habana, 1959. P. 59, 60.*

¹¹ *Agüero L.C. Cartas del Presidio. P. 61.*

¹² Доверенные лица кубинских революционеров в Мексике.

бы. В противном случае лучше оставаться одним. Уметь ждать, — говорил Марти, — великий секрет успеха. 3. Поддерживайте отношения со всеми и оставайтесь всегда доброжелательными. Надо следовать той же тактики, какой мы придерживались на судебном процессе: защищать нашу точку зрения, не прибегая к плутовству. Впоследствии у нас будет достаточно времени, чтобы покончить со всеми этими кукарачами вместе взятыми. Не теряйте присутствия духа ни при каких обстоятельствах, как мы делали это в самые трудные моменты. И заключительный совет: избегайте зависти, когда вопрос касается вашей популярности и престижа. Посредственности при этом легко находят мотивы или предлоги для обид и отчаяния. Принимайте всё, что вам может помочь, но не доверяйте никому»¹³.

Много внимания тактическим вопросам было уделено и в письме Ф. Кастро от 18 июня 1954: «Будьте осторожны с интриганам, политиками, с игроками в революцию! Наша задача в настоящее время не организовывать революционные ячейки, чтобы иметь как можно больше людей, это — смертельная ошибка. Наша текущая задача мобилизовать в нашу поддержку общественное мнение, распространять наши идеи и получить поддержку народных масс. Наша революционная программа самая цельная, наша линия действий самая ясная, история нашего движения — имеет наибольшие жертвы; мы можем с полным правом рассчитывать на доверие народа, без которого, как я уже многократно заявлял, революция невозможна. Раньше мы были анонимными пионерами этих идей, теперь мы обязаны защищать их с открытым лицом, наша тактика должна полностью измениться. Для нас сейчас не столь важно будет нас на десяток больше или меньше, так как мы должны создать условия для мобилизации в определенный день десятков тысяч»¹⁴.

Хотелось бы отметить, что Фидель Кастро на протяжении всего периода нахождения в тюрьме сохранял бодрость духа, присущую ему энергию и удивительную работоспособность. В своей переписке он практически не касался этих вопросов. Казалось было само собой разумеющимся, что все болезни и невзгоды мира обходят его стороной. Врожденный оптимизм в отношении этих проблем, нашел отражение только в одном коротком письме Фиделя сестре Лидии. Привожу его полностью: «22 июля 1954 г. Остров Пинос. Моя любимая и верная сестра! Вчера во второй половине дня получил твое письмо и сразу же отвечаю, правда, в весьма краткой форме; что-то нет соответствующего

¹³ *Agüero L.C. Cartas del Presidio. P. 37-38.*

¹⁴ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 88.*

настроения. Не беспокойся из-за меня, ты же знаешь, что у меня сердце из стали, и что я сохраню свое достоинство до последних дней жизни. Ничего не потеряно! Крепко тебя обнимаю! Фидель»¹⁵.

Из всех братьев и сестер Фиделя (Эмилио, Анхелита, Рамон, Рауль, Лидия, Эмма, Хуана) Рауль и Лидия оказались самыми активными и надежными соратниками в революционной борьбе. Рауль станет командовать одной из партизанских колонн, а Лидия сыграет большую роль в опаснейшей, многодневной операции по вывозу из тюрьмы текста речи Ф. Кастро на суде «История меня оправдает». В течение нескольких десятков дней Фидель восстанавливал ее текст, записывая его лимонным соком на чистые листы бумаги, а затем Лидия вместе с одним из активистов Движения 26 июля поочередно навещали узников «Модело» и вывозили эти листы из тюрьмы. После проглаживания их теплым утюгом проявлялся текст. Так гаванское подполье получило и издало в июне 1954 г. 20 тысячным тиражом текст знаменитой речи, ставшей главным программным документом «Движения 26 июля», сложившегося в 1954–1955 гг.

В 1954 г. Батиста решил «узаконить свой режим» посредством проведения «карманных» президентских выборов, на которых он оказался победителем, вступив на пост президента 24 февраля 1955 г. Теперь глава государства решил «поиграть в демократию», объявить декрет об амнистии «зеленой молодежи», как он неоднократно называл Ф. Кастро и его сторонников. Когда слухи об этом дошли до Фиделя, то он мгновенно на них отреагировал: «Я не просил и никогда не попрошу амнистии. У меня достаточно достоинства, чтобы или провести здесь 20 лет, или умереть от приступов ненависти... Я понимаю, что все это надо стоически перенести, со спокойствием и мужеством, как часть пожертвования и горечи, которые требует любой идеал. Быть заключенным значит быть приговоренным к принудительному молчанию, слушать и читать тогда, когда говорится и пишется без возможности думать, переносить атаки трусов, которые пользуются обстоятельствами для того, чтобы издеваться над теми, кто не может защититься... Бывают обстоятельства, когда нужно побеждать любые препятствия, потому что невозможно сохранять молчание, когда унижено достоинство. Однажды фарисеи спросили Христа, должны ли они платить налог Цезарю. Его ответ означал одно: или сделать неприятность Цезарю, или народу. Фарисеям всех эпох присуще это лукавство. Так и сегодня власти пытаются или деморализовать нас перед народом, или найти предлог для того,

¹⁵ *Agüero L.C. Cartas del Presidio. P. 47.*

чтобы оставить в заключении. Я абсолютно не желаю убеждать режим предоставить нам амнистию... Амнистия должна быть тогда, когда в стране будет мир. После 20 месяцев заключения я чувствую себя таким же уверенным и стойким, как и в первый день. Я не хочу амнистии за счет бесчестия»¹⁶. Тюрьма стала для молодых борцов против диктатуры Батисты одним из важных этапов обретения жизненного опыта и революционной стойкости в крайне сложных условиях. Они воспринимали амнистию как победу народа. Именно в эти дни Ф. Кастро произнес удивительную фразу: «Несмотря ни что я не научился ненавидеть». Возможное освобождение они воспринимали, как еще одну возможность «бороться за Родину без нищеты и деспотизма». «За эти идеалы, — говорил Фидель, — погибли наши товарищи, за это буду бороться и я в течение всей моей жизни, будь она длинной или короткой»¹⁷. 12 мая 1955 г. бывший заключенный № 4914, Ф. Кастро, выходя из тюрьмы, заявил корреспондентам радио и телевидения: «За предоставленную нам свободу мы не отдадим ни одного атома нашей чести»¹⁸.

15 мая родственники, друзья, соратники, корреспонденты телевидения и прессы ожидали бывших узников тюрьмы «Модело» в Гаване. В этот день Ф. Кастро дал большое интервью корреспонденту журнала «Картелес», в котором на вопрос, останется ли Ф. Кастро в партии «ортодоксов», в частности сказал: «Мы будем бороться за объединение под знаменами революционного чибасизма¹⁹ всей страны. Вместе с Барсеной, Конте Агуэро (лидеры партии «ортодоксов») и другими деятелями и недавно возникшими движениями будем стремиться создать революционный фронт. Я сам «ортодокс», но все эти вопросы должен обсудить прежде всего с товарищами по Монкаде»²⁰. Как видно из этих слов, Ф. Кастро сохранял определенную тактическую осторожность, хотя истина была где-то посередине. Действительно, до 19.03.1956 г. руководящее ядро Движения 26 июля формально принадлежало к партии ортодоксов, однако Ф. Кастро и его сторонники уже с момента подготовки штурма Монкады придерживались самостоятельного, независимого курса.

Пробыв в Гаване около двух месяцев, Ф. Кастро делает важное заявление, касающееся его дальнейших планов в политической жизни. «Я собираю чемодан, чтобы покинуть Кубу... Все двери для обычной гражданской борьбы для меня оказались закрытыми. Как поклонник

¹⁶ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 112-113.*

¹⁷ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 115.*

¹⁸ *Morejón G.R. Fidel Castro. La Habana, 1959. P. 108.*

¹⁹ Эдуардо Чибас (1907–1951) — лидер партии «ортодоксов».

²⁰ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 116.*

Х. Марти, я считаю, что пришло брать права, а не просить, вырывать их, не вымаливать. Кубинская успокоенность имеет свои границы. Я буду в одном из районов Карибского бассейна. Из таких поездок как эта не возвращаются, а, если и возвращаются, то только для того, чтобы увидеть у своих ног обезглавленную тиранию»²¹

В борьбе против диктатуры Кастро опирался прежде всего на Движение 26 июля, которое объединяло в своих рядах главным образом кубинских крестьян, сельскохозяйственных рабочих, мелкую и среднюю буржуазию и сыграло огромную роль в Кубинской революции 1959 г.

Исторически сложилось так, что решение Ф. Кастро и его ближайших сподвижников атаковать 26 июля 1953 г. казарму Монкада в Сантьяго-де-Куба приобрело определяющее значение в истории Кубинской революции. Именно это событие положило начало вооруженной борьбе, как важнейшему средству низвержения диктатуры Батисты. Именно оно стало начальным этапом формирования политической организации Движения 26 июля, ставшей главным руководящим центром в годы вооруженного противостояния, новой революционной силой, оказывавшей в процессе борьбы все большее влияние на кубинское общество. Влияния Движения 26 июля постоянно росло. На Кубе наиболее революционными провинциями были Гавана и Сантьяго-де-Куба. Структура Движения состояла из нескольких основных секций: борьба в городах, борьба в сельской местности, пропаганда и агитация, зарубежные организации. Широкое движение в поддержку кубинских революционеров имело место за границей: в Мексике, Венесуэле, Коста-Рике, Сальвадоре, Пуэрто-Рико, Аргентине (организовал отец Эрнесто Че Гевары) и в ряде крупных городов США: Майами, Чикаго, Бостоне. Всего было 62 зарубежных филиала Движения 26 июля. Их задачи состояли прежде всего: в сборе средств, закупке оружия и доставке его революционерам на Кубу.

Большую работу по организации работы Движения 26 июля на Кубе и за границей проводили: Фидель и Рауль Кастро, Франк Паис, Рамиро Вальдес, Армандо Харт, братья Амейхейрас, Селия Санчес, Вильма Эспин, Ньико Лопес, Пепито Тей, Педро Мирет, Лестер Родригес, Айдее Сантамария, Мельба Эрнандес, Фаустино Перес. В августе и декабре 1955 г. руководство «Движения 26 июля» обратилось с двумя Манифестами к народу, в которых нашли свое отражение цели и задачи Движения. Особый интерес представляет первый Манифест, написанный Ф. Кастро 8 августа 1955 г. «26 июля, — говорилось в этом документе, — не политическая организация, а революционное движение. Его ряды будут

²¹ *Franqui C. Diario de la Revolución cubana. P. 117.*

открыты для всех кубинцев, искренне желающих восстановить на Кубе политическую демократию и установить социальную справедливость».

Программа Движения 26 июля, помещенная в этом документе, включала следующие пункты, фактически совпадавшие с теми, о которых лидер Кубинской революции говорил в своей речи «История меня оправдает»: полная независимость и суверенитет нации, уничтожение латифундий и раздел земли между крестьянами, развитие многоотраслевого сельскохозяйственного производства, индустриализация, повышение жизненного уровня и расширение реальных демократических прав кубинского народа.

В Манифесте также предусматривались реформы образования и налоговые реформы, реорганизация административного аппарата, уничтожение всех форм расовой дискриминации. В последнем пункте этого документа говорилось о конфискации имущества всех расхитителей казны предыдущих правительств без какого-либо исключения. Полученные таким образом сотни миллионов песо предназначались бы для отдельных преобразований изложенной выше программы. В процессе борьбы Движение 26 июля без всякого преувеличения стало общенациональным. В последние месяцы 1958 г. его поддерживала большая часть кубинского общества. Характеризуя обстоятельства, способствовавшие успешному ходу борьбы против диктатуры Батисты, Ф. Кастро писал: «Нам благоприятствовало, во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа революционных руководителей — проводники консервативных или нерадикальных идей»²². В первой половине 60-х годов XX столетия Движение 26 июля сыграет огромную роль в создании новой Коммунистической партии Кубы и войдет в нее важнейшей составной частью.

ЛИТЕРАТУРА

Кастро Ф. Речи и выступления. 1961–1963. М., 1963.

Agüero C.L. Cartas del Presidio. La Habana, 1959.

Franqui C. Diario de la Revolución cubana. Barcelona, 1976.

Lodge G.C. Engines de Change. United States Interests and Revolution in Latin America. N.Y., 1970.

Morejón G.R. Fidel Castro. La Habana, 1959.

²² *Кастро Ф.* Речи и выступления. 1961–1963. С. 408-409.

*Н.С. Иванов**

N.S. Ivanov

УГО ЧАВЕС И «СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА»

HUGO CHAVEZ AND THE “SOCIALISM OF THE XXI CENTURY”

Аннотация: Статья посвящена политической биографии и реформаторской деятельности президента Венесуэлы Уго Чавеса, который возглавлял страну в 1999–2013 гг. Основное внимание уделяется экономическим, социальным и политическим итогам развития страны в рамках идеологии «социализма XXI века».

Ключевые слова: Уго Чавес, Венесуэла, «социализм XXI века», «болливарианская революция», Конституция 1999 г.

Abstract: The article is devoted to the political biography and the reformist activities of the Venezuelan President Hugo Chavez, who led the country in 1999–2013. It is focused on economic, social and political results of the development of the country in the framework of the ideology of “Socialism of the XXI century”.

Keywords: Hugo Chavez, Venezuela, “Socialism of the XXI century”, “Bolivarian revolution”, Constitution of 1999.

Похороны президента Венесуэлы Уго Чавеса вылились в многомиллионную демонстрацию преданности и любви к умершему лидеру страны. Сотни тысяч скорбящих людей вышли на улицы и площади Каракаса. Гроб с телом Чавеса был доставлен в Военную академию Венесуэлы. Общенациональный траур длился 11 дней, и весь мир увидел похороны президента 15 марта 2013 г. Знаменитому уругвайскому публицисту и историку Эдуардо Галеано (книгу которого «Вскрытые вены Латинской

* *Николай Серафимович Иванов* — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (*Nikolai S. Ivanov* — Institute of the World History), nik3334@yandex.ru.

Америки» о преступлениях американского империализма Чавес вручил президенту США Обаме на саммите латиноамериканских стран в 2009 г.) запомнилась фраза, сказанная одним из жителей Каракаса в ответ на вопрос о том, что означал Чавес для Венесуэлы: «Впервые в нашей истории на народ обратили внимание, впервые нас заметили». И действительно, с приходом к власти Чавеса, народ выдвинулся на авансцену истории не только в Венесуэле, но и во многих других странах Латинской Америки¹.

15 стран мира присоединились к Венесуэле и объявили траур в связи с кончиной Чавеса. В траурных мероприятиях участвовали делегации из 51 страны, включая белорусскую во главе с президентом А.Г. Лукашенко, и российскую (С. Лавров, И. Сечин). В заявлении российского президента говорилось о том, что умерший «был неординарный сильный человек, близкий друг России, который смотрел в будущее»². Из США приехал известный общественный деятель и священник Джесси Джексон, который выразил свою скорбь по поводу кончины Чавеса и резко выступил против кампании диффамации венесуэльского лидера, которой занимались политики и СМИ западных стран: «Если в истории демократических стран и были «отвратительные диктаторы», так это первые 15 президентов США, которые сами владели рабами и защищали рабство в течение 200 лет»³.

После смерти Чавеса в марте 2013 г. США «всерьез занялись» страной, обладающей самыми большими разведанными запасами нефти в мире. Уже в те дни, когда все мировые лидеры выражали соболезнование в связи с кончиной выдающегося деятеля (по мнению ряда международных экспертов, зараженного вирусом, который был создан в секретных лабораториях ЦРУ), президент США Б. Обама не снизошел даже до формального соболезнования, общепринятого по государственному этикету. В заявлении пресс-службы администрации США по поводу смерти Чавеса было лишь отмечено, что США «помогут Венесуэле и возьмут на себя часть бремени по восстановлению демократии и прав человека в этой стране»⁴. В нынешнюю эпоху эти слова выглядят весьма угрожающе. Ведь именно под лозунгами «восстановления демократии и прав человека» происходило вторжение в Ирак, Афганистан, Ливию.

Резко активизировались госдеп и ЦРУ, многократно увеличилась финансовая помощь венесуэльской оппозиции, которая регулярно про-

¹ «Democracy Now!» Un programa diario e independiente de noticias internacionales, 08.05.2013 // <http://www.democracynow.org/blog/2013/5/8> (ноябрь, 2016).

² *Российская газета*. 05.03.2013.

³ *Chicago Tribune*. 08.03.2013.

⁴ *Washington Post*. 06.03.2013.

водит свои акции в Каракасе — ее сторонники, одетые в оранжевые футболки, стремятся превратить в свой «майdan» проспект Боливара в центре столицы⁵. Необъявленная блокада страны приводит к перебоям в снабжении продовольствием, росту цен и спекуляции, необходимости поиска кредитов для погашения внешней задолженности, резкому снижению темпов роста экономики. Велика угроза того, что США, используя свои огромные ресурсы, запустят сотни раз обкатанный ими сценарий государственного переворота. Неолибералы («Круглый стол демократического единства» — *Mesa de la Unidad Democrática, MUD*), захватившие большинство в Национальном конгрессе, пытаются всеми силами провести референдум по отзыву действующего президента.

В этом случае огромный урон будет нанесен всем прогрессивным силам на континенте, всем попыткам координированного сопротивления диктату Вашингтона в экономике и политике латиноамериканских стран. Россия потеряет десятки миллиардов долларов, вложенных в нефтяную отрасль Венесуэлы и контракты по поставке вооружений. Более того, она лишится главного геополитического союзника в Западном полушарии.

Сейчас все ангажированные аналитики и журналисты в мире заняты созданием виртуальной пропагандистской прокладки для готовящегося переворота, сваливая нынешние проблемы страны на «популизм» и «перераспределительную политику» покойного президента (использование им «чрезмерной» доли от нефтяных прибылей для улучшения положения бедноты, что якобы создало финансовые «дыры» в бюджете и повлекло ухудшение экономической конъюнктуры).

Тон в этой кампании задают американские политики. В ответ на обвинение со стороны Н. Мадуро в организации саботажа и провокаций, направленных против Венесуэлы, с открытым письмом в газете «*El País*» выступил влиятельный политик, эксперт Совета национальной безопасности США Отто Рейх. Сын австрийского торговца мебелью, эмигрировавшего в 1938 г. на Кубу, а после прихода к власти Ф. Кастро перебравшегося в США, О. Рейх сделал хорошую карьеру в госдепе, став в 1986–1989 гг. послом в Венесуэле, затем организовав «офис публичной дипломатии» для консолидации сил, боровшихся против сандинистского правительства Никарагуа, и в 2002 г. заняв пост заместителя госсекретаря, отвечавшего за международные дела в западном полушарии. По авторитетному мнению, многих аналитиков именно он был одним из организаторов в 2002 г. государственного переворота в Венесуэ-

⁵ *El Universal*. Caracas. 23.11.2013; *Ibidem*. 8.12.2013.

ле. После провала переворота в том же году был отправлен в отставку, хотя продолжал работать в качестве эксперта в команде госсекретаря К. Райс, в 2008 г. был одним из организаторов президентской кампании Дж. Маккейна, в 2012 г. — откровенного милитариста, ставленника израильского лобби М. Ромни.

В своем послании Рейх в адрес Мадуро обозначил те точки, по которым сейчас бьют все противники «боливарианской революции». Лексика статьи вполне укладывается в законы «черного пиара»: «подлые и абсурдные обвинения», «социальная демагогия», «большая ложь» (о заявлениях властей Венесуэлы); «циничная стратегия чавистов, цель которой — отвлечь внимание венесуэльцев от национальной катастрофы, к которой привело правление социалистической партии»; «так как хлеб — один из многих продуктов, отсутствующих в магазинах страны, вы предлагаете венесуэльцам «цирковые зрелища» в виде лживых обвинений своим политическим противникам»; «более триллиона долларов осели за 14 лет в карманах коррупционеров»; «на венесуэльский социализм было потрачено больше денег, чем весь ВВП за 175 лет истории страны»; «импортные продукты гниют в портах и на складах, тогда как молоко, куры, рис, бобовые и другие основные продукты питания, которые раньше были в изобилии, сейчас исчезли с прилавков магазинов»; «богатства, накопленные коррупционерами–чавистами, сотнями миллионов долларов вывозятся за рубеж, тогда как народ страдает от нищеты»; «преступность достигла рекордных отметок по сравнению с другими странами региона, «социализм XXI века» привел к гибели 150 тыс человек, за счет фантастического роста насилия и преступности»; «фактическим руководителем страны является кубинский диктатор Ф. Кастро, который лично распоряжается всем, вплоть до назначений венесуэльских министров, высшего военного командования и даже телохранителей президента»; «Каприлес (лидер оппозиции) вызывает восхищение всех без исключения демократов в мире за свою отвагу и патриотизм, тогда как власти пользуются поддержкой лишь таких стран как Иран, Куба, Беларусь, Россия, Эквадор и Боливия, получивших многомиллионные подачки от Венесуэлы»; «социалистическую власть ждет та же участь, что и аргентинских генералов, которые пытались искусственно взвинтить национализм, ввязавшись в Фолклендскую авантюру, что привело их к краху»⁶. Самая мощная античавистская пропаганда ведется в самой Венесуэле, где (по данным английской компании Би-би-си) более 80% компаний в сфере теле — и радиовещания, а также 118 периодических изданий (более 90 %

⁶ *El País*. Madrid. 27.03.2013.

всей национальной продукции, включая газеты и журналы) находятся в частных руках и подавляющее большинство из них активно поддерживают оппозицию⁷. На антиправительственных позициях находятся пять крупнейших телеканалов («Venevisión», «Radio Caracas Televisión» — RCTV, «Globovisión» и «СМТ»), девять из десяти крупнейших газет страны, включая «El Universal», «El Nacional», «Tal Cual», «El Impulso», «El Nuevo País» и «El Mundo».

«В наших руках — смертельное оружие, средства массовой информации», — в свое время заявил адмирал К.М. Томайо, один из лидеров неудавшегося военного путча 2002 г.⁸. И это оружие эффективно используется в наши дни для раскачивания политической ситуации в стране. О беспрецедентной кампании лжи против законного правительства Венесуэлы постоянно пишут ведущие латиноамериканисты мира. Известные эксперты из Североамериканского конгресса по Латинской Америке (NACLA) с возмущением указывали, что если бы подобная кампания велась внутри США, ее правительство наверняка не удержалось бы у власти. В качестве примеров вопиющего абсурда указываются утверждения ведущих американских изданий («New York Times» «Washington Post» и др.), что «Чавес довел страну до крайней нищеты», а через несколько строк — вопреки любой логике, что «его поддерживают беднейшие слои населения». Пишут, что в условиях «диктатуры» подтасовываются результаты выборов, хотя известно (по самым придирчивым оценкам международных экспертов), что в Венесуэле — одна из лучших избирательных систем в мире. Чавеса и его последователей называют не иначе, как «деспоты», «тираны», «каудильо», «автократы». Дошло до утверждения, что Чавес пришел к власти в результате государственного переворота. А когда на это указали возмущенные читатели, редакция в одном из последующих номеров петитом набрала на последней странице извинение за «технические погрешности». А ведь все эти измышления американских журналистов дословно перепечатываются в Венесуэле и других латиноамериканских странах⁹. В мае 2013 г. 23 американских общественных деятеля и профессора ведущих университетов подписали петицию протеста против грубейших

⁷ In depth: Media in Venezuela // <http://www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-19368807> (ноябрь, 2016).

⁸ Lemoine M. How hate media incited the coup against the president // Le Monde Diplomatique. 10.08.2002.

⁹ The New York Times on Venezuela and Honduras: A Case of Journalistic Misconduct // <http://nacla.org/news/2013/5/9/new-york-times-venezuela-and-honduras-case-journalistic-misconduct> (ноябрь, 2016).

искажений фактов, допускаемых в «New York Times» и других средствах массовой информации США в отношении ситуации в Венесуэле¹⁰.

В 2013 г., в преддверии декабрьских муниципальных выборов СМИ в США и Венесуэле уверенно заявляли, что правящая Единая социалистическая партия Венесуэлы (PSUV) потерпит сокрушительное поражение, так как согласно «самым точным» (указывалась даже «погрешность, не превышающая 3 %») данным опросов общественного мнения соотношение сил между властями и оппозицией составляет 30:70. На самом деле в ходе выборов власти сохранили свое положение и победили в 72% муниципалитетов страны¹¹. Однако оппозиции удалось перестроиться и при мощнейшей поддержке США к 2016 г. получить большинство в парламенте.

Воздействие внешнего фактора и грубое искажение фактов средствами массовой информации создают значительные помехи в объективной оценке ситуации в Венесуэле, в частности экономических и политических итогов 14-ти лет правления Уго Чавеса и его последователей. Тем важнее детально проанализировать реформы, конкретные итоги «бוליварианской революции».

Будет ли «проект Чавеса» выброшен на свалку истории, как один из неудачных примеров «левого популизма»? Успокоится ли поднятая им революционная волна против засилья США, мародеров-банкиров и «мирового правительства», против идеологии «свободного рынка», глобализма, насильственной «политкорректности» и псевдодемократии? И какие уроки можно извлечь из наследия Уго Чавеса?

ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ВОЖДЬ ИЛИ «ПОПУЛИСТ»?

Харизма венесуэльского лидера образовалась не из слов (хотя в умении зажигать массы на митингах он мог поспорить даже с легендарным Фиделем Кастро), но прежде всего из его великих дел. Поэтому, вопреки расхожему ярлыку «популиста», наклеенному на него западными СМИ, таковым он никогда не являлся. Что стоит за термином «популизм»? Пустая риторика и ораторские приемы, которые используют все без исключения публичные фигуры современного капитализма. Обещания, но не их выполнение. С Чавесом же все было наоборот: его планы были либо полностью, либо в весьма значительной степени выполнены.

¹⁰ Scholars Ask NY Times Public Editor to Investigate Bias on Honduras and Venezuela // <http://nacla.org/blog/2013/5/14/noam-chomsky-and-scholars-ask-ny-times-public-editor-investigate-bias-honduras-and-ve> (ноябрь, 2016).

¹¹ Divulgaciones municipales 2013. 8 de Diciembre de 2013 // http://www.cne.gob.ve/resultado_municipal_2013/r/1/reg_000000.html (ноябрь, 2016).

Пишут еще, что он был «диктатором». Это также ложь. Ни один диктатор не приходил к власти и не проходил победно через 14 различных общенациональных выборов и референдумов. И ни один диктатор в истории человечества не отдавал свою политическую судьбу в руки народа, самолично выступив за проведение референдума по вопросу доверия к нему и объявив, что уйдет с поста, если народ проголосует против него! Подобный референдум для абсолютного большинства современных политиков означал бы ничто иное как политическое самоубийство. Подтачивать результаты «самых честных, открытых и прозрачных в мире выборов»¹² (по словам экс-президента США Дж. Картера, выступавшего в роли наблюдателя на многих из них) невозможно — это признали эксперты всех авторитетных международных организаций.

Харизма политической деятеля это — сочетание выдающейся силы воли, ясных и привлекательных политических целей, и огромной энергии в их достижении. Все без исключения, как друзья, так и враги, сходятся в том, что Чавес был настоящим харизматическим лидером. Известный социолог И. Валлерстайн ставит его в один ряд с Наполеоном и де Голлем во Франции, Линкольном и Рузвельтом в США, Ганди в Индии, Мао Цзэдуном в Китае, Петром I и В.И. Лениным в России и, конечно, Симоном Боливаром в Латинской Америке. Все вышеуказанные деятели, пишет он, появлялись в переломные эпохи в жизни их стран, все они вызывали восторг у одних и ненависть у других, все они до настоящего времени постоянно находятся в центре внимания историков и политиков, хотя оценка их деятельности и вклада в историю постоянно менялась в течение десятилетий и веков¹³.

Современное понятие харизмы было введено немецким теологом Э. Трельчем и, как известно, его анализу большое внимание уделял М. Вебер. По его определению, понятие харизма «применяется к определенному качеству личности индивида, благодаря которому он отличается от обычных людей и воспринимается как обладатель сверхъестественных, сверхчеловеческих или исключительных способностей»¹⁴. Появлялись такие деятели, пишет он, во времена институциональных кризисов, когда отдельные лица заполняли вакуум власти¹⁵. Следуя принципу свободы от ценностных суждений, Вебер был абсолютно безразличен

¹² *Robertson E.* Former US President Carter: Venezuelan Electoral System “Best in the World” // *Venezuela Analysis*, Caracas. 21.09.2012.

¹³ *La Jornada*, Mexico, 30.03.2013.

¹⁴ *Weber M.* *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe, 1947. P. 358.

¹⁵ *Madsen D., Snow P.G.* *The Charismatic Bond: Political Behavior in Time of Crisis*. Cambridge (Mass.), 1991, P. 9.

к ценностям, вносимым в мир харизматической личностью: для него харизматиком являлся всякий, кто был способен воздействовать на массу с большой эмоциональной силой. Более того, он не придавал никакого значения понятиям «воля народа», «народный суверенитет», расценивая их как чисто идеологические построения. И считал, что политические мнения и решения принимаются «наверху», а не передаются лидеру избирателями в ходе выборов и делегирования полномочий. «Сам демос, — писал он, — в виде бесформенной массы никогда не «управляет» большими сообществами, но является объектом управления. Изменяется лишь способ, которым избираются вожди и степень влияния, которую демос (или, точнее, социальные круги) способны оказывать на содержание и направление управленческой деятельности посредством так называемого «общественного мнения»¹⁶.

И Вебер, и его последователи считали, что в нынешнюю эпоху появление харизматического лидера невозможно: в эпоху «развитого капитализма» произошла рутинизация политических процессов, которая сделала практически невозможным выдвижение неких «самородков из глубинки». Однако, для поддержания статус-кво и противодействия революционным процессам, которые могут угрожать существующей «элите», необходимо создавать «псевдо-харизму» и «сфабрикованную харизму» для невзрачных выходцев из «верхов»¹⁷. Согласно подобным теориям, псевдо-харизма выступает ширмой для реализации скрытых идеологических или материальных целей «элиты». И правящая элита, и СМИ, весьма заинтересованы в поддержании харизмы, «драматичности», «увлекательности» политической жизни для снижения остроты социальных конфликтов, расширения аудитории, отвлечения масс от участия во внесистемной оппозиции.

Именно поэтому в эпоху постмодерна слова «харизматичный», «великий», «гениальный» столь часто используются по отношению к посредственности, что практически обесценились. Из серых, незначительных фигур благодаря пиару раздувается мыльный пузырь псевдо-харизмы. Некоторые социологи вообще поставили крест на харизме, полагая, что времена ее расцвета прошли, и даже ее усеченный, сфабрикованный вариант не нужен в наше время. Так, К. Лёвенштайн полагает, что харизматическое лидерство зависит от веры в экстраординарные и сверхъестественные способности, а в современном рациональном об-

¹⁶ Weber M. *Economy and society*. Berkeley, 1978. P. 985.

¹⁷ Eisenstadt S.N. *Max Weber on Charisma and Institution Building*. Chicago, 1968. P. 3-14.

шестве подобные верования практически исчезли. Поэтому харизма как таковая возможна лишь в «ранние эпохи»¹⁸.

И вдруг в мировой политике как яркий метеор появляется Уго Чавес, который попирает все высокоумные рассуждения профессоров! Который доказывает, что время харизматических лидеров, настоящих народных вождей отнюдь не прошло. Более того, вопреки всем концепциям социологов и политологов выяснилось, что презируемые ими массы, «низы» могут сыграть и играют решающую роль в переломные моменты политической жизни своих стран.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОТЕСТА

Чавес родился 28 июля 1954 г. в поселке Сабанета (штат Баринас) в небогатой и многодетной (он был вторым из семи детей) семье сельского учителя. Уго был действительно самородок из самых глубин венесуэльского народа, и в его жилах текла индейская кровь. Предки отличались бунтарским духом, участвовали в Войне за независимость начала XIX в., в многочисленных гражданских конфликтах, раздиравших венесуэльское общество за прошедшие два века. На всю жизнь в память Уго врезались семейные легенды о прадеде по материнской линии Педро Рафаэле Пересе Дельгадо («Майсанта»), каудильо и герильеро времен диктатуры Хосе Висенте Гомеса. Проведя несколько успешных партизанских операций, Майсанта был захвачен в плен правительственными войсками и умер в тюрьме в 1924 г.¹⁹

Военная служба для выходца из семьи сельских бедняков, с индейскими и негритянскими корнями, сулила хорошие перспективы для карьерного роста и получения высокой зарплаты. Подобного «пряника» было вполне достаточно для большинства сверстников Чавеса, но не для него! Чавес был по своей природе революционером, он выдвинулся на авансцену во времена национального кризиса и выступил катализатором социальных процессов и движений. Этот блестящий взлет стал возможен не только благодаря его личным качествам — воле, амбициям, харизме и ораторскому таланту. Главным фактором стали проповедуемые им политические взгляды и идеи, программа построения «боливарианского социализма», которая оказалась близка массам, вызвала их доверие и ува-

¹⁸ *Loewenstein K.* Max Weber's political ideas in the perspective of our time. Boston, 1966.

¹⁹ *Tapia J.* Maisanta: El último hombre a caballo. Caracas, 1974; *Jones B.* Hugo! The Hugo Chávez Story from Mud Hut to Perpetual Revolution. Hanover (New Hampshire), 2007. P. 103.

жение. Сочетание стремления к социальной справедливости, опоры на армию и религиозной веры с детства захватили воображение Чавеса и как его основная «идейная триада» сохранились на всю жизнь.

Образование Уго получил благодаря упорству и стремлению к знаниям. Для выходца из низов единственное надежное средство для получения образования и завоевания общественного статуса — служба в армии. И он прошел успешный путь офицера, став подполковником воздушно-десантных войск. Поэтому его облик ассоциируется прежде всего с зеленым мундиром и красным беретом десантника. В военной академии в Каракасе, помимо профессиональных знаний и спорта, он прилежно изучал историю Латинской Америки, особенно увлекшись биографией великого соотечественника Симона Боливара. Он буквально был одержим идеями Освободителя — на них, по его словам, основывал все свои жизненные и политические планы. Первые уроки антиамериканизма он почерпнул из работ Боливара, в которых одной из главных побудительных мотивов своего грандиозного проекта создания «Соединённых Штатов Южной Америки» являлась идея создания противовеса угрозе, исходившей от северного соседа²⁰.

Обожествление Боливара приняло со стороны Чавеса характер своеобразного культа: его именем было названо подпольное движение в рядах вооруженных сил, которое он возглавил — «Революционное Боливарианское движение — 200» (MBR-200), комплекс реформ после прихода Чавеса к власти («Боливарианская революция»), сама страна сменила название (Боливарианская Республика Венесуэла), именем Освободителя были названы местные органы власти и самоуправления («Боливарианские миссии»). Не раз во время важнейших заседаний правительства Чавес просил не занимать одно из кресел, призывая «дух Боливара» принять участие в обсуждениях²¹.

Чавес был сторонником «теологии освобождения», сочетающей религиозные взгляды с целями социальной справедливости, и заявлял: «Иисус, несомненно, был исторической фигурой — он был повстанцем, одним из нас, антиимпериалистов. Он восстал против Римской империи. У кого повернется язык сказать, что Иисус был капиталистом? Капиталистом был Иуда, получивший свои сребреники! А Христос был революционером. Он восстал против религиозных иерархий. Он восстал против эко-

²⁰ *Bolívar S. Doctrina del Libertador*. Caracas, 1985; Selected Writings of Bolívar // Ed. by Bierck H.A. N.Y., 1951. P. 103-122.

²¹ *Gott R. In the Shadow of the Liberator: Hugo Chávez and the Transformation of Venezuela*. L.: Verso, 2000; *Conway C. The Cult of Bolívar in Latin American Literature*. Miami: University Press of Florida, 2003. P. 151-172.

номической власти того времени. Он предпочел смерть для защиты своих гуманистических идеалов, и он жаждал благоприятных перемен»²². Близкий к либеральной оппозиции венесуэльский историк Э. Пино Итурьета не без раздражения писал, что при создании этого «патологического патриотического монотеизма» Чавес и его сторонники исказили реальный образ Освободителя; что его мнимые «антиимпериализм», «антиамериканизм» и «стремление к социальной справедливости» были за уши притянуты для реализации политических целей чавистов; что, наконец, впервые в истории страны было нарушено табу на использование национальных исторических персонажей в политических целях, и фигура Боливара — всегдашнего символа национального единства — превратилась в символ раскола, идеологического противопоставления «истинных боливарианцев» и оппозиции²³.

Патриотизм и дух защитника родины Чавеса подпитывался примерами Эсекиеля Саморы (народного героя Венесуэлы — генерала, который в 1859 г. возглавил восстание крестьян; под его знаменами сражался прапрадед Чавеса в его родном штате Баринас), Симона Родригеса (венесуэльского просветителя, наставника С. Боливара) и М. Переса Хименеса (военного диктатора, правившего в 1948–1958 гг.). Последнего Чавес в 2010 г. охарактеризовал как «лучшего президента Венесуэлы» (Перес был свергнут не без участия США, провел 5 лет в тюрьме, затем эмигрировал в Испанию, и там Чавес после окончания своего тюремного срока навестил его в 1994 г.²⁴).

Чавес признавал, что бесповоротно стал приверженцем идеи социализма, прочитав роман В. Гюго «Отверженные» (созвучный тому, что он видел вокруг). Как и многие молодые латиноамериканцы, Уго зачитывался работами Ф. Кастро и Э. Че Гевары, которые воспитывали в нем дух борца–революционера. В 1974 г. в составе делегации от военной академии Чавес посетил Перу, где торжественно праздновалась 150-я годовщина одного из эпохальных событий Войны за независимость — битвы при Айякучо. Молодой офицер получил незабываемое впечатление от речей перуанского президента Х.Веласко Альварado, который пришел к власти в стране под лозунгом защиты интересов народных масс в условиях, когда правящие круги были полностью отравлены ядом коррупции. В своей книге «Перуанская революция», которую Веласко Альварado подарил Чавесу, он писал: «Наша революция призвана покончить с позором

²² Arnoux E. El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez. Caracas, 2008. P. 117.

²³ *El Universal*. Caracas, 29.07.2012.

²⁴ *El Universal*. Caracas, 23.01.2013.

нынешней эпохи и открыть дорогу Независимости и Социальной Справедливости с тем, чтобы разрешить главные проблемы Перу, чтобы защитить национальный суверенитет, вывести страну на путь стабильного развития экономики, покончить с эксплуатацией и нищетой, сделать все, чтобы «последние» перуанцы перестали быть последними»²⁵. Эту книгу молодой офицер всегда носил с собой и тщательно изучал как одно из лучших пособий по организации революционного движения. По словам Чавеса, он «буквально проглотил эту и другие книги и статьи Веласко Альварадо и некоторые из речей запомнил наизусть».

Подружившись в академии с сыном панамского президента Омара Торрихоса, также генерала, вставшего на путь социальных преобразований, Чавес съездил в Панаму и там его друг устроил встречу с отцом. На молодого офицера огромное впечатление произвели идеи и политическая программа панамского президента, особенно аграрная реформа, которая была призвана улучшить положение крестьян²⁶.

Эти впечатления заставили Уго по-новому взглянуть на роль военных в общественных преобразованиях. Он пришел к выводу, что именно армия должна сказать решающее слово в условиях, когда гражданское правительство насквозь прогнило от коррупции и служит интересам олигархии. Однако Чавес уже в молодости четко различал таких военных как Торрихос и Веласко Альварадо и А. Пиночета. «С Торрихосом, — писал он позже, — я стал торрихистом. С Веласко — веласкистом. Но с Пиночетом — я стал анти-пиночетистом»²⁷.

ДЕСАНТНИК–ПОДПОЛЬЩИК

Первые задания молодого офицера по службе были связаны с «антиповстанческой» деятельностью — выслеживать и уничтожать партизан. Чавес быстро почувствовал симпатию к своим противникам. Этому способствовали два события. Однажды ночью военный патруль привел группу крестьян, подозреваемых в связях с партизанами. Солдаты начали избивать их бейсбольными битами, и услышавший крики Чавес подошел к солдатам и приказал прекратить побои, хотя понимал, что рискует попасть под трибунал. А через несколько дней он увидел обратную картину — армейская часть попала в засаду, устроенную партизанами, и погибло семь солдат. Для Чавеса это насилие было символом абсурда, не

²⁵ *Velasco Alvarado J.* La Revolución Peruana. Buenos Aires, 1973. P. 23.

²⁶ *Marcano C., Barrera Tyszka A.* Hugo Chávez: The Definitive Biography of Venezuela's Controversial President. N.Y., 2007. P. 36-37.

²⁷ *Jones B.* Op.cit., P. 54-56.

укладывающегося в рамки классовой борьбы: «С одной стороны крестьяне, одетые в униформу, пытаются партизан, а с другой стороны крестьяне, в облики партизан, убивают солдат (тех же крестьян)»²⁸.

Не видя возможности влиять на ход событий, молодой офицер почувствовал отвращение к службе и уже решил уйти из армии, но вначале решил посоветоваться со старшим братом Аданом, преподавателем Андского университета (Мерида), к мнению которого всегда прислушивался. Именно брат способствовал формированию у Уго революционных взглядов, будучи с 16 лет активным участником «Левого революционного движения» (MIR) и «Революционной партии Венесуэлы» (PRV). Адан устроил брату личную встречу с коммунистом, руководителем PRV Дугласом Браво, и эта встреча оказалась судьбоносной для Чавеса. «После этой встречи, — говорил он позже, — я понял важность сотрудничества армии и гражданского общества, оценил перспективы и возможности подпольной работы»²⁹.

К моменту этой встречи венесуэльские коммунисты пережили в 60–е – начале 70–х годов ряд драматических событий, и судьбы ряда их лидеров (Дугласа Браво, Теодоро Петкоффа, Гильермо Гарсии Понсе и Луиса Микилены) причудливым образом переплелись с судьбой Чавеса. В разгар Холодной войны Венесуэла, одна из крупнейших стран-поставщиков нефти в США, стала ареной острейшей борьбы, в которой главную роль играло ЦРУ и американское посольство в Каракасе. После свержения в 1958 г. М. Переса Хименеса к власти пришла коалиция двух буржуазных партий «Демократическое действие» (Acción Democrática — AD) и христианские демократы (Corei), которые находились под полным контролем американцев и подвергались резкой критике со стороны Коммунистической партии Венесуэлы. В 1962 г. революционно настроенные военные при поддержке коммунистов и MIR, которое выделилось из партии «Демократическое действие», подняли в городах Карупано и Пуэрто-Кабельо восстания против правительства Р. Бетанкура. После их подавления компартия была запрещена, а многие из ее руководителей брошены в тюрьмы³⁰.

Бетанкур приостановил гражданские свободы в стране и арестовал Петкоффа, Микилену и Гарсию Понсе, несмотря на то, что они пользовались иммунитетом депутатов Конгресса. Многие партизаны из созданных коммунистами «Вооруженных сил национального освобожде-

²⁸ Marquez G.G. The Two Faces of Hugo Chávez // NACLA Report on the Americas. V. 33. No. 6. Wash., May/June 2000. P. 20.

²⁹ Chávez H. Chávez, Venezuela and the New Latin America. N.Y., 2005. P. 69.

³⁰ Haggerty R. Venezuela: A Country Study. Wash., 1990. P. 26.

ния» (ВСНО — FALN) погибли в засадах и операциях, организованных местными армейскими частями при поддержке американских «военспецов». Инструкторы из ЦРУ обучали местные «антитеррористические подразделения», которые стали создаваться по образцу армейских рейнджеров в США³¹.

Тем не менее партизанское движение продолжалось до конца 60-х годов. Боевики взрывали нефтепроводы, убивали полицейских, похитили военного советника из США, устроили взрыв у американского посольства. В этих акциях нередко участвовали кубинские добровольцы (в том числе высадившийся в 1967 г. на побережье Венесуэлы со своими сторонниками, попавший в засаду и погибший руководитель личной охраны Ф. Кастро Брионес Монтото)³². Для того, чтобы выволить товарищей из заточения в тюрьме военного гарнизона «Сан-Карлос» подпольщики купили кафе напротив тюрьмы, и прорыли шестидесяти метровый туннель. К моменту, когда все было готово, Луиса Микилену выпустили на волю, но в заключении вместе с Петкоффом и Гарсия Понсе оказался один из лидеров ВСНО П. Маркес. 7 февраля 1967 г. все трое совершили дерзкий побег и оказались на воле³³.

Несмотря на ряд успешных операций, властям, пользовавшимся массивной военной и экономической поддержкой США, удалось заметно снизить влияние ВСНО. Немаловажную роль в этом сыграла и КПСС. Во второй половине 60-х гг. Кремль во что бы то ни стало стремился к «разрядке» отношений с США. В качестве препятствия для сближения с Западом рассматривались радикальные, революционные партии и группировки в международном коммунистическом движении, которые раздражали будущих «партнеров». Давление на компартии было направлено на их «умиротворение», перевод на умеренный, социал-демократический уровень.

В Венесуэле, как пишет в своих мемуарах Г. Гарсия Понсе, это создало в рабочем и коммунистическом движении «новую политическую ситуацию, приведшую к расколу, сектантству и резкому снижению влияния в массах». Отмечается, что Брежнев напрямую угрожал Фиделю Кастро прекратить поставки необходимой для Кубы продукции (включая военную помощь), если он не будет «вести себя должным образом». И Фидель был вынужден пойти на уступки и, в частности, полностью прекратить военную и денежную помощь ВСНО³⁴. После 1966 г. руко-

³¹ Return of the F.A.L.N. // Time Magazine, 24.07.1964.

³² La Voz. Caracas, 20.07.2006.

³³ García Ponce G. La fuga del cuartel San Carlos Caracas, 1991. P. 175-176; Idem. El túnel del San Carlos. Caracas, 1968.

³⁴ García Ponce G. La fuga del cuartel San Carlos Caracas. P. 103.

водство КПВ отказалось от вооруженной борьбы, признав ее «бесперспективность в существующих условиях». В 1969 г. правительство пообещало участникам партизанского движения амнистию, и большинство лидеров ВСНО воспользовались ей, чтобы вернуться к мирной жизни. Одним из тех, кто отказался прекратить сопротивление, был Дуглас Браво, с которым судьба свела молодого офицера Уго Чавеса. Так как Браво отказался следовать соглашательскому курсу компартии (подчинившейся «генеральной линии», намеченной в Москве), он был исключен из ее рядов и во главе «Революционной партии Венесуэлы» продолжал вооруженную борьбу³⁵.

В начале 70-х годов КПВ оказалась расколотой на левое крыло, недовольное соглашательством лидеров, фракцию про-московских правых, а также перебежчиков в лагерь социал-реформизма. Это было связано не только с отказом от революционной борьбы, насильственных методов и пропагандой реформизма (что фактически низвело связанное с Москвой международное коммунистическое движение на «респектабельный» про-буржуазный уровень Социнтерна), но и с негативной реакцией на вторжение советских войск в Чехословакию. Петкофф критиковал лидеров КПВ за слишком тесные связи с СССР и Кубой и, после исключения из рядов КПВ в 1971 г., организовал в социал-реформистское «Движение к социализму» (MAS). Гарсия Понсе остался в старой «официальной» компартии (хотя был исключен из нее в 1974 г.). Микелена с 1961 г. перешел в центристскую партию Демократический республиканский союз (URD), с 1964 г. вообще отошел от политики³⁶. Итогом раскола стало катастрофическое снижение влияния компартии в массах. На президентских выборах 1973 г. ни одна из трех левых партий не набрала более 5% голосов³⁷. На этом унылом политическом фоне состоялась встреча Д. Браво и Чавеса. Чавес воспринял от него основные идеи социализма, коммунизма, а также идею о революционном захвате власти. Сотрудничество продолжалось около десяти лет, и его целью стала организация военно-гражданского переворота. До 1986 г. Чавес помогал создавать подпольные ячейки для РПВ, однако у него уже была своя собственная группа, которую он назвал «Comacate», с 1982 г. — «Революционное Боливарианское движение — 200». Его участники занимались распространением революционной идеологии среди офицеров с целью организации переворота и последующего сов-

³⁵ Jones B. Op. cit. P. 70-71.

³⁶ Rival Communist Conferences in Venezuela // Associated Press, 15.03.1971.

³⁷ Haggerty R. Op. cit. P. 31.

местного военно-гражданского управления страной³⁸. Карьерный рост не препятствовал, а напротив, помогал заговорщику Чавесу обрести новыми связями и расширять зону своего влияния³⁹.

Как отмечал позже Чавес, «Венесуэла была обессиленной страной, отягощенной долгами, а народ ее погружался в бедность и самую отвратительную нищету; в этой ужасной действительности явилось, кроме того, неумолимое зло «шоковой» неолиберальной политики — и тогда случилось то, что должно было случиться: разразился ураган»⁴⁰. В феврале 1989 г. в столице начались стихийные митинги протеста, которые переросли в столкновения с выведенными на улицы войсками. Несколько тысяч человек были убиты и ранены⁴¹.

К началу 1992 г. Чавес и его сторонники подготовили план захвата власти («Операция Самора»), а также наметили стратегию дальнейшего переустройства общества. Чавес изложил ее в двух документах «Проект деятельности переходного правительства» и «Национальный проект Симон Боливар». Большую роль в формировании его взглядов на этом этапе сыграл известный венесуэльский теоретик социалист Клебер Рамирес Рохас. Его работы были посвящены созданию «коммунитарного государства», в котором решение большинства политических вопросов совершалось бы через институты прямой демократии на местах (коммуны). «Партии приходят и уходят, а политика должна опираться не на эти группы, подверженные коррупции и радикальной смене идейного багажа, а на единственную реальность — народ с его нуждами и устремлениями». Местные коммуны будут не только заниматься повседневными вопросами, но и станут школами воспитания истинной, «низовой» демократии, гуманизма, морали и справедливости. Только на этом пути возможно построение истинного социализма, защищенного от цезаризма вождей. Основным средством создания равновесия между «низами» и властью он считал вооружение народа. Идея «вооруженного народа» включала не только (и не столько) военную амуницию и стрелковое оружие, но прежде всего вооруженность народа знаниями, революционным сознанием, идеями, моралью, организациями и способностью к мощной мобилизации и выступлениям⁴². Эти идеи впоследствии нашли отражение в создании «Боливарианских миссий» (местных органов власти с широкими полномочиями), а также народной милиции.

³⁸ *Marcano C., Barrera Tyszka A.B.* Op cit. P. 81-83.

³⁹ *Jones B.* Op cit. P. 74.

⁴⁰ *Las líneas de Chávez.* Hugo Rafael Chávez Frías. Moscú, 2010. P. 328.

⁴¹ *Solórzano F., Grillo T.* El Caracazo. Caracas, 2007.

⁴² *Rebelión,* Caracas, 23.03.2013.

4 февраля 1992 г. еще до рассвета 38-летний подполковник Чавес вывел одну из пяти армейских колонн, участвовавших в попытке свержения непопулярного в стране президента Карлоса Андреса Переса. Однако Чавесу не удалось выполнить ключевую задачу — арестовать президента, и вскоре он и его сообщники оказались окруженными правительственными войсками в Военном Музее. Хотя в других городах верные Чавесу командиры захватили ряд важных объектов, однако их лидер понял, что без захвата президента путч обречен на провал, и пошел на переговоры с властями. Для того, заставить остальных участников заговора сдаться, правительство предоставило Чавесу возможность выступить по телевидению.

И это выступление стало началом его политической карьеры. Офицер десантник попросил товарищей сложить оружие, так как дальнейшее сопротивление бессмысленно, и взял на себя полную ответственность за неудавшийся переворот. Эта речь, в которой он сказал, что революция пока потерпела поражение, но последнее слово еще не сказано и победа в конечном итоге будет за народом⁴³. Впоследствии Чавес отмечал, что «в 1989 г. восставшему народу не хватило его Армии, его солдат и его ружей; три года спустя, 4 февраля 1992 г., Боливарианской Армии, восставшим солдатам не хватило народа на улицах»⁴⁴. А затем произошла любопытная трансформация: вместо того, чтобы предстать в глазах граждан изгоем, отщепенцем, пытавшимся поправить все законы, Чавес внезапно превратился в народного героя. На ежегодном карнавале в 1992 г. самым популярным костюмом была камуфляжная форма и красный берет Чавеса.

Одной из главных причин было то, что бессменные в течение четверти века партии власти «Демократическое действие» и «Копей» к началу 90-х гг. почти полностью потеряли доверие избирателей. Разъеденные до основания ржавчиной коррупции, они создали в стране режим псевдо-демократии и псевдо-выборов, который опирался на мизерную прослойку олигархов и немногочисленные слои, связанные с ними родственными и коррупционными связями. Все выгоды от сырьевых богатств просачивались мимо подавляющего большинства населения. И народ увидел в Чавесе героя, который не побоялся выступить против разложившейся системы. Он был вне системы даже по внешним признакам — темнокожий (в отличие от белых представителей политической «элиты»), выходец из беднейших слоев, который обещал облег-

⁴³ *Blixen S. Chávez: 48 horas en la vida de Hugo Chávez. Montevideo, 2005. P. 20; Gott R. Op.cit. P. 66-72.*

⁴⁴ *Las líneas de Chávez. P. 329.*

чить катастрофическое положение «низов», дать права обездоленным и бесправным. Видя растущую популярность Чавеса, президент Р. Кальдера амнистировал его в марте 1994 г.

ПОБЕДА НА ВЫБОРАХ

Выйдя из тюрьмы, Чавес обрел соратника в лице Микилены, который разглядел в 40-летнем офицере будущего лидера страны. План ветерана, пришедшего от партизанской борьбы к социал-реформизму, состоял в мирном завоевании власти через действующие демократические процедуры, созыв Конституционной Ассамблеи и принятие новой конституции, которая открыла бы дорогу мирным социальным преобразованиям⁴⁵. Микилена позже писал: «Чавес заполнил политический вакуум, образовавшийся вокруг политических партий и усилил свое влияние в условиях всеобщего недовольства; я помог ему поднять этот флаг — знамя борьбы за решение наших социальных проблем»⁴⁶.

Микилена стал активно помогать ему в политической карьере с прицелом на президентские выборы. Вначале Чавес сомневался в целесообразности этого пути. Он все еще верил в то, что только армия способна произвести настоящую революцию. Но ветеран убедил его в том, что успеха можно добиться и через избирательные урны. В 1994 г. Микилена помог Чавесу в расширении контактов, организации визитов на Кубу, в Аргентину и Колумбию.

В Аргентине Чавес встретился с Норберто Сересоле. Человек причудливой судьбы, (он работал некоторое время даже в СССР, в Институте Латинской Америки и опубликовал на русском языке несколько книг), Сересоле был ярким приверженцем военной диктатуры. Его всегдашним героем был Х.Д. Перон. В 1974 г., после смерти своего кумира, он стал одним из организаторов троцкистской группы «Народные революционные вооруженные силы», из которых впоследствии выросла известная организация «Монтонерос». Сересоле пропагандировал «традиционалистский» взгляд, согласно которому наиболее отвечающим духу латиноамериканцев является авторитарный режим, основанный на религиозных ценностях. В ходе его бесед с Чавесом тот, по словам Сересоле, разделял его взгляды на армию как главную силу социальных перемен, однако отрицательно относился к идее полного упразднения политических партий после прихода к власти харизматического каудильо. В 1995 г. Сересоле

⁴⁵ *Gott R. Op. cit. P. 84.*

⁴⁶ *El Diario, Caracas, 15.08.2004.*

приезжал в Венесуэлу, однако был изгнан из страны секретной полицией DISIP по обвинению в том, что был одним из организаторов неудавшегося военного переворота 1992 г. и имел связи с арабскими террористами. В 1999 г. он вновь появился в Каракасе, уже в качестве консультанта Чавеса, и выпустил книгу «Каудильо, Армия, Народ: Венесуэла Команданте Чавеса». Хотя ее критиковали умеренные чавесисты, сама триада, обозначенная в названии, стала неофициальным символом «бוליварианской революции»⁴⁷.

В 1999 г. по требованию Л. Микилены Сересоле уехал в Аргентину (умер в 2003 г.). Хотя умеренные чависты выражали недовольство по поводу контактов Чавеса и «антисемита» Сересоле, венесуэльский президент всегда подчеркнуто уважительно отзывался об аргентинце. Так, в одном из выступлений в мае 2006 г. он сказал: «Я никогда не забуду одного аргентинца, которого демонизируют до сих пор. Он был моим большим другом, интеллектуалом, заслуживающим уважения, перонистом, но, однако, его сатанизировали, и последнее правительство IV республики оказывало на него давление, и его выдворили из страны. Я хочу отдать ему последний долг — мой друг Норберто Сересоле уехал в Аргентину и умер в Буэнос-Айресе». Далее он вспоминал, как в 1995 г. они стояли на берегу Ориноко и говорили о судьбах Латинской Америки, о важном стратегическом положении Венесуэлы — «осевой страны» континента, об объединении стран региона.

Возвращаясь к событиям 1994 г., этапным в жизни Чавеса, важнейшим стала, безусловно, встреча с Фиделем Кастро. На Кубе Фидель лично встречал их на аэродроме, сопровождал во время поездки по стране и даже порой сам готовил на кухне, когда оставался с ними за полночь в увлеченных беседах. Чавес выступил в Гаванском университете со словами солидарности с кубинским народом. Он отметил, что его планы сотрудничества с Кубой расписаны на долгосрочную перспективу, «в обозримом будущем — от двадцати до сорока лет»⁴⁸. С тех пор между двумя революционерами установились прочные дружеские отношения. После прихода Чавеса к власти, он встречался с кубинским лидером десятки раз, по несколько раз в неделю созванивался по телефону. «Для меня Фидель как отец», — говорил Чавес, который был моложе Кастро почти на три десятка лет⁴⁹. Кастро помогал Чавесу советами по всем сложнейшим вопросам внутренней и внешней политики, по

⁴⁷ Ceresole N. Caudillo, Ejército, Pueblo: La Venezuela del Comandante Chávez. Caracas, 1999.

⁴⁸ Marcano C., Barrera Tyszka A. Op.cit. P. 213.

⁴⁹ The New Yorker, 5.03.2013.

реформе сельского хозяйства, проблемам взаимоотношений с оппозицией, государственной безопасности и преобразованию национальной полиции (главным советником по реформе полиции стал кубинский министр внутренних дел). Президент Уго Чавес гордился сложившимися братскими отношениями: «Корабль под названием Венесуэла, — заявлял он, — плывет в том же направлении, что и кубинский народ — к Морю Счастья»⁵⁰.

Венесуэла помогла Кубе пережить самые трудные годы, когда подошел к концу запас прочности, созданный за десятилетия плодотворного сотрудничества с СССР. В 2000–е годы Венесуэла ежегодно поставляла Кубе нефть на сумму до 2,5 млрд долларов. Взамен приезжали тысячи кубинских медиков, советников по сельскому хозяйству, спортивных тренеров. Даже в личной охране венесуэльского президента были советники из кубинской службы безопасности⁵¹.

Однако для Ф. Кастро союз с Венесуэлой означал гораздо больше, чем ослабление непомерного экономического бремени. Он увидел, наконец, на склоне жизни, что революция опять на марше в Латинской Америке! В 2000–е годы на «пылающем континенте» левые силы добились значительных успехов. Причем пришедшие к власти президенты Боливии, Эквадора, Никарагуа, Сальвадора были не просто левыми: они стали убежденными сторонниками радикального курса Кастро и Чавеса. Так например, во время инаугурационной речи сальвадорского президента М. Фунеса в марте 2009 г. его сторонники размахивали венесуэльскими и кубинскими флагами, а первым актом нового лидера страны стало восстановление отношений с Кубой⁵².

«БОЛИВАРИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Опираясь на растущее «боливарианское движение», сторонников в армии, левые силы, Чавес пришёл к власти мирным путем. «Революция, которая началась с народного восстания 27 февраля 1989 года и продолжилась военными мятежами 4 февраля и 27 ноября 1992 года, — говорил он позже, — вылилась в широкий и сложный процесс организации и накопления сил, что позволило достичь великолепного и прекрасного синтеза 6 декабря 1998 г. В тот памятный день, 6 декабря, народ принял необратимое решение превратиться в главного героя своей собственной

⁵⁰ *Marcano C., Barrera Tyszka A.* Op.cit. P. 214.

⁵¹ *The New Yorker*, 23.06.2008.

⁵² *Diario Latino*, San Salvador, 2.06.2009.

истории и руководителя своей судьбы. Речь шла не просто об еще одном дне выборов, ни о смене одного президента на другого: народ хотел стать и стал скульптором новой Республики и строителем реально и по-настоящему свободной, суверенной и независимой Венесуэлы»⁵³.

После победы по-разному сложились отношения Чавеса с венесуэльскими левыми, которые так или иначе оказывали воздействие на формирование его идейных позиций. Л. Микилена реализовал свою мечту — была созвана Конституционная Ассамблея, и он стал ее президентом. Большинство экспертов считают новую конституцию Венесуэлы, принятую в 1999 г., самой демократичной в истории страны. Так, исследователь О.А. Афанасьев пишет: «Настоящая конституция Венесуэлы — самая демократическая из более чем двух десятков конституций, действовавших в период независимого государственного развития этой страны. Кроме того, это одна их самых демократических и самых пространных по содержанию (350 статей) конституций на американском континенте. В качестве основных конституционных принципов закрепляются принципы демократического и социального государства, построенного на основе политического плюрализма»⁵⁴.

В политической жизни страны произошел коренной поворот. Чавес получил в Ассамблее 121 депутатское место из 131. Коалиция нового президента также получила полный контроль над законодательной властью и в Верховном суде. Многие из бывших левых радикалов заняли важные посты в государственных органах. В 2001 г. Микилена стал министром юстиции и внутренних дел. Г. Гарсия Понсе занял пост одного из ближайших советников президента (вначале он возглавил главный аналитический центр «Тактическое революционное командование», а позже стал главным редактором газеты «*Ve*»).

Однако Микилена порвал отношения с Чавесом после событий 2002 г. — попытки государственного переворота. Дело в том, что все успехи Чавеса в первый период его президентства были достигнуты в условиях отчаянной борьбы против него со стороны правой оппозиции, получавшей полную поддержку и всестороннюю помощь от США. В апреле 2002 г. они организовали в Каракасе демонстрацию оппозиции. Как в подобных случаях рекомендуют пособия ЦРУ, был подготовлен кровавый сценарий: «неизвестные лица», учинили стрельбу, в которой погибло несколько человек. СМИ запестрели статьями о

⁵³ Las líneas de Chávez. P. 539.

⁵⁴ Афанасьев О.Ю. Конституционно-правовое развитие Венесуэлы // Вестник МГИМО. № 2. 2010. С. 214.

«предательстве идеалов демократии и свободы», а также в «кровавом терроре, учиненном президентом».

И в этот драматический момент, когда Чавесу как никогда была нужна поддержка со стороны его сторонников, Микилена обратился с речью к нации: «Я торжественно заявляю, что нынешнее правительство вряд ли может полагаться на мою поддержку; режим запятнал себя кровью невинных граждан и сидеть спокойно рядом с этими людьми и не предпринимать в ответ никаких действий было бы трусливо и преступно»⁵⁵. Это предательство было самым болезненным ударом для Чавеса, и не только по причине долголетней дружбы между ними.

18 апреля 2002 г. предатели–офицеры вместе с мэром Каракаса Альфредом Пенной подняли некоторые военные части, захватили телевидение. «Пятая колонна» в лице ряда продажных политиков, военных и представителей средств массовой информации пришла за инструкциями в американское посольство в Каракасе. Этот визит был зафиксирован репортерами из газеты «Washington Post»⁵⁶. В посольстве им прямо заявили, что безоговорочно поддерживают оппозицию. Из документов, рассекреченных в 2004 г. стало ясно, что 6 апреля (за неделю до путча) президент США Буш был посвящен в его детали (включая провокацию во время демонстрации оппозиции)⁵⁷.

Военной частью заговора командовали главнокомандующий сухопутными войсками Эфраин Васкес и генерал Поведа. При их поддержке на пост временно исполняющего функции президента страны был выдвинут Педро Кармона, президент ассоциации промышленников и предпринимателей «Федекамерас». Чавес был арестован и отправлен на отдаленный остров в Карибском море. Там, на аэродроме военной базы уже стоял наготове самолет с опознавательными знаками ВВС США. Венесуэльского президента должны были либо отправить в американскую тюрьму, как в свое время поступили с панамским президентом Норьегой, либо просто физически ликвидировать.

Однако заговор сорвался, так как на улицы венесуэльских городов вышли массы людей, возмущенных циничными, предательскими действиями «пятой колонны». Кроме того, на стороне Чавеса оказались генерал Бадуэль и большинство армейских офицеров. В условиях всенародного протеста, а также отсутствия поддержки со стороны других ла-

⁵⁵ *El Nacional*, Caracas, 12.04.2002.

⁵⁶ *Washington Post*, 13.04.2002.

⁵⁷ CIA Documents Show Bush Knew of 2002 Coup in Venezuela. Democracy Now! Interview with P. Kornbluh, 29.11.2004 // www.democracynow.org/2004/11/29/cia_documents_show_bush_knew_of (ноябрь, 2016).

тиноамериканских стран, США впервые в новейшей истории были вынуждены отменить заготовленный сценарий «цветной революции». Ставленник США П. Кармона, уже объявленный «временно исполняющим обязанности президента», отказался от должности, и путчисты, побоявшись наказания, доставили Чавеса обратно в президентский дворец⁵⁸. Появившись перед ликующей толпой приверженцев Чавес заявил, перефразировав Евангелие «Воздадим Богу Богово, кесарю кесарево, а народу народо»⁵⁹. Он подчеркнул, что проамериканская оппозиция потерпела поражение только благодаря единодушной поддержке президента народными массами, и он никогда не отойдет от своего прежнего политического курса⁶⁰. Потерпев болезненное фиаско и временно отказавшись от сценария госпереворота, ЦРУ переориентировало свою деятельность на физическое устранение Чавеса. В итоге целенаправленная охота с помощью специалистов из секретных лабораторий привела к «безвременной, но естественной смерти от онкологического заболевания».

Итак, после 2002 г. бывший соратник Чавеса, Микелена оказался на противоположной стороне баррикад, придя к убеждению, что «Чавес оказался в одной постели с умирающей старушкой под названием «левое движение»⁶¹. Гарсия Понсе до самой смерти (умер в сентябре 2010 г.) оставался преданным другом и соратником Чавеса. Петкофф, будучи приверженцем умеренного «демократического социализма», с самого начала был оппонентом Чавеса. В качестве главного редактора ежедневной газеты «Tal Cual», выходящей в Каракасе, он имел все возможности пропагандировать свои античавевистские взгляды. В своих работах он противопоставляет «хороших левых» (Лулу да Силву, Табаре Васкеса и Рикардо Лагоса), придерживающихся социал-демократических взглядов или идеологии «капитализма с человеческим лицом» — «плохим»: Чавесу и Фиделю Кастро, сторонникам революционного социализма или коммунизма⁶². Дуглас Браво также оказался вне лагеря команданте. Но, как ни странно, его критика шла слева! Старый парти-

⁵⁸ Los documentos del golpe. Fundación defensoría del pueblo. Caracas, 2005; *Velásquez Rivera É.J.* El Golpe de Estado en Venezuela. Caracas: 2003; *Sánchez Velandria E.S.* 11 de abril. Caracas, 2008; *Сапожников К.Н.* Уго Чавес: одинокий революционер. М., 2011. С. 228-256.

⁵⁹ *Time*, 18.04.2002.

⁶⁰ *Wilpert G.* Coup Against Chavez in Venezuela: The Best International Reports of What Really Happened in April 2002. N.Y., 2003; *Gott R.* Hugo Chavez and the Bolivarian Revolution. N.Y., 2011. P. 217-269; *Kozloff N.* Hugo Chavez: Oil, Politics and the Challenge to the U.S. N.Y., 2007. P. 91-105.

⁶¹ *Marcano C., Barrera Tyszka A.* Op. cit. P. 22.

⁶² *Petkoff T.* Chávez: Una segunda opinión. Caracas, 2000.

зан обрушивался в своих статьях на президента за слишком медленные темпы «болливарианской революции», обвиняя его в «неолиберализме и буржуазном прагматизме, который лишь припудривается революционной риторикой»⁶³ Чавес пришел к власти мирным путем, однако он до конца оставался страстным поборником революционного пути и считал, что проводимые им реформы являются составной частью «болливарианской революции», которая приведет к созданию нового, социалистического общества с истинно латиноамериканской самобытностью. Привлекательность революционного пути объясняется отнюдь не тем, что на этом континенте пока не исчерпан еще «лимит на революции».

«СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА»

В результате реформ Чавеса миллионы граждан (которые до того оставались по многим причинам за бортом политической жизни страны) получили политические права и оказались вовлеченными в активную общественную жизнь. Новые власти проводили курс, направленный на ликвидацию коррупции среди государственных чиновников, борьбу с бедностью, ввели земельную реформу, направленную на получение земельных наделов беднейшим крестьянством. Правительство прекратило обвальную приватизацию, которую стране навязал МВФ. Более того, стали создаваться государственные предприятия, которые скупали у частных заводы и фабрики, приобретенные ранее в рамках приватизации, и давали им новую жизнь. Были реализованы грандиозные планы строительства жилья для бедняков, что позволило им выбраться из чудовищных трущоб, в которых обитали многие поколения их предков. На местах создавались так называемые «миссии» — большие общественные центры, которые комплексно решали все проблемы. Они принесли беднейшим слоям бесплатное образование, медицину. Большую помощь оказали кубинские специалисты. Впервые стали проводиться массовые офтальмологические обследования, оказываться помощь на дому.

Беспрецедентный размах приняла кампания по ликвидации безграмотности. Для поступления в среднюю школу теперь нет необходимости представлять какие-либо документы. Платные школы для богачей не были ликвидированы, но власти в своей политике исходили из перспективы создания мощной государственной системы, дающей беднякам такое же полноценное образование, как и «элите». В сфере высшего образования

⁶³ *Noticiero Digital*, 5.02.2011 // www.noticierodigital.com/2011/02/douglas-bravo-hugo-chavez-es-neoliberal (ноябрь, 2016).

были отменены вступительные экзамены. Отчисления из вузов стали возможны только после первого года обучения, достаточного для адаптации молодежи, не получившей адекватного среднего образования. Для бедняков государство выделяло стипендии. Дополнительные суммы, полученные от продажи нефти расходовались не только на социальные цели, но и создание задела в жизненно важных секторах экономики, прежде всего для обеспечения продовольственной независимости страны, чтобы к 2018 г. добиться продовольственной независимости страны.

Чавес стал первым в плеяде левых латиноамериканских лидеров, пришедших к власти в конце XX – начале XXI вв. (в 2002 г. Лула да Силва в Бразилии, Н. Киршнер в Аргентине в 2003 г., Т. Васкес в Уругвае в 2004 г., Э. Моралес в Боливии в 2005 г., Р. Корреа в Эквадоре, Д. Ортега в Никарагуа в 2006 г.). Идея «боливарианского социализма» отличалась от той догматической версии, которая завела советское руководство в идеологический и политический тупик. Чавес в поисках своего пути обратился к латиноамериканским мыслителям. «Чем дальше мы идем к своим корням, — заявлял венесуэльский лидер, — тем более современными становятся наши лозунги социализма. Я — социалист, боливарианец, революционер!»⁶⁴

В своей политике Чавес исходил из того, что либерализм и рыночная экономика плодят и множат неравенство, бесправие, несправедливость, эгоизм, потребительство, колоссальные растраты ресурсов и хаос⁶⁵. Для выхода из кризиса, для экономического развития необходим «социализм XXI века»: планирование, сосредоточение сырьевых и земельных ресурсов в руках общества, жесткий контроль над ними, полное изменение приоритетов развития при сохранении разумного баланса между государственным и частным сектором экономики. В 299 статье Конституции говорится: «Экономическая модель государства основана на принципах социальной справедливости, демократизации, эффективности, свободной конкуренции, защиты окружающей среды, роста производительности труда и солидарности с целью обеспечения всестороннего гуманитарного развития, а также достойного и общественно полезного существования всего общества»⁶⁶.

Установив с 2003 г. контроль над государственной компанией (PDVSA), выкупив у частных предприятий национальные электросети, энергетические компании, добычу цемента и используя рычаги государ-

⁶⁴ *Chávez Frías H., Chaparro C.* El que me acuse de dictador es un ignorante: frases de Hugo Chávez. Caracas, 2007. P. 55.

⁶⁵ *Chávez Frías H., Rinaldi S.* La unidad Latinoamericana. México, 2006. P. 29.

⁶⁶ *Casal J.M.H.* Constitución y justicia constitucional. Caracas, 2006. P. 32.

ственного планирования, страна совершила скачок в экономическом развитии. Экономика росла чрезвычайно высокими темпами. Среднегодовой прирост ВВП с 2003 г. по 2013 гг. составил 4,3 % — по сравнению с 1,4 % в 90-е годы XX века. В 2012 г. рост ВВП составил 5,5 % — один из самых высоких в мире. В долларовом исчислении ВВП в 1998 г. возрос в 3 раза: с 137 млрд долл. до более 370 млрд в 2012 г.⁶⁷ Уровень безработицы сократился с 15,2 % в 1998 г. до 6,4% в 2012 за счет создания более 4 млн. новых рабочих мест⁶⁸. Причем многие из них были связаны с резким ростом кооперативного движения, поощряемого государством: с 1999 г. во всех сферах экономики было создано более 50 тысяч кооперативов⁶⁹. Внешний долг страны уменьшился с суммы, составляющей 45 % ВВП, до 20 % в последний год президентского правления Чавеса. Венесуэла вышла из МВФ и Мирового банка, досрочно погасив всю сумму задолженности.

Рабочий день сократился до 36 часов в неделю без сокращения заработной платы. Минимальный размер заработной платы (в пересчете на доллары) увеличился со 16 в 1998 г. до 330 долларов в 2012 г., то есть возрос в 20 раз! И в настоящее время это самый высокий показатель в Латинской Америке. Надо учитывать то, что нищенские 16 долларов в конце 90-х годов получали около 70% экономически активного населения, тогда как в настоящее время минимальную зарплату получают лишь 20% трудящихся. Доля бедняков в населении страны упала в два раза, и по классификации ООН в 2010 г. страна вошла в категорию «стран с высоким индексом человеческого развития»⁷⁰.

Практически решена проблема голода, ставшая бичом для всех стран «периферийного капитализма». Процент венесуэльцев живущих ниже прожиточного уровня по потреблению продуктов питания сократился

⁶⁷ United Nations Statistics Division. Bolivarian Republic of Venezuela // <http://unsstats.un.org/unsd/pocketbook/PDF/2013/Venezuela%20> (ноябрь, 2016); Banco Central de Venezuela; World Economic Outlook Database. International Monetary Fund // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/02/weodata/weoselegr.aspx> (ноябрь, 2016).

⁶⁸ Resumen de Indicadores Sociodemográficos. Instituto Nacional de Estadística. República Bolivariana de Venezuela. Caracas: Febrero 2013.

⁶⁹ Chávez Frías H., Grabivker M.J. Venezuela: Integración Latinoamericana y Cooperativismo. Caracas: 2004; Venezuela: del apoyo al cooperativismo tradicional a la construcción de ciclos comunales // Centro Cultural de la Cooperación. 22.11.2013// <http://www.centrocultural.coop/blogs/cooperativismo/2013/11/22/venezuela-del-apoyo-al-cooperativismo-tradicional-a-la-construccion-de-ciclos-comunales> (ноябрь, 2016).

⁷⁰ Evolución del Índice de Desarrollo Humano en Venezuela, 1990–2010. Reporte Social 2010.

с 21 % в 1998 г. до 3 % в 2012. Согласно статистике ООН Венесуэла по количеству голодающих занимает почетное последнее место в Латинской Америке. По данным международных организаций венесуэльцы стали потреблять на 50 % больше пищевых калорий по сравнению с рубежом веков⁷¹. Такой огромный прирост произошел во многом за счет «Продовольственной миссии» — правительственной программы создания сети из 22 тысяч продовольственных магазинов, где продукты первой необходимости продаются беднякам со скидкой в 30 %. В стране резко, на 75% по сравнению с 1999 г. возросло потребление мяса. 5 млн детей стали питаться бесплатно благодаря государственной программе обеспечения школьников бесплатным питанием. Согласно принятому в ООН «коэффициенту Джини» (дающему представление об уровне экономического расслоения между богатыми и бедными) Венесуэла вышла в 2011 г. на самый низкий уровень в регионе, то есть стала самой «равноправной» в Латинской Америке⁷².

Средняя продолжительность жизни венесуэльцев возросла за десятилетие до 74,3 в 2012 г. (68 место в мире). Детская смертность, которая составляла в Венесуэле в 1999 г. 19,1 на тысячу человек населения, снизилась до 10 в 2012 г., то есть сократилась наполовину! В целом затраты на социальные нужды возросли при Чавесе на 60,6 %. В период до 1999 г. лишь 387 тыс. венесуэльцев получали пенсии. В настоящее время их численность возросла в 7 раз, до 2,1 млн. Началась массовая жилищная застройка в районах бедняков⁷³. Аграрная реформа позволила десяткам миллионов крестьян стать полноправными владельцами своих земель. Для их нужд было выделено более 3 млн га. Более 1 млн. га земель было отдано в собственность индейцев. Государство впервые стало продвигаться в направлении полного обеспечения населения своими продуктами питания, понимая, что в условиях необъявленной войны со стороны США одна из главных целей — продовольственная безопасность. На рубеже веков Венесуэла производила около половины потребляемой продовольственной продукции. В 2012 г. доля местных производителей возросла до 71 % (то есть прирост составил более 80 %!). Соответственно снизилась продовольственная зависимость от

⁷¹ Gobierno Bolivariano de Venezuela. Instituto Nacional de Nutrición. INN Noticia. 4. Mayo 2009.

⁷² *González Irago C.* Venezuela Human Rights and democracy (1999–2009). Bloomington (IN), 2013. P. 85.

⁷³ *Mesa-Lago C.* Las reformas de pensiones en América Latina y su impacto en los principios de la seguridad social. Proyecto CEPAL Desarrollo y equidad social en América Latina y el Caribe. Publicación de las Naciones Unidas. N.Y., 2004. P. 83

импорта. При этом необходимо учесть, что в условиях роста благосостояния граждане стали гораздо лучше питаться. Если бы уровень потребления оставался таким же, как в конце 90-х годов, то местное сельское хозяйство в полтора раза перекрыло бы тогдашние потребности⁷⁴. Благодаря энергии Чавеса и его сторонников, продуманной стратегии, использованию опыта планирования, национализации ключевых секторов экономики, изменилось и отношение граждан к государству. Согласно разработанному ООН и международными организациями «индексу удовлетворенности жизнью» в 2012 г. Венесуэла вышла на 19 место в мире, сразу же за Германией. В 2013 она опустилась на одну ступеньку, занимая, впрочем, достойное место между Люксембургом и Бельгией⁷⁵.

ЧАВЕС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Понимая, что США всеми силами будут стремиться создать вокруг Венесуэлы «буферные зоны» с враждебными Чавесу режимами, он считал главной задачей разрушить эти планы и не «мелочился» при проведении переговоров с соседями о создании альянсов и поддержании дружественных отношений. Неослабевающие усилия Чавеса были направлены на интеграцию стран региона, создание ряда международных организаций, которые должны были стать ступенями в мощном объединительном процессе. В 2004 г. Венесуэла и Куба инициировали создание организации АЛБА — «Боливарианского союза народов нашей Америки». В ее состав вошли 8 стран, вставших на путь борьбы за социальные преобразования и «лучшее будущее для народов Латинской Америки»⁷⁶.

Создание в 2005 г. международной организации «Петрокарибе» позволило 18 странам Латинской Америки и Карибского бассейна (где проживают более 90 млн. человек) приобретать нефть со скидкой от 40 до 60 % по сравнению с мировыми ценами и таким образом покрывать свои потребности в энергоресурсах. В Латинской Америке Венесуэла стала главным поставщиком экономической помощи странам региона, обогнав США. В 2007 г. страна выделила 8,8 млрд долларов дотаций на закупку энергоресурсов по сравнению с 3 млрд долларов, предостав-

⁷⁴ Venezuela da ejemplo de soberanía agroalimentaria // Gobierno Bolivariano de Venezuela. Instituto Nacional de Nutrición. INN Noticia. N 4. Mayo 2009

⁷⁵ World Happiness Report 2013 / Ed. by John Helliwell, Richard Layard, Jeffrey Sachs. N.Y., 2013.

⁷⁶ ALBA ¿Una nueva forma de integración regional? / Ed. by J.A. Borbón. Buenos Aires: 2011.

ленных администрацией Буша⁷⁷. Чавес стоял у истоков создания Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), в которое вошли 33 государства⁷⁸. Были установлены дружественные отношения даже с главным союзником США в регионе — Колумбией. Чавес стал посредником и, фактически, суперарбитром в сложном процессе мирных переговоров, направленных на прекращение гражданской войны. Как заявил колумбийский президент Хуан Мануэль Сантос, «главная заслуга в установлении контактов между правительством и партизанами ФАРК, инициировании мирных переговоров, выдвижении ясных и конкретных предложений по заключению мира, несомненно принадлежит Уго Чавесу, который приложил огромные усилия для достижения исторического компромисса в Колумбии»⁷⁹.

Политические противники Чавеса обвиняли режим в коррупционности, авторитаризме и экономической некомпетентности. Конечно, коррупция имела место — так бывало и бывает всегда в нефтедобывающих странах, где есть много «легких» денег. «Режим был авторитарен», — утверждает оппозиция. Да, в нем были ярко выраженные элементы авторитаризма (как и во всех случаях, когда к власти приходит харизматический лидер). Но если взять некую «шкалу авторитарности», то Чавес занял бы в ней самое «демократическое» место. Не было цензуры, не было арестов по политическим мотивам; все кардинальные вопросы решались голосованием, причем большинство беспристрастных обозревателей считают их самыми демократичными (не в пример США и другим странам «зрелой демократии»).

Что касается обвинения в экономической некомпетентности, то безусловно правительство совершало ошибки. Но нельзя забывать, что это происходило в условиях глобального экономического и финансового кризиса. И что почти все страны мира столкнулись с теми же проблемами и были вынуждены прибегнуть к политике «жесткой экономии» (синоним резкого сокращения зарплат, социальных выплат и пособий, роста налогов для простых граждан). Конечно, трудно сказать, как сложилась бы судьба Венесуэлы, если бы Чавес не умер. Его реформы остановились на полпути. Да и при жизни он подвергался критике как слева, так и справа. Оппозиция вменяла в вину Чавесу, что он проводит реформы за счет «среднего класса» и богатых венесуэльцев. Хотя со-

⁷⁷ Lapper R. La Vida con Hugo. Política de Estados Unidos hacia la Venezuela de Hugo Chávez. Consejo de Relaciones Exteriores. 20.11.2006. N.Y., 2006. P. 15.

⁷⁸ América Latina y el Caribe: multilateralismo vs. soberanía / Ed. by F. Rojas Aravena. Buenos Aires, 2011. P. 6-10.

⁷⁹ *El Periódico*. Madrid. 06.03.2013.

гласно исследованиям американских социологов, самую большую поддержку Чавес получал именно от «среднего класса», который укрепился и расширился за счет выходцев из «низов»⁸⁰.

Безусловно, «боливарианская революция» не могла излечить в столь короткий исторический срок главные язвы общества — коррупцию и преступность, хотя и в этом направлении правоохранительные органы добились значительных успехов. Чавес неоднократно с горечью отмечал, что в его окружении скопилось много приспособленцев, которые ради политических и экономических выгод одевают красные рубахи, напяливают береты десантников и громче всех кричат: «Боливар — это Чавес прошлого! Чавес — это Боливар настоящего и будущего!»⁸¹. Много таких проходимцев скопилось вокруг национализированных предприятий. Вполне возможно, эта прослойка со временем заболтала бы и поглотила все прогрессивные начинания Чавеса. Сознвая эту опасность, Чавес предложил свой, самобытный путь для ее предотвращения, искал решение этой проблемы в низовой, общинной организации общества.

УРОКИ ДЛЯ ЭЛИТ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАН

Идеи «социализма XXI века» несомненно приобрели популярность не только в Латинской Америке, но и во всем мире. Необходимо отметить, что именно Чавес сыграл большую роль в повторном введении в оборот и популяризации термина «социализм», который был затоптан либералами и неолибералами после развала СССР, социалистического лагеря, «реального социализма», а также деградации международного рабочего и социалистического движения. Уточнение исторических рамок — «социализм XXI века» — говорит о том, что Чавес пытался дистанцироваться от социалистической теории и практики XX в., оторваться от догматизма, навязывания массам «воли партии», дать больший простор национальным особенностям, традиционализму, «прямой демократии», исходящей от народа.

Эти поиски особенно важны в настоящий момент, когда все человечество пытается выйти из многостороннего цивилизационного кризиса.

⁸⁰ *Lupu N.* Who votes for chavismo? Class Voting in Hugo Chávez's Venezuela // *American Research Review*, Vol. 45, No. 1, 2010.

⁸¹ *Mayorca J.* Delincuencia organizada y poder político en Venezuela // *Policy Paper*. Friedrich Ebert Stiftung. Programa de Cooperación en Seguridad Regional. Septiembre de 2010. Bogotá, 2010; *González Medina E.* Venezuela, capitalismo de estado, reforma y revolución. Caracas, 2011. P. 79-83.

С этой точки зрения теоретик миросистемного анализа И. Валлерстайн так описывает вклад Чавеса: «Его величие состоит прежде всего в том, что он громче всех бил в набат и призывал людей к решению острейших проблем структурного кризиса капитализма на развилке двух возможных выходов из того хаоса, в который угодила миросистема. Нам жизненно необходимо развернуть широкую дискуссию по вопросу будущего человечества. Если мы не сможем разработать четкие ориентиры, то не сможем одержать победу над теми, кто приведет мир к некапиталистической системе, которая воспроизведет худшие черты капитализма: иерархичность, эксплуатацию и поляризацию общества»⁸².

Конечно, все вышесказанное вряд ли сможет поколебать твердолобых сторонников «свободного рынка», засевших во властных структурах практических всех стран периферийного капитализма. Они придерживаются «неолиберализма». Но дело не в том, как они называют свой «политический курс». Все названия и термины используются чаще всего в качестве камуфляжа для самообогащения. Например, в нашем отечестве раньше для той же цели использовались партбилеты и догмы марксизма–ленинизма. Потом, когда представилась возможность выйти за скромные пределы номенклатурного уровня и приватизировать целиком всю страну — в ход пошли «демократия», «свободный саморегулируемый рынок».

Эти мантры очень нравятся номенклатуре периферийных стран, так как не надо вообще заниматься ничем (ни планированием, ни руководством экономикой), помимо «откатов», приватизации и рейдерства. На все вопросы критиков готов один ответ: «рынок сам все отрегулирует». Когда же после мирового кризиса конца «нулевых» годов США и их союзники перешли к стратегии «управляемого хаоса» в периферийных странах с полным истреблением политической, экономической и научной элиты, там, наконец, поняли порочность этого курса и завели речи о «патриотизме», «суверенной демократии», «усилении роли государства в экономике», необходимости «реформ и модернизации», «повышении конкурентоспособности и эффективности». Однако за этими терминами–пустышками зачастую стоит тот же губительный для государства частный интерес. Доказательств много: они в огромном размахе коррупции, продолжающемся оттоке награбленных средств в оффшоры и вообще любых капиталовложений в заграничные сделки (лишь бы не оставались внутри «этой страны»).

Темпы приватизации не только снижаются, но даже возрастают в условиях «модернизации» и «суверенизации». Для большинства пред-

⁸² *La Jornada*, México, 30.03.2013.

приятый это означает приход «эффективных менеджеров», которые назначают себе многомиллионные оклады, сокращают персонал, создают для оставшихся невыносимые условия труда, добивают до окончательного износа оборудование и когда наступает логический финал (в виде аварий и техногенных катастроф), распродают по дешевке ненужные «остатки» и, как стая стервятников, перелетают на новые жертвы, приготовленные для заклания алчной «элитой».

Пока в периферийных странах коренным образом не изменится внутренняя и внешняя политика, самые привлекательные и «правильные» лозунги будут оборачиваться новыми потерями и кризисами. Если большинство венесуэльцев убеждены, что реформы Чавеса (как и полагается любым реформам) были направлены на улучшение положения во всех секторах экономики, то в извращенной, «пост-модернистской» реальности стран «мировой периферии» слово «реформа» означает крах для целых отраслей (обороны, науки, образования, здравоохранения). Если в Венесуэле слово «модернизация» означает (по определению) строительство новых предприятий и выход существующих на современный технологический уровень, то во многих других странах то же слово означает чаще всего предлог для закрытия «неперспективных и неконкурентоспособных» заводов, КБ, НИИ и захват экономики страны зарубежными фирмами и корпорациями (которые пользуются полной — экономической, политической и военной поддержкой своих государств, невзирая на степень «эффективности»). Что же касается главного предмета вождения — денег, то известно, что в американских банках заморозили незаконно присвоенные средства А. Пиночета (более десяти миллиардов долларов), которые были перечислены на секретные счета этим «кристально честным генералом» — ими не смогли воспользоваться ни сам диктатор, ни члены семьи после его смерти. Такая же участь постигла и средства многих других диктаторов — бывших союзников США. Развитые страны не гнушаются и незаконными (по «праву сильного») изъятиями денег с банковских счетов, по примеру кипрской реквизиции средств российских «олигархов». Не вышли на Западе из употребления и убийства иностранных нуворишей, мечтавших о спокойной зажиточной жизни в «культурных» странах. Их капиталы бесследно исчезают в бездонных сейфах Уолл-Стрита и других финансовых столиц мира.

Эти тревожные сигналы, а также боязнь внутренних конфликтов заставляют «элиты» уделять больше внимания армии и полиции, тратить значительные средства на вооружения. Все чаще они ориентируются на установление диктатуры, наподобие хунты Пиночета. Опыт чилийского диктатора привлекает их тем, что при полном подавлении политических

свобод, полном запрете всех партий и общественных организаций и жесточайших репрессиях проводится все та же развальная «неолиберальная» политика приватизаций и «свободного рынка». Однако переход к ужесточению внутренней политики не заполнит зияющей пропасти между горсткой «элиты» и обездоленным народом, еще больше подстегнет вакханалию коррупции и рост преступности. А в условиях, когда мировое правительство активно проводит в странах периферийного капитализма стратегию «контролируемого хаоса», считая ее наиболее удобной для поддержания своего господства, организация внутренних конфликтов и гражданских беспорядков станет нетрудным делом для поднаторевших специалистов из Лэнгли и института Эйнштейна. Да и без их участия недовольство масс неизбежно приведет к конфронтации.

Весь мир стремительно приближается к исторической развилке, где будет решаться судьба человечества, да и само его существование. Либо «элиты» со всем награбленным «добром» будут похоронены политически (а возможно и физически) в хаосе гражданских войн и конфликтов — либо они должны заполнять вакуум между полюсами социальной несправедливости, что неизбежно означает перераспределение расходов в пользу «низов», нормальное управление экономикой (к которому во многих странах так и не приступали дилетанты-министры), национализацию сырьевых ресурсов и планирование.

В этом отношении опыт венесуэльского президента — проведение прогрессивных реформ в экономике при максимальной заботе о политических свободах, честных выборах и уважении к оппозиции — может оказаться полезным для тех политиков, которые еще не потеряли окончательно разум в погоне за зелеными бумажками. Драматическая история семнадцати лет «боливарианской революции» дает несколько очевидных уроков. Главный из них состоит в том, что для выхода из кризиса властям необходимо заботиться об интересах народа, взять в свои руки управление экономикой, национализировать крупнейшие предприятия и проводить плановую, целенаправленную политику по обеспечению национальных интересов. Надо создать независимую от властей избирательную систему, низовую общественную структуру, обладающую правом голоса в решении общенациональных проблем, огорить равноправие всех коренных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев О.Ю.* Конституционно-правовое развитие Венесуэлы // Вестник МГИМО. № 2. 2010.
- Сапожников К.Н.* Уго Чавес: одинокий революционер. М., 2011.

- ALBA ¿Una nueva forma de integración regional? / Ed. by J.A. Borbón. Buenos Aires, 2011.
- Arnoux E.* El discurso latinoamericanista de Chávez. Caracas, 2008.
- Blixen S.* Chávez: 48 horas en la vida de Chávez. Montevideo, 2005.
- Bolívar S.* Doctrina del Libertador. Caracas, 1985.
- Casal J.M.H.* Constitución y justicia constitucional. Caracas, 2006.
- Ceresole N.* Caudillo, Ejército, Pueblo: La Venezuela del Comandante Chávez. Caracas, 1999.
- Chávez Frías H., Grabivker M.J.* Venezuela: Integración Latinoamericana y Cooperativismo. Caracas, 2004.
- Chávez Frías H., Rinaldi S.* La unidad Latinoamericana. México, 2006.
- Chávez Frías H., Chaparro C.* “El que me acuse de dictador es un ignorante”: frases de Hugo Chávez. Caracas, 2007.
- Chávez H.* Chávez, Venezuela and the New Latin America. N.Y., 2005.
- Conway C.* The Cult of Bolívar in Latin American Literature. Miami: University Press of Florida, 2003.
- Eisenstadt, S.N.* Max Weber on Charisma and Institution Building. Chicago, 1968.
- García Ponce G.* La fuga del cuartel San Carlos. Caracas, 1991.
- González Irago C.* Venezuela Human Rights and democracy (1999–2009). Bloomington (IN), 2013.
- González Medina E.* Venezuela, capitalismo de estado, reforma y revolución. Caracas, 2011.
- Gott R.* Hugo Chavez and the Bolivarian Revolution. N.Y., 2011.
- Gott R.* In the Shadow of the Liberator: Hugo Chávez and the Transformation of Venezuela. L.: Verso, 2000.
- Haggerty R.* Venezuela: A Country Study. Wash., 1990.
- Jones B.* Hugo! The Hugo Chávez Story from Mud Hut to Perpetual Revolution. Hanover (New Hampshire), 2007.
- Kozloff N.* Hugo Chavez: Oil, Politics and the Challenge to the U.S. N.Y., 2007.
- Loewenstein K.* Max Weber's political ideas in the perspective of our time. Boston, 1966.
- Lupu N.* Who votes for chavismo? Class Voting in Hugo Chávez's Venezuela // American Research Review. Vol. 45, No. 1, 2010.
- Madsen D., Snow P.G.* The Charismatic Bond: Political Behavior in Time of Crisis. Cambridge (Mass.), 1991.

- Marcano C., Barrera Tyszka A.* Hugo Chávez: The Definitive Biography of Venezuela's Controversial President. N.Y., 2007.
- Petkoff T.* Chávez: Una segunda opinión. Caracas, 2000.
- Solórzano F., Grillo T.* El Caracazo. Caracas, 2007.
- Tapia J.* Maisanta: El último hombre a caballo. Caracas, 1974.
- Velasco Alvarado J.* La Revolución Peruana. Buenos Aires, 1973.
- Velásquez Rivera É.J.* El Golpe de Estado en Venezuela. Caracas, 2003.
- Weber M.* Economy and society. Berkeley, 1978.
- Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe, 1947.
- Wilpert G.* Coup Against Chavez in Venezuela: The Best International Reports of What Really Happened in April 2002. N.Y., 2003.

*А.А. Щелчков**
A.A. Schelchkov

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ

**КУЛЬТУРНАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В БОЛИВИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

THE LEFT ALTERNATIVE TO NEOLIBERALISM

**THE CULTURAL AND DEMOCRATIC
REVOLUTION IN BOLIVIA**

Аннотация: Конец XX – начало XXI веков в Боливии ознаменовались резкой сменой векторов общественного развития: от попытки демократических преобразований на основе союза традиционных левых и националистов к неолиберальному рваншу и затем осуществлению успешных леворадикальных реформ на новой идейной основе левого индеанизма, пересмотревшего не только социально-экономические основы развития государства и общества, но и базовые принципы национальной идентичности и самосознания нации. Леворадикальный проект с опорой на индейское и крестьянское движение дал образец успешного «левого поворота» в Латинской Америке в XXI веке. Анализу основных направлений развития Боливии в конце XX – начале XXI вв. посвящена данная статья.

Ключевые слова: неолиберализм, левый индеанизм, Боливия, па-чамамизм, Эво Моралес.

Abstract: The end of XX – beginning of XXI centuries in Bolivia was marked by giant changes of social development: from the

* *Андрей Аркадьевич Щелчков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Andrey A. Schelchkov* — Insitutte of World History) sch2000@mail.ru.

collapse of democratic reforms, based on the union of traditional lefts and nationalists to neoliberal revenge and then to implement a successful left-radical reforms on a new ideological basis of the left indianism, reformed the socio-economic bases of development of state and society and also the basic principles of national identity and self-consciousness of the nation. Left radical project based on Indian, peasant movements gives a sample of the successful “left turn” in Latin America of XXI century. This article is devoted to the analysis of the main directions of development of Bolivia at the end of XX – beginning of XXI centuries.

Keywords: neoliberalism, left indianism, Bolivia, pachamamism, Evo Morales.

Боливия в начале XXI в. предстала перед миром страной, в течение двух десятилетий прошедшей путь от «несостоявшегося государства» до одной из самых динамично развивающихся в Латинской Америке, к тому же давшей редчайший пример экономически и социально успешной модели общества, предложенной леворадикальными политическими силами. Путь к этому новому этапу развития Боливии лежал через крах традиционного левоцентристского союза коммунистов и левых национал-реформистов в 80-е годы XX в. и последовавшую за ним неолиберальную перестройку в 90-е годы.

Пришедшая к власти после падения военного режима в 1982 г. левоцентристская коалиция Народно-демократическое единство (УДП) во главе с Э. Силесом Суасо в составе Левого Националистического революционного движения (МНРИ), просоветской компартии и Левого революционного движения (МИР) оказалась неспособной реагировать на постоянно меняющуюся социально-политическую обстановку в городе и деревне. Экономика катилась под откос. Боливийский рабочий центр (КОБ) на меры стабилизации отвечал всеобщими забастовками, блокадами дорог, голодовками и маршами. Профсоюзы требовали 400% повышения зарплаты¹. На самом деле зарплата, несмотря на её индексацию, постоянно снижались из-за гиперинфляции. Если в ноябре 1982 г. минимальная зарплата составляла 42 доллара, то через год уже 33, в ноябре 1984 г. только 20². Общественное мнение и пресса обвиняли в хао-

¹ *Ibáñez Rojo E.* The UDP Government and the Crisis of the Bolivian Left (1982–1985) // *Journal of Latin American Studies*. No. 32, 2000. P. 192-193.

² *Dunkerley J.* Political suicide in Latin America and other essays. London: Verso, 1992. P. 191.

се именно профсоюзы, перед давлением которых правительства шло на уступки, раскручивая спираль инфляции. Когда в мае 1984 г. кабинет принял требования КОБ, цены вновь взлетели. Товары исчезли из магазинов. Это был полный коллапс экономики. Сбор налогов упал с 9% ВВП в 1980 г. до 1,3% в 1985 г. Уже в конце 1983 г. было ясно, что Боливия стоит на краю пропасти: ВВП упал на 6%, дефицит бюджета составил 8% ВВП. Без доступа к внешним займам государственный дефицит покрывался за счет эмиссии. Инфляция к началу 1985 г. достигла 14.000% в год³.

Крах правительства УДП был полным. Досрочному уходу президента Боливии Силеса Суасо и роспуску УДП предшествовал скандал, связанный с «делом Отасо», в значительной мере ускоривший отставку президента. В 1984 г. Рафаэль Отасо, один из основателей Националистического революционного движения (MNR — МНР)⁴, ближайший сподвижник Силеса, занимавший пост президента Совета по борьбе с наркоторговлей, признался, что в июне 1983 г. по поручению Силеса вел переговоры с наркобароном Р. Суаресом о предоставлении последним займа в 1 млрд. долларов для решения текущих экономических проблем страны. Более того, Р. Отасо также назвал имена ряда депутатов от УДП, связанных с наркобаронами. 7 сентября 1984 г. Силес уволил Отасо, объявив его психически больным. Однако дело зашло слишком далеко, и Конгресс стал готовить импичмент президента. Посол США Эдвин Карр поддержал Силеса, так как опасался, что резкая смена правительства приведёт к краху боливийской демократии и станет ширмой для захвата власти наркобаронами. В результате компромисса с оппозицией Силес объявил о досрочных президентских выборах в 1985 г.

Провал УДП фатально отразился на судьбе левых партий. Партия МИР, ответственная за самые ошибочные экономические шаги правительства УДП, находясь в оппозиции, не выдержала испытаний и раскололась на социал-демократическое, либеральное крыло во главе с Хайме Пас Саморой, амбициозным и харизматическим лидером, за которым пошла большая часть партии, и на лево-революционное, синдикалистское. Компартия (КПБ) также не пережила кризиса УДП. Влияние компартии как в обществе в целом, так и в профсоюзах практически сошло на нет. Крах УДП стал концом практически всех традиционных левых партий Боливии.

³ *Dunkerley J. Political suicide in Latin America. P. 191.*

⁴ Национал-реформистская партия, главная движущая сила Национальной революции 1952 г., ведущая политическая сила страны с 40-х годов XX в.

После выхода КПБ из правительства в нем остались технократы, которые пытались остановить гиперинфляцию проведением чисто монетаристской политики и либерализацией цен. В феврале 1985 г. правительство провело очередную девальвацию и разрешило поднять цены на основные товары народного потребления. Положение рабочих масс, особенно шахтеров, стало отчаянным: на рудниках не было ни продовольствия, ни средств на его закупку по новым ценам. Тогда КОБ принял решение о начале прямых действий, призвав к самоорганизации масс путем создания народных комитетов на местах, т.е. фактически к организации параллельной власти⁵. 7 марта КОБ объявил всеобщую забастовку в стране, включавшую блокаду дорог крестьянами. Жизнь страны была парализована.

20 марта после двухнедельного хаоса и паралича власти военные предложили Силесу навести порядок и разблокировать дороги. После вмешательства военных глава КОБ Хуан Лечин подал в отставку, а забастовка стала сворачиваться самими рабочими. Хотя в апреле – мае 1985 г. правительство пошло на некоторые уступки КОБ: вновь была увеличена зарплата за счет ограничения выплат по внешнему долгу⁶, тем не менее, это было крупнейшее поражение рабочего движения. После трех лет катастрофического правления левых революционное давление синдикалистов на правительство без попыток взятия власти и ответственности уже не находило поддержки народных масс.

1985 год — это пик кризиса национал–реформистской модели, в рамках которой шло развитие Боливии после Национальной революции 1952 г. До 1985 г. политика всех без исключения правительств была направлена на строительство государственного капитализма. Государство постоянно инвестировало в экономику, в 70–80-е годы эти суммы составляли 15–16% ВВП, причем из них в 70-е годы 6,5% были получены за счет внутренних ресурсов, а в 80-е — уже 20,5%. Главным источником финансирования был внешний долг. Получаемые долговые деньги тратились нерационально. Самые известные примеры провальных проектов — это металлургические заводы в Карачипампа, куда было вложено 200 млн. долларов, и в Ла-Палька, которые так и не начали работать из-за отсутствия сырья.

Долг использовался для покрытия государственного дефицита, который в свою очередь возникал из-за необходимости финансировать госпредприятия. Дефицит рос в геометрической прогрессии: в 1979 г. он

⁵ *Lazarte R.J.* Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia. (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz: EDOBOL, 1989. P. 153.

⁶ *Dunkerley J.* Political suicide in Latin America. P. 192.

составил 4,9% от ВВП, в 1982 г. — 22,3 %, а в 1984 г. — 30,6%. Боливия занимала первое место в Латинской Америке по количеству занятых в государственном секторе. В 70–е – 80–е годы число рабочих государственной горнорудной компании КОМИБОЛ увеличилось с 23.700 до 26.500 человек, а себестоимость продукции за 10 лет выросла на 45%. На зарплату государственным рабочим и служащим тратилось 10% ВВП (большие цифры в регионе давала только Куба)⁷.

Однако начиная с 1979 г. получать внешние кредиты стало труднее. Рост дефицита бюджета страны, огромный груз малоэффективного, нерентабельного госсектора вызвали к жизни гиперинфляцию с её разрушительными для экономики и общества последствиями. Пришли в упадок и стали абсолютно неэффективными как идеологемы национал-реформизма, так и инструменты управления обществом с сильными профсоюзами, мощным государственным сектором в экономике. Предстояла радикальная смена парадигмы развития, что осознавали все ведущие политические силы страны, прежде всего партия МНР, которая провозгласила курс на неолиберальную экономическую политику и укрепление представительного республиканского режима.

БОЛИВИЯ В 90–Е ГОДЫ НОВАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14 июля 1985 г. состоялись всеобщие выборы. Относительное большинство — 28,56% получил бывший военный диктатор Уго Бансер от правой партии Демократическое националистическое действие (ADN — АДН), за ним шел Виктор Пас Эстенссоро (МНР) — 26,47%, и ставший умеренным социал-демократом Хайме Пас Самора (МИР) — 8,84%. Левым на президентских выборах досталось не более 2,2%. Однако в Конгрессе у МНР было больше мест, чем у АДН, и В. Пас склонил партию Силеса и миристов к поддержке более близкой им МНР⁸. Впервые за всю историю Боливии Конгресс избрал президентом кандидата, занявшего второе место по числу голосов. 6 августа 1985 г. В. Пас Эстенссоро в четвёртый раз вступил в должность президента республики.

29 августа 1985 г. был опубликован исторический декрет № 21060, объявивший о введении «новой экономической политики» (нэп). Речь

⁷ Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea. La Paz: Edobol, 1999. P. 176-188.

⁸ *Trigo O'Connor d'Arlach E.* Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. La Paz: Comunicaciones El País, 1999. P. 153.

шла о кардинальном реформировании боливийского общества на принципах неолиберализма. В своём послании к нации Виктор Пас, описывая катастрофическое положение в стране, заявил: «Боливия умирает»⁹. Президент указал: «Падение ВВП в предыдущие годы является беспрецедентным в нашей истории: в 1981 он упал на 4,1%, в 1982 г. — на 11,1%, в 1983 г. — 10,1%, а 1985 г. оценивается в 7,3%». Гиперинфляция достигла рекордных цифр, и без ее преодоления было невозможно говорить о какой-либо экономической стратегии. В качестве анекдота президент Пас сообщил, что цена печатания новых банкнот превысила их номинальную стоимость¹⁰.

Идейными отцами нэпа были профессор Гарварда Джеффри Сакс и один из лидеров МНР, председатель Сената Гонсало Санчес де Лосада, возглавивший в августе 1985 г. комиссию по экономическому реформированию. Первоначально Дж. Сакс предложил свою программу АДН, но после избрания президентом Виктора Паса МНР полностью приняла её¹¹. Декрет вводил свободный режим внешней торговли, снижал таможенные пошлины и сборы, снимал все ограничения трудового законодательства по увольнению работников, замораживал государственные расходы, ограничивал дефицит бюджета, который отныне практически полностью финансировался за счёт продажи газа в Аргентину и Бразилию¹².

Социальные издержки декрета были огромны. Только за первый год его действия зарплата сократилась фактически вдвое, около 10% занятых в госсекторе потеряли работу. Только в сельской местности без работы остались 25 тыс учителей¹³. Как и следовало ожидать, нэп вызвал ожесточённое сопротивление со стороны профсоюзов. После опубликования декрета КОБ объявил всеобщую забастовку. Правительство просило перемирие на 1 год, а забастовка была объявлена незаконной. 10 сентября власти заявили, что пойдут на переговоры с КОБ только после окончания забастовки. Военные решительно поддержали В. Паса, а крестьянские организации остались нейтральными. К 16 сентября забастовка стала сходить на нет, заработали банки, учреждения, школы. Чувствуя усталость

⁹ *Ascarrunz Rodríguez E.* La palabra de Paz. Un hombre, un siglo. La Paz: Plural, 2008. P. 24.

¹⁰ *Mayorga Ugarte J.A.* Gonismo. Discurso y poder. La Paz: Plural, 2007. P. 112.

¹¹ Впоследствии эту программу практически полностью приняли К.С. Менем в Аргентине и К.А. Перес в Венесуэле.

¹² Государственная нефтегазовая компания ИПФБ давала в 1983 г. 12,7% поступлений в бюджет, а в 1986 г. эта цифра уже составляла 56,7% — *Dunkerley J.* Political suicide in Latin America. P. 213.

¹³ *Dunkerley J.* Political suicide in Latin America. P. 212.

населения, лидер КОБ Х. Лечин предпринял неофициальные контакты с МНР, что было расценено им как слабость. Ответом на это стало требование правительства о капитуляции профсоюзов¹⁴. 19 сентября было объявлено осадное положение, профлидеры, в том числе и Лечин, были арестованы и депортированы в удалённые районы страны. КОБ ушел в подполье, а забастовка прекратилась. Только горняки продолжали стачку, но теперь их главным требованием было освобождение рабочих лидеров и отмена осадного положения. Марш 10 тыс шахтеров на Ла-Пас был остановлен армией¹⁵. КОБ прекратил забастовку 2 октября 1985 г.

В октябре 1985 г. катастрофически упали цены на олово. Правительство объявило о массовых увольнениях в КОМИБОЛ. Фактически речь шла о ликвидации оловодобывающих рудников. В течение года после октября 1985 г. было уволено 21.000 из 27.000 рабочих. Это был конец КОМИБОЛ. Но также это был конец организованного рабочего движения, ударным отрядом которого всегда были горняки. В ноябре профсоюзы уже соглашались на все уступки, в том числе на отмену всех льгот, воскресных дней, лишь бы остановить закрытие шахт¹⁶. С ноября 1985 г. правительство могло игнорировать КОБ и все другие профсоюзы. Одна из задач неолиберальной революции — разрушение профсоюзного движения и двоевластия с КОБ — была выполнена.

Неолиберальные реформы активно поддерживали предприниматели так называемой «средней горнорудной промышленности» — частных рудников, в отличие от КОМИБОЛ показывавших пример эффективности. В 80-90-е на рынке доминировали три крупных частных горнорудных корпорации IMCO, EMUSA, COMSUR (её главным акционером был Г. Санчес де Лосада, министр планирования в правительстве В. Паса). Этот сектор экономики более других преуспел в годы нэпа, распространил своё влияние на новые отрасли, вкладывая средства и скупая банки, а также сельскохозяйственные предприятия на востоке страны. Эти предприниматели стали главной политической опорой и бенефициарами неолиберальной политики.

В первые годы нэпа была достигнута финансовая стабилизация, обуздана инфляция. В.Пас не собирался полностью платить внешние долги. Частные банки получали выплаты крайне малыми порциями. Часть долга боливийское правительство скупило по дешевке, так как

¹⁴ Lazarte R.J. Movimiento obrero. P. 153.

¹⁵ La lucha del sindicalismo revolucionario. 1984–1987. De traición udepista a la dominación oligárquica. Informe del CEN de la COB. Santa Cruz, 1987. P. 48-49.

¹⁶ Lazarte R.J. Movimiento obrero. P. 171.

болливийские бумаги стоили на рынке 8-10% номинала¹⁷. Финансовые рынки позитивно отреагировали на перемены в Боливии, и правительство страны сумело этим воспользоваться. Боливия добилась частичного списания внешнего долга в 1988 г. и в 1992 г., а затем и по программе НРС («Бедные страны с высокой задолженностью») в 1998 г.

Начиная с 1985 г. все правительства проводили активную и очень инициативную политику либерализации экономики и реформирования политической системы, что сделало из Боливии одну из самых динамично развивающихся стран континента. Правительство Гонсало Санчеса де Лосады (1993–1997) под именем «капитализации» фактически осуществило приватизацию госпредприятий: было проведено акционирование, причём вырученный от продажи акций капитал, а также государственная их доля передавались в Пенсионный фонд. Таким образом, Г. Санчес де Лосада избавил государство от груза пенсионного обеспечения и ввёл накопительную систему пенсий. К 1997 г. в частных руках находилась практически вся экономика: крупнейшие предприятия, инфраструктура, связь, транспорт, водоснабжение, газ, нефть, горнорудная промышленность.

В первые годы нэпа продолжался спад в экономике — около 3%, затем в конце 80-х начался медленный рост — 2-3% в год. По данным Всемирного банка в период с 1987 по 1998 г. экономический рост составил в среднем 4,1% в год¹⁸. Внешний долг Боливии сократился в абсолютных и относительных цифрах: если в 1987 г. он составил 99,61% ВВП, то в 1996 г. — 60,7%¹⁹.

Однако со временем, к началу 2000-х годов потенциал роста в рамках неолиберализма был исчерпан. Экономическая модернизация, начатая гонизмом²⁰, по выражению исследователя Х.А. Майорга, «опиралась на предпринимателей, которые умели лишь растаскивать бюджетное финансирование, и на иностранные капиталовложения, а на самом деле привела к вывозу капитала и к экономическому застою»²¹. Неолиберальная политика сплотила правящий класс, консолидировала представлявшие его веду-

¹⁷ *Trigo O'Connor d'Arlach E.* Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. P. 157.

¹⁸ *Bareda M.* De la democracia pactada al proceso constituyente: ¿Hacia un nuevo modelo de gobernabilidad en Bolivia?// Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas (1993–2003) / Pilar Domingo (ed.). Barcelona: Bellaterra, 2006. P. 71.

¹⁹ *Bolivia en el siglo XX.* P. 188.

²⁰ Неолиберальная трансформация МНР была названа «гонизмом» по аббревиатуре «Gonnie» от английского варианта имени президента Гонсало Санчеса де Лосады, который многие годы провёл в США и даже по-испански говорил с некоторым английским акцентом.

²¹ *Mayorga Ugarte J.A.* Gonismo. P. 22.

шие политические силы. Впервые за многие годы между различными партиями был достигнут консенсус по большинству социально-экономических и политических вопросов. Если нэп означал радикальную структурную перестройку экономики, то «Пакт во имя демократии», заключённый 15 октября 1985 г. между МНР и АДП, стал основой политической реформы, которая исключила из системы принятия решений армию и профсоюзы. Это был поворот от режима соглашений между политиками, профсоюзами и военными к системе выборов и межпартийных договорённостей, легитимизирующей власть путем формальных процедур.

МНР шла на выборы 1989 г. с кандидатурой идеолога и главного вдохновителя нэп Санчеса де Лосады, занявшего место с 23,07%, за ним шел Бансер с 22,07%, и затем уже лидер МИР Х. Пас Самора — 19,64%. МИР представлял собой левую социал-демократическую альтернативу МНР и АДН. МИР шло в союзе с проалбанской компартией. Однако, видя перспективу победы МНР, Хайме Пас Самора заключил соглашение с правой АДН, в результате которого был избран президентом Боливии. В ответ МИР должна была поддержать Бансера на следующих выборах. Пас Самора не выполнил своего обещания — отменить декрет № 21060. В целом все параметры нэпа сохранились.

Главным политическим явлением на выборах конца XX – начала XXI в. было возникновение неопопулистских движений. Манипуляции с партийными союзами в Конгрессе при выборах президента вызвали недоверие избирателей к самой системе: в 1985 г. президентом стал кандидат, занявший второе, а в 1989 г. — третье место. К тому же по главным вопросам жизни страны позиции основных партий МИР, МНР и АДН все меньше отличались друг от друга.

В Боливии сложилась система управления, основанная на пактах и коалициях политических партий, порой имевших противоположные политические программы и идеологическую основу. Эта система выглядела абсолютно беспринципной и элитистской. Параллельно происходило усиление роли парламента в рамках президентской республики. Боливийская конституция предусматривала избрание президента конгрессом из кандидатов, набравших наибольшее количество голосов в случае, если ни один из них при прямом голосовании не получил абсолютного большинства. Этот факт с учетом того, что ни один из кандидатов в эти годы не получил 50%, превращал конгресс в важный орган формирования верховной власти. Данная ситуация позволила некоторым исследователям определить всю политическую систему Боливии как «парламентско-

президентскую»²². Эта система была более гибкой, способной на решение внутривнутриполитических конфликтов через договорённости, что выгодно отличало боливийскую систему от других президентских режимов в регионе.

«Демократия пактов», с одной стороны, укрепляла демократическую процедуру как таковую, а с другой, вела к дискредитации партий. Логичной реакцией на размывание отличий политической партий и их программ друг от друга был рост внесистемных движений, выражавших недовольство широких масс народа профанацией политической борьбы партиями, действия которых по заключению беспринципных союзов и коалиций сводили на нет влияние электората.

Оппозиционные настроения выразились в успехе новых популистских партий КОНДЕПА («Совесьь родины») и УСС (Гражданский союз солидарности). Важным фактором роста их популярности стало переселение тысяч семей шахтёров из горнорудных поселков в крупные города, что привело к резкому разрастанию бедных маргинализированных пригородов, таких как Эль-Альто в Ла-Пасе.

На муниципальных выборах в 1987 г. в Ла-Пасе победил лидер КОНДЕПА Карлос Паленке Авилес. Он был ярким радио- и тележурналистом, эпатаживавшим публику своим псевдонародным стилем. К. Паленке создал образ представителя новых городских аймара, маргинализированных и бесправных жителей пригородов, а также использовал маркетинговые технологии телепасторов пятидесятников для создания массовой поддержки своей партии²³.

Паленке дополняла «*comadre*» (кума) Ремедиос Лоса, типичная чола, то есть представительница метисных низов боливийских городов. Она первая в истории вошла в Конгресс в качестве депутата в костюме чоло. Пустая и демагогическая, но расово сориентированная программа в совокупности с удачным образом индейца-чоло обеспечили К. Паленке и КОНДЕПА уверенную победу в Ла-Пасе на всеобщих выборах 1989 г. КОНДЕПА заняла первое место — 121.024 голоса, против 82.524, поданных за АДН, ставшей второй. Однако провинция и деревня голосовали традиционно, суммарно снизив впечатляющий результат КОНДЕПА. Отсутствие какой-либо программы превратило эту партию в персонаж многочисленных фарсов: её депутаты откровенно торговали своими голосами, примыкая то к одной, то к другой группировке²⁴.

²² *Bareda M.* De la democracia pactada al proceso constituyente. P. 65-69.

²³ *Stefanoni P.* “Qué hacer con los indios...” Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz: Plural, 2010. P. 121.

²⁴ *Моралес Айма Э.* Моя жизнь. От Ориноки до дворца Кемадо. Тула: Аквариус, 2015. С. 255.

Надо признать, что демонстративная беспринципность её лидеров мало влияла на популярность партии, что было признаком общего кризиса партийной и парламентской системы в Боливии. В начале 2000-х представительная демократия переживала глубочайший кризис: по опросу 2004 г. только 3% доверяли Конгрессу²⁵.

В 1993 г. на выборах вновь победила МНР. Президентом стал Гонсало Санчес де Лосада, один из творцов нэпа, крупнейший предприниматель (владелец горнорудной компании «Комсур»). Санчес де Лосада впервые применил новые избирательные технологии. Будущий президент страны Карлос Меса отмечал: «Усовершенствованная избирательная стратегия основывалась на чёткой методике опросов и специальных посланиях, не имевших аналогов в прошлом»²⁶. Вице-президентом Боливии впервые стал индеец Виктор Уго Карденас. МНР вновь встала во главе широкой левоцентристской реформистской коалиции, и благодаря этому ей удалось в 1993–1997 гг. провести, пожалуй, самые радикальные после 1952 г. преобразования.

Санчес де Лосада предложил «План для всех», в котором декларировалось политика борьбы с бедностью, предлагался проект пенсионной реформы, финансируемой ресурсами приватизации, которую стыдливо назвали «капитализацией». Большое внимание правительство уделяло народному образованию. На нужды просвещения впервые за всю историю Боливии в 1995 г. было направлено 4,5% ВВП²⁷.

Помимо приватизации («капитализации»), пенсионной и образовательных реформ, Санчес де Лосада предпринял масштабные политические преобразования государственного устройства, разрушив двухсотлетнюю традицию централистского унитарного государства, в чем его предшественники видели гарантию целостности Боливии.

В 1994 г. была проведена реформа конституции. Боливия впервые была провозглашена «мультиэтническим и плюрикультурным» государством. Срок президентских полномочий продлён до 5 лет, изменена система формирования Конгресса: вместо партийной представительной системы перешли к смешанной — половина депутатов стала избираться по партийным спискам, а половина по одномандатным округам. Было сокращено количество центральных министерств и ведомств: к 1997 г. их осталось всего 10.

²⁵ *Zuazo M.* ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz: Fundación Ebert, 2009. P. 25.

²⁶ *Меса Хусберт К.* Президентское правление в Боливии: между силой и законом. М.: ИЛА РАН, 2006. С. 183.

²⁷ *Stefanoni P.* “Qué hacer con los indios...” P. 119.

Поистине революционным шагом была реформа внутреннего управления. В 1994 г. был принят «закон народного участия», в основе которого лежала децентрализация управления и финансирования. Муниципалитеты стали главными получателями и распределителями финансовых ресурсов. Большая часть расходов теперь распределялись 311 муниципалитетами. Широкую автономию получили все муниципальные образования, но особенно это почувствовали сельские, составлявшие большинство, что обеспечило высокую степень автономии индейских общин и означало огромный прогресс в движении к самоуправлению индейских народов. С 1994 г. сельские муниципалитеты стали получать на 500% больше финансовых ресурсов²⁸. Индейские муниципалитеты стали играть большую роль в политике, что должно было интегрировать эти слои в неолиберальную модель развития, не подвергая опасности доминирование старых элит.

Как заметил крупный английский специалист по истории Боливии Дж. Дюнкерлей, закон народного участия был настолько революционным в области государственного устройства, что по последствиям его может сравнить с реформами вице-короля Толедо в XVI в., реформами Бурбонов в XVIII в., с завоеванием независимости Боливией и национальной революцией 1952–1953 гг.²⁹. Закон народного участия дал опыт «самоуправления» и реализации суверенитета группам, ранее исключённым из политической жизни, привёл к активизации общественной и политической деятельности там, где до сих пор царили традиционные схемы взаимодействия. Этот закон во многом подготовил бурные события первых лет XXI в.

Заслуга Санчеса де Лосады состоит в том, что он смог дополнить неолиберальные экономические реформы политическими преобразованиями, реально укрепившими гражданское общество в Боливии. В результате этих реформ произошёл демонтаж корпоративно-патерналистского государства, созданного революцией 1952 г. и партией МНР, в котором ведущую роль играли корпорации: КОБ, крестьянские каудильо, военные, бюрократия МНР. На смену ему пришло государство, строящееся на демократических принципах, где главную роль стали играть политические партии и их союзы.

На очередных выборах 1997 г. победил бывший диктатор Уго Бансер (умер в 2001 г.), набравший лишь 22,26% голосов против 18,2%, отдан-

²⁸ Bolivia en el siglo XX. P.87

²⁹ *Dunkerley J. Pachakuti en Bolivia (2008–2010). Diario personal // Bolivian Studies Journal. Pittsburgh. vol. 15–17. 2008–2010. P. 38.*

ных за МНР. МИР получила 16,77%. Однако третьей партией стала КОНДЕПА, также в первую пятёрку голосования с 16,11% вошёл «брат-близнец» КОНДЕПЫ популистский УСС. Это было последнее триумфальное выступление неопопулистов на выборах. Дело в том, что лидер УСС Макс Фернандес погиб в авиакатастрофе в ноябре 1995 г., а Карлос Паленке умер в марте 1997 г.³⁰ На следующих выборах партии этих лидеров фактически исчезли.

Бывший диктатор Бансер, получив власть в результате всенародных выборов, стал демократом и ревнителем формального выполнения конституции. В 1999 г. был принят закон о политических партиях, регламентировавший не только их деятельность, но и условия внутренней демократии, предписывая более открытую процедуру внутренних партийных выборов, что подрывало основы вождизма в партиях³¹.

С приходом к власти АДН сделало главный акцент на опережающие темпы роста, особенно с опорой на восточные департаменты страны. Лозунгом Бансера была ликвидация бедности путем обеспечения высоких, не менее 7% в год, темпов экономического роста. Однако в конце 90-х вновь упали цены на сырьё, и латиноамериканские экономики вошли в полосу депрессии. Боливийской экономике удалось сохранить рост вплоть до начала широкомасштабного кризиса в Аргентине, одном из основных потребителей боливийского газа³².

Одной из стратегических целей всех неолиберальных правительств, начиная с 1985 г., являлось изменение экономической структуры страны, а именно: вместо специализации на горнорудном экспорте шла переориентация на газодобычу, деревообработку и сельское хозяйство³³. В 1986 г. доля агробизнеса в экспорте поднялась до 16%, к концу 90-х до трети всего экспорта. Только площади под соей выросли с 1.100 га в 1972 г. до 513.190 га в 1997 г.³⁴

90-е годы привнесли серьёзные качественные изменения в политику государства в отношении индейских народов. Был принят закон о Национальном Институте по Аграрной реформе (1996), который окрестили второй аграрной реформой в Боливии. Согласно этому закону признана не-

³⁰ *Mesa Хусберн К.* Президентское правление в Боливии. С. 188.

³¹ *Lazarte J.* ¿Son necesarios aún los partidos políticos? La alternativa de las agrupaciones ciudadanas y de Pueblos indígenas // Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas (1993–2003) / Pilar Domingo (ed.) Barcelona: Bellaterra, 2006. P. 99.

³² Постепенно в 2000-е гг. Бразилия заняла первое место среди покупателей боливийского газа.

³³ *Perspectiva.* La Paz. No.13. Diciembre.1985. P. 26-27.

³⁴ *Zeballos H.* Agricultura y desarrollo económico. La Paz, 1988. P. 318.

отчуждаемой и неделимой мелкая крестьянская земельная собственность, крестьяне индейцы были освобождены от налогов, но главное, земли общин были окончательно признаны неотчуждаемыми, неделимыми и коллективными. Принятая в 1994 г. Конституция признала полное внутреннее самоуправление общины. В 1990 г. Боливия одна из первых ратифицировала 169-ую Конвенцию Международной организации труда о коренных народах, которое содержит международные гарантии сохранения самобытной культуры и образа жизни индейских народов.

ИНДЕАНИЗМ И НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛИЗМУ

Индийские организации в 90-е годы начинают играть важную роль в боливийской политике. В предыдущее десятилетие приобрело массовый размах индейское движение — катаризм³⁵. К концу 70-х в рамках этого крестьянского движения выделилось две течения: Индейское движение Тупак Катари (МИТКА) с узким культурно-этнологическим подходом, во главе которого встали Константино Лима и Лусиано Тапия, и Революционное движение Тупак Катари (МРТК) во главе с Хенаро Флоресом, Макабео Чилой и Виктором Уго Карденасом, представлявшее революционно-демократическое направление. Крайние индеанисты, такие как, например, Фаусто Рейнага³⁶ и его Индейская партия, считали, что освобождение индейцев должно быть достигнуто движением самих

³⁵ Катаризм — от имени Тупак Катари, вождя крупнейшего индейского восстания XVIII в. Движение возникло в 60-е гг. в среде интеллектуалов индеанистов: «Движение 15 ноября», «Центр крестьянской пропаганды и координации — МИНКА» (минка — форма общинной взаимопомощи у аймара), а в 1971 г. был образован Крестьянский центр Тупак Катари. В 1973 г. эти организации выпустили «Манифест Тиуанаку», в котором впервые ставились задачи национально-экономического освобождения индейцев в союзе с рабочим классом. В 1977 г. был опубликован второй «Манифест Тиуанаку», определивший место катаризма рядом с демократическими, левыми силами. — см. Щелчков А.А. Идеиная борьба в современном крестьянском движении Боливии // Латинская Америка: вопросы идеологии и политической мысли. М.: ИЛИА АН СССР, 1991. С. 49-58.

³⁶ За Фаусто Рейнагой закрепилась противоречивая репутация. Его индеанистские идеи захватывали многих, прежде всего политиков индейского происхождения, таких как Лусиано Тапия. Однако, имея Рейнагу своим идейным предшественником, катаристы все же отмежевались от него, прежде всего, из-за сотрудничества Рейнаги с режимом Бансера и официальной Крестьянской конфедерацией, придерживавшейся политики военно-крестьянских пактов. — *Tapia L. Ukhamawa Jakawisaxa (Asi es nuestra vida). Autobiografía de un aymara.* La Paz: Hisbol, 1994. P. 350-351.

индейцев, отрицая возможность союзов как с правыми, так и левыми партиями, а также с бело-метисными руководителями, так называемыми q'aras (все белые и метисы). Для Рейнаги «индейская революция» должна состоять в завоевании власти индейцами и восстановлении древнего «индейского социализма»³⁷.

Рейнага и его сподвижники, такие как К. Лима, говорили об индейской власти, о новом Туантинсуйо, об инкском социализме, соединенном с техническим прогрессом, когда все государство превратится в одну большую общину, айлью³⁸. Их лозунгом было: «ни с q'ara, ни с misti» (ни с белыми, ни с метисами), что стало причиной расхождения и последующего разрыва двух лидеров индеанизма Константино Лимы и Лусиано Тапии, стоявших у истоков политического индеанизма³⁹. Катаристы же видели себя частью общенационального движения за социальное освобождение, за «включенность» индейского населения в новое мультикультурное общество Боливии. «Твердые» индеанисты обвиняли катаристов во «внутреннем колониализме» и отказе от истинно индейских целей возвращения древней земли Колясуйо её исконным жителям⁴⁰.

В 1979 г. катаристам с помощью политиков из МИР удалось изолировать индеанистов из МИТКА и создать Единую конфедерацию крестьян Боливии (КСУТСБ) во главе с Хенаро Флоресом, которая вошла в КОБ. МИТКА провела свой альтернативный конгресс в Пакахес в апреле 1978 г., на котором приняла программу «Индейское правительство»⁴¹. Большое влияние в катаризме приобрело левое крыло, тесно связанное с профсоюзами и левыми партиями. Политическая платформа, принятая на 2 съезде КСУТСБ в 1983 г., охарактеризовала крестьянский синдикализм как «революционный, ибо мы боремся за власть трудящихся, крестьян, шахтёров, рабочих и других угнетённых, за наше освобождение от всех форм капиталистической эксплуатации и колониального угнетения,

³⁷ Pacheco D. El indianismo y los indios contemporáneos en Bolivia. La Paz: Hisbol, 1992. P. 37.

³⁸ Katarismo—Indeanismo ante la izquierda y la derecha // Willka. Revista anual. No. 5. El Alto, 2011. P. 153-154.

³⁹ Tapia L. Ukhamawa Jakawisaxa. P. 352-353.

⁴⁰ Katarismo—Indeanismo ante la izquierda y la derecha. P. 46-47.

⁴¹ В этой программе заявлялось, что «в Боливии вся индейская нация является пролетарской, в том числе и все крестьяне, которых КОБ называет мелкой буржуазией, и тот же КОБ копирует формы чужого социализма, который противостоит Общинному Социализму Индейской нации, воистину научному социализму, основы которого прошли проверку тысячелетий». — Pacheco D. El indianismo y los indios contemporáneos. P. 63.

за справедливое общество без эксплуататоров и эксплуатируемых»⁴². Преодолевая сугубо индеанистский подход, катаристы заявили о своем неприятии конфронтации с метисами и белыми (креолами).

Политическая смерть традиционных левых в 90-е годы вызвала к жизни новые антисистемные течения, опиравшиеся на индейское движение, катаристов и группы городских интеллектуалов. Начиная с 1988 г. КСУТСБ вступила в полосу упадка, будучи не в состоянии конкурировать с новыми организациями — Низовое крестьянское движение (*Movimiento Campesino de Base*) и Ось патриотической конвергенции. Часть катаристов создала этнически ориентированный Национальный комитет айлью и маркас Кольясуйо (*CONAMAQ*). Другие во главе с основателем катаристского движения Виктором Уго Карденасом⁴³ пошли на сотрудничество с неолиберальными партиями, приняв их версию мультикультурализма.

В то время как катаристы во главе с В.У. Карденасом сотрудничали с либеральными партиями, часть радикальных индеанистов во главе с Фелипе Киспе «Эль Мальку» с 1984 г. сделала ставку на вооружённую борьбу. Было создано подпольное движение «Красных айлью», затем преобразованное в 1989 г. в Партизанскую армию Тупак Катари (*ЕХТК – ЕГТК*)⁴⁴. В 1986 г. индеанисты нашли нового союзника среди левой городской интеллигенции — марксистскую группу Альваро Гарсии Линеры, будущего вице-президента страны. После поражений рабочего движения эти новые левые в лице индейского крестьянства увидели нового субъекта революции. Совместными усилиями они стали готовиться к вооружённой борьбе⁴⁵.

14 ноября 1990 г. ЕХТК провёл свой съезд в Чакалтайя, на котором присутствовало почти 200 человек. Было принято решение начать вооружённую борьбу 21 июня, в первый день андского нового года. В июне – июле 1991 г. были проведены подрывы линий электропередач и другие акции. Полиции удалось быстро арестовать Фелипе Киспе (он вышел на свободу только в 1997 г.) и Гарсию Линеру. После ареста Ф. Киспе на вопрос журналистов о целях восстания заявил: «Я не хочу, чтобы моя дочь была вашей прислугой»⁴⁶.

⁴² *Rivera Cusicanqui S.* Oprimidos pero no vencidos. Luchas del campesinado aymara y quechua. La Paz: Hisbol, 1986. P. 200.

⁴³ Его избрал Г. Санчес де Лосада (МНР) в 1993 г. в качестве вице-президента республики.

⁴⁴ *García Linera A.* Biografía política e intelectual. La Paz: Archipiélago, 2009. P. 7.

⁴⁵ *Stefanoni P.* “Qué hacer con los indios...” P. 112.

⁴⁶ *Katarismo–Indeanismo ante la izquierda y la derecha.* P. 65.

После выхода из тюрьмы Киспе возглавил крестьянскую конфедерацию при поддержке молодого лидера кокалерос (крестьян, выращивавших коку) Эво Моралеса. Киспе был инициатором блокад дорог и других акций. В ноябре 2000 г. он создал свою политическую партию Индейское движение Пачакути⁴⁷ (МИП), которое провозгласило своей целью разрушение креольского государства и строительства нового, на основе индейской общинности⁴⁸.

Эти радикалы–индеанисты создали политическую организацию, принимавшую мирные методы борьбы, «Ассамблею суверенитета народов» (АСП). Сначала им удалось провести успешные местные избирательные кампании в Кочабамбе, а в 1997 г. они завоевали четыре мандата в Конгрессе от союза «Единые левые — АСП», основу которого составляли коммунисты. АСП шла на выборы в союзе с коммунистами, так как избирательная комиссия отказалась зарегистрировать её как самостоятельную партию. Все депутаты АСП были крестьянами. Одним из них был лидер профсоюза производителей коки Эво Моралес Айма, вскоре ставший ведущим политиком страны. Моралес был избран по мажоритарному округу, получив самый большой процент голосов в стране — 61,8%.⁴⁹ Однако крестьяне и Эво Моралес тяготились зависимостью от левых политических партий и поставили себе задачу создание собственной⁵⁰.

Важной чертой этого периода был рост различных Неправительственных организаций (НПО – ONG), которые полностью заменили собой левые партии в профсоюзах и народных движениях. Среди НПО выделялся своим влиянием проект «Огонь» идеолога «пачамамизма» Давида Чокеуанки. Через НПО союзы производителей коки (кокалерос) установили прочные связи с индейскими крестьянскими организациями и профсоюзами, сделав Эво Моралеса единым лидером народной оппозиции режиму неолиберализма.

В условиях дискредитации партийной системы НПО искали форму организации, которая могла бы объединить различные народные движения, прежде всего индейские, в политической борьбе. Не желая использовать термин партии, индейское движение поставили задачу создания «политического инструмента» для антисистемных движений.

⁴⁷ Пачакути означает на индейских языках кечуа и аймара «новая эра».

⁴⁸ Лозунгом МИП было «индеанизировать белых», что по сути означало «индеанизацию» боливийского национализма и популизма.

⁴⁹ *Do Alto H. Un partido campesino en el poder. Una mirada sociológica del MAS boliviano // Nueva sociedad. No. 234. Julio – agosto de 2011. P. 99.*

⁵⁰ *Моралес Айма Э. Моя жизнь. С. 233-236.*

Прежде всего речь шла о движении профсоюзов сборщиков коки в Чапаре во главе с Эво Моралесом, которое приобрело особую силу в годы правления Бансера, когда власти под давлением США проводили политику полного запрета на этот промысел.

В 1997 г. АСП Моралеса решила попробовать свои силы. На президентских выборах она вновь выступила в союзе с коммунистами (Объединённые левые — IU), единым кандидатом в президенты стал Алехо Велис, а в вице-президенты — лидер компартии Маркос Домич. Однако в ходе кампании Моралес и Велис разошлись в оценке вклада различных сил коалиции в достижение результата на выборах. После неудачи на голосовании и разрыва Моралеса с Велисом, в 1998 г. АСП осталась за Велисом, а Э. Моралес создал «Политический инструмент народного суверенитета» (IPSP — ИПСП) как политическое представительство крестьянского профсоюза КСУТСБ. Идея этих крестьянских руководителей состояла в том, что крестьяне, индейцы нуждаются в собственной партии и не должны стремиться присоединиться к городским партиям или профсоюзам левой ориентации

Однако Высшая избирательная комиссия вновь отказалась зарегистрировать крестьянскую партию, и тогда Моралес «позаимствовал» название юридически признанной партии МАС, которую возглавлял левый политик Давид Аньес Педраса⁵¹. Это была партия, созданная после откола от старой фашистской Фаланги лево-социалистической фракции. В январе 1999 г. состоялся первый учредительный съезд новой МАС. В будущем партия Моралеса стала именоваться МАС-ИПСП, хотя по сути она так никогда и не стала партией, объединяя в своих рядах самые разнообразные левые, антикапиталистические, индеанистские, националистические организации и движения. В этой партии нет индивидуального членства, ее сторонники входили в профсоюзы или неполитические организации, НПО.

Недовольство населения экономической и социальной политикой обратилось против традиционных партий. Большинство боливийцев перестали устраивать механизмы партийного представительства, крепло желание создать иную систему, более коллективистскую, связанную с различными профессиональными, культурными и социальными корпорациями, вырабатывающими общую политику через механизмы прямого народовластия и диалога, а через неолиберальную модель, где доминировали интересы господствующих групп и капитала. Такой

⁵¹ МАС до этого выступала в союзе «Объединённых левых» (IU), от которого Эво Моралес избрался в 1997 г.

площадкой общественного диалога стала партия МАС — именно потому, что собственно партией оно не являлась, а представляло собой гибкую горизонтальную организацию сетевого типа, ставшую своего рода союзом различных групп и движений на самом базовом уровне⁵². С одной стороны, МАС являлась политическим инструментом индейских профсоюзов, прежде всего КСУТСБ и кокалерос, с другой стороны, она действовала как электоральный представитель многочисленных общественных движений, участвовавших в политической борьбе, что придавало МАС антисистемный образ и создавало своего рода новую политическую систему без политических партий⁵³.

МАС–ИСПС воспользовалась реформами децентрализации власти, проведённых в 90-е годы, которые создали множество новых избираемых местных властей (314 новых муниципалитетов) именно в сельской местности⁵⁴. Закон народного участия (1994) привёл к муниципализации страны, в условиях Боливии одним из ее последствий стала так называемая «фурализация» (окрестьянивание) политики. В короткие сроки после 1999 г. МАС–ИСПС, как союз крестьянских, индейских профсоюзов и кокалерос, завоевала большинство сельских муниципалитетов, став главной силой сельской Боливии, к которой переходила политическая гегемония. Впервые в истории страны крестьянская партия, опирающаяся почти исключительно на индейское население, стала ведущей силой Боливии, причём крестьяне были не союзниками или частью блока других сил, а основой партии⁵⁵. Однако для завоевания власти оставалось убедить в своей правоте города, где проживало больше половины населения страны. Для этого на выборах МАС выдвинул видных левых политиков, например, П. Рамоса Санчеса на пост мэра Ла-Паса. Электорат неопопулистов УСС и КОНДЕПА перешёл к МАС.

Важнейшим событием в истории продвижения к власти МАС–ИСПС стало начавшееся в 2002 г. соединение народной силы протеста, возглавляемого и олицетворяемого Моралесом, с новыми городскими левыми во главе с Альваро Гарсией Линерой. Он стал неформальным лидером кружка интеллектуалов «Коммуна», заявившего о своей цели создания новой модели народовластия и общинности, о противостоянии неолиберализму, приверженности посткоммунистическим идеалам ан-

⁵² *Tapia L.* La dinámica de la ciudadanía en la reforma del Estado y la sociedad civil // Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas. P. 182.

⁵³ *Komadina J., Geffroy C.* El poder del movimiento político. La Paz: PIEB, 2008. P. 94-98.

⁵⁴ *Zuazo M.* ¿Cómo nació el MAS? P. 42.

⁵⁵ *Do Alto H.* Un partido campesino en el poder. P. 95-96.

тиимпериализма и национального освобождения. Группа Гарсии Линеры настаивала на объединении с «плебейской» Боливией индейцев, городских низов, средних слоёв в борьбе с неолиберализмом при идеализации идентичности и дискурса левых сил.

Альваро Гарсия Линера, прошедший к тому времени несколько лет в тюрьме за создание Партизанской армии Тупак Катари, выделился как идеолог нового движения. Он делал ставку не на традиционных левых типа коммунистов и троцкистов и их идейный багаж, а на новое прочтение марксизма, ленинизма, европейской критической социальной философии⁵⁶. Его идеалом в те годы был полуанархическая модель самоуправления, общинности, прямой демократии.

МАС смогла противопоставить себя всей системе партий по ряду характеристик. Во-первых, являясь альянсом крестьянских профсоюзов и общественных организаций, партия и её лидеры опирались на горизонтальные связи, в ней отсутствовала вертикальная партийная структура, не было закрытых механизмов принятия партийных решений. Всякое решение базовых организаций не оспаривалось руководством. Во-вторых, жестко проводился принцип: мы не торгуем нашими голосами. Отказ от беспринципных альянсов, которыми грешили партии в период «демократии пактов», рисовал из МАС моральную и идеологическую крепость, которой она на самом деле не была. И, главное, партия представляла механизм представительства целых социальных групп, составлявших большинство населения страны⁵⁷.

НОВЫЕ НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Обострение внутренней ситуации пришлось на начало века. Президент Бансер выдвинул план «За достоинство», предполагавший уничтожение 38.000 га коки. Боливия соглашалась оплатить 15% от необходимых на его осуществление 952 млн. долларов. В середине декабря 1997 г. в качестве жеста доброй воли правительство уничтожило 7.000 га⁵⁸. Сопrotивление производителей коки в Чапаре фактически привело к гражданской войне, В марте – апреле 1999 г. производители коки

⁵⁶ Любимыми авторами Линеры были П. Бурдые, А. Грамши, А. Негри, боливийский социолог Р. Савалета Меркадо. Впоследствии Линера заявлял, что является поклонником Ленина и Робеспьера, называя себя «якобинцем». *Stefanoni P. La potencia plebeya... seis años después // La Migración. No.11. 2014. P. 62.*

⁵⁷ *Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? P. 12.*

⁵⁸ *United States and Latin America: the new agenda. London: ILAS, 1999. P. 198.*

и крестьянские профсоюзы провели мощные акции протеста: блокады дорог в Ла-Пасе и Кочабамбе. Во главе этой борьбы встал Эво Моралес, сделавший коку символом борьбы за национальное достоинство и социальную справедливость.

Если борьба сборщиков коки создавала общий фон насилия и нестабильности, то общенациональный кризис спровоцировала так называемая «война за воду» в Кочабамбе. Приватизация водяного снабжения в 1999 г. вывела на улицы не только крестьян, больше всего пострадавших от этого, но и массы городского населения. В противостоянии с властями была создана внепартийная «Координация», которая в январе 2000 г. начала блокаду города Кочабамбы, а в феврале, несмотря на сопротивление армии и полиции, произошло «мирное взятие» города. На переговорах с властями было сформулирована позиция большинства — сохранение некоммерческого характера коммунальных услуг. Так как власти упорствовали и не шли на уступки, насилие вылилось на улицы города, началась мобилизация большинства населения, и власти были вынуждены отменить принятые ранее решения. В рамках этой борьбы сформировался союз сборщиков коки во главе с Эво Моралесом, крестьянства долины Кочабамбы и средних городских слоев⁵⁹.

К протесту в Кочабамбе присоединились различные группы населения по всей стране: полицейские в Ла-Пасе, индейцы Альтиплано и другие. Индейцы и кокалерос (сборщики коки) успешно прибегали к тактике блокады дорог: особенно страдал город Ла-Пас, зависящий от единственного въезда в долину для обеспечения города продовольствием и топливом. Блокаду Ла-Паса возглавил индейский лидер, возглавлявший КСУТСБ Ф. Киспе. Народные волнения были поддержаны левыми из группы «Коммуна» во главе с А. Гарсией Линерой. Главным лозунгом нового политического союза кокалерос, крестьян-индейцев и радикальных левых стал созыв Учредительного собрания.

В обстановке политической нестабильности и кризиса президент Бансер в связи с тяжёлой болезнью ушёл в отставку, передав власть вице-президенту Хорхе «Тито» Кироге, который не смог умиротворить страсти. Более того, Кирога подписал соглашение с США, по которому усилилось военное давление на кокалерос, что привело к новому витку конфликта в районах выращивания коки. В этих условиях популярность МАС во главе с Моралесом резко возросла, что показали президентские выборы 2002 г. На них одержал победу лидер МНР Г. Санчес де Лосада

⁵⁹ *Tórrez Y. Cochabamba: ¿Del mestizaje idílico al mestizaje conflictivo? // Tinkazos. Vol. 15. №. 31. 2012. P. 25-36.*

с 22,5% голосов, а МАС неожиданно стала второй силой, набрав 20,9%. Третьей оказалась также новая правая партия Новая республиканская сила (NFR — НФР) во главе с предпринимателем Манфредом Рейесом Вильей, вытеснившая старые правые и центристские партии. МАС, став второй силой в Конгрессе, разрушила устоявшуюся партийную систему. Кроме того, появление в парламенте фракции, состоявшей из индейцев и чоло (городские индейцы), означало также культурно-этнический переворот в политике, до сего времени остававшейся монополией креольско-метисного населения.

Хотя Моралес был избран в Конгресс, его лишили полномочий, обвинив в участии в вооружённой борьбе и подстрекательстве к беспорядкам, в результате которых в Сакабе двое военных были захвачены кокалерос, которые их пытали, а затем убили. Доказательств прямого участия Моралеса в этом деле не было, поэтому его изгнание из парламента было воспринято как несправедливость, а сам лидер движения превратился в символ борьбы с неолиберализмом и продажной политической системой «пактов». При этом США называли Моралеса не иначе как «наркодилером».

Санчес де Лосада пытался повторить успех своего первого президентства с опорой на левых интеллектуалов и мега коалицию правых и левых партий. Он вернул пенсии, отменённые Бансером, ввел медицинскую страховку материнства и детства, что имело большое значение для Боливии. Однако именно благодаря его политике государство утратило доходы от экспорта природных богатств и теперь переживало большие бюджетные трудности, что заставило Санчеса де Лосада пойти на непопулярные меры повышения налогов на население. В поиске дополнительных доходов Санчес де Лосада вернулся к своему старому проекту экспорта боливийского газа через чилийские порты, что вызвало взрыв возмущения в стране, никогда не забывавшей исторической катастрофы в Тихоокеанской войне, в результате которой Чили захватила боливийское побережье. В сентябре 2003 г. начались народные мобилизации, блокады дорог, которые завершились кровавыми столкновениями с полицией, попытавшейся силой прорвать блокаду Ла-Паса. МАС сделала ставку на политику дестабилизации и разрушения политической системы, став главным действующим лицом протеста⁶⁰. В пригороде Ла-Паса, Эль-Альто, замыкавшем этот городе в глубокой

⁶⁰ *Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo (MAS) como fenómeno político en Bolivia // *Decursos.* Revista de Ciencias Sociales. No. 23. Junio de 2011. Cochabamba, 2011. P. 190-191.

котловине, развернулись настоящие военные действия с протестующими, вошедшими в историю как «война за газ».

В октябре 2003 г. число жертв достигло 67 человек. Кровавый баланс действий властей повернул всеобщие симпатии, в том числе и средних городских слоёв, против президента. Вице-президент, известный журналист Карлос Меса Хисберт порвал с Санчесом де Лосада, присоединившись к требованиям его отставки. В обстановке неуправляемости 17 октября Санчес де Лосада бежал из страны. «Война за газ» продемонстрировала силу и значение пригорода Ла-Паса Эль-Альто, населённого мигрантами–индейцами, в основном кечуа и аймара. Этот город превратился в важнейший экономический центр с фабриками, торговлей, банками, часто бывшими частью неформальной экономики, и населением в миллион человек. МАС превратила Эль-Альто в свою электоральную базу, неформальную «политическую дубину», занесённую над головой креольского и метисного Ла-Паса.

С бегством Санчеса де Лосада при внешнем сохранении законности и преемственности переход власти к вице-президенту Карлосу Месе привел к полному коллапсу политической системы «партийных пактов»: власть теперь принадлежала улице. Новый президент понимал, что сохранит власть, пока будет придерживаться «повестки дня октября», требованиям народных масс Эль-Альто. Правительство Месы означало появление «новой политической системы без партий»⁶¹.

Меса предложил серьёзные реформы нефтегазовой отрасли, в июле 2004 г. объявил о референдуме по вопросу национализации газа и проведении политики «газ за море» в отношении Чили. В политической сфере он ввёл прямые выборы губернаторов, которые до этого назначались президентом. При этом не была изменена унитарная система, и теперь выбираемые губернаторы становились представителями центральной власти, находясь к ней порой в непримиримой оппозиции, что ставило под вопрос управляемость страной. Затем была проведена реформа конституции, позволившая созвать Учредительное собрание⁶², чего добивались левые. Одновременно усугубились противоречия политического центра и автономистских настроений в экономически мощном департаменте Санта-Крус, дававшем тогда около 30% всех экспортных доходов страны. Главная оппозиционная сила правительству Карлоса Месы, партия МАС, требовала немедленной национализации

⁶¹ *Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo. P. 180.

⁶² *Rojas Tudela F.* Los orígenes de la Constitución boliviana de 2009 // *Bolivian Research Review*. Vol.11. Agosto, 2014. P. 79.

нефти и газа. Под этим лозунгом вновь были заблокированы дороги. Меса все ещё сохранял большую популярность, особенно в Ла-Пасе, несмотря на неуправляемость и хаос.

По положению Меса был нанесён сильный удар им самим, когда в мае 2005 г. он отказался подписать закон о национализации, принятый Конгрессом, и при этом не воспользовался правом вето. Президент созвал Учредительное собрание и объявил референдум об автономии департаментов, но эти меры не привели к разрешению кризиса, и 6 мая Меса ушёл в отставку, а временным президентом стал председатель Верховного суда. Сразу же прекратились все блокады дорог и народные выступления, были объявлены всеобщие выборы. Главный герой протеста партия МАС приступила к предвыборной компании.

В избирательной компании 2005 г. главными противниками были Эво Моралес (МАС) и бывший президент Хорхе Кирога, создавший на месте старой АДН новую партию ПОДЕМОС (Социальная и демократическая власть). МАС выдвинуло программу, названную «Десять заповедей МАС». Её важными пунктами были: земля и территория, то есть закрепление права на землю за индейскими народами; национализация природных ресурсов; защита коки как традиционного продукта; реформа государства и вооружённых сил; доступность образования и здравоохранения; антиглобализация и латиноамериканская солидарность; созыв учредительного собрания. Съезд партии в Оруро (2003) сформулировал цель — общинный социализм, экономический суверенитет, прямая, партисипативная демократия и многонациональное государство. Также было решено, что женщины должны получить 50% квоту всех государственных и политических постов⁶³.

Моралес выступил на выборах с кандидатом в вице-президенты Альваро Гарсией Линерой, уже ставшим известным и уважаемым интеллектуалом. Кирога же построил свою компанию на запугивании городских слоёв радикализмом Моралеса, который якобы грозил повторить левые катастрофические эксперименты времён УДП 80-х годов. Выборы 18 декабря 2005 г. вполне ожидаемо принесли победу МАС, но победа Моралеса с абсолютным большинством в 53,7% голосов стала неожиданной: впервые за последние сорок лет президент был избран прямым всенародным голосованием и не нуждался во «втором туре» выборов в конгрессе, партийный состав которого теперь уже не имел значения. Впервые радикальные левые пришли к власти не на волне экономического кризиса, а напротив, на подъёме, в условиях экономи-

⁶³ Моралес Айма Э. Моя жизнь. С. 307-308.

ческого роста и стабильности. МАС победила в первую очередь благодаря центру страны, национальному ядру, населённому в основном индейцами кечуа и аймара, правые же получили поддержку в тропических и равнинных Санта-Круссе, Бени и Пандо (в основном населённых креолами и метисами), получивших название «полумесяца» оппозиции, по конфигурации своих границ вокруг горной части страны⁶⁴.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вступлению в должность президента Моралеса предшествовала неформальная, но очень символическая церемония, которую 21 января 2006 г. провёл избранный президент на руинах Тиауанако, которые всегда были символом индейского сопротивления и величия доиспанской андской цивилизации. Первый кабинет министров Моралеса отражал соотношение сил внутри МАС, ставшей мега-коалицией антинеолиберальных сил. МИД возглавил важный союзник Моралеса, левый индееанист и идеолог пачамамизма Давид Чокеуанка⁶⁵. Портфель министра МВД получил социолог Х.Р. Кинтана, министром экономики стал бывший сотрудник ЦБ Боливии, придерживавшийся консервативных монетаристских взглядов Луис Арсе Катакора. Близкий к левым перонистам (Аргентина) сторонник «национального социализма» Андрес Солис Рада стал министром нефти и газа, марксист Феликс Патци возглавил министерство просвещения. Лидер кооператоров Вальтер Вильяррозель занял пост министра горнорудной промышленности. Бывшая прислуга Касимира Родригес возглавила министерство юстиции⁶⁶. К этому следует добавить А. Гарсию Линера как вице-президента. В целом это был демонстративно революционный и бескомпромиссный к предыдущей системе кабинет. Было объявлено о начале демократической и культурной революции, деколонизации страны. Гарсия Линера заявлял: «мы пока не видим возможности построения коммунизма... Дальний горизонт эпохи — это коммунизм. И этот коммунизм следует строить на основе самоорганизации общества, процессов создания и распределения

⁶⁴ История Боливия с древнейших времён до начала XXI века. Отв. ред. *Ларин Е.А., Щелчков А.А.* М.: Наука, 2015. С. 588.

⁶⁵ В прошлом коммунист, учившийся в кубинской партшколе, контролировал через многочисленные НПО отношения МАС с индейскими организациями Альтиплано, в основном аймара, важнейшей электоральной базой нового правительства. Поддерживал дружеские отношения с М. Каддафи.

⁶⁶ История Боливия с древнейших времён до начала XXI века. С. 588-589.

общественных благ, общинности и самоуправления. Но на сегодня ясно, что это не непосредственная цель, не ближайший горизонт событий, а речь идет о завоевании равенства, перераспределения богатств, расширения прав. Главное — равенство, ибо оно разрывает пять веков структурного неравенства, в достижении равенства — задача нашего времени, и до той степени, насколько то позволяют сделать общественные силы, а не по нашим рецептам и предписаниям... Надо добиться расширения основы и автономии рабочего класса, возникновения коммунитарных экономических форм через сети, взаимосвязи и общие проекты. Но без контроля на них. Не будет ни кооптации, ни поощрения сверху коммунитаризма. Этого мы не будем делать никогда... Социализм не появится ни декретом, ни простым желанием... Будет меняться соотношение капиталистических и некапиталистических форм в экономике, усиление некапиталистических форм со временем приведёт к большей коммунитаризации, общинности, и тогда мы сможем говорить о посткапиталистической стадии»⁶⁷.

Сразу же после вступления в должность Моралес пообещал выполнить требования народа, так называемую «повестку дня октября» — восстания против Санчеса де Лосада. Речь шла о созыве Учредительного собрания и национализации нефти и газа. Президент не стал откладывать выполнение своих обещаний, и 1 мая 2006 г. военные демонстративно заняли все предприятия отрасли. Правительство объявило все контракты с иностранными инвесторами недействительными, так как их в своё время не утвердил конгресс. Это была уже третья (после 1937 г. и 1969 г) национализация нефти и газа, при этом она была самая мягкой по форме, хотя пропагандистски представлялась окончательной победой над империализмом. Дело в том, что всем иностранным компаниям предлагалось подписать новые договоры с боливийским государством, которые в большей степени, чем ранее обеспечивали интересы Боливии. Отныне все предприятия продавали всю нефть государственной компании ИПФБ, которая затем уже торговала ею на внутреннем и внешнем рынке. Также резко выросли налоги. Эта радикальная мера в отличие от предыдущих национализаций не нарушала производственный процесс, но передавала в руки государства огромные ресурсы. Как заявил в 2009 г. Гарсия Линера, цель правительства — контроль государства над 30% экономики (ВВП). Второй задачей государства ставилось развитие микропредприятий, малого бизнеса, сосредоточенного в основном в маргинальных районах, например, Эль-Альто, населённых город-

⁶⁷ *García Linera A. Biografía política e intelectual. P. 79-81.*

скими индейцами, что противопоставлялось целям буржуазного развития, когда население должно было стать либо буржуазией, либо рабочим классом⁶⁸. В этих взглядах нашли свое отражение идеи анархизма, прудонизма и автономизма итальянца Антонио Негри. В сочетании с монетаристской ортодоксией в сфере финансов рост доходов государства привёл к положительным тенденциям в сфере экономического роста. Бюджет впервые стал исполняться с профицитом, а рост экономики составил от 4 до 7 % в год.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Учредительное собрание рассматривалось как момент создания нового боливийского государства с иными принципами формирования власти, нежели заложенные во всех конституциях страны с момента провозглашения независимости в 1825 г. Выборы в Учредительное собрание и референдум об автономии департаментов состоялись 2 июля 2005 г. 137 мест в Собрании из 255 достались представителям МАС и их союзникам, в то время как основной оппозиционной силе правой партии ПОДЕМОС удалось провести только 60 депутатов. На референдуме, на котором МАС агитировал против автономий, самые населённые горные департаменты страны Ла-Пас, Кочабамба, Оруро, Потоси, Чукисака проголосовали против автономий, а тропические Санта-Крус, Бени и Пандо из оппозиционного «полумесяца» — за.

МАС заключило «Пакт единства» с представленными в Собрании крестьянскими и индейскими организациями, профсоюзами, ядром которых стали три крестьянские федерации, прежде всего КСУТСБ. Внутри Собрания они представляли радикальное индеанистское крыло, толкая МАС к непримиримой позиции. Их концепция новой конституции под названием «За Многонациональное государство и самоопределение коренных и крестьянских народов и наций» была принята МАС за основу нового текста Основного закона, что и привело к бесконечным конфликтам с оппозицией.

Сразу возник конфликт по процедуре принятия решений собранием: по закону следовало получить две трети голосов, а МАС настаивал, что достаточно 50% плюс один голос. Вся история заседаний Учредительного собрания наполнена конфликтами, голодными забастовками, столкновениями и насилием. Собрание заседало в г. Сукре, формальной столице

⁶⁸ *García Linera A.* Biografía política e intelectual. P. 69.

страны. Самая острая фаза конфликта наступила, когда один из делегатов Санта-Круса провокационно предложил закрепить в конституции постоянное пребывание правительства в Сукре, а не в Ла-Пасе. Местные жители окружили Собрание и угрожали делегатам насилием, если те не примут это предложение, возвращавшее страну к главной проблеме гражданской войны 1899 г., когда столица была перенесена в Ла-Пас⁶⁹.

В ответ на провокацию в Эль-Альто состоялся многотысячный митинг против переноса столицы, а в Санта-Кресе прошли массовые акции за автономию региона. В ноябре 2007 г. оппозиция перестала посещать заседания Собрания, а правительственное большинство и их союзники были вынуждены голосовать в здании военных казарм. Заседания в отсутствие оппозиции были перенесены в Оруро, где доминирование МАС было абсолютным. В декабре 2007 г. текст конституции был принят голосами одних правительственных делегатов.

Новый текст основного закона необходимо было окончательно принять на референдуме. Чтобы выйти из политического кризиса из-за отказа оппозиции признать легитимность конституции, в конгрессе в ходе переговоров было принято более 100 поправок, сильно изменивших текст и смысл многих положений основного закона. Союзники МАС по «Пакту единства» отказались от компромисса, но затем сдались, согласившись с тем, что главные их цели были достигнуты: и текст новой конституции включал большинство их требований. Однако это закладывало неизбежные противоречия в юридическую и политическую ткань будущего государственного устройства⁷⁰. Новая версия конституции был передана в парламентскую комиссию, которую возглавил Карлос Ромеро, член МАС, но уроженец Санта-Круса. Из-за уступок, сделанных оппозиции, в новом тексте основного закона содержались противоречащие друг другу положения. На референдуме 25 февраля 2009 г. новая конституция была принята 61% голосов.

Боливия была провозглашена Многонациональным государством. Это была новая форма государственности в противовес старой республике. Конституция признавала социально-экономические и культурные ценности, традиции и общинные институты 36 индейских языковых групп, проживающих в стране. Конституция провозглашала права индейских народов «на автономию, самоуправление, собственную культу-

⁶⁹ Щелчков А.А. «Федеральная революция», 1898–1899 гг.: крестьянская война на фоне противостояния либералов и консерваторов // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2015. № 15. С. 73-101.

⁷⁰ *Mayorga F. Movimientos sociales y participación política en Bolivia//Ciudadanía y legitimidad democrática en América Latina*. Buenos Aires: Prometeo, 2011. P. 26-27.

ру, на свои институты, на территорию». Признавались не только индивидуальные права индейцев, но и коллективные права индейских народов. В новой Конституции Многонационального государства Боливия с первых строк преамбулы декларировался индейский подход к определению корней и природы коренного населения: «В незапамятные времена возникли горы, реки и озера. Наша Амазонка, наше Чако, наше Альтиплано и наши долины и равнины покрылись растительностью и цветами. Мы, люди с разными лицами, заселили Мать-землю. Тогда уже мы научились принимать множественность всех вещей, всех людей и культур. Так возникли наши народы, которые никогда не понимали, что такое расизм, пока не пришли печальные времена колонии»⁷¹. За индейскими общинами и территориями признавались права на юридическую автономию, основанную на традиционном праве и обычаях. Этот принцип противоречил принципу юридического единства всей территории страны. Однако фактически только 5% муниципалитетов стали управляться в соответствии с обычаями и традиционным правом общин, что не представляло угрозы праву и единству страны⁷².

Пока шла борьба в Учредительном собрании, а затем переговоры о компромиссном тексте конституции, обострилась ситуация в оппозиционном «полумесяце», департаментах Санта-Крус, Бени, Пандо, Тариха, где набирало силу движение за автономию от «индейской» Боливии. Там в мае-июне 2008 г. местные власти провели референдумы по уставам регионов, местным конституциям, которые провозгласили автономию этих департаментов. Центральная власть отказалась признать их законность, но не стала мешать их проведению.

Автономисты (сепаратисты) агитировали за максимальную автономию от «социалистического и индейского» правительства. Разжигались расистские страсти, ибо в этих регионах преобладало белое и креольское население. Как и ожидалось, везде там победили автономисты. Во главе сепаратистов Санта-Круса стоял местный губернатор Бранко Маринкович, чьё хорватское происхождение напоминало о готовящейся для Боливии судьбе Югославии. Неприятный ассоциативный ряд дополнял поддерживавший оппозицию посол США Филипп Голдберг, работавший в Боснии в 1994–1996 гг. и участвовавший в заключении Дейтонских соглашений. Активное вмешательство посла во внутреннюю политику Боливии привело к его высылке из страны в сентябре 2008 г.

⁷¹ Сальмон Х. Индейцы в новой конституции Боливии // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 14. С. 212-213.

⁷² Mayorga F. Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 39.

Политическая патовая ситуация в противостоянии с автономистами разрушала единство страны. 2007–2008 гг. были самыми сложными для правительства Эво Моралеса, которое помимо социально-экономических задач стремилось достичь политических целей трансформации государства. Помимо конфликта в Учредительном собрании, присоединении новых сил к оппозиции (префект Кочабамбы), роста насилия и конфликтов в оппозиционном «полумесяце» международная экономическая конъюнктура на рынке продовольствия и падение доллара привели к снижению курса боливиано и росту инфляции в самом уязвимом для населения секторе товаров народного потребления. Рост цен на продовольствие сильнее всего ударил на беднейшим слоям населения⁷³. Позиции правительства были уязвимы, и оно пошло на неординарные меры.

В этих обстоятельствах правительство Боливии приняло предложение правой оппозиции провести референдум о доверии президенту и губернаторам. Голосование 10 августа 2008 г. подтвердило популярность Моралеса, который увеличил свою электоральную базу, завоевав 67% голосов. Губернаторы оппозиционного «полумесяца» также получили поддержку большинства, а вот в Ла-Пасе и Кочабамбе губернаторы были сменены на сторонников МАС. Референдум не снизил напряжения на востоке страны, хотя показал рост числа сторонников МАС в этих департаментах, охваченным протестами и насилием. Тяжёлая ситуация сложилась в Пандо, где 11 сентября 2008 г. губернатор санкционировал нападения на сторонников МАС. Этим воспользовались центральные власти: в департаменте было объявлено осадное положение, а губернатор (префект) Леопольдо Фернандес арестован. «Полумесяц» потерял Пандо как своего союзника, а решительные меры против Фернандеса, поддержанные общественным мнением, заставили оппозиционных губернаторов снизить накал противостояния и сесть за стол переговоров с правительством.

Опасной для единства страны деятельностью занялся один из участников югославской драмы, появившийся в это время в Боливии, Эдуардо Росса⁷⁴. Он происходил из семьи венгерских евреев, был уроженцем Санта-Круса, то есть боливийцем по рождению. В 70–е годы во время военной диктатуры его родители коммунисты уехали из Боливии, Эдуардо Росса был направлен учиться в Будапешт, а затем в Москву, по его словам, в школу КГБ. По возвращению в Венгрию он стал крупным комсомольским деятелем в Университете Будапешта. После краха социализма

⁷³ *Rojas Tudela F.* Los orígenes de la Constitución boliviana de 2009. P. 85.

⁷⁴ По-венгерски его фамилия читается как Рожа, но по испанской транскрипции в Боливии произносилась как Росса.

в Восточной Европе он оказался в Югославии, где участвовал в войне на стороне хорватов и дослужился до чина полковника. В этот турбулентный для Балкан период Росса вступил в католическую фундаменталистскую организацию «Опус Деи» и присоединился к венгерским сепаратистам в Трансильвании. Перед приездом в Боливию он уже был связан с исламскими джихадистами и подбирал для себя новое место для авантюры. В 2007 г. при посредничестве венесуэльского посольства и содействии боливийских спецслужб он появился в Санта-Крус под именем Уртадо Флореса и возглавил группу крайних сепаратистов, получавших финансовую поддержку местных предпринимателей и властей. Росса начал создавать вооружённые отряды сопротивления властям. Однако, как выяснилось позже, он был двойным агентом и действовал под контролем правительственной службы безопасности, которая через него получила неопровержимые данные о преступных действиях местных властей. 16 апреля 2009 г. Росса был убит агентами служб безопасности. Власти завели дело, из которого стали достоянием гласности связи местных властей Санта-Круса с вооружённой группой Россы, что показывало опасность повторения в Боливии югославского сценария разделения страны⁷⁵. В результате губернаторы Санта-Круса и Тарихи бежали из страны. Сепаратисты были обезглавлены и деморализованы, а правительство стало проводить политику умиротворения буржуазии и предпринимателей Санта-Круса, стараясь убедить их, что успех их бизнеса связан именно с успехом центральной власти. Надо сказать, что Моралесу и Гарсии Линере это вполне удалось.

Идеи автономии были подхвачены правительством и внесены в конституцию. Теперь речь шла об автономии не только департаментов, но и индейских общин. Признавалась юрисдикция общин и общинное право. Индейцы получили право на избрание своих властей и общинный суд в соответствии с традиционным правом и обычаями. Единая юридическая ткань страны заменялась на юридический, взаимно дополняемый и взаимно признаваемый плюрализм, с декларацией принципов равенства, единства и солидарности.

После принятия новой конституции, которая отныне предусматривала переизбрание президента, 6 декабря 2009 г. состоялись выборы, на которых Эво Моралес получил 64,22% голосов. Одновременно прошёл референдум об автономии с меньшими полномочиями, нежели того требовал Санта-Крус. В конгрессе МАС получил две трети мест, что

⁷⁵ Valverde C.; Maten a Rozsa! Santa Cruz, 2012. — <http://www.icees.org.bo/2012/12/maten-a-rozsa/> (январь, 2016 г.).

позволяло принимать конституционные законы для укрепления новой государственности.

После «Пакта единства», прекратившего существование после принятия конституции, лидеры МАС создали нечто вроде широкого народного фронта — «Национальный координационный союз за перемены» (CONALCAM), куда помимо профсоюзов «Пакта единства» вошли многочисленные общественные организации, кооперативы, «собрания горожан», которые поддерживали правительство. CONALCAM рассматривался как массовая опора Моралеса, который и возглавил этот «фронт», как орудие контроля за местными властями и основа для представительства в парламенте. Этот союз провозглашал своей целью углубление процесса перемен и построение «Общинного социалистического Многонационального государства». В задачи CONALCAM входили также контроль за губернаторами, формулирование задач и создание новых законов, выдвижение новых политических лидеров⁷⁶. Однако единство проправительственных сил вскоре было поставлено под вопрос новыми конфликтами с индейскими, городскими и рабочими организациями, недовольными отдельными действиями правительства и отсутствием обрточной связи между властью и членами CONALCAM.

АНДСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ПАЧАМАМИЗМ

Новая конституция и идеи лидеров МАС, таких как А. Гарсия Линера, декларировали новый социально-экономический этап развития Боливии, названный ими «андским капитализмом», суть которого состояла в сосуществовании общинного, государственного и частного укладов при гегемонии государственного. Это был поворот от прежних идей общинного социализма и сильного гражданского общества в противовес слабому государству, с которыми МАС шёл к власти, к более этатистскому или, как его называл тот же Гарсия Линера, якобинскому централизму и построению «интегрального государства»⁷⁷.

Гарсия Линера так формулировал особенности «андского капитализма»: «Развитие индейских предприятий подчиняется очень гибкой логике. Она делает ставку на накопление, но никогда не ставит на кон все во имя накопления. Сначала индеец работает сам с опорой на се-

⁷⁶ *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 28-29.

⁷⁷ *García Linera A.* La potencia plebeya. Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. La Paz: CLACSO, 2010. P. 416-424; *García Linera A.* El Estado y la vía democrática al socialismo // Nueva Sociedad. No. 259. septiembre–octubre de 2015. P. 157-161.

мью, которая является его главным и не подвергаемым риску ресурсом. Если все идёт хорошо, нанимаются работники, при этом работает и сам индеец. Если все идёт ещё лучше, нанимаю ещё работников и перестаю работать сам. Если дела идут плохо, возвращаюсь в мир семейной экономики, где можно пережить любые невзгоды. Никогда индеец не порывает с логикой семейного хозяйства. Индеец хочет модернизации, но по-своему. Они хотят экспортировать, глобализироваться, но семейное ядро хозяйства остаётся нетронутым как последний резерв, когда индейцы могут пережить тяжёлые времена на хлебе и воде. Когда число работников возрастает до десяти — пятнадцати человек, то индейцы останавливаются и не нанимают до 30, 40, 50, а создают ещё одно микропредприятие для сына, кума, племянника. У них своя логика не делать ставку на одно предприятие. Эта логика отличается от вебериянского рационализма, накопления и расширения через технологическое обновление. В индейском мире своя логика, но она не противостоит «западной», а сочетается с ней»⁷⁸. Это были теоретические объяснения, а на практике эти идеи сводились к поддержке новой индейской буржуазии, которая постепенно интегрировалась с государственным капитализмом и вытесняла метисную и креольскую в районах, где индейцы составляют большинство. Новая элита подталкивала правительство не к движению к социализму, а к закреплению своего нового статуса, к индейскому национализму вместо общинного эгалитаризма.

Построение нового типа государства, по мнению Гарсии Линеры, было «робеспьеровским моментом» всего процесса перемен в стране. Этот этап состоял не только в идейно-политической, но и физической борьбе с противостоящими этому процессу силами, а посему требовалась якобинская или ленинская решимость⁷⁹. К 2012–2013 гг. Гарсия Линера заявил, что является последовательным сторонником ленинизма как политической практики. От прошлого идеологического плюрализма МАС руководство партии переходило на более жёсткие позиции «демократического централизма». Плюрализм взглядов стал осуждаться лидерами движения. Так, Гарсия Линера в 2013 г. заявил, что избранные от МАС, но критикующие власть политики должны быть исключены из партии. Так, он осудил выступление председателя Палаты представителей Конгресса Ребеки Дельгадо, критиковавшей правительство, и заявил, что члены МАС не свободные мыслители, а революционеры, которые обязаны либо подчиняться принципам «демократического централизма» в его

⁷⁸ *García Linera A.* Biografía política e intelectual. P. 77-78.

⁷⁹ *Stefanoni P.* La potencia plebeya. P. 67-68.

ленинском понимании, либо покинуть партию. Жёсткой позиции Гарсии Линеры противостоял Моралес, призвавший вернуть ушедших товарищей, возродить былое единство, основанное на плюрализме идей⁸⁰.

Концепция андского капитализма, включавшая различные направления модернизации («три модернизации» по Гарсии Линере), где сочеталось развитие микропредприятий, общин и крупных проектов. Ее основные положения были сходны с принципами десаррольизма 60–х годов XX в. (доктрина ЭКЛИА), вступая в противоречие с индеанистской теорией *sumaj qataña*, то есть «жить хорошо», декларирующей защиту окружающей среды, Матери Земли (Пачамамы), антиконсьюмеристского образа жизни и традиционных ценностей. Этот принцип был сформулирован в 8-ой статье новой конституции. Пачамамисты опирались на идеи видного деятеля правительства Давида Чокеуанку, который контролировал большинство НПО и индейских общественных организаций, от поддержки которых в немалой степени зависело правительство Эво Моралеса.

Д. Чокеуанка так объяснял своё понимание концепции *sumaj qataña* (жить хорошо): «В 90–е годы мы, аймара, собираясь, говорили: мы хотим вновь стать быть, так как мы перестали быть и не хотели быть, а теперь снова хотим быть. Что это значит? Мы снова хотим стать *самігіс*. На аймара это означает человека, который живёт хорошо. На языке аймара нет слов богатый и бедный. Кечуа говорят: мы хотим вновь стать *карас*, что означает человека, который хорошо живёт... Мы хотим гармоничную жизнь не только для людей, но и для человека и природы, но когда мы говорим об обществе и о человеке, то это исключаящий других подход, не учитывающий все остальное... Так как для нас самым важным является жизнь, для социализма главное — удовлетворение потребностей человека, как материальных, так и духовных. В этом суть социализма, его экономический закон — удовлетворение потребностей человека. При капитализме самое главное — это получение прибыли, дохода, капитала. Мы не согласны ни с тем, ни с другим. Более того, человек для нас находится на самом последнем месте. На первом же — птицы, бабочки, муравьи, горы, реки, звезды на небе, — все, среди чего человек лишь малая часть мира. Мы ищем гармоничную жизнь человека в природе»⁸¹. Идеи пачамамистов, хотя и противоречат этатизму и десаррольизму технократов и А. Гарсии Линеры, тем не менее, идеологически дополняют их и создают идейный фон, обеспечивающий ан-

⁸⁰ *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? Las fortalezas del MAS en la construcción del nuevo orden// Nueva Sociedad. No.245. Mayo–junio de 2013. P. 12.

⁸¹ *Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B.* Debatir Bolivia. Perspectivas de un proyecto de descolonización. Buenos Aires: Taurus, 2010. P. 266-267.

тинеолиберальную преюбилитность всего движения и «культурной и демократической революции», с лозунгами которой Э. Моралес пришёл к власти. Эти противоречия Альваро Гарсия Линера назвал «кративными напряжённостями, порождаемыми революцией»⁸².

Формулируя основы жизнепонимания пачамамизма Д. Чокеуанка 21 апреля 2010 г. заявлял: «Для нас, для индейцев, самым важным является жизнь на земле вообще, и человек занимает последнее место среди наших приоритетов»⁸³. Это самая чёткая формулировка экологического, антиконсьюмеристского фундаментализма⁸⁴. Сами же пачамамисты называют эти взгляды «биоцентристским эгалитаризмом», предпочитая говорить не о правах человека, а о правах Матери-Земли (Пачамамы)⁸⁵. В 2001 г. во время переписи населения 62% боливийцев на вопрос о своих корнях заявили, что являются потомками одного из коренных народов страны. Это происходило на фоне появления новой влиятельной политической силы союза МАС–ИСПС и МИП, претендовавших на создание новой исторической легитимности нации на «индейско-народной» основе.

Провозглашённая в 2006 г. с приходом к власти Моралеса «демократическая и культурная революция» предусматривала пересмотр официального исторического нарратива. Известный английский латиноамериканист Дж. Дункерлей, представитель неомарксистской школы, назвал приход к власти Моралеса «третьей» боливийской революцией. Эта характеристика созвучна советской периодизации трёх русских революций, в случае Боливии первой являлась война за независимость, второй — Национальная революция 1952 г.⁸⁶. Историк прав в том, что это действительно были моменты кардинального изменения всего жизненного уклада в стране, что неизбежно отражалось на восприятии боливийцами собственной национальной идентичности.

Символичным в этом смысле стало вступление в должность нового президента на руинах Тиауанако. Индейский ритуал означал не просто приход к власти первого президента индейца аймара, он стал началом пересмотра всех основ национальной идентичности. Впоследствии это вылилось в бурные дискуссии о том, что такое Боливия, боливийцы

⁸² История Боливия с древнейших времён до начала XXI века. С. 600.

⁸³ *Le Monde diplomatique*. *El Diplo*. Edición boliviana. No.27. Junio-julio,2010. P.4.

⁸⁴ Гарсия Линера в ответ на эти идеи призвал сторонников новой власти не быть «простыми лесниками, только охраняющими лес», а сочетать эти принципы с техническим и социальным прогрессом, с борьбой с бедностью. — *Ibid.*, P. 5.

⁸⁵ *La Razón*, La Paz, 31 de enero, 2010.

⁸⁶ *Dunkerley J.* *Evo Morales, the Two Bolivias' and the Third Bolivian Revolution // Journal of Latin American Studies*. Vol. 39. No. 1. 2007.

и какая история подлинно национальная. Споры шли не в академических аудиториях, а на заседаниях Учредительной Ассамблеи, принявшую новую конституцию и даже изменившую название страны — Многонациональное государство. Наряду с канонизацией героев индейского сопротивления (Тупак Катари, Серрате Уильки, Бертолины Сисы и др.) в официальное обращение вводились новые символы, связанные с индейской идентичностью — радужный флаг *whipala*, Тиауанако стал своего рода индейским Иерусалимом, был учреждён новый праздник — индейский новый год 21 июня.

Преобладающей идеей в стране стал плюрикультурализм, что выразилось в отсутствии понятия единой идентичности, идее «богатства в разнообразии», сосуществовании различных исторических нарративов для различных сообществ. Объяснялось это необходимостью преодолеть «символическое насилие» (выражение Пьера Бурдьё) со стороны старых господствующих классов и идей, как это формулировал Гарсия Линера⁸⁷. Эта линия вызвала серьёзные противоречия и даже растерянность в педагогическом сообществе, в школьном образовании. Все предшествующие годы боливийская школа имела единые программы по истории, литературе и пр., а целью школьной педагогики было создание представления об однородной нации, единой идентичности. Теперь же правительство заявило, что задачей школы является не насаждение одной национальной идеи, единой идентичности, единой нации, а поощрение разнообразия и многочисленности нарративов истории места, этноса, расы в рамках некоей аморфной гуманистической, не политической общности, какой представлялась общая страна. Релятивизм в оценке культуры, истории, вытекавший из идеи «социального и культурного разнообразия», предполагал коррекцию старой идеи национальной идентичности. Школа должна была поощрять «гетерогенность» национальной общности⁸⁸.

Хотя правительство Эво Моралеса демонстрировало преемственность в уважении традиции почитания героев борьбы за независимость, укоренившейся в предыдущие годы, преобладающим стал индеанистский дискурс. При этом власти использовали июльское празднование годовщины восстания 1809 г. в Ла-Пасе во время противостояния с оппозицией в 2007 г., требовавшей переноса столицы в Сукре, а также во время предвыборной кампании по референдуму о подтверждении пол-

⁸⁷ *García Linera A.* Biografía política e intelectual. P. 74-76.

⁸⁸ *Fiesta cívica. Construcción de lo cívico y políticas festivas./Bridikhina E.* coord. La Paz: IEB–UMSA, 2009. P. 220.

номочий президента. В Ла-Пасе был торжественно перезахоронен прах креольского героя войны за независимость П.Д. Мурильо в Кафедральном соборе. В празднованиях активно участвовали не только горожане Ла-Паса, но и индейцы, демонстрируя сочетание старых (триколор) и новых (*whipala*) символов, знамён. Эво предстал как гарант единства страны и сосуществования различных расовых и социальных сообществ, и он демонстрировал это, участвуя в торжествах и поддерживая бывшие символы, выражая уважение историческим ценностям креольского государства. Популярность Эво Моралеса состояла в его не чистой индейскости, его дискурс никогда не был только индейским, он смог сочетать символы и ценности разных Боливий, каждая из которых находила в нем то, что было частью самосознания будь то метисов, креолов, или индейцев разных народностей.

Доминирующий современный индеанистский дискурс, обращаясь к корням и вычёркивая содержание креольской исторической памяти, попадает в ловушку противоречий между универсальностью, декларируемой инклюзивности идентичности (креолы, метисы, коренные индейские народы), и партикуляризмом, претензиями на особенность идентичностей отдельных этно-расовых и социальных групп — крестьянско-индейской нации. Причем индеанистский нарратив противостоит общенациональному, порождая ряд этноцентристских мифов. Эти мифы — о солидарности как основе экономического уклада, миф об андском капитализме, противостоящем в ценностно-историческом плане европейскому (мировому) капитализму, этноэкологический миф (пачамамизм) — разрывают единую ткань национального нарратива и исключают формирование одной идентичности.

Как отмечал вице-президент Гарсия Линера, в индейском движении Альтиплано «существует постоянное идеализированное воспоминание общин и их лидеров истории восстания Тупак Катари, составляя коллективное воображаемое нации, которая существовала ещё до появления боливийской нации»⁸⁹. Это вступает в противоречие с идеей единой страны с общей историей и судьбой. Отсюда новая форма государственности — Мультинациональное государство, где сосуществуют различные и порой противоположные идентичности в одном социальном и физическом поле. Подобное положение потенциально содержит в себе и угрозу разрыва, и ведёт к поддержанию равновесия, однако наполняет противоречиями официальный исторический нарратив, который настойчиво создают власти невзирая на всю его противоречивость.

⁸⁹ *García Linera A. Biografía política e intelectual. P. 56.*

Пьер Нора называл этот процесс «демократизацией» истории, когда возникают новые типы памяти меньшинств. В частности, речь идет о деколонизации памяти, что весьма характерно для освободившихся стран третьего мира, а также посткоммунистических государств⁹⁰. Боливия сегодня — это яркий пример деколонизации исторической памяти, обращения к традиционной памяти, ранее искаженной или разрушенной внутренним колониализмом⁹¹. В официальном нарративе, сложившемся в последние годы, война за независимость остаётся важным, но почти археологическим событием: главное содержание боливийской истории и до и после неё стал «внутренний колониализм», противостоящий подлинной независимости⁹². В телеологическом понимании национальной истории все события до «культурной и демократической революции» рассматриваются как эпизоды борьбы с этим колониализмом, так и не преодоленным окончательно. С приходом Эво Моралеса к власти наступил решительный момент для «внутренней деколонизации». В какой-то степени этот дискурс является перелицованной концепцией нации и антинции революционного национализма.

Внутренняя деколонизация вызвала сложные чувства у многих социальных групп и сообществ в отношении оправданности существования истории той страны, которую они всегда называли Боливией и считали своей собственной. Эти процессы сомнения и переоценки своей идентичности привели к разрушению национального чувства, оправдывавшего все эксцессы истории, репрессии и дискриминацию коренного населения. Если левые и индеанисты опасались, что государство, сменив идеологическое обоснование независимости и поменяв исторический нарратив, не сможет измениться по сути и останется колониальным, так как весь период после 1825 г. характеризовался как «внутренний колониализм», то креольско-метисное меньшинство, правые, центр и традиционные левые опасались разрушения всех основ идентичности и нарастания конфликта по линии подлинных боливийцев и «колонизаторов и их союзников»⁹³. Все 2000-е годы прошли в атмосфере растерянности, а иногда и агрессии против групп, доминировавших в недавнем прошлом и не желавших принимать новую идею истории и памяти, в итоге они стали выделять собственную память из общенационального нарратива уже как память меньшинства.

⁹⁰ *Nora P.* Всемирное торжество памяти. magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22 (октябрь, 2016).

⁹¹ *García Linera A.* La potencia plebeya. P. 199-214.

⁹² *Stefanoni P.* “Qué hacer con el indio...”. P. 10.

⁹³ *Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B.* Debatir Bolivia. P. 69.

Индеанизация общественно–политической жизни страны вызвала неоднозначную реакцию со стороны большинства боливийцев. Если при переписи 2001 г. большинство жителей причисляло себя к потомкам индейских народов, то в 2012 г. их число неожиданно снизилось с 62% до 42%. Оппозиция заявила о метисной сущности национальной идентичности, побеждавшей несмотря на пропаганду индеанистов. Противники правительства слева называли власть Моралеса неокOLONиалистской и антииндейской. Сам же Эво Моралес связывал это с ростом среднего класса и урбанизацией страны⁹⁴.

УСПЕХИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ

Мягкая национализация нефти и газа на фоне роста мировых цен на сырье в эти годы позволила правительству Эво Моралеса проводить активную социальную политику ликвидации бедности и увеличения накоплений. За десятилетие власти Эво Моралеса экспорт Боливии увеличился в 5 раз, валютные резервы достигли гигантской суммы в 50% ВВП, бюджет вырос с 6 до 20 млрд. долларов. Правительству благодаря консервативной монетаристской политике удалось контролировать инфляцию, что стимулировало инвестиции и постоянный рост доходов населения. В последние годы, когда в большинстве стран региона наблюдалось падение темпов роста, Боливия одна из немногих сохранила высокий, до 7% в год прироста ВВП. Ярким показателем экономического успеха и доверия населения к МАС является беспрецедентная для Боливии дедолларизация экономики. Консервативная финансовая политика, проводимая министром экономики и финансов Арсе Катакорой, в сочетании с уверенным ростом привела к переводу накоплений населения в национальную валюту, боливиано: на 2012 г. вклады в боливиано составили 7 млрд. 700 млн. долларов, а кредиты в боливиано — 6 млрд. 400 млн. долларов⁹⁵.

Экономические успехи создали основу для активной социальной политики. Её особенность заключается в предоставлении различных бонов пенсионерам, школьникам, женщинами. При Моралесе была расширена пенсионная программа, впервые пенсия по старости стала выплачиваться всем боливийцам независимо от их участия в пенсионных накоплениях — получателями так называемой «ренты достоинства» стали 900 тыс. граждан пенсионного возраста. Учитывая, что огромная часть населения

⁹⁴ История Боливия с древнейших времён до начала XXI века. С. 603.

⁹⁵ *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 7.

занята в неформальной экономике, в том числе в индейских общинах, распространение на них пенсий имело огромный позитивный эффект. Чтобы стимулировать обучение в школах детей из низших слоёв населения, где правилом является ранняя трудовая деятельность, был введён бонус для детей при условии посещения ими школы. С целью понизить детскую и материнскую смертность при родах был введён специальный бонус на каждое посещение врача в период беременности. Приглашённые в Боливию кубинские врачи проводили бесплатные операции на зрении.

Минимальная зарплата к 2013 г. выросла на 127%. Правительство тратит значительные суммы для поддержания цен на основные продукты питания (хлеб, рис, молоко, сахар, куриное мясо), на замораживание цен на топливо, электричество и воду, что также снижает инфляцию и способствует стабильности домохозяйств. Резкий рост численности среднего класса в эти годы, особенно за счёт массы городских метисов и индейцев, укреплял самооценку последних, в том числе и бедных, изменял соотношение сил в слоях, представлявших «благополучные» и зажиточные классы общества⁹⁶. Расширение позиций государства в экономике привело к огромному росту числа госслужащих: с 38.258 человек в 2001 г. до 297.039 в 2013 г.⁹⁷ Этот значительный отряд новой бюрократии также составляет базу поддержку правительства Эво Моралеса.

Социальные программы позволили снизить крайнюю бедность в городах с 24% до 14%, а в сельской местности с 63% до 43%, увеличить численность средних слоёв⁹⁸. Важным результатом активной инвестиционной политики государства было исчезновение безработицы. В большей части это происходило за счёт развития строительства, росшего в среднем на 10% в год⁹⁹.

Особенностью социально-экономического развития при леворадикальном правительстве Эво Моралеса была необычная для такого правительства в регионе характеристика: социальная политика не вступала

⁹⁶ Molina F. ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 9.

⁹⁷ Рост бюрократии является неоднозначным фактором в развитии государства и экономики. Неoliberalная модель развития в Боливии в 90-е гг. предусматривала резкое сокращение присутствия государства в экономике и уменьшение расходов бюджета. Модель развития МАС опирается на активное и сильное государство. Однако это не означает возврата в 50–70-е гг. XX в., когда бюджетный дефицит стал хроническим из-за расходов на госаппарат. — Soruco X. La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. Entre la democratización y la institucionalización // Nueva Sociedad. No. 257. Julio – agosto de 2015. P. 135-136.

⁹⁸ История Боливии с древнейших времён до начала XXI века. С. 601.

⁹⁹ Molina F. ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 7.

в противоречие с макроэкономической стабильностью, проводилась в соответствии с финансовыми возможностями страны, что контрастировало с опытом левых правительств прежних лет. Все это упрочивало базу поддержки правительства Эво Моралеса.

Особенностью МАС как партии вне партийной системы является постоянное обновление кадров при ничтожной зависимости верховного руководства от электоральной базы. МАС по уставу партии (2009) предусматривало членство активистов и массы сторонников, которые могли подтвердить свою приверженность партии через непосредственное членство в профсоюзных или общественных организациях, поддерживающих правительство Моралеса¹⁰⁰. Если верхушка движения или правящей партии демонстрировала удивительную стабильность своего состава, то руководители среднего уровня постоянно менялись. Так, в период с 2002 по 2009 гг. из 187 депутатов конгресса от МАС только двое переизбирались дважды, а среди сенаторов ни один¹⁰¹. Даже бюрократия, чиновники более низкого уровня при правлении МАС страдали от нестабильности занятия постов, частого перемещения и утраты своего социального положения¹⁰².

Придя к власти, МАС определило своё правление как власть представителей общественных движений. И действительно, лидеры общественных организаций, главным образом профсоюзов и индейских объединений, заняли большинство политических постов. По мере укрепления власти верхушки МАС возникали неизбежные противоречия между представительством общественных организаций, защищавших свою автономию в отношении власти, и стремлением правительства контролировать их, кооптируя своих сторонников, как в государственные органы, так и в руководство автономных движений¹⁰³.

Гарсия Линера в 2009 г. так определил особенности МАС как партии: «МАС можно рассматривать как временную, договорную, но прочную конфедерацию общественных организаций. МАС действителен, когда обращается к уже организованной части общества, при этом не может воздействовать на неорганизованные в профсоюзы слои, которых много в городах Санта-Крус, Кочабамба, Ла-Пас. Существует ограничитель, мы

¹⁰⁰ *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 34.

¹⁰¹ *Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo. P. 196.

¹⁰² Как отмечает Х. Соруко, от 30 до 40% государственных служащих при МАС находились на своих постах не более года, и только около 11% более трёх лет. — *Soruco X.* La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. P. 132, 143.

¹⁰³ *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 22-23.

добиваемся гегемонии в корпоративном секторе общества, а в неорганизованном не удаётся добиться влияния. В этой особенности сила и слабость партии. МАС — это конфедерация общественных движений, чем-то похожая на старую европейскую социал-демократию, но она совсем не похожа на политические партии в Латинской Америке. В Латинской Америке обычно создаются партии, которые формируют общественное движение, а здесь мы имеем конфедерацию общественных движений, которые создают свою партию»¹⁰⁴. И далее добавляет, что партия напоминает огромное тело с маленькой головой, так как партийный аппарат очень мал и иногда остается без опоры на массы, с которыми следует постоянно вести диалог, иногда как со своими последователями, а иногда как с равными союзниками. Гарсия Линера отмечал, что эта сложившаяся форма партии позволила исключить региональные лидерства и каудильизм, которым всегда страдала боливийская политика.

Боливийский политолог Фернандо Молина отмечал: «По историческим причинам корпоративизм «является естественной» формой организации боливийского общества, главной силой МАС является именно идеологическое и органическое совпадение с корпоративистскими организациями»¹⁰⁵. Речь идёт о сочетании интересов и инструментов господства верхушки МАС профсоюзов, объединений горожан, кокалерос, рабочих, предпринимателей, индейских традиционных и новых организаций. Одним из характерных составляющих нового поведенческого стиля бюрократии является тесная связь с профсоюзами и общественными организациями. В условиях отсутствия возможности вступления в правящую партию главным политическим знаком является принадлежность к профсоюзам или индейским организациям¹⁰⁶.

Закон закрепил за индейскими народами только 7 из 130 мест в конгрессе Боливии. Вместе с тем МАС проводило предварительную селекцию кандидатов в депутаты от партии и на ответственные государственные посты, исходя из принципов равного представительства различных этнических и культурных групп, а также женщин, объясняя это «критериями многонациональности государства». Эти применяемые на практике принципы привели к реальному вытеснению старой элиты и появлению новой политической и экономической верхушки общества с индейскими и крестьянскими корнями, оттеснившей на второй план традиционные креольские средние и высшие слои. Моралес при назна-

¹⁰⁴ *García Linera A.* Biografía política e intelectual. P. 53-54.

¹⁰⁵ *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 11.

¹⁰⁶ *Soruco X.* La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. P. 136.

чении министров всегда подчёркивал гендерное равенство: половина правительства — женщины¹⁰⁷.

Сила МАС в поддержании баланса интересов главных корпоративных игроков боливийской политики. Несмотря на частые внутренние конфликты между разными группами и корпорациями, существование МАС позволяет им избегать конфликтов внутри группы интересов.

Исходя из принципов поддержки групп и организаций союзников, правительство МАС никогда не идёт на уступки своим критикам или противникам, демонстрируя необходимость союзничества, если эти организации претендуют на удовлетворение своих требований. В противостоянии оппозиционным группам МАС прибегает к союзным организациям, которые ведут борьбу и оказывают давление на них. Инструментом привлечения союзников стало финансирование проектов, выгодных тем или иным группам, по программам, которые получали ресурсы не из бюджета, а из Венесуэлы (к 2013 г. на такие разовые акции и программы было потрачено около полумиллиарда долларов). Фактически это превратилось в новую форму клиентелизма и поддержания власти МАС.

При Моралесе произошла замена старой креольско–метисной элиты на новую, связанную с индейцами и народными слоями, униженными в прошлом расовыми группами. Представители старой элиты были фактически полностью вытеснены из сферы государственных постов и бюрократических структур, что привело к резкому изменению состава среднего класса. Социологи отмечают массовый наплыв в ряды бюрократии, чиновников и политиков в прошлом исключённых социальных групп, прежде всего индейцев, женщин, молодёжи. Причем если ранее чиновничьи места как правило замещались выходцами семей таких же госслужащих, то в годы правления МАС 9/10 поступивших на госслужбу не имели родителей или родственников в этой сфере¹⁰⁸. Эта целенаправленная политика обновления поначалу страдала таким дефектом как падение компетенции госаппарата, но затем преодолела этот недостаток, неизбежный в условиях резких перемен, и привела в итоге к радикальному обновлению среднего класса, связанного с государственным аппаратом, традиционно имевшим большую силу и власть в Боливии. Предпринимательский класс также пополнился выходцами из индейско-метисных слоёв, пользовавшихся близостью к государственным источникам финансирования.

¹⁰⁷ *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 38.

¹⁰⁸ *Soruco X.* La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. P. 134.

Старая буржуазия получила чёткое послание: её бизнес будет процветать, если она не станет вмешиваться в политику¹⁰⁹.

Гарсия Линера ставил задачу создания нового государства, вырастающего снизу из общественных организаций, следовательно, в нем нет необходимости в партиях. Но он считал, что сами общественные организации нуждаются в силе государства для реализации своих целей¹¹⁰. На деле вмешательство государства во внутренние дела своих союзных корпораций, профсоюзов и индейских организаций порождало конфликты и ставило под вопрос главный тезис МАС о том, что оно является правительством общественных организаций (тезис о политическом инструменте) при полном исключении из политического процесса политических партий.

При господстве МАС как партии без партий исчезли также и оппозиционные партии, которые возникали и сходили со сцены после каждого избирательного цикла. В боливийском обществе сейчас нет потребности видеть новые партии. Представляется, что только альтернативное МАС, аналогичное по структуре горизонтальное и лидерское движение одновременно способно составить хоть какую-либо конкуренцию правящей группе. Именно таким путем идут новые оппозиционные силы, предлагающие лишь скорректировать политику Эво Моралеса, но не представляющие собой реальную альтернативу ему. В период 2012–2013 гг. правительство смогло урегулировать отношения с оппозиционным «полумесяцем» до такой степени, что в прошлом крайние оппозиционные группы стали вступать в МАС, чтобы иметь шанс победить на выборах, а предприниматели стали поддерживать новый режим, который на деле принёс процветание стране.

Одновременно проявились новые проблемы с бывшими союзниками. Конфликт с профсоюзами и индейскими организациями вспыхнул в первый год второго президентства Моралеса, когда 26 декабря 2010 г. были подняты цены на топливо, что привело к росту цен на транспорт и продовольствие. Старые союзники по «Национальному координационному союзу за перемены» (CONALCAM) резко выступили против правительства, заставив его отменить свое решение уже через несколько дней¹¹¹.

Возникали конфликты как внутри верхушки МАС, так и с ядерными группами поддержки, как например, с индейцами ТИПНИС (Национального парка Исиборо Секуре). Правительство решило построить до-

¹⁰⁹ *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 14.

¹¹⁰ *La Razón.* 18 de marzo, 2011.

¹¹¹ *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. P. 24.

рогу через этот парк, что было воспринято индейцами как покушение на их территорию. Дело дошло до насильственных действий и столкновений с полицией. Индейцы были поддержаны оппозицией, а также бывшими союзниками МАС — НПО и левыми группами. Впервые индейцы решительно выступили против «индейской власти».

В 2013 г. на фоне экономической стабильности и успехов правительства в социальной сфере Эво Моралес решил переизбираться в третий раз, чтобы избежать риска расколов в правящей группе, безусловным лидером которой он остаётся. Между тем, боливийская конституция недвусмысленно запрещает избрание президента более двух раз. Более того, оппозиция в свое время настояла на внесении в текст новой конституции переходной статьи, по которой все предыдущие сроки избрания президента засчитывались, что не позволяло использовать аргумент, что страна ныне живёт по новым правилам, и по ним Моралес избирался лишь один раз. Эво Моралес обратился в Конституционный суд, аргументируя свой запрос тем, что в 2009 г. Моралес пошёл на досрочные выборы уже по новой конституции, тем самым сократив свой законный срок пребывания на посту президента. Конституционный суд удовлетворил запрос Моралеса, разрешив ему вновь выдвигаться кандидатом на пост президента.

Эти политические события происходили на фоне впечатляющих успехов в экономике, ставших свидетельствами ярких побед правительства. Это было широкое строительство дорог, введение в строй уникальной в мире подвесной дороги по нескольким маршрутам и высокогорного метро, связавшего запёртый в долине центр Ла-Паса с его миллионным пригородом Эль-Альто. Главным предвыборным событием 2013 г. стал запуск с помощью китайцев первого боливийского спутника, названного в честь вождя индейского восстания XVIII века Тупак Катари. Власть МАС сегодня крепка, в частности, благодаря собственной эволюции этой квазипартии от антисистемной силы к доминирующему политическому образованию в системе, где её режим делает маловероятным развитие и усиление других партий, то есть в системе без партий вообще¹¹².

Вместе с тем, МАС и конкретно правительство Моралеса столкнулись с критикой как слева, так и справа. Левые, порой бывшие ближайшими союзники, упрекали Моралеса в том, что его политика не носит последовательный характер, она во многом ситуативная, а ее успехи скорее символические и риторические, чем реальные. Левые указывают, что МАС отошло от провозглашаемых целей, стало проводить десаррольистскую политику госкапитализма с опорой на сырьевую экспортную

¹¹² *Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo. P. 178.

экономику, то есть фактически вернулось к национал–реформистской политике времён Национальной революции. Бывший союзник Моралеса «Движение без страха» (MSM) назвало МАС каудильистской и вырвавшейся в традиционалистскую партию¹¹³.

Правые упрекают МАС в тех же грехах, что и левые, не совпадая лишь в оценке программных целей, поставленных им до прихода к власти. Страна по-прежнему зависит от экспорта нескольких сырьевых продуктов, а все успехи являются не заслугой правительства, а следствием мировой конъюнктуры цен, кроме того, государство втянулось в сомнительные с экономической точки зрения мегапроекты, часть из которых принесли лишь убытки и оказались провальными (например, литиевые разработки в на юге страны). Всё это во многом верно, но Боливия уже сталкивалась с подобной благоприятной для экономики ситуацией, и во время бума олова в начале XX в. и в 70–е гг., но тогда огромные богатства в большей части осели за границей. На этот раз Эво Моралес смог создать большие государственные резервы, которые пригодятся стране в период спада и кризиса.

На президентских выборах 2014 г. Моралесу противостояли несколько партий. Бывший союзник МАС лидер «Движения без страха» Хуан дель Гранадо представлял недовольных всевластием МАС левых и центристов. Предприниматель Самуэль Дория Медина (блок Демократическое единство) позиционировал себя как центрист, готовый принять все хорошее, что сделал Моралес, но он выступал за более либеральную политику и восстановление отношений с США. Губернатор Санта-Крус Рубен Костас тоже говорил о позитивных свершениях МАС, но предлагал менее радикальный, «социал–демократический» вариант перемен для Боливии. На крайне правом фланге оставался бывший президент Хорхе Кирога. 12 октября 2014 г. Моралес получил 61,36% голосов против 24,2% своего ближайшего соперника Самуэля Дория. Главным сюрпризом выборов стала победа Моралеса в «копозиционном полумесяце», где он проиграл лишь в малонаселённом Бени. В Санта-Крус Моралес получил более половины голосов¹¹⁴. На этот раз в отличие от первых двух избраний Моралеса страна голосовала не за его революционную программу, а одобрила успехи, достигнутые под руководством президента за прошедшие девять лет.

Казавшаяся безмятежной для правящей партии политическая ситуация в марте 2015 г. вдруг омрачилась грандиозным проигрышем МАС в

¹¹³ *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? P. 5-6.

¹¹⁴ История Боливии с древнейших времён до начала XXI века. С. 605.

своём электоральном бастионе Эль-Альто и в Ла-Пасе на местных выборах. Хотя голосование на местном уровне не затрагивает гегемонии и харизмы Моралеса, тем не менее, это стало серьезным ударом по правящей группе, которую последнее время сотрясали коррупционные скандалы. В этих обстоятельствах правящая верхушка МАС решилась пойти на референдум в феврале 2016 г. для внесения поправок в конституцию, дающих Моралесу право избираться еще раз. Главным тезисом правительственной пропаганды стал вопрос: зачем менять Эво, если при нем так хорошо? Однако непонятно, зачем было спешить с референдумом, если Моралес должен был править ещё три года, и вопрос о преемственности власти не стоял остро.

Референдум прошёл 21 февраля 2016 г., и «НЕТ» изменению конституции получило большинство голосов (51,3%). Результаты фактически говорили о технической победе «НЕТ», ибо перевес одной из сторон составил лишь пару процентов. Это стало первым серьезным поражением Эво Моралеса¹¹⁵. Теперь аналитики ожидают обострения борьбы внутри коалиции, которую представляет собой МАС, за будущее лидерство. Все предыдущие годы эта борьба сглаживалась безусловным лидерством Эво Моралеса. Не исключено, что МАС ждет судьба МНР времён Национальной революции, когда сплочённая партия развалилась на массу фракций и, в конце концов, потеряла власть. Боливия сегодня стоит перед новым поворотом в своей политической истории. Вместе с тем очевидно, что реванш отстранённых в результате «культурной и демократической революции» от власти сил маловероятен. В стране сформировался новый средний и высший класс предпринимателей, связанных с иными этническими, расовыми и культурными группами, противостоящими креольско-метисному прошлому. Само боливийское государство значительно укрепилось, авторитет политической власти опирается не на аппарат насилия и пропаганды, а на ставшее массовым гражданское общество. Все это в совокупности позволяет надеяться, что Боливия не вернётся к каудилизму, переворотам и политической нестабильности, порой ставившим под вопрос само существование независимого государства.

ЛИТЕРАТУРА

История Боливии с древнейших времён до начала XXI века / Отв. ред. Ларин Е.А., Щелчков А.А. М.: Наука, 2015.

¹¹⁵ Le Monde diplomatique. Edición Cono Sur. No. 200. febrero, 2016.

- Сальмон Х.* Индейцы в новой конституции Боливии // Латинамериканский исторический альманах. 2015. № 14.
- Щелчков А.А.* «Федеральная революция», 1898–1899 гг.: крестьянская война на фоне противостояния либералов и консерваторов // Латинамериканский исторический альманах. 2015. No.15. С. 73-101.
- Щелчков А.А.* Идеиная борьба в современном крестьянском движении Боливии // Латинская Америка: вопросы идеологии и политической мысли. М.: ИЛА АН СССР, 1991. С.49-58.
- Ascarrunz Rodríguez E.* La palabra de Paz. Un hombre, un siglo. La Paz: Plural, 2008.
- Do Alto H.* Un partido campesino en el poder. Una mirada sociológica del MAS boliviano.// Nueva sociedad. No. 234. Julio – agosto de 2011.
- Dunkerley J.* Evo Morales, the Two Bolivias' and the Third Bolivian Revolution.// Journal of Latin American Studies. Vol. 39. No.1. 2007.
- Dunkerley J.* Political suicide in Latin America and other essays. London: Verso, 1992.
- García Linera A.* Biografía política e intelectual. La Paz: Archipiélago ediciones, 2009.
- García Linera A.* El Estado y la vía democrática al socialismo // Nueva Sociedad. No. 259. septiembre – octubre de 2015.
- García Linera A.* La potencia plebeya. Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. La Paz: CLACSO, 2010.
- Ibáñez Rojo E.* The UDP Government and the Crisis of the Bolivian Left (1982–1985) // Journal of Latin American Studies. № 32, 2000.
- Komadina J., Geffroy C.* El poder del movimiento político. La Paz, 2008.
- Lazarte R.J.* Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia. (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz: EDOBOL, 1989.
- Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo (MAS) como fenómeno político en Bolivia // Decursos. Revista de Ciencias Sociales. No.23. Junio de 2011. Cochabamba, 2011.
- Mayorga Ugarte J.A.* Gonismo. Discurso y poder. La Paz: Plural, 2007.
- Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? Las fortalezas del MAS en la construcción del nuevo orden.// Nueva Sociedad. No. 245. Mayo-junio de 2013.
- Pacheco D.* El indianismo y los indios contemporáneos en Bolivia. La Paz: Hisbol, 1992.
- Rivera Cusicanqui S.* Oprimidos pero no vencidos. Luchas del campesinado aymara y quechua. La Paz: Hisbol, 1986.

- Rojas Tudela F.* Los orígenes de la Constitución boliviana de 2009 // *Bolivian Research Review*. Vol. 11. Agosto, 2014.
- Soruco X.* La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. Entre la democratización y la institucionalización // *Nueva Sociedad*. No. 257. Julio – agosto de 2015.
- Stefanoni P.* “Qué hacer con los indios...” Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz: Plural, 2010.
- Stefanoni P.* La potencia plebeya... seis años después // *La Migraña*. No. 11. 2014.
- Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B.* *Debatir Bolivia. Perspectivas de un proyecto de descolonización*. Buenos Aires: Taurus, 2010.
- Tapia L.* *Ukhamawa Jakawisaxa (Así es nuestra vida)*. Autobiografía de un aymara. La Paz: Hisbol, 1994.
- Tórrez Y.* Cochabamba: ¿Del mestizaje idílico al mestizaje conflictivo?// *Tinkazos*. Vol.15. №. 31. 2012.
- Trigo O'Connor d'Arlach E.* *Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro*. La Paz: Comunicaciones El País, 1999.
- Zuazo M.* ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz: Fund. Ebert, 2009.

*О. Таркус, П. Стефано́ни**
H. Tarcus, P. Stefanoni

ЛЕВЫЕ В АРГЕНТИНЕ СЕГОДНЯ

THE LEFTS IN ARGENTINA TODAY

Аннотация: Левых в Аргентине отличает разнообразие внутренних дискуссий, большое влияние на культуру страны, но в то же время они страдают серьезными противоречиями, у них сложные отношения с перонизмом. Среди левых сосуществует многообразие традиций, от левого популизма до троцкизма и слабых социал-демократических корней. В данной статье дается общая панорама течений и политических культур левых; особое внимание уделяется процессам реформирования левых после кризиса 2001 г., приведшее к власти Нестора Киршнера и Кристину Фернандес, которые стали союзниками левого латиноамериканского блока. Рассматриваются процессы развития влияния радикальных левых в профсоюзах и студенческом движении, а также роста и поворота части левых к автономизму под влиянием мексиканского сапатизма и теорий Антонио Негри и Джона Холлоуэя. Анализируется опыт правления Киршнеров и позиции левых в отношении левоцентристского перонизма.

Ключевые слова: левые, социализм, перонизм, кризис декабря 2001 г., Аргентина.

Abstract: The Argentine left movements are rich in terms of debates and cultural influence but are characterized for their divisions and complex relation with Peronism at the same time. Within these movements, there is a plurality of traditions ranging from left populism to Trotskyism, including a weak social democracy. This article

* *Орасио Таркус* — директор Центра документации и исследований левой культуры Аргентины (*Horacio Tarcus* — CEDinCi, Buenos Aires, Argentina). tarcushoracio@gmail.com. *Пабло Стефано́ни* — главный редактор журнала «Nueva Sociedad» и член Центра интеллектуальной истории Национального университета Кильмес (UNQ), Аргентина. (*Pablo Stefanoni* — redactor de la revista «Nueva Sociedad»). pablostefanoni1@gmail.com

presents a possible map of political currents and cultures. We focus particularly on the rebuilding of the left-wing political spectrum after the December 2001 uprising, which allowed Nestor Kirchner and Cristina Fernández to reach the presidency — who were aligned with the Latin American “pink tide”. We also focus on the development of radical left movements in various trade and students’ unions, and on the rise and decline of the autonomist left, influenced by the Mexican Zapatist movement and by thinkers such as Antonio Negri or John Holloway. Finally, we provide a balanced consideration of the Kirchnerist experience and of the various political stances of the left vis a vis the left centered Peronist version.

Keywords: left movements, socialism, peronism, December 2001 uprising, Argentina.

Характеристики аргентинских левых партий и организаций весьма различны, часто противоречивы. Здесь предлагается их обзор, претендующий лишь на то, чтобы стать некой основой для понимания сложности этого идеологического комплекса. Ведь надо учесть, что для сегодняшнего поколения аргентинцев Сталин является далеким кошмаром, Троцкий — героем романа кубинца Леонардо Падуры, а Мао — колоритным портретом Энди Уорхолла. В статье, опубликованной в 1993 г. вскоре после краха реального социализма, Норберто Боббио утверждал, что в последнее время «единственное убеждение левых — это сомнение в самих себе». Книга, в которой опубликована эта статья, провокационно называлась «Левые, нулевая точка». Другой автор, Михаэль Вальцер, добавлял: «Мы находимся в периоде неопределенности и растерянности». Ричард Горти шел еще дальше: «Необходим долгий период терминологических коррекций и психологического приспособления, чтобы левые западные интеллектуалы привыкли к мысли, что не только «социализм», но и все другие слова, которые обрели силу из идеи о существовании альтернативы капитализму, утратили своё значение»¹. Но несмотря на суровый диагноз, левые не исчезли. Они также не перестали петь «свои песни», а из-за отсутствия антикапиталистической перспективы использовали в качестве исходного пункта антинеолиберализм, особенно в Латинской Америке. На нашем континенте левая альтернатива носит в основном антинеолиберальный характер, а иногда просто антилиберальный. Аргентина не могла остаться в стороне от этих перемен, особенно после кризиса 2001 г. Но кого мы имеем

¹ *Giancarlo Bosetti* (Cnup). *Izquierda punto cero*. Barcelona, Paidós, 1993.

в виду, когда говорим об аргентинских левых? Особенность этой страны в том, что термин «левый» здесь обычно употребляют в отношении радикальных левых, оставляя термин «левый центр» для более умеренных. В Европе, напротив, в понятие «левые» включают социалистические и коммунистические партии, а термин «ультралевые» используется для обозначения наиболее радикальных антикапиталистических сил.

Существуют разные подходы к определению левых. Один исходит из их программы, в то время как другой делает акцент на позиции левых в политической борьбе и их отношение к другим политическим силам. Для одних левые определяются своими традициями и идеями, для других — положением на «левом» фланге политического спектра. Для первых левые — это коммунисты, социалисты, троцкисты, геваристы. В этом случае термин «левый перонизм» будет оксюмороном. Для других левым является народный национализм или революционный опыт, который в периферийных странах занимает место левых, когда те оказываются вытесненными из политики, упрямо придерживаясь различия левый — правый. Оба подхода исходят из нормативного рассмотрения того, чем левые должны быть, заранее устанавливая, что все ветви левого сообщества, не отвечающие этому определению, не являются левыми и должны оставаться вне ее.

Мы постараемся избежать этого нормативного груза, поскольку считаем корректным предложить типологию, не исчерпывающую, а включающую в себя различные направления аргентинских левых: от перонизма до классических левых, рассмотрев социализм, коммунизм, автономизм. Ограничим данную статью сообществом левых политиков, то есть оставим за ее рамками важную группу так называемых «социальных левых», деятельность которых охватывает пространство от борьбы против иностранщины до боев в защиту сексуальных меньшинств и гражданских прав, таких как однополый брак, но в то же время выходит за рамки понятия «делать политику». В последнее время эта тематика, преодолевая сопротивление, была включена в программы традиционных партий.

ЛЕВЫЙ ПОПУЛИЗМ

Несомненно, что возрождение левых происходило в результате слияния новых и старых левых, занявших важные позиции в национальной политике после неолиберального поворота в национал-популистских (национал-реформистских) движениях в 90-е годы (от апризма до менемистского перонизма). В Аргентине это произошло с киршнеризмом.

Впервые в середине первого десятилетия этого века перонизм принял левоцентристский облик, предъявил свои права на наследие боевого перонизма, который всегда отвергался «маккартизмом» ортодоксального течения перонизма.

В действительности правительство Нестора Киршнера сначала проводило эту линию, скорее, как эксперимент, в умеренной форме с точки зрения идеологии, апеллируя к республиканизму, укоренённому в средних слоях (реформа Верховного суда, политика прав человека). Затем, вслед за «кризисом в сельском хозяйстве» и «культурной революцией» оно опиралось на идеологемы семидесятых годов (народ против олигархии), эта политика была усилена и обращена к молодому поколению. Как и боевой перонизм 60-х годов («В Аргентине коммунистами являемся мы», — Джон Уильям Кук), киршнеризм старался предстать в качестве реально существующей левой альтернативы по сравнению с мелкими группами левых, критиковавших его реформы. Торкуато Ди Телля в споре с Маристельей Свампой отмечал, что «в Аргентине реальные левые — это не малочисленные партии и движения, а киршнеристский перонизм». Сама Кристина Фернандес в 2014 г. заявила, что «слева от меня только стена»².

В отличие от Боливии, Венесуэлы и Эквадора, где сформировались новые левые народно-национальные движения, в Аргентине объединение левых и национализма произошло внутри традиционной партии, перонизма. В этом была его сила и слабость. Эта ситуация возродила некоторые черты риторики 60–70-х годов, ставших народных эпосом: противопоставление нации и антинации, утопия прямого общения лидера и мобилизованного народа. Этот дискурс восстанавливал традиции латиноамериканизма, что проявилось во внешней политике в сближении с подобными же движениями на континенте, а также во внешнеполитической переориентации — удалении от США и сближении с такими державами как Россия и Китай. Одной из высших эмоциональных точек этого «левого популизма»³ было празднование двухсотлетия начала Войны за независимость в 2010 г., во время которого произошло оформление дискурса «вновь обретённой» нации и «родины для всех». Президент Кристина Фернандес де Киршнер предала забвению такие исторические фигуры, составлявшие основу школьного исторического воспитания, как генерал Рока или Мануэль Бельграно, и с созданием

² «Тех, кто хочет обойти меня слева, я ставлю в известность: слева от меня знает что? Стена» — *La Nación*, 15.08.2014.

³ Мы используем это определение не в уничижительном значении, а в аналитическом.

Института Доррего обратилась к историческому ревизионизму, полвека пребывавшему в спячке. После смерти Нестора Киршнера и последующих изменений стала формулироваться любопытная концепция мифа лидерства Киршнера, в реальности бесцветной фигуры, чьим стремлением с 2003 г. было построить новую «страну всерьез», и который «действовал ответственно», хотя и оставался «мечтателем». Но чтобы преодолеть политический крах декабря 2001 г. и дефицит своей легитимности (на выборах Киршнер получил скудные 22%), вернуть доверие политикам (по крайней мере, правительству), укрепление киршнеризма шло параллельно с укреплением государства. В конечном итоге одно укрепляло другое, поскольку киршнеризм, как мы знаем, есть конструкт, идущий от государства.

Прежде чем стать проектом или программой, киршнеризм возник в результате резких политических изменений, он основывался на биографии лидеров 70-ых годов, импровизируя и формируя свою позицию по ходу событий. Его способность реагировать и действовать привели к убеждению, что «киршнеризм всегда выбирает левую позицию». Тем самым он привлек к себе молодёжь и деятелей культуры (в этом смысле он был менее перонистским, чем традиционный перонизм), но его связь с народными настроениями и такими институтами как Хустисиалистская партия и Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) всегда была проблематичной (в этом отношении киршнеризм был менее перонистским). Киршнеризм соединял в себе прогрессивную политику, противоречия, заложенные в модели развития, и изрядную долю моральной неразборчивости, что, в конце концов, дискредитировало политику «возвращения (усиления) государства».

Заняв место левого центра, киршнеризм поставил более мелкие объединения перед дилеммой: или политически раствориться внутри киршнеризма, или уйти в оппозицию, что было равнозначно переходу в правый сектор политической сцены. Одним из таких вариантов был Проект «Юг» Пино Солано, который на время объединил Подлинную социалистическую партию, Социалистическое движение трудящихся, Революционную коммунистическую партию (маоистскую) и Партию «Буэнос-Айрес для всех» (ныне Народное Единство), а также привлек активистов и интеллектуалов обсуждением таких тем как борьба с сырьевой специализацией страны и политическая экология. С той дилеммой столкнулись движение «Свободные Юга», которое входило в киршнеристское правительство до 2008 г., а затем примкнуло к левому центру, Широкому прогрессивному фронту, УНЕН, и, наконец, к Прогрессивной коалиции Маргариты Стольбисер. Их лидером и известной фи-

гурой является В. Донда. Та же история была и у группы, созданной Э. Каррио, которая после победы Н. Кишнера перешла в Гражданскую коалицию, ставшую движением правого центра.

В отличие от других национально-народных движений в регионе, прежде всего венесуэльского и боливийского опыта, кишнеризм не действовал как классический популизм в смысле разделения политического поля между теми, кто наверху, и теми, кто внизу (Лаклау). Народные силы в стране восстали в 40-е годы, и кризис 2001 г. облегчил выдвижение новых требований и ожиданий городскими средними слоями, на которые кишнеризм обещал найти ответ. Поэтому Маристелья Свампа говорила о «популизме средних слоев», а Мартин Родригес о «борьбе средних классов». Как точно заметил Родригес, кишнеризм стал «конструировать народ» только после сельскохозяйственного кризиса в 2008 г.⁴ В этом контексте поляризации кишнеристский «проект» компенсировал дефицит риторики, отсутствия образов и традиций, и только после публикации «Открытого письма» перестал быть лишь интеллектуальным кружком и обрел политическое звучание. Не только популистские интеллектуалы, но и молодежь оказалась под влиянием народного дискурса кишнеризма. Среди членов молодёжной кишнеристской организации «Ла Кампора» преобладала идея «идти в народ», нежели «вырасти из народа».

Оставив в стороне все ироничные оценки, отметим верность утверждения, что несмотря на политику социальной инклюзивности, как например, «Всеобщее ассигнование на ребёнка» (детское пособие), кишнеризм не смог создать своей народной идентичности. Организованные им большие собрания народа, как уже упомянутое празднование 200-летия Майской революции, представляли собой далекие от плебейских политические и эстетические действия, и даже когда с созданием Технополиса туда действительно был привлечён простой народ, в социальных сетях его сразу стали называть «Негрополисом». То же самое произошло с образом Кишнеров как борцов времен военной диктатуры 70 годов, что не входило в сонм привычных народных образов. Действительно, включение в кишнеризм движений за права человека представляло собой одним из факторов, который позволил создать прогрессистскую идентичность кишнеризма, но при этом вызвал серьёзные проблемы с организациями, возникшими в борьбе против репрессий военных режимов, а затем боровшихся против помилования виновных военных.

⁴ *Maristella Svampa*, “La década kirchnerista: Populismo, clases medias y revolución pasiva” // *Lasaforum*, otoño 2013; *Martín Rodríguez*, “La lucha de clases (medias)” // *Artepolítica*, 9. 07. 2012.

«Длинное десятилетие» было отмечено приходом к власти и смертью Нестора Киршнера, а затем неожиданным появлением его образа как мифического героя нации. Фигура вечного Нестора⁵ неким образом обобщает суть этих лет со всем реальным и вымышленным, вытекающим из мифологизации политика, чья жизнь была отмечена отсутствием мистики. Несомненно, наследие семидесятых в эти стало подобием фарса, хотя в любом случае лучше было жить с этим фарсом, чем в реальных условиях 70–х годов.

Несмотря на это потеря государственной власти в 2016 г. продемонстрировала всю хрупкость здания киршнеризма. Не впадая в апокалиптические прогнозы, сопровождавшие падение перонизма (1955), отметим, что левый популизм, несомненно, столкнулся с серьезным кризисом и перестройкой перонизма с возвращением к его традиционным формам. Недавно историк Хавьер Тримболи писал: «Нам мешает тот тип мобилизации, который киршнеризм вызвал к жизни — её пик пришёлся на празднование 200-летия начала Войны за независимость и на время смерти Нестора. Возможно, 9 декабря 2015 г., когда было необходимо вмешаться в нынешнюю ситуацию, эта мобилизация оказалась неэффективной. Она никого не напугала, что очень показательно, и оказалась неспособна остановить производство и нарушить повседневную жизнь общества. Ее также не услышал никто вне круга друзей, которые ставят лайки — мне нравится — в фейсбуке. Нежность из жалости».

Этот тип мобилизации, а он является знаковым для данного политического проекта, всегда испытывал большое недоверие к любому автономному проявлению общественной активности, слишком зависел от его лидера и ресурсов государства. Здесь кроются трудности, последовавшие вслед за победой Маурисио Макри на выборах в конце 2015 г., когда строительство или переформатирование власти пришлось начать с нуля. Посмотрим, чем станет киршнеризм в процессе трансформации всего перонизма.

АВТОНОМИСТСКАЯ ЛЕВАЯ

События 2001 г. положили начало развитию небольшого, но очень динамичного политического и социального сообщества: так называемых «автономистских левых», «независимых левых». На самом деле декабрь 2001 г. стал пиком опасного кризиса политического представительства, корни которого кроются в упадке политики, начавшемся в де-

⁵ Рассказ о мифическом герое и об исторической прививке вымыслом о «Вечном» создан Э. Германом Остерхельдом и Ф. Солано Лопесом в 50–е годы.

сятилетие правления Кардоса Менема и усилившемся во время правления Альянса радикалов, когда государство оказалось неспособно гарантировать выполнение своих основных функций: эмиссию национальной валюты, принимаемой экономическими агентами, сбор налогов; гарантию банковских депозитов, и в конце концов, утратило монополию на законное насилие⁶. Совпадение экономического кризиса, который привёл к прекращению конвертируемости национальной валюты, с серьёзнейшим социальным кризисом, вызвавшим рост слоёв и групп населения, исключённых из общественной системы, а также кризисом политического представительства, что проявилось на выборах абсентеизмом и голосованием испорченными бюллетенями, создало особую обстановку, в которой возникли новые формы организации и политического действия.

Одним из таких явлений независимого левого сообщества конца 90-х годов стало Движение 501. Его сторонники, в большинстве своем молодые студенты, голосовали за независимые списки на выборах в университетах, такие как ТНТ⁷ Анхеля Кисильофа. Для этого в октябре 1999 г. они ездили в Сьерру-де-ла-Вентана, находящуюся более чем в 500 км от места проживания, что по закону освобождало избирателя от обязательного голосования в том момент, когда выбор заключался между кандидатами в президенты Фернандо де ла Руа или Эдуардо Дуальде, одинаково неспособных вдохнуть новую жизнь в неолиберализм. Этот тип перформанса, названный «неоанархистским», был отвергнут даже прогрессивными журналистами⁸, но политика перестала интересовать это движение, также, как и добрую часть критически настроенных интеллектуалов⁹. Политика уже делалась не на избирательных участках, а на улицах, не в традиционных партиях, а в новых возникших организациях, что продемонстрировали движения пикетчиков и местных ассамблей на уровне района, никак не связанные с фактически отсутствующим государством и переживающим кризис политическим режимом.

Трещина между представителями и представляемыми привела к неожиданной самоорганизации горизонтальных движений в форме ассамблей. Этот контекст, кроме всего прочего, был обусловлен влиянием мексиканского сапатизма. Такой политический философ как ирландско-

⁶ Эти проблемы ярко и драматично высказал в начале 2002 г. такой интеллектуал истеблишмента как Наталио Ботана («У нас демократия без государства и без денег», — интервью Фабиана Босоера. — Clarin, 28.04.2001.)

⁷ TNT – Tranza, negligencia y mas tranza (пазвал, распад и снова пазвал).

⁸ *Maria Seoane*. Elogio del Km 0. // Clarin, Suplemento Zona. 10.10.1999.

⁹ Elecciones. La política está en otro lado. Rodaballo. Revista de política y cultura. № 2, mayo de 1999.

мексиканский мыслитель Джон Холовей — автор книги «Изменить мир без взятия власти» — собирал полный актовывый зал медицинского факультета в начале 2000-х годов, давал интервью ведущим газетам, которые лишь вчера бичевали опыт Движения 501. Речь шла, несомненно, о воодушевляющей формуле для левых, находившихся на пути к взятию власти, но при этом Холовей объяснял им, что лучше этого не делать.

В этих условиях экс-депутат Луис Самора покинул троцкистскую организацию и, став простым продавцом книг, призвал независимых левых обсудить новые формы организации политических действий. В контексте парламентских выборов 2001 г. он рассматривался как серьезная политическая фигура на выборах в г. Буэнос-Айрес, где мог еще раз стать национальным депутатом. Но созданная Саморой в том же году новая организация «Самоопределение и свобода» (AuL) оказалась семейным микроначинанием, она очень скоро вступила в полосу кризиса, когда восемь депутатов, победивших на выборах в августе 2003 г., в конечном счете образовали восемь моноблоков. Самора едва ли не за два года растратил свой политический капитал, хотя выдвинул свою кандидатуру от AuL на следующих выборах, пользуясь своей репутацией честного человека.

«Социальные левые», возникшие в 1990-х – начале 2000-х годов из независимых списков университета Буэнос-Айреса, как например, уже упомянутая ТНТ факультета экономических наук, не смогли создать нового политического движения вне рамок традиционных организаций, как это сделали испанские студенты в Подемос. Кисельоф и большая часть Движения 501 закончили тем, что вначале интегрировались в киршнеризм, а затем в перонизм. Так они стремились стать частью постнеолиберализма, что вскоре ознаменовалось приходом Кисельофа в правительство, который не перестал быть «марксистом» для традиционных перонистов, таких как Гильермо Морон.

В этой части сообщества, называемого «независимыми левыми», выделяется группа, созданная вокруг Движения безработных трудящихся (MTD)¹⁰. Это движение стремилось выражать интересы безработных, не представленных традиционными профсоюзами, в том числе и левыми. Фабричное, производственное пространство было занято иными силами, поэтому в плебейских кварталах из-за невозможности организовать забастовку на фабрике они прибегли к перекрытию дорог. Часть традиционных левых последовала их примеру: маоизм в лице

¹⁰ *Maristella Svampa y Sebastian Preyra. Entre la rula y el barrio: la experiencia de las organizaciones piqueteras. Buenos Aires: Biblos, 2003.*

«Классового и боевого течения», а позднее «Рабочая партия» со своим «Рабочим полюсом», помимо других более мелких групп.

Киришнеризм рос, включая или кооптируя часть этого движения безработных, в особенности национально-народной матрицы — от Федерации земли и жилья Луиса Д'Элия до Движения Эвиты Эмилио Персико и Фернандо «Чино» Наварро и даже ударной группы националистических левых Кебрачо, а также группы «Тупак Амару» Милагро Сала. Примечательно, что это сопровождалось привлечением членов таких организаций как ТНТ, включая наиболее радикальных автономистов. Этот внешне парадоксальный переход от антигосударственного автономизма к перонистскому киришнеризму отражал особенность того времени. Мы говорим «внешне», потому что за этим парадоксом стоял другой: антигосударственность 2001 г. питалась крахом государства, «отсутствующего» или захваченного предпринимателями, но как только государство надело на себя наряд, «включающий» народно-национальный, часть автономистского конгломерата оказалась не способна сопротивляться и, в конечном счете, стала частью социальной базы киришнеризма.

Одним из проявлений сопротивления этой колонизации со стороны перонизма, вновь национального и народного, стало образование «Народного фронта Дарио Сантьяна» (FPDS), созданного на базе МТД. Оно взяло имя члена организации Дарио Сантьяна, убитого полицией 2 июня 2002 г. вместе с его товарищем Максимилиано Костеки во время протестов в Авельянеде. Фронт перебрался в Буэнос-Айрес, эпицентр левых сил, и к предместьям города, которые давали пристанище уже трем поколениям борцов, включавшим самые разные течения левых, незадолго до этого противостоявшие друг другу во враждебных организациях. Они позиционировали себя в качестве антикапиталистов и антиимпериалистов, феминистов и экологов, левых националистов и чавистов (сторонников Уго Чавеса), включая бывших троцкистов из старого «Движения к социализму» (MAS), объединенных вокруг журнала «*Heptaminta*». Они искали выход из кризиса своего проекта, разразившегося вслед за успехами конца 80-х годов.

Но это сопротивление, будучи поглощенным вечно всеядным перонизмом, не помешало FPDS сохранить вместе со своей автономистской матрицей свою популистскую душу: он с большой энергией включался в работу в кварталах, выражая недоверие в отношении выборов. Хотя это течение отвергало присоединение к киришнеризму, как это сделали кисельофцы, они являлись чавистами и поддерживали скорее сентиментальные связи с постреволюционной Кубой, эта модель не стала Меккой для борьбы за власть «снизу». В действительности поддержка чавизма

осложняла их положение, так как Чавес поддерживал киршнеризм как реальную политическую альтернативу в Аргентине. Кроме того, долгое время они закрывали глаза на противоречия, которые переживала боливарианская революция, между социальной демократизацией в направлении социализма и построением иерархического государства с воинственной риторикой.

После исчерпания энергии кризиса 2001 г. эти левые столкнулись, с одной стороны, с укреплением государства (социальная политика, традиционный клиентелизм и сокращение безработицы), а с другой, с параллельным возрождением традиционных левых. Политический потенциал создания столовых и других начинаний в народных кварталах, включая обучение, народный бакалаврат, растерялся по мере возвращения государства в сферу политики.

Эта более враждебная левым обстановка привела к различного рода разрывам и расколам среди них, еще больше ослабившим пространство «детей 2001-го», как они сами себя называли. В этих условиях произошел несколько преждевременный скачок на электоральное поле: одна группа стал частью «Фронта Большой Родины», близкого к киршнеризму, а другая (группа «Народ на марше»), присоединившаяся к левым группам Социалистическая демократия и Анархистский социализм вступила в спор с троцкистским «Фронтом левых и трудящихся» (FIT). Несомненно, кризис в этой сфере был плохим фактором для возрождения левых, обнадеженных 2001 годом.

ЛЕВЫЕ, БЫВШИЕ КОММУНИСТЫ

Крах реального социализма в 1989–1991 гг. застал компартию в Аргентине ослабленной и делегитимизированной, она уже в течение пяти лет находилась в процессе самокритики и расколов справа и слева. XVI съезд в 1986 г. привёл к смене поколений в руководстве, оставив коммунистическую геронтократию и одновременно пересмотрев принципы автоматической поддержки Москвы, характеристику компартией военного переворота в Аргентине 24 марта 1976 г. как более умеренного по сравнению «пиночетистским» переворотом и дал оценку поддержке коммунистами партии правых перонистских кандидатов Итало Лудера и Эрминьо Иглесиаса на выборах 1983 г. Необходимость вновь обрести легитимность среди левых вызвала поворот в дискурсе компартии к латиноамериканизму и чегеваризму. Она больше не признавала в качестве судьбы ни КПСС, ни находившееся накануне распада международное коммунистическое движение, но стала ориентироваться на Кубу Фиделя

Кастро, сандинистскую Никарагуа, сальвадорский Фронт Фарабундо Марти и даже Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК). Внутри страны КП пошла на два эксперимента с союзниками: сначала с «Фронтом народа» (Фгеру), а затем с «Объединенными левыми» (IU) в союзе с MAS. Новизна этого состояла в том, что впервые объединились две наиболее влиятельные аргентинские левые партии — коммунистическая и троцкистская, выдвинув на выборах единую кандидатуру президента и вице-президента. Максимального пика мобилизации и общественного признания союз с коммунистами добился в 1990 г., когда агитировал за НЕТ на референдуме, отвергая менемистскую модель.

В действительности ни один из двух опытов с фронтами не вышел за рамки предвыборного союза и даже в этом плане результат был ничтожным: удалось добиться лишь нескольких депутатских мест. Политика аргентинской компартии в первое десятилетие XXI в. представляется сумбурной: в 2007 г. она объединилась с Гуманистической партией в Широкий латиноамериканский фронт на уругвайский манер, способный противостоять киршнеристскому правительству, с которым она боролась с 2003 г. Тем не менее, в 2008 г., с момента «сельскохозяйственного кризиса», компартия сделала любопытный поворот. С этого момента большая часть партии стала поддерживать правительство Кристины Киршнер, в то же время призывая «углубить модель» левого перонизма. Это привело к виртуальному самороспуску аргентинского коммунизма, растворившемуся в киршнеризме при безликом лидерстве П. Эчегарая, равно как и других лидеров партии, практически исчезнувших из политического пространства.

Тем не менее, аргентинский коммунизм со времени кризисов и расколов в 80-90-е годы продолжал развиваться в виде различных образований, существовавших параллельно официальной КП Патрисио Эчегарая. Так, например, КП Чрезвычайного съезда (РС-СЕ) во главе с Хорхе Перейрой была первой, кто поддержал киршнеризм, а с 2008 г. это сделали «Солидарная партия» кооператора Карлоса Эльера и «Партия новой встречи» Мартина Саббателли. Последняя возникла в 2009 г. как независимая организация, которая поддерживала правительство в определенных вопросах и конфликтах, не переставая его критиковать за коррупцию, манипуляцию статистикой, финансирование политики, за ограниченность его социальной политики инклюзивности, реформу налогообложения и т.д.¹¹ Но эта партия закончила тем, что растворилась в киршнеризме, проявляя

¹¹ «Мы поддерживаем то, во что верим, что значит больше демократии и лучшее распределение богатства. Киршнеризм не улучшает качества демократии и институтов» — *Sabatella M. Vamos a ser independientes.//La Nación. 27.06.2009.*

чрезвычайную активность, включая «верность» ему и полную поддержку, что сочеталось с подчинением перонистскому вертикализму и антиплюралистической коммунистической политической культурой.

ЛЕВЫЕ СОЦИАЛ–ДЕМОКРАТЫ

Это течение восходит к старой Социалистической партии, восстановившей своё единство в 2002 г. История аргентинской социал–демократии извилиста: Аргентинская Социалистическая Партия, ее наиболее левое течение, раскололась на множество групп так называемых «новых левых» в 60–70–х годы, а ее «гиольдистское» течение, носившее название Социал–демократической партии, стало яростным антиперонистским движением, позже поддержав военную диктатуру. Это нежелательное наследство необходимо было преодолеть при демократии новому руководству, в том числе профсоюзному руководителю Альфредо Браво, отличившемуся в борьбе за права человека.

Это обновление PSD позволило ей сблизиться с Народно–социалистической партией Гильермо Эстевеса Боэра (PSP), которая действовала прежде всего в провинции Санта–Фе, сочетая социалистическую традицию с определенной латиноамериканской гибкостью. Объединение PSD и PSP, казалось, соединило две формы аргентинской социал–демократии: либерально–демократическую и народно–национальную. С другой стороны, ее символические фигуры, Хуан Б. Хусто, Альфредо Паласиос и Алиса Моро чаще упоминаются как сентиментальный пантеон или напоминание о славном прошлом, чем дают основу для критического переосмысления социалистической мысли: это потребовало бы обновления и закрыло разрыв между «давним прошлым» и настоящим. С потерей влияния среди трудящихся, по крайней мере, с 1945 г. это сопровождалось выдвижением гражданских требований, но вместе с морализаторскими речами и соглашательским тоном в политике этого было недостаточно, чтобы дать новую жизнь социализму.

Одной из исторических сложностей аргентинского социализма было его отчуждение от Гражданского радикального союза (UCR). Оно усилилось, когда в политике социалистов стали преобладать либерально–республиканские аспекты над эгалитаристскими — многое в их публичной политике во власти шло в этом направлении, хотя большая часть их сторонников идентифицировала себя с демократическим социализмом. Речь идет как минимум об исторической слабости попыток утвердить социал–демократический проект в Аргентине. Каким сегодня является социалистический пантеон? Каким запасом образом и идей опе-

рирует сегодня Соцпартия? Какой диалог ведет эта партия с современной критической теорией? Интересы каких социальных сил она стремится выразить? Одной из характерных черт современного аргентинского социализма является наличие у него некоего отвращения к «униженным и оскорбленным» вчерашнего и сегодняшнего дня, с которыми он не желает установить связь¹². В этом плане очевидно, что не исчезают проблемы, которые Хосе Арико изложил в работе «Гипотеза Хусто»,¹³ говоря о преградах, мешающих установлению демократического социализма в стране. С одной стороны, предлагается прогрессивная программа, которая подтверждает политическую идентичность социалистов. Однако, чтобы установить гегемонию и дальше проводить действенные преобразования, необходимо идти на союз с ненавистными партиями «креольской политики». Эта напряженность таит в себе опасность для социалистов, которые могут остаться «одни против всех» (популистов и консерваторов) или почти раствориться в союзе с UCR.

Несмотря на все это, в рамках своих обещаний обновления Соцпартия с 1980-х годов стала пристанищем для интеллектуалов — критиков, разочаровавшихся и вышедших из других течений (коммунисты, маоисты, бывшие партизаны), таких как Хосе Арико, Хуан Карлос Портаньеро и прочие члены «Клуба социалистической культуры». Тем не менее, диалог между политическими мыслителями и политиками, которые ждали немедленного результата от выборов или действий местных правительств, не дал желаемых результатов: старая партийная структура продемонстрировала такую неподатливость к обновлению и идеологическому творчеству, что оказалась неспособной удержать тех, кто искал обновления социал-демократической утопии с опорой на национальную действительность. Водораздел между демократическим социализмом, способным актуализировать свое наследие и восстановить перспективу созидательного реформизма, и социал-либерализмом типа Третьего пути с «ключами в руках», является очень расплывчатым, как это показала европейская социал-демократия (Фелипе Гонсалес, Тони Блэр являются символами этого). Политика как чистый консенсус и публичная политика без диалога показывают свою ограниченность в момент появления более амбициозной и способной к изменениям силы.

¹² *Ricardo Martínez Mazzola*. Ni populistas ni conservadores: Dilemas y desafíos del socialismo democrático argentino.// Nueva Sociedad. № 261, enero – febrero 2016.

¹³ *Jose Aricó*. La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ

С момента своего возникновения троцкизм переживал серьезные внутренние конфликты из-за разной международной ориентации его различных секторов. Общей характеристикой троцкизма был постоянно заявляемый им интернационализм. Он всегда представлял себя как единственное «последовательное» движение, которое не капитулирует ни перед национализмом, ни перед реформизмом, сохраняя в своей деятельности уважение к классической программе революции, начавшейся в 1917 г. Но эта фаза революции продлилась недолго. Сталинское перерождение покончило с утопией перманентной революции. Тем не менее, троцкизм оказался способным сделать из необходимости добродетель, превратив своё неучастие во власти в доказательство морального превосходства над другими левыми течениями, которые должны были столкнуться с дилеммой выполнения своих программ с приходом к власти.

История аргентинского троцкизма отмечена разделением на маленькие, боевые и во многом похожие друг на друга группы, часто представляющие из себя настоящие «секты» в социологическом значении этого термина, в той мере, в какой его история является героическим сохранением интернациональной и революционной программы во враждебном окружении.

Аргентина является одной из немногих стран мира, где имеется сильное троцкистское течение. Экономист Клаудио Кац заметил: «Троцкизм для левых то же самое, что перонизм для страны: он отражает аргентинское своеобразие в ряде аспектов. В отличие, например, от Франции, где троцкизм также являлся важным движением, но формировался более традиционным способом, противостоя сильной Компартии, в нашей стране троцкизм вырос в пространстве, возникшем из-за отсутствия исторического взаимопонимания между перонизмом и традиционными левыми (социалисты и коммунисты). Он имел влияние в ряде политических союзов, таких как в 70–е годы повстанческая организация «Революционная партия трудящихся — Революционная армия народа» (PRT–ERP)¹⁴.

Силы троцкизма всегда были небольшими, но положение несколько изменилось в последние годы после объединения трех главных троцкистских течений во «Фронт левых и трудящихся» (FIT): в него вошли «Рабочая партия», «Партия социалистических трудящихся» и «Левые социалисты». FIT продемонстрировал новый стиль пропаганды, что вы-

¹⁴ *Pablo Stefanoni. El pibe trosko.// Anfibia, 2013.*

разилось в переменах в поведении его кандидатов, профессиональном подходе к коммуникациям, продуктивном использовании понятия «левые». Оно стало водоразделом между теми, кто наверху и теми, кто внизу (борьба капитала и труда), консерваторами и прогрессистами (по таким вопросам, как свобода аборт), а также ареной борьбы между честными и продажными (разоблачение связей политиков, предпринимателей, мафии, роль профсоюзной бюрократии и т.д.). Улучшению образа троцкистов способствовало их присутствие в СМИ¹⁵, на что они сами не рассчитывали. Троцкисты завоевали три депутатских места в конгрессе, а также добились нескольких мест в местных legislatures (провинциальных парламентах). Кроме того, возросло влияние троцкизма в профсоюзах и в студенческом движении. Мистика этого движения создается «борьбой» и лозунгом «отдать жизнь борьбе». Эта экзальтация «улицы» идет параллельно с повесткой дня народных требований, выдвигаемых новым обществом, ибо программа троцкистов уже не отвечает современному обществу, она и в значительной мере «спрятана», чтобы не отпугнуть народ и не потерять его поддержку.

Троцкизм порой скатывается к обычному синдикализму. Но в то же время исключительно партийная форма способствует росту внутри движения сектантских тенденций и препятствует взаимопониманию между различными течениями в FIT. На деле Фронт перестал существовать вне избирательного процесса, и взаимные нападки, часто без соблюдения элементарных форм вежливости, стали обыденным явлением. В этом смысле троцкизм подвергается большому риску во время роста его влияния, когда возникают новые проблемы, которые могут разрушить его программную строгость, чем в период сопротивления во враждебной среде, поскольку последняя составляет часть его собственной идентичности. Троцкизм будет небольшим, но «боевым» течением в аргентинской политике.

Из сказанного очевидно, что у аргентинских левых немало трудностей. Их опыт вооружённой борьбы 70-х годов вместо победы, как это было на Кубе в 1959 г. и Никарагуа в 1979 г., закончился серьезной неудачей. Тупамарос (MLN) в Уругвае также потерпели военное поражение, но они смогли вернуться в народные низы в 1980-х годах и обрести политическую легитимность, немислимую для аргентинских PRT и ERP. С другой стороны, ни один опыт создания политических альянсов (такие как FP и FRAL) не достиг масштабов Народного единства

¹⁵ *Horacio Tarcus y Pablo Stefanoni. La izquierda radical en tiempos electorales. // Le Monde Diplomatique. Cono Sur, abril de 2015.*

в Чили или уругвайского Широкого фронта. Течения, появившиеся в декабре 2001 г., оказались не в состоянии создать эквивалент тому, чем пятнадцать лет спустя стал Podemos в Испании. Последующие попытки Центра трудящихся Аргентины (СТА) создать аргентинское подобие бразильской Партии трудящихся оказались забытыми, особенно после того как киршнеризм, начиная с 2003 г., занял всё социальное и политическое пространство. Обещанная Нестором Киршнером повестка дня закончилась возвращением в перонистский загон. Вслед за концом киршнеризма большая часть перонизма тоже сдвинулась в сторону «центра».

Главной проблемой сегодняшнего киршнеризма являются не столько отношения с правыми, сколько с собственной хустисиалистской партией, которая хочет порвать с ним. В то же время другие движения на политической сцене также переживают кризис и сталкиваются с различными дилеммами. Сегодня преобладают настроения крушения надежд, но есть в ряде случаев готовность к дискуссиям. Возможно, нынешняя политика правых откроет новые горизонты для левых, но это потребует новых форм участия, способности противостоять правым, которые не являются ни постполитической силой как хотел бы Хайме Дуран Барба, ни возвращением к Освободительной революции (военный переворот, свергнувший Перона в 1955 г.) или широкой палитре правых прошлых лет.

Несомненно, баланс между попытками обновления левых и их скромными результатами оставляет горький привкус. Но акцент на сложностях, с которыми столкнулись аргентинские левые или позиционирующие себя «левыми» в начале нового столетия корректируется особой политической конъюнктурой: концом киршнеристского цикла и приходом к власти новых прорыночных правых. Эта ситуация открывает новые возможности, что дает нам основания, не отвергая грамшианский пессимизм разума, иметь определенный оптимизм воли в отношении возможности обновления левых, чтобы быть готовыми дать эффективный и открытый бой старой и новой несправедливости, порождаемой капитализмом, который всегда способен к видоизменениям. Нам необходим более смелый анализ, не обремененный грузом мертвых традиций и мелким патриотизмом групп.

Но на каком пути могла бы обновиться аргентинских левых? Очевидно, этот вопрос выходит за рамки статьи, хотя необходимо указать, что утопия «нулевого пункта» или «нулевой степени идеологии» — отказаться от всякой идеологии — кажется столь же утопической, сколь и аналитическая неподвижность. Современный парадокс заключается в том, что левые так и не достигли программного объединения, несмотря на кризис капитализма и на то, что некоторые их представители

пришли к власти на значительной части Латинской Америки. В последние десятилетия началось глубокое теоретическое обновление левых, в котором участвовали Антонио Негри, Мишель Хардт, Фредрик Джеймисон, Д. Харви, Джудит Батлер, Нанси Фрэйзер, Хоми Баба и Гаятри Спивак. Тем не менее, как заметил Р.Кёшеян, «сфера критической мысли» лишена простоты и в то же время удаляется еще больше, чем в прошлом, от политической борьбы в строгом смысле¹⁶.

Критическая мысль, с одной стороны, и серия опытов создания политических союзов, с другой, поставили под вопрос ряд антиномий прошлого. Например, антиномия реформа — революция, которая столетие назад разделила социалистов и коммунистов, начала пересматриваться уже некоторое время назад¹⁷. Антиномия рынок — планирование также была поставлена под сомнение, став объектом бесчисленным пересмотров¹⁸. Левые в целом приняли (хотя и не без осложнений, сомнений и колебаний) требования феминизма и движения LGBT. Дебаты по проблеме политической экологии ещё предстоят аргентинским левым. В то же время значительная часть старых споров между коммунистами, троцкистами и маоистами остались похоронены под обломками Берлинской стены или разрушены очевидной силой китайского капитализма.

Необходимо обсудить, рассмотреть и изучить все традиции прошлого, отбросив догматическую приверженность к какой-либо из них, не пытаясь вернуться к нулевому пункту. Мы считаем продуктивным ослабление предварительных границ, созданных в связи с историческими событиями и политической идентичностью партий прошлого. Нам стоит диалектически переосмыслить ключевое противостояние реформа — революция, рассматривая их в равной мере как горизонт утопии. Необходимо соединить «широкие теоретические направления» с «маленькими экспериментальными формами»¹⁹, не становясь пленником рассудка, обычаев и эстетики прошлого, с меньшей уверенностью и большим сомнением, но не с меньшей убежденностью.

¹⁶ *Razmig Keucheyan*. Hemisferio izquierda. Un mapa de nuevos pensamientos críticos. Madrid, Siglo XXI, 2013.

¹⁷ *André Gorz*. Réforme et Révolution. Paris, Seuil, 1969.

¹⁸ Для критического пересмотра темы см: *Robin Blackburn*. Fin de siècle: el socialismo después de la quiebra. // Después de la caída. El fracaso del comunismo y el futuro del socialismo. /R. Blackburn (ed.). Barcelona. Crítica, 1993.

¹⁹ *Richard Rorty*. ¿Cantaremos nuevas canciones? // Giancarlo Bosetti. Izquierda punto cero.

ЛИТЕРАТУРА

- André Gorz*. Réforme et Révolution. Paris, Seuil, 1969.
- Elecciones. La política está en otro lado. // Rodaballo. Revista de política y cultura. № 2, mayo de 1999.
- Giancarlo Bosetti*. Izquierda punto cera. Barcelona, Paidós, 1993.
- Horacio Tarcus y Pablo Stefanoni*. La izquierda radical en tiempos electorales. // Le Monde Diplomatique. Cono Sur, abril de 2015.
- Jose Aricó*. La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.
- Maristella Svampa y Sebastian Preyra*. Entre la rula y el barrio: la experiencia de las organizaciones piqueteras. Buenos Aires, Biblos, 2003.
- Maristella Svampa*, La década kirchnerista: Populismo, clases medias y revolución pasiva // Lasaforum, otoño 2013.
- Pablo Stefanoni*. El pibe trosko // Anfibia, 2013.
- Razmig Keucheyan*. Hemisferio izquierda. Un mapa de nuevos pensamientos críticos. Madrid, Siglo XXI, 2013.
- Ricardo Martínez Mazzola*. Ni populistas ni conservadores: Dilemas y desafíos del socialismo democrático argentino.// Nueva Sociedad. № 261, enero-febrero 2016.
- Robin Blackburn*. Fin de siècle: el socialismo después de la quiebra. // Después de la caída. El fracaso del comunismo y el futuro del socialismo. R. Blackburn (ed.). Barcelona: Crítica, 1993.

*К. Роке Гарсия**
C. Roque García

VII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КУБЫ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ

VII CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CUBA

THE PROSPECTS FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE COUNTRY

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-экономических проблем Кубы в XXI в. и апробации VII съездом КПК плана развития кубинской экономики до 2030 г.

Ключевые слова: Куба, VII съезд КПК, развитие экономики, государственные и частные предприятия, план экономического развития.

Abstract: The article is devoted to the analysis of socio-economic problems of Cuba in the XXI century and the adoption by the VIIth Congress of the CPC of the plan of the development of the Cuban economy up to 2030.

Keywords: Cuba, VII Congress of the CPC, economic development, state and private enterprises, the plan of the development.

16 апреля 2016 года в Гаване во Дворце Съездов открылся Седьмой съезд Коммунистической партии Кубы (КПК). Тысяча делегатов и почти триста гостей принимали участие в его работе. Проведение съездов пар-

* *Карлос Роке Гарсия* — Высший политехнический институт Хосе Антонио Эчеверрия, Куба (*Carlos Roque García* — High Politechnical Insititute, Cuba).

тии является актуальным в жизни острова и, согласно Уставу КПК, проводятся каждые пять лет. На съездах анализируются различные аспекты внутренней жизни страны, принимаются соответствующие стратегии развития и совершенствования экономической и политической жизни Острова Свободы, а также политика выполнения намеченных стратегий.

Съезд открыл свою работу в знаменательное для Кубы время — 55 годовщину провозглашения социалистического курса кубинской Революции. Курс на социализм был провозглашен в речи Ф. Кастро на прощальной церемонии жертв, погибших в результате бомбардировок, которые предшествовали вторжению в Залив Свиней, организованного США и отражённого всего за 72 часа. Работа съезда проходила в знаменательный для Кубы месяц: 19 апреля страна отметила 55-летие исторической победы на Плайя Хирон, где кубинцы впервые в истории нанесли поражение силам империализма США.

Как отмечалось в официальном органе Коммунистической партии Кубы, газете «Гранма», документы, представленные на рассмотрение съезда выработывались коллективно с участием ведущих специалистов и кубинского народа. Затем были проанализированы Научным советом специальной комиссии. Некоторые положения были улучшены. Но, как отмечалось в «Гранме»: «чтобы развернуть новый процесс обсуждения на уровне всего общества, следует закончить то, что начато». По всей стране проходили собрания, на которых были выдвинуты более тысячи делегатов съезда. Они представляли на партийном форуме не только 800 тыс кубинских коммунистов, но и весь народ острова Свободы. Как сообщает «Гранма», 43% всех делегатов — женщины, а 55 участников моложе 35 лет. В обсуждении шести основных документов съезда приняли участие также несколько тысяч приглашённых для этого кубинских граждан, которые, как отмечает газета, «значительно обогатили их тексты».

Коммунистическая Партия Кубы, провозгласив себя наследником идей Хосе Марти и достигнув консенсуса с большинством населения, не изменяет им даже в своем стремлении преобразовать страну в соответствии с требованиями XXI века. Первый секретарь ЦК Компартии Кубы (КПК) Рауль Кастро в докладе на съезде подтвердил социалистический характер Кубинской революции, а также определил основную задачу съезда КПК — сохранить и приумножить социальные завоевания революции в процессе адаптации общества к рыночным отношениям и нормализации связей с США на равных условиях и в интересах всех кубинцев. На рассмотрение съезда было представлено четыре основных документа. Рауль Кастро акцентировал внимание собравшихся на том, что процесс обновления экономической модели, начавшийся на шестом

съезде — это задача не одной или двух пятилеток. Курс только намечен. Поэтому, первый документ представлял собой «Обзор развития экономики страны за пятилетний период 2011–2015 гг.», а также отчет о результатах реализации направлений экономической и социальной политики Партии и Революции и обновление руководства на период 2016–2021 гг. Второй документ — Национальный план экономического и социального развития до 2030 г. Третий — Концепцию модели развития страны в условиях социализма. Четвёртый — Работу Партии по реализации задач, утвержденных на Первой Национальной партийной конференции в 2012 г.

Впервые был представлен на Съезде план Концептуализации модели экономического и социального развития, в котором представлены теоретические основы и основные характеристики модели, которая должна сложиться в результате процесса обновления. Фактически участники VII съезда КПК в ходе дебатов рассмотрели и откорректировали процесс адаптации социалистической системы к рыночной экономике при сохранении руководящей роли партии и контроле с её стороны. Насколько жёстким и эффективным будет этот контроль, зависит от воли кубинского руководства и от подключения к этому процессу всех массовых общественных организаций.

Разработанный проект социально-экономического развития Кубы до 2030 предназначен для решения структурных проблем экономики, начиная с политики правительства, комплексных подходов и стратегического видения краткосрочных и долгосрочных перспектив.

Как отметил в своём докладе Рауль Кастро, отношения собственности определяют социальную систему страны, поэтому средства производства остаются в руках рабочих. Государственные формы народного хозяйства являются «реальной основой силы нации» и, следовательно, остаются в центре экономики острова. Частные предприятия, будут действовать в чётко определенных рамках и как дополнительный элемент экономической структуры страны. Эти рамки установлены в новом Законе об иностранных инвестициях, которому Р. Кастро также посвятил несколько минут своего выступления.

Иностранный капитал — важный источник для развития страны, сохранения национального суверенитета, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. В эту экономическую стратегию вписывается созданная Специальная Зона Развития Мариэль с дополнительными преимуществами для привлечения иностранных и отечественных инвесторов. Этот проект призван решить проблемы повышения производительности кубинской экономики

с целью расширения экспорта и стимулирования импортозамещения, содействия развитию технологического производства, современного менеджмента, логистики, создания источников занятости и долгосрочного финансирования. Важно отметить, что было продолжено расширение негосударственного сектора экономики. Занятость в государственном секторе экономики уменьшилась с 81,2% в 2010 г. до 70,8% в 2015 г. Более полумиллиона кубинцев зарегистрированы в качестве самозанятых лиц, оказывающих услуги, и этот аспект необходимо учитывать в экономической политике современного периода. В своем выступлении Р. Кастро заявил также, что в разгар экономических реформ, начатых пять лет назад, на острове резко увеличилось количество микро, малых и средних частных предприятий. Однако он предупредил, что это не означает «восстановление капитализма». Государство не допустит концентрации капитала и богатства в частных руках. Во вступительной речи на VII Съезде Коммунистической Партии Кубы Рауль Кастро напомнил, что государственная собственность останется основной формой экономического регулирования социалистической Кубы. Определение соотношения государственного и частного секторов в обновлённой модели социалистической Кубы является задачей работы специально созданной комиссии VII Съезда КПК. «Куба никогда не позволит так называемой шоковой терапии, часто применяемой в ущерб бедных классов общества», — заявил первый секретарь КПК Рауль Кастро.

Было отмечено также, что экономическая политика партии имеет реальные результаты. На фоне неблагоприятного влияния мирового финансового кризиса, начавшегося в конце прошлого десятилетия, в пятилетний период 2011–2015 гг. валовой внутренний продукт нашей страны вырос и в среднем составляет 2,8%, но этого ещё не достаточно, чтобы обеспечить создание условий для развития производства и повышения покупательной способности населения.

Самой большой проблемой, как отметил руководитель партии и правительства, является развитие сельского хозяйства. Каждый год в стране выделяется около 2 миллиардов долларов на импорт продуктов питания, половина из которых, при благоприятных условиях, может производиться на Кубе в таком количестве, что возможно было бы даже экспортировать излишки. Рауль Кастро прокомментировал динамику цен на сельскохозяйственную продукцию, а также появление феномена спекуляции, который приносит ущерб населению. Он подчеркнул, что в создавшейся ситуации ключевым является производство и влияющие на него объективные и субъективные факторы. Р. Кастро также отметил, что партия и правительство не может сидеть, сложа руки, перед недоб-

росовестным управлением ценами со стороны тех, кто стремится нажать состояние. Признание рыночных отношений в экономике не означает, что руководство страны больше не выполняет свою роль в борьбе с несправедливостью и проблемами, негативно влияющими на население. Среди объективных причин снижения производительности сельского хозяйства были названы: высокий уровень старения населения Кубы и миграция жителей села в город.

В докладе было подчёркнуто, что принятые съездом стратегии не смогут сразу остановить рост цен на продукты питания. Правительство острова объявило в начале мая об открытии оптового рынка, контролируемого государством, поставщиками на который будут частные предприниматели. Проблема заключалась в том, что в условиях отсутствия оптового бизнеса, занимающегося продажей продуктов питания, частным предприятиям приходилось покупать товары в магазинах розничной торговли и, следовательно, для получения прибыли, они должны были поднимать цены на свои предложения, вызывая таким образом рост цен на многие потребительские товары первой необходимости. Разрешение частной торговли, которое вступило в силу со 2 мая 2016 г. будет регулировать деятельность частных предпринимателей, арендаторов, кооперативных объединений.

С тех пор как в 2011 году Рауль Кастро объявил о реформах в кубинской экономике, частный сектор в настоящее время охватывает около полумиллиона человек, или 10% рабочей силы страны. Частные предприниматели и кооперативы сумели наладить эффективное производство продуктов питания. Государственный сектор проигрывает им. С одной стороны намечен реальный путь преодоления продуктового кризиса. С другой, поставляемая ими продукция имеет большую цену, что вызывает недовольство населения страны. Например, закупка в большом количестве мяса ресторанами Гаваны у частных предпринимателей, привела к повышению цен на эту продукцию.

Возможность частного предпринимательства является частью реформ в рамках открытости экономики. Но это не должно вредить, а приносить пользу народу. С этой целью установлен лимит цен на определённые продукты, закупленные оптом. Среди них: безалкогольные напитки, пиво, ром, сигареты и куры.

Революция не может искать решения проблем ни за спиной народа, ни вставая на путь реставрации капитализма, который бы привел к применению шоковой терапии и был ударом по наиболее незащищённым слоям населения, что разрушило бы доверие большинства наших граждан к Революции и к Партии.

Неолиберальные экономические модели, проповедующие ускорение приватизации государственного наследия и социальных услуг, таких как здравоохранение, образование, спорт, социальное обеспечение и туризм никогда не будут применяться в условиях кубинского социализма. Качество услуг в этих сферах неуклонно растёт и позволяет занимать Кубе одно из лидирующих мест в мире. Важно отметить, что продолжает расширяться экспорт медицинских услуг и туризма, которые приносят более половины валютных поступлений страны, одновременно снижается удельный вес экспорта традиционных (сахарного тростника, кофе, табака, никеля), сильно пострадавших от падения цен на международном рынке.

В условиях двухвалютной системы государственный сектор, преобладающий в экономике страны, находится в невыгодном положении по сравнению с растущим негосударственным сектором, извлекающим выгоду в конвертируемых песо, который в 25 раз дороже обычного песо (официальной валюты страны). Глава партии и государства подтвердил решение гарантировать банковские депозиты в иностранной валюте, конвертируемых кубинских песо (CUC), кубинских песо (CUP) и наличных денег в руках населения, не считая национальных юридических лиц и иностранных. Он подчеркнул, что денежно-кредитная система будет способствовать созданию условий, необходимых для преодоления вредных последствий эгалитаризма, и реализовывать социалистический принцип «от каждого по его способностям, каждому — по труду». Она также должна исправить феномен так называемой «перевернутой пирамиды», что означает искажение социальных структур, в которых более значимые для общества виды деятельности имеют более низкие доходы. Совершенствование кредитно-финансовой политики является необходимым в условиях расширения рынка туристических услуг. В 2015 г., впервые за последние годы Кубу посетило более 3,5 млн. туристов.

Заканчивая анализ экономической стратегии партии, Рауль Кастро подчеркнул, что ее главная миссия состоит в том, чтобы защищать, оберегать и продолжать совершенствование кубинского социализма и никогда не позволить возвращения к капитализму. Переходя к анализу политической жизни, Рауль Кастро назвал децентрализацию государственного аппарата как одно из средств борьбы против бюрократии, которая тормозит во много раз продвижение экономических реформ и исключает участие народа в принятии решений. Далее Рауль Кастро подтвердил, что в 2018 году завершится второй срок его пребывания на посту Председателя Государственного Совета и Совета Министров, и он намерен передать эти обязанности тому, кто будет избран кубинским народом. Он отметил также, что будут введены возрастные ограниче-

ния. Для кандидатов, избираемых в ЦК Компартии, максимальный возраст 60 лет, для реализации государственных должностей — 70 лет. Кроме того, действующим политикам будет предложено исполнить решения предыдущего съезда, позволяющие занимать руководящие посты не более двух сроков подряд. Это делается с целью «омоложения» руководящего состава партии и страны. Президент Кубы Р. Кастро объявил, что в ближайшие годы будет проведена конституционная реформа. В Конституцию страны будут внесены изменения, необходимые для «обновления» социализма, но без изменения политической и социальной систем.

Рауль Кастро отметил, что процесс реформирования предварительно должен быть одобрен Национальной Ассамблеей (однопалатный парламент). Он также предусматривает широкое участие народа в том числе референдум. «Принципы, лежащие в основе преобразований, опираются на идеи Хосе Марти, марксизма–ленинизма, концепции исторического лидера революции Фиделя Кастро, а также на собственный опыт революции», — заявил Рауль Кастро в своей речи во время открытия съезда.

На заключительном заседании выступил с речью Фидель Кастро. Его появление было встречено очень эмоционально, шквалом аплодисментов. Делегаты и гости, как один человек, на одном дыхании ловили каждое слово великого революционера и государственного деятеля, стараясь запечатлеть в памяти каждое мгновение этого события. Его выступление было формальным прощанием с народом, которому он служил неустанно и образцово более 60 лет.

В своей речи Фидель высказал беспокойство, по поводу того какое наследие он и современные партийные лидеры оставят грядущему поколению молодых политиков. В частности он сказал: «Мне скоро исполнится 90 лет. Каждому из нас придет свой черёд. Но останутся идеи кубинских коммунистов как доказательство того, что на этой планете, если работать с энергией и достоинством, можно произвести материальные и культурные блага, в которых нуждаются люди, и мы должны неустанно бороться для их созидания. Нашим братьям в Латинской Америке и в мире я говорю, что кубинский народ победит». В заключении отметим, что на съезде был принят ряд документов: 1. Резолюции по Отчету Центрального комитета партии VII Съезду Коммунистической Партии Кубы. 2. Резолюция по Проекту концепции кубинской социалистической модели экономического и социального развития. 3. Аprobация Национального плана экономического и социального развития до 2030 г. 4. Резолюция по результатам Реализации направлений экономической и социальной политики партии и революции, принятых на предыдущем Съезде, и их обновление на 2016–2021 гг.

Все принятые документы имеют жизненно важное стратегическое значение для дальнейшего экономического и социального развития страны в условиях текущего спада. Куба выстояла и выдержала блокаду, и все формы вмешательства, цель которых свержение революции. Своей революционной борьбой Куба сохранила свою независимость и свободу. Историческое значение VII съезда Коммунистической Партии Кубы, помимо принятия важнейших документов, состоит и в том, что он стал последним, в котором приняло участие поколение, осуществившее Кубинскую революцию.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ,
КОМИНТЕРН И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА*

*И.В. Селиванова***
I.V. Selivanova

**РОЛЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В РАЗВИТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

**THE ROLE OF THE OCTOBER REVOLUTION IN
THE DEVELOPMENT OF THE COMMUNIST
MOVEMENT IN LATIN AMERICA**
(HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Аннотация: Статья посвящена анализу основных аспектов советской историографии по вопросу роли Октябрьской революции 1917 г. в развитии левого движения в странах Латинской Америки. Основное внимание уделено рассмотрению первых этапов исследования влияния Октябрьской революции на коммунистическое и рабочее движения, а также формирование коммунистических партий в латиноамериканских странах в исторических работах отечественных латиноамериканистов.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., коммунистическое движение, Коминтерн, политические партии.

* Круглый стол проведён при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»)

** *Ирина Валентиновна Селиванова* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Irina V. Selivanova* —Institute of World History), alex-cgnk@yandex.ru.

Abstract: The article analyzes the main aspects of the role of the Soviet historiography of the October revolution of 1917 in the development of the left movement in Latin America. The author explores first stages of the research of the October Revolution on the development of the communist movement, formation of the communist parties in Latin American countries in the historical works of Russian historians of Latin America.

Keywords: The October revolution, communist movement, political parties, The Communist International.

Вопрос влияния Октябрьской революции на возникновение коммунистических партий и развитие левого движения в странах Латинской Америки занимал важное место в исследованиях советских латиноамериканистов. Первые их работы появились в 20–30-е годы XX века. В 1928 г. вышли работа Донского Г. (Дашевского) «Борьба за Латинскую Америку» и монография Вольского А. (Пестковского С.С.) «История мексиканских революций»¹. Г. Донский отмечал ряд важных недостатков, характерных для формирующегося латиноамериканского рабочего движения: разобщенность, непонимание важности организации рабочего класса и его участия в политической борьбе, влияние анархосиндикализма. Он освещал общие моменты истории стран Латинской Америки, колонизации, влияние США на развитие региона. Автор останавливался на краткой характеристике развития таких стран, как Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, сообщал о значении участия делегации латиноамериканских стран в торжественном праздновании Десятилетней годовщины Октябрьской революции в Москве для формирования латиноамериканского секретариата профсоюзов.

В это же время была издана книга известного революционера, дипломата и историка Пестковского С.С. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны, делегат II конгресса Коминтерна, полпред в Мексике (1924–1926), Пестковский С.С. осветил в работе основные этапы истории Мексики, период завоевания и колониального управления, возникновение независимого мексиканского государства, формирования либеральных и консервативных партий, развитие либеральной революции 1910 г. Отмечая влияние Октябрьской революции на развитие коммунистического движения, автор указывал на отсутствие в стране единого рабочего и крестьянского фронта. К 15-летию Ок-

¹ Донский Г. (Дашевский) Борьба за Латинскую Америку. М.–Л., 1928; Вольский А. (Пестковский С.С.) История мексиканских революций. М.–Л., 1928.

тябрьской революции вышла статья советского латиноамериканиста и востоковеда, сотрудника Профинтерна и Латиноамериканского секретариата Коминтерна Генриха Якобсона². Несмотря на небольшой объем статьи, автору удалось представить основные тенденции социально-экономического развития таких стран региона, как Мексика, Чили, Перу, Аргентина, дать характеристику рабочего движения в этих странах. С особым вниманием автор отметил влияние Октябрьской революции и Коминтерна на формирование коммунистических и рабочих партий и развитие коммунистического движения.

Проблемы зарождения левого движения, формирования первых коммунистических партий в странах Латинской Америки оказались в центре внимания исследователей в 40–50 годы XX в. Известный латиноамериканист А.М. Зорина одной из первых обратилась к проблеме влияния Октябрьской революции на развитие коммунистического движения в странах Латинской Америки. Так, в статье «Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки»³ А.М. Зорина отмечала, что в 1919–1923 гг. во всей Латинской Америке под влиянием Октябрьской революции прокатилась бурная волна стачек и крестьянских волнений. Она указывала, что вести о «победоносной пролетарской социалистической революции» повлияли на возникновение профсоюзных организаций в Мексике, Кубе, Чили и развитие пролетарского сознания⁴. Историк отмечала влияние Октябрьской революции на возникновение коммунистических партий в Мексике (1919), Аргентине (1920), Чили (1921), Бразилии (1922). Она указывала, что возникновение коммунистических партий содействовало политическому развитию стран Латинской Америки, поскольку положило начало самостоятельному революционному движению, опирающемуся на теорию марксизма–ленинизма. Автору удалось дать характеристику формированию рабочего революционного движения в Аргентине, Мексике, Бразилии, Чили, Кубе, и на их примере проследить, как под влиянием Октябрьской революции развивалось национально-освободительное и антиимпериалистическое движение широких народных масс. В статье А.М. Зорина подчеркивала влияние Октябрьской революции на подъем массового рабочего движения в Аргентине в 1918–1919 гг., развитие стачечного движения в Бразилии в 1917 г., проведение многочисленной

² Якобсон Г. Революционный подъем и рабочее движение Латинской Америки в первые послевоенные годы // Историк марксист. 1932. № 3–4. С 293–328.

³ Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки. // Вопросы истории. 1949. № 9. С. 83–93.

⁴ Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая. С. 84.

демонстрации в Мехико перед зданием Национального дворца в сентябре 1920 г., приветствующей Советскую Россию. Она отмечала, что влияние Октябрьской революции в Мексике проявлялось в «исключительной популярности, которую завоевала в народных массах идея советской власти»⁵. В качестве доказательства этого историк сообщала о попытках создания Советов в штатах Коагуила, Мичоакане, Пуэбле. А.М. Зорина отмечала влияние Октябрьской революции на процесс «изживания мелкобуржуазных настроений» в среде коммунистических партий. К вопросу о значении Октябрьской революции 1917 г. на кубинский пролетариат А.М. Зорина обратилась в статье «Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе»⁶. В более поздней монографии «Революционное движение на Кубе 1917–1925» А.М. Зорина также уделила внимание вопросам влияния Октябрьской революции на подъем рабочего и революционного движения на Кубе, посвятив этой теме целую главу⁷.

В 50–60–х гг. XX века вышли ряд статей и коллективных работ, в которых отмечалось международное значение Октябрьской революции. Так, следует назвать статьи В.И. Ермолаева: «Прогрессивные деятели Латинской Америки о Великой Октябрьской социалистической революции. [Из истории революционного движения в странах Латинской Америки. 1918–1921 гг.]; «Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америке 1870–1900 гг.»; «Подъем рабочего класса в Аргентине в 1918–1922 гг.»⁸. В.М. Ермолаев рассматривал процесс формирования первых пролетарских организаций, рабочих обществ и профсоюзов и распространение марксистских идей в среде рабочего движения.

В 1958 г. вышла работа «Международное значение Великой Октябрьской революции», в которой главу, посвященную Латинской Америке, также написал В.И. Ермолаев. Историк отмечал значение распространения марксистской литературы и, в частности, работ В.И. Ленина для развития коммунистического движения в странах Латинской Аме-

⁵ Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая. С. 86.

⁶ Зорина А.М. Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 79–92.

⁷ Зорина А.М. Революционное движение на Кубе, 1917–1925 гг. М., 1971.

⁸ Ермолаев В.И. Прогрессивные деятели Латинской Америки о Великой Октябрьской социалистической революции. [Из истории революционного движения в странах Латинской Америки. 1918–1921 гг.] // Новая и новейшая история. 1957. № 4. С. 158–174; Ермолаев В.И. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америке 1870–1900 // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 81–97; Ермолаев В.И. Подъем рабочего класса в Аргентине в 1918–1922 годах // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 67–88.

рики. Особо он останавливался на пропаганде марксистских идей в среде рабочего движения известными прогрессивными деятелями такими как, Хосе Инхеньерос и Викторио Кодовилья в Аргентине, Хосе Карлос Мариатеги в Перу, Хулио Антонио Мелья и Карлос Балиньо на Кубе, Диас Рамирес в Мексике. В качестве ключевого значения Октябрьской революции для развития левого движения в странах Латинской Америки В.И. Ермолаев называл выход на политическую арену в Латинской Америке пролетариата — нового класса в борьбе с остатками феодализма и империалистическим гнетом.

Также в это время выходили исследования влияния Октябрьской революции на развитие латиноамериканских стран М.В. Данилевича, С.И. Семенова, А.Ф. Шульговского⁹. Следует отметить работу отечественных латиноамериканистов В.И. Ермолаева и А.Ф. Шульговского, посвященную исследованию развития рабочего и коммунистического движения в латиноамериканских странах. Авторы отмечали, что «под благотворным воздействием идей Октября рабочий класс латиноамериканских стран яснее осознал историческую потребность усиления борьбы за организацию и единство своих рядов, борьбы против империализма, за свободу и демократическое развитие своих стран»¹⁰. Исследуя развитие левого движения в странах Латинской Америки, они отмечали, что именно после Октябрьской революции возникают первые коммунистические партии: в январе 1918 г. — в Аргентине марксистская Интернационально-социалистическая партия, преобразованная в 1920 г. в Коммунистическую партию; в сентябре 1919 г. Коммунистическая партия Мексики; в 1920 г. — Коммунистическая партия Уругвая; в 1925 г. Коммунистическая партия Кубы. При этом авторы указывали, что процесс освобождения от анархистских, синдикалистских и реформистских представлений, которые на тот момент господствовали в среде рабочего класса, не был простым, и формирование коммунистических партий происхо-

⁹ Данилевич М.В. Движущие силы освободительной борьбы в Латинской Америке // *Мировая экономика и международные отношения*. 1960. № 9. С. 90-98; Данилевич М.В. Движущие силы национально-освободительной борьбы народов Латинской Америки // *Национально-освободительное движение на современном этапе*. М., 1961. С. 19-68; Семенов С.И. Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // *Латинская Америка*. 1970. № 2. С. 165-184; Шульговский А.Ф. Пролетарская революция в России и антиимпериалистическое движение в Латинской Америке (1917–1929 гг.) // *Вопросы истории*. 1967. № 11. С. 92-106; Шульговский А.Ф. Революция и контрреволюция в Латинской Америке в свете опыта Великого Октября // *Латинская Америка*. 1977. № 5. С. 42-56.

¹⁰ Ермолаев В.И., Шульговский А.Ф. Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке с Октября до наших дней. М., 1970. С. 8.

дило в условиях серьезных социальных сдвигов. Историки указывали, что под влиянием Октябрьской революции молодые коммунистические партии латиноамериканских стран начали вступать в Коминтерна.

В.И. Ермолаев и А.Ф. Шульговский отмечали, что целая плеяда латиноамериканистских революционеров выросла под влиянием идей Октября и Коминтерна. Среди них они называли чилийцев Луиса Эмилио Рекабаррена, Виктора Круса и Элиаса Лаферте; аргентинцев Хосе Инхеньероса, Аугусто Куна, Энрике Мюллера, Херонимо Арнедо Альвареса, Викторио Кодовилья и Родольфо Гиольди; мексиканцев Хосе Карлоса Мариатеги и Николаса Гутарры; кубинцев Хулио Антонио Мельи и Рубена Мартинеса Вильяены; уругвайцев Франциско Пинтоса; бразильцев Астрожилдо Перейры и Луиса Карлоса Престеса¹¹. Следует также отметить статью Э.С. Дабагяна об историографии латиноамериканского коммунистического движения¹².

К 50-летию Октябрьской революции была издана статья советских латиноамериканистов Б.И. Коваля и Н.С. Коноваловой¹³. Авторы отмечали, что, вопреки буржуазным утверждениям, коммунистические идеи не были занесены в Латинскую Америку большевиками после Октябрьской революции. Историки не были согласны, с ложным тезисом буржуазной историографии о том, что коммунистическое движение в Латинской Америки было привнесено извне «агентами Москвы и Коминтерна», что развитие рабочего движения в дооктябрьский период шло в Латинской Америке в рамках анархо-синдикализма и не было предпосылок для образования коммунистических партий.

Следует отметить, что на несмотря на очевидность определенного «политического заказа» в подготовке и издании работ, посвященных значению Октябрьской революции в канун октябрьских юбилеев, большинству работ отечественных латиноамериканистов присущ глубокий исторический анализ фактического материала, который впервые вошел в исторический оборот.

Так, в статье Б.И. Коваля и Н.С. Коноваловой сделан акцент на том, что зарождение коммунистического движения в странах Латинской Америки было закономерным явлением, и говорило о том, что борьба

¹¹ Ермолаев В.И., Шульговский А.Ф. Рабочее и коммунистическое. С. 11-12.

¹² Дабагян Э.С. Литература по истории латиноамериканского коммунистического и рабочего движения в странах Латинской Америки. Историографический обзор // Вопросы истории КПСС. 1962. № 1.

¹³ Коваль Б.И., Коновалова Н.С. Октябрьская революция и начало нового этапа рабочего движения в странах Латинской Америки // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 18-29.

пролетариата вступила в новый этап развития. Историки указывали, что влияние Октябрьской революции теснейшим образом переплеталось с внутренними процессами в самом рабочем движении Латинской Америки. «Победа российского пролетариата лишь подтолкнула, ускорила соединение марксизма с рабочим движением, наметившимся в Латинской Америке еще до Октября. Именно органическое сочетание всех внутренних и внешних факторов, по их мнению, лежало в основе того нового этапа, который начался в истории рабочего движения Латинской Америки после Великой Октябрьской социалистической революции». В работе намечены основные этапы формирования рабочего движения и складывания коммунистических партий в странах Латинской Америки начиная с 70-х гг. XIX в., образования широкого антиимпериалистического движения. Подчеркивая значение Октябрьской революции для развития левого движения в Латинской Америке, историки, однако, делали акцент на важности внутренних факторов формирования коммунистического движения. Авторы отмечали, что «качественный скачок в классовой борьбе между трудом и капиталом — соединение рабочего движения с революционной теорией марксизмом — произошел в Латинской Америке под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и ознаменовал собой главное содержание нового, четвертого этапа в истории латиноамериканского рабочего движения»¹⁴. Также латиноамериканистами отмечается особое значение движения солидарности с Советской Россией, которое охватило страны Латинской Америки, в ходе которого крепло классовое сознание пролетариата. Они отмечали, что в это время в ряде стран созрели необходимые объективные и субъективные предпосылки для формирования коммунистического движения. В Чили в июне 1912 г. была создана Социалистическая рабочая партия, которая в 1922 г. преобразовалась в Коммунистическую партию Чили и присоединилась к Коминтерну; созданная в Уругвае в 1910 г. Социалистическая партия после противоречий и разногласий оформилась в 1920 г. в Коммунистическую партию Уругвая.

Значение пролетарской революции в России для развития рабочего движения в странах Латинской Америки отмечал известный латиноамериканист, историк с мировым именем А.Ф. Шульговский. Историк указывал, что Октябрьская революция наложила глубокий отпечаток на классовые выступления латиноамериканских трудящихся, ускорила создание их революционных политических организаций и в итоге привела к дискредитации идей социал-реформизма и анархо-синдикализма. О ра-

¹⁴ Коваль Б.И., Коновалова Н.С. Октябрьская революция. С. 23.

спространении работ Ленина в странах Латинской Америки и их значении для развития коммунистического движения подробно написал Семенов С.И. в статье «Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке»¹⁵.

Серьезным исследованием влияния Октябрьской революции на левое движение в странах Латинской Америки стала монография Б.И. Ковалья «Свет Октября над Латинской Америкой», которая вышла к 60-летию революции¹⁶. Проанализировав обширный фактический материал, Коваль представил подробную картину формирования коммунистических партий в странах Латинской Америки под идеологическим влиянием Октябрьской революции и Коминтерна. В данной работе Коваль не только раскрыл основные вехи развития рабочего и коммунистического движения в странах Латинской Америки, но и обозначил ключевые этапы изучения влияния Октября на революционное движение в отечественной историографии.

В конце XX – начале XXI вв. в новых политических реалиях, историко-латиноамериканисты продолжили лучшие традиции изучения истории развития политических движений в странах Латинской Америки. На новом документальном материале, ставшем доступным благодаря открытию некоторых архивов, в частности РГАСПИ, были опубликованы уникальные архивные документы Коммунистического Интернационала. На современном витке развития исторической науки ведутся исследования многих ключевых, до сих пор остающихся дискуссионными исторических вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

Вольский А. История мексиканских революций. М.–Л., 1928.

Донский Г. Борьба за Латинскую Америку». М.–Л., 1928.

Ермолаев В.И. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америке 1870–1900 // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 81-97.

Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М. 1982.

Ермолаев В.И., Шульговский А.Ф. Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке с Октября до наших дней. М. 1970.

¹⁵ Семенов С.И. Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // Латинская Америка. 1970. № 2. С. 165-184.

¹⁶ Коваль Б.И. Свет Октября над Латинской Америкой. М. 1977.

- Зорина А.М.* Великая октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки // Вопросы истории. 1949. № 9. С. 83-93.
- Зорина А.М.* Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 79-92.
- Коваль Б.И., Коновалова Н.С.* Октябрьская революция и начало нового этапа рабочего движения в странах Латинской Америки // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 18-29.
- Коваль Б.И.* Свет Октября над Латинской Америкой. М. 1977.
- Семенов С.И.* Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // Латинская Америка. 1970. № 2. С. 165-184.
- Шульговский А.Ф.* Пролетарская революция в России и антиимпериалистическое движение в Латинской Америке (1917–1929 гг.) // Вопросы истории. 1967. № 11. С. 92-106.
- Шульговский А.Ф.* Революция и контрреволюция в Латинской Америке в свете опыта Великого Октября // Латинская Америка. 1977. № 5.
- Якобсон Г.* «Революционный подъем и рабочее движение Латинской Америки в первые послевоенные годы» // Историк марксист. 1932. № 3–4. С. 293-328.

*В.П. Казаков**

V.P. Kazakov

РОССИЙСКИЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В АРГЕНТИНЕ И КОМИНТЕРН (1917–1922)

THE RUSSIAN LABOUR ORGANIZATIONS IN ARGENTINE AND COMINTERN (1917–1922)

Аннотация: В статье рассматриваются отношения русских рабочих организаций в Аргентине с Коминтерном и их позиция в отношении рабочего движения и компартии Аргентины.

Ключевые слова: Аргентина, Коминтерн, Октябрьская революция, анархизм, коммунистическая партия.

Abstract: This article examines the relations of Russian trade unions in Argentina with the Communist International and communist party of Argentina.

Keywords: Argentina, communist international, October revolution, anarchism, communist party.

Постановка данной проблемы вызвана тем фактом, что к моменту русской революции 1917 г. российская колония в Аргентине насчитывала 150 тыс. человек, из которых 50 тыс. являлись квалифицированными рабочими и концентрировались в основных промышленных центрах страны, прежде всего в предместьях Буэнос-Айреса¹. Еще задолго до революции русские рабочие, помимо того, что многие из них входили

* *Владимир Петрович Казаков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Vladimir P. Kazakov* — Insitute of World History).

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 9. Л. 2.

в соответствующие профсоюзы, начали создавать свои национальные организации. Вскоре после Октябрьской революции, в январе 1918 г. был созван съезд этих организаций, на котором произошло создание Федерации российских рабочих организаций в Южной Америке (РРФЮА), объединившей около 14 тыс человек. В целом в федерации преобладало влияние анархо-коммунистов. В принятой декларации признавалась советская власть, провозглашалась солидарность с диктатурой пролетариата «как с временным средством борьбы для свержения капитализма и установления коммунистического строя, в котором не будет эксплуатации человека человеком»². Главной целью являлось развитие классового сознания среди русских рабочих; вовлечение их в федерацию и в профсоюзы для активного участия во всех местных выступлениях рабочих; провозглашалась солидарность с анархо-коммунистической федерацией Аргентины (ФОРА–V).

РРФЮА стремилась стать единственной представительницей русских рабочих в Аргентине и ревниво относилась к Российскому союзу рабочих социалистов (РСРС). Главная причина вражды носила политический характер. РСРС обвинял РРФЮА в анархизме, а последний характеризовал РСРС как «кучку мелких буржуев и интеллигентствующих». Таким было положение в среде русской рабочей иммиграции в Аргентине ко времени создания Коминтерна в 1919 г. Какой была роль этих рабочих организаций в установлении связи Коминтерна с рабочим движением Аргентины и в выработке первоначальной политики Коминтерна в отношении Интернациональной социалистической партии? Для установления связей с Коминтерном РРФЮА направила в Москву М. Александровского, в прошлом активного участника революционного движения в России, члена РСДРП, который после поражения революции 1905 г. был вынужден эмигрировать в Аргентину. Там М. Александровский принимал активное участие в профсоюзном движении и пользовался полным доверием у членов РРФЮА. В свою очередь РСРС также направил в Москву своего представителя М. Машевича. В середине 1920 г. оба делегата независимо друг от друга и после долгих мытарств добрались до Москвы. От них Коминтерн впервые узнал о положении дел в Аргентине и аргентинские сюжеты стали фигурировать в документах внешнего органа Коминтерна — Малого бюро Исполкома Коминтерна (МБ ИККИ).

23 августа 1920 г. МБ ИККИ рассмотрело вопросы «Южноамериканского движения» и решило поставить их на обсуждение своего ближай-

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 23. Л. 21.

шего заседания, пригласить на это заседание «т. Машевича и других заинтересованных лиц». Такое заседание состоялось 31 августа. На нем были заслушаны доклады Машевича и Александровского и предложено «обоим товарищам представить свои практические соображения в письменном виде»³. После этого МБ ИККИ вновь вернулось к рассмотрению «Южноамериканского вопроса» и на заседании 7 сентября в присутствии Н. Бухарина, А. Руднянского, Э. Майера и М. Кобецкого постановило: «а) со старой Аргентинской социалистической партией ни «в какие сношения не вступать; б) к партии социалистов-интернационалистов и к федерациям коммунистической и синдикалистской обратиться с особым посланием, составление которого поручается тт. Бухарину, Кобецкому, Майеру; в) послать трем перечисленным организациям все материалы конгресса; г) оказать финансовую поддержку партии социалистов-интернационалистов и коммунистической федерации через т. Катаямю; д) тов. Машевичу оказать содействие для возвращения в Аргентину; тов. Александровского просить временно остаться в России с целью ознакомления, а затем послать на работу в Аргентину»⁴.

Постановление МБ ИККИ достаточно интересно. Оно позволяет воссоздать первоначальную позицию Коминтерна в отношении путей создания коммунистической партии в Аргентине. Во-первых, своим решением оказать финансовую помощь, наряду с интернациональными социалистами, также анархо-коммунистам и, возможно, синдикалистам. Коминтерн очертил круг своих возможных союзников, решительно исключив из него старую социалистическую партию. Во-вторых, Коминтерн не рассматривал Интернациональную социалистическую партию как свою единственную опору в стране, оставляя открытым вопрос о ее приеме в Коминтерн. По существу, речь шла о том, что в Аргентине еще только предстояло создать коммунистическую партию, куда наряду с интернациональными социалистами могли войти и те из анархо-коммунистов и синдикалистов, которые признавали советскую власть и диктатуру пролетариата.

О том, что это была точка зрения Александровского, свидетельствует его письмо секретарю Коминтерна Кобецкому от 4 октября 1920 г. В нем, среди прочих задач своей поездки в Аргентину, он отмечал: «[...] ехать [...] чтобы повести там кампанию против оппортунистов и добиться присоединения революционных профсоюзов к III Интернацио-

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 76.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 182.

налу и созданию единой коммунистической партии»⁵. В отличие от Александровского поездка Машевича в Аргентину преследовала более ограниченные цели. Он передал 20 тыс. песо интернациональной социалистической партии. Деньги предназначались для издания ежедневной газеты, а также для перевода и издания в Аргентине коммунистической литературы, предназначенной не только для Аргентины, но и для других стран Южной Америки.

Тем временем в Аргентине произошли важные события. В декабре 1920 г. состоялся чрезвычайный съезд интернациональной социалистической партии, который принял «21 условие» приема в Коминтерн и переименовал партию в коммунистическую. Компартия развернула работу в рабочем движении, в профсоюзах стали создаваться коммунистической ячейки.

Перед лицом этих фактов сам по себе отпал вопрос о создании единой компартии. Однако позиция МБ ИККИ в отношении ее приема в Коминтерн определилась лишь с приездом в Москву в середине 1921 г. ее делегата, генерального секретаря партии Р. Гиольди. Деньги на поездку Гиольди дал Машевич⁶.

После изучения обстоятельного доклада Гиольди о деятельности компартии, о социально-экономическом положении страны и расстановке классовых сил МБ ИККИ в присутствии Г. Зиновьева (председатель), Б. Куна, Э. Дженари, К. Радека, М. Ракоши, О. Куусинена, Ж. Эмбера Дрю, Бричкиной, В. Кингисеппа, О. Пятницкого постановило: «Принять Аргентинскую партию в Коминтерн, утвердить резолюцию, предложенную тов. Эмбер Дрю на первом заседании ИККИ, весь вопрос внести на утверждение ИККИ». Проголосовали за «признание КПА единственной секций Коминтерна в Аргентинской республике», констатировали «существование Компартии под именем Интернациональной Социалистической партии в период с января 1918 г. по декабрь 1920 г.», одобрили ее позицию в отношении империалистической войны, социал-патриотизма, соцпартии, Октябрьской революции, Коминтерна» на базе твердых принципов революционного марксизма и воспитания пролетариата в духе классовой борьбы»⁷.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 4. Л. 1.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 16. Л. 3. Об этом же писал и сам Гиольди в отчете о деятельности Машевича в Буэнос-Айресе в начале 1921 г.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 33. Л. 75, 80-81.

Л.А. Ивкина *

L.A. Ivkina

КАРЛОС БАЛИНЬО – ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОЙ КОМПАРТИИ КУБЫ**

CARLOS BALIÑO, THE FOUNDER OF THE FIRST COMMUNIST PARTY OF CUBA

Аннотация: В статье освещаются основные этапы жизни и деятельности одного из лидеров рабочего и коммунистического движения Кубы, основателя первой Коммунистической партии Кубы (1925) Карлоса Бенигно Балиньо.

Ключевые слова: Карлос Балиньо, Хосе Марти, Великая Октябрьская Социалистическая революция, Куба, научный социализм, первая компартия Кубы.

Abstract: The article highlights the main stages of the life and work of one of the leaders of the workers' and Communist movement in Cuba, the founder of the first Communist party of Cuba Carlos Benigno Baliño.

Keywords: Carlos Baliño, José Martí, The October Socialist Revolution, scientific socialism, Cuba, the first Communist Party of Cuba.

Имя Карлоса Бенигно Балиньо Лопеса занимает почетное место в истории кубинского революционного движения. Ему выпала честь стать связующим звеном между поколением кубинских борцов за независимость против испанского колониализма в XIX в. и представителями

* *Людмила Андреевна Ивкина* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Ivkina Liudmila A.*, Institute of World History of the Russian Academy of Science), lais07@mail.ru.

** Данное выступление подготовлено при поддержке РФНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»).

нового поколения кубинских революционеров XX в., встать во главе нового этапа борьбы за подлинную независимость Кубы, на этот раз против американского империализма, быть пропагандистом научного социализма на Кубе и основать первую Коммунистическую партию Кубы. Один из деятелей коммунистического движения Кубы Блас Рока в предисловии к работе Балиньо «Социалистические основы», отметил, что вся его жизнь и деятельность была направлена на защиту всех угнетенных слоев населения, на борьбу за освобождение трудящихся масс от всех форм рабства»¹.

Карлос Бенигно Балиньо Лопес родился 13 февраля 1848 г. в провинции Гавана (Гуанахай) в семье кубинской революционной интеллигенции. Его отец Карлос Хосе Балиньо (инженер–строитель) по подозрению в подготовке антииспанского заговора в Вуэльта — Абахо в феврале 1869 г. был арестован и сослан на Фернандо По, откуда ему удалось бежать в США, вскоре туда переехала и вся семья. Балиньо мечтал с детства заняться живописью, обладал поэтическим талантом, о чем свидетельствуют его первые юношеские произведения. Однако жизнь распорядилась по-своему. В США Балиньо вынужден был в поисках средств к существованию работать сортировщиком табака.

Годы жизни в США (1869–1902) стали годами его формирования как пролетарского лидера. Здесь он сблизился с простыми кубинскими эмигрантами, рабочими-табачниками, познал все трудности их жизни, приобрел опыт борьбы за насущные интересы трудящихся масс, став одним из организаторов первых рабочих (цеховых) организаций среди кубинских рабочих табачников. Одновременно активно сотрудничал с лидерами освободительной борьбы 1868–1878 гг., создавая фонды по сбору средств в пользу кубинских революционеров, участников Десятилетней войны (1868–1878).

Существенное влияние на формирование мировоззрения Балиньо и становления как революционного деятеля оказало американское рабочее движение 70–90-х гг. XIX в. В этот период активную деятельность раз вернули среди прочих такие рабочие и социалистические организации, как Орден рыцарей труда (ОРТ) и Социалистическая рабочая партия (СРП). Орден рыцарей труда, созданный в 1869 г. в Филадельфии вначале как тайная организация портных, позднее объединил рабочих различных профессий, в основном неквалифицированных, а также непролетарские и мелкобуржуазные элементы. Это была первая попытка организации американского рабочего класса в национальном масштабе.

¹ *Balino C.B. Documentos y artículos. La Habana, 1976. P. 96, 97.*

Впервые в истории США в него принимались и негры. ОРТ выступал за солидарность со всеми трудящимися, за уничтожение рабства наемного труда и замену его при помощи мирных способов производственными и потребительскими кооперативными предприятиями рабочих, против трестов, за выкуп у капиталистов за счет государства предприятий, железных дорог, банков и других средств производства. В области социальной программа ОРТ включала требования 8-ми часового рабочего дня, равной оплаты за равный труд для женщин и мужчин, запрещение использования детского труда до 14 лет, разработку и принятие законов по охране и защите здоровья и безопасности рабочих на производстве. Орден выступал за реформы в сфере труда и налоговой политики, денежного обращения и земельного законодательства. Орден пропагандировал мирные методы решения конфликтов между трудом и капиталом. После перехода на легальное положение в 1878 г. Орден превратился в массовую рабочую организацию чисто американского характера, строившуюся по территориальному, а не по производственному принципу. В 1886 г. в его рядах насчитывалось более 700 тыс. членов². К началу 90-х гг. Орден практически прекратил свое существование. Несмотря на ряд утопических идей, Орден сыграл важную роль в становлении американского рабочего движения в США в 70–80-е гг. Балиньо одно время был членом этой организации³. Позднее в 1922 г. он писал, что главной заслугой этой организации было то, что «впервые в истории негры и белые смогли объединиться в рабочие ассамблеи»⁴.

Другой организацией была Рабочая партия США, созданная в 1876 г. при поддержке американской секции I Интернационала (с 1877 г. Социалистическая рабочая партия, СРП). Внутри партии шла ожесточенная идеологическая борьба между лассальянцами (оппортунисты) и марксистами (Зорге, О. Вейдемейер) по основным проблемам рабочего и социалистического движения, Лассальянцы, находившиеся под влиянием немецкого социалистического движения, отрицая принцип классовой борьбы, стремились перенести социалистическую пропаганду и работу с массами в парламентское русло, выступали за мирное преобразование капиталистического государства в социалистическое через участие рабочего класса в избирательном процессе, отрицали важность других форм борьбы (в частности, забастовочной), необходимость союзу за между фермерским и рабочим движением. В то же время ее марксистское

² История США. Т. 2. М.: Наука, 1985. С. 65, 66.

³ *Gómez García C.* Carlos Baliño. Primer Pensador Marxista Cubano. El estudio de su pensamiento filosófico-social. La Habana, 1985. P. 104-107.

⁴ *Baliño C.B.* Documentos y artículos. P. 180.

ядро под влиянием Маркса и Энгельса выступали за применение всех форм (легальных и нелегальных) борьбы за политические и экономические интересы рабочего класса, необходимость создания массовой пролетарской партии, за союз рабочих и фермеров⁵. Поскольку основное ядро СРП составляли иностранные рабочие-иммигранты (преимущественно немецкие), она не оказала существенного влияния на американское рабочее движение.

Именно в США Балиньо познакомился с работами основоположников марксизма, здесь Балиньо начал публиковать газету для испанских читателей *La Tribuna del Trabajo* (1889), где высказывал свои взгляды, свидетельствующие о его осведомленности о важнейших программных положениях научного социализма (существование классовых антагонизмов, роль государства при капитализме, борьба рабочего класса за свои экономические и политические права, необходимость создания пролетарской партии и революционной борьбы для свержения существующего строя).

Важный рубеж в жизни Балиньо — знакомство с революционером демократом, лидером второго этапа национально-освободительной борьбы (1895–1898) Хосе Марти, состоявшееся в ноябре 1891 г. Между ними возникли теплые дружеские отношения. Их союз основывался на единстве взглядов и понимании необходимости решения задач национально-освободительной борьбы против испанского колониализма. Марти высоко оценивал неустанную патриотическую деятельность Балиньо среди кубинских рабочих табачников, называя его человеком «ясного ума и светлого разума», обладающего «золотым стилем и пером»⁶. Балиньо был организатором и президентом различных революционных клубов (*Francisco Vicente Aguilera*, *Leopoldo Turla*, *10 de Abril*, *Enrique Roig* и др.), ставших ядром созданной в апреле 1892 г. вместе с Марти стал Революционной партии Кубы (КРП), принимал участие в сборе средств для подготовки освободительной борьбы 1895–1898 гг. Как и Марти критиковал агрессивную внешнюю политику США по отношению к Кубе. В первом предисловии (1896) к книге американского историка Х. Дэвиса «Новое рабство», переведенной им на испанский язык, он писал: «Война за независимость на Кубе вызвала алчную жадность иностранных капиталистов, которые ищут новые районы для приложения своих капиталов, И это не стоит того, чтобы Куба пролила хоть каплю крови для того, чтобы поменять своих хозяев». В 1921 г.

⁵ История США. Т. 2. С. 84, 85.

⁶ *Martí J. Obras Completas. La Habana, 1963. Т. I. P. 298; Т. II. P. 291.*

в новом предисловии к этой же работе он писал: «Ничто не изменилось, произошла лишь смена декораций, Прав был Марти, когда говорил, что эти итоги не стоили того, чтобы была пролита хоть капля крови наших мужчин, чтобы пролита хоть одна слеза наших женщин лишь для того, чтобы сменить кнут на резиновую дубинку»⁷.

После создания псевдореспублики в 1902 г. Балиньо вернулся на Кубу. К этому моменту он еще не до конца сумел освободиться от многих утопических иллюзий и идеологических взглядов, присущих деятельности ОРТ и СРП США. Но как и многие прогрессивные кубинские деятели понял, что Куба так и не получила подлинной независимости и что предстоит вновь включиться в революционную борьбу, на этот раз против американского империализма. В статье «Экономическая независимость» (1902) он справедливо отметил, что «без экономической свободы невозможна свобода политическая»⁸.

Уже в 1903 г. по инициативе Балиньо на базе Социалистического объединения Гаваны был создан клуб Социалистической пропаганды и его печатный орган *La Voz Obrera*, куда вошло всего 13 человек. Главной задачей организации стало изучение и пропаганда идей научного коммунизма, распространение опыта социалистического и рабочего движения других стран. В 1904 г. была основана Рабочая партия. Её члены приняли программу, в которую были включены требования пересмотра конституции с целью ее демократизации, введение всеобщего избирательного права, создание справедливой судебной власти, пре доставления широкой автономии муниципальным и провинциальным органам власти, ликвидации постоянной армии и создания народной милиции. В сфере трудового законодательства выдвигались требования введения 8-ми часового рабочего дня, сокращенного рабочего дня для молодежи, запрещение детского труда, равной оплаты труда вне зависимости от пола и расы, создания обществ, касс взаимопомощи и пенсионного фонда для престарелых граждан, равенства всех граждан республики, создания профессиональных бесплатных школ. Кроме того, программа настаивала на проведении таможенной реформы, снижении цен на товары первой необходимости, развитии национальной промышленности и др.⁹. Позднее, 20 сентября 1905 г. программа была дополнена поправкой, в которых прозвучали политические требования: завоевание власти рабочим классом и превращение частной собственности на средства производства в коллективную,

⁷ *Baliño C.B. Documentos y Artículos.* P. 43, 44.

⁸ *Baliño C.B. Documentos y Artículos.* P. 49-51.

⁹ *El Movimiento Obrero Cubano. Documentos y Artículos.* La Habana, 1975. T. I, 1825–1935. P. 214-216.

общественную собственность всех трудящихся¹⁰. Партия стала называться Рабочей социалистической партией.

В 1906 г. на базе Рабочей социалистической партии и Международного социалистического объединения, куда входили в основном испанские рабочие, была образована Социалистическая партия. В новой программе партии признавалось наличие классовых антагонизмов и классовой борьбы, отмечалось негативная роль иностранного капитала, захватившего ключевые позиции в экономике острова, звучали призывы к объединению всех трудящихся масс Кубы, за превращение частной собственности на средства производства в общественную, за преобразование общества как насильственными (революция) так и мирными средствами¹¹.

Привносимые в партию идеи анархо-синдикализма и реформизма, отрицание необходимости борьбы за насущные экономические и политические интересы трудящихся масс (борьбы за повышение заработной платы и улучшение экономического положения), неприятие революционных методов борьбы, а зачастую и соглашательские союзы с буржуазными партиями, непонимание необходимости борьбы за конкретные задачи, стоящие перед кубинским обществом, такие, как борьба против засилья иностранного капитала в экономике и подлинную независимость острова, за отмену «поправки Платта», способствовали тому, что партия так и не смогла стать выразителем подлинных интересов трудящихся масс Кубы. В 1909 г. ввиду возникших разногласий между руководителями Социалистической партии и Балиньо, критиковавшим сложившуюся практику предпочтительного приема на работу испанских рабочих на предприятия, последний покинул ряды партии и отошел от политической деятельности.

За период с 1902 по 1909 г. Карлоса Балиньо написал ряд статей, в которых затрагивал различные аспекты жизни страны: о тяжелой участи трудящихся Кубы, главной причиной которой являлась капиталистическая эксплуатация наемного труда, о необходимости борьбы за экономические и политические интересы рабочего класса, просвещения, объединения и организации трудящихся масс, в защиту русской революции 1905 г., о важности празднования Первой мая, о задачах и программе Рабочей партии.

Большое значение для распространения идей научного социализма на Кубе имела его работа «Социалистические основы», не лишенная ошибочных размышлений, характерны для американского рабочего

¹⁰ *Grobart F.* Obras escogidas. La Habana, 1985. P. 128.

¹¹ *Baliño C.B.* Documentos y Artículos. P. 227-232.

движения¹². Победа Октябрьской революции 1917 г. оказала огромное воздействие на становление и последующее развитие рабочего и революционного движения во всем мире, предопределило новый этап в развитии рабочего и коммунистического движения на Кубе. Послевоенные годы ознаменовались широким антиимпериалистическим, национально-демократическим и рабочим движением в стране, оживлением борьбы против засилья американского империализма, за насущные интересы трудящихся масс. В авангарде этой борьбы выступали все прогрессивные силы кубинского общества: мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция, студенчество, передовые отряды рабочего класса и трудового крестьянства. Новый этап начался и в жизни Балиньо, который вновь включился в политическую борьбу страны. Он один из первых понял историческую значимость революционных событий в России, полностью перешел на позиции научного коммунизма, выразил свою солидарность с политикой большевиков, с деятельностью В.И. Ленина, горячо приветствовал события в России.

Реальные конкретные шаги по созданию коммунистических объединений на Кубе были предприняты в июле – августе 1922 г. По инициативе К. Балиньо состоялась конференция Социалистического объединения Гаваны, на которой обсуждалась разработанная им «Декларация принципов»¹³. В ней был дан анализ состояния рабочего движения на Кубе и освещены события, произошедшие в международном рабочем движении после победы Октябрьской Социалистической революции, создания III Интернационала (1919) и Красного Профинтерна (1921). В результате острой дискуссии было принято решение выйти из состава II Интернационала, принять «21 условие» приема в Коминтерн и присоединиться к коммунистическому Интернационалу. Тогда Балиньо поддержало всего 4 человека: Х. Мигель Перес (преподаватель), Алехандро Баррейро (табачник), Х. Пенья Вилабоа (маляр) и руководитель профсоюза маляров, Х. Виласусо (каменщик)¹⁴.

¹² *Baliño C.B.* Documentos y Artículos. P. 105-125; В частности, он повторял ошибку лассальянства о том, что борьба за повышение заработной платы не приведет к улучшению жизни трудящихся масс, поскольку приведет к росту стоимости жизни.

¹³ *Baliño C.* Documentos y Artículos. P. 245-253.

¹⁴ *Serviat P.* 40 Aniversario de la Fundación del Partido Comunista. La Habana, 1965. P. 92; Первые контакты деятелей Коминтерна с рабочими лидерами Кубы состоялись, в свете новых данных, в декабре 1919 г., когда американский социалист, один из основателей КПМ Чарльз Френсис Филип по просьбе представителя Исполкома Коминтерна в Новом Свете Михаила Бородина установил личные контакты с рабочим лидером анархистом Марсело Салинасом, членом Социалистической секции. Тот пообещал переименовать ее в Коммунистическую, выразил желание присоеди-

18 марта 1923 г. Социалистическое объединение Гаваны согласно 17-ой статье 21-го условия приема в Коминтерн было переименовано в Коммунистическое объединение, был создан и печатный орган *Lucha de Clases* (до этого *Спартак*). В начале 1924 г. в эту организацию вошел и лидер студенческой молодежи Хулио Антонио Мелья и лидеры профсоюзного движения Кубы. Коммунистическая группировка была немногочисленной, она насчитывала всего 27 человек, но важным положительным моментом ее создания было то, что произошло слияние коммунистических и антиимпериалистических идеалов общества, а борьба за коренные интересы рабочего класса слилась с борьбой за подлинную независимость страны против американского империализма. Вскоре коммунистические группировки возникли в других районах и городах острова: Регле, Сантьяго-де-Кубе, Пальма-Сориано, Баямо, Гуантанамо, Мансанильо, Гуанабакао.

Главная задача коммунистических групп состояла в подготовке идейной основы для основания на Кубе коммунистической партии — авангарда рабочего класса. Эта титаническая, организационная и пропагандистская работа, проходившая в чрезвычайно сложной политической обстановке, увенчалась успехом через два года. Новое национальное само-

ниться к III Интернационалу и 6 декабря 1919 г. направил в ИККИ просьбу о приеме в Коммунистический Интернационал. Однако установленные контакты не получили дальнейшего развития. Подробнее см.: Хейфец Л.С. Коминтерн и Коммунистическое движение Кубы //Латиноамериканский исторический альманах: М., ИВИ РАН, 2001, № 2. С. 135-152; Что касается личности самого Марсело Салинаса (1889–1976), он был выходцем из простых социальных слоев кубинского общества, с детства в поисках средств к существованию был вынужден работать табачником, каменщиком, чернорабочим, сельскохозяйственным рабочим. Жил и работал в США (1910–1914, 1918), стал членом организации Индустриальные рабочие мира; Испании (1915–1916), где был вовлечен в анархистское движение. В 1919 г. был выдворен из США на Кубу, здесь включился в забастовочное рабочее движение. Был секретарем 1-го Национального рабочего конгресса (1920). Вместе с другими рабочими лидерами Кубы (А. Пеничетом) был арестован за распространение коммунистической литературы. Уже к концу 20-х позиционировал себя как литератор и писатель, автор театральных пьес, новелл, сарсуэл. Получил несколько национальных премий в области литературы (1928, 1939, 1941). В 40-е годы — член анархистской ассоциации Кубы. В 1948 г. присутствовал на II-м Национальном конгрессе анархистов, избран секретарем культурной секции организации. Редактор анархистских изданий (*Estudios, El Libertario, Tiempos Nuevos* и др.) В 1956–1959 — секретарь Кубинской конфедерации труда (КТК). Член союза писателей и артистов Кубы. После победы кубинской революции (1959) остался верен своим анархистским убеждениям. В результате преследований властей был вынужден покинуть Кубу в 1967 (по другим сведениям — в 1972) г., и обосноваться в США (Майями), где продолжил участвовать в кубинском анархистском движении в изгнании. Убеденный противник большевизма. Умер в 1976 г. в Майями.

сознание рабочих и прогрессивных слоёв кубинского общества было подготовлено к восприятию и постижению идей научного социализма. Большую помощь в деле создания компартии Кубы и подготовке ее 1-го конгресса по просьбе Балиньо оказала Компартия Мексики, направив на Кубу своего представителя Энрике Флореса Магона (Энрике Флорес)¹⁵.

1-й съезд Коммунистической партии Кубы состоялся 16–17 августа 1925 г. На нем присутствовали коммунистические группировки из других городов, а также представители еврейской секции Гаваны. Обсудив «21 условие» приёма в Коминтерн, съезд принял решение присоединиться к III Интернационалу. Была также принята конкретная программа требований как для всего рабочего класса, так и сельскохозяйственного пролетариата: борьба за 8-ми часовой рабочий день, запрещение вы дачи зарплаты бонами (в сахарной промышленности), снижение арендной платы для крестьян и колонов, передача всех путей сообщения в общественное пользование, снижение косвенных налогов, введение прогрессивного налога на капитал и др.¹⁶. Одной из важнейших задач ком партии было признано осуществление систематической работы по изучению основ марксистско-ленинской теории рабочими массами, распространение партийной печати, усиление политического самообразования членов молодой компартии. Был избран Центральный комитет в составе 9-ти человек, в него вошли кроме Балиньо, Х.А. Мелья, Х. Пенья Вилабоа, Алехандро Баррейро, Хосе Мигель Перес. Генсеком компартии Кубы был избран Х.М. Перес¹⁷. В последний день своей работы конгресс почтил молчанием память В.И.Ленина и других борцов за дело рабочего класса, направил приветствие братской компартии Мексики и морякам советского парохода «Вацлав Воронский», находившегося в это время в гаванском порту.

Балиньо сыграл решающую роль в деле распространения идеалов социалистической революции и пропаганды марксизма, выступая в защиту Октябрьской революции, донося правду о борьбе советского народа и выражая солидарность с трудящимися массами России. В эти годы (1917–1926) его статьи, публиковавшиеся в различных рабочих органах печати — *Boletín del Torcedor, Cuba y América, Espartaco, Juventud, Lucha de Clases* и другие — свидетельствовали о его становлении как подлинного марксиста-ленинца. В 1917 г. в статье «На пути к достойной жизни и свободе», касавшейся событий в России, он писал, что «зерна, посеянные в землю, дали всходы, итогом которых стали самые

¹⁵ *Pérez Camejo B.N.* Cuba en el Archivo de la Internacional Comunista // *Boletín del Archivo Nacional. La Habana*, 2012, № 18–20. P. 126, 127.

¹⁶ *Grobart F.* Obras escogidas. P. 134–135.

¹⁷ *Serviat P.* 40 Aniversario del Partido Comunista. P. 117.

величайшие политические и социальные преобразования в мире, осуществлённые после Французской революции»¹⁸. В другой работе «Видим ясно» (1920), отстаивая принципы марксизма и разоблачая пороки буржуазного общества, призывал рабочих к борьбе за свои права и идеалы¹⁹. В статье, посвящённой празднованию 5-ой годовщины Октябрьской революции, называл ее надеждой человечества. Высоко оценивал деятельность самого лидера социалистического движения России В. Ленина, (1924) назвав его великим гением, выдающимся человеком, борцом, учителем, наставником, претворившим в жизнь самые высокие идеалы. Раскрывая истинное лицо США, в одной из своих работ (1924) писал: «Что касается Кубы, то США контролируют ее политическую и экономическую жизнь. Остров, освобожденный ими от испанского колониализма, теперь попал под пяту американских сахарных трестов и банков»²⁰. Уже через несколько дней после создания компартия была запрещена и вынуждена была уйти в подполье. Ее генсек Мелья в 1926 г. покинул Кубу ввиду угрозы его жизни. 18 июня 1926 г. не стало и Балиньо. Ему было 78 лет. Главная заслуга первого коммуниста Кубы состояла в том, что он сумел осмыслить все значение событий, произошедших в далёкой России и понять, что рабочее движение на Кубе не изолированное движение, а составная часть всеобщего мирового революционного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Блас Рока.* Основы социализма на Кубе. М., 1961.
- Хейфец Л.С.* Коминтерн и Коммунистическое движение Кубы // Латино-американский исторический альманах. М., 2001. № 2. С. 135-152.
- Baliño C. B.* Documentos y artículos. La Habana, 1976.
- Gómez García C.* Carlos Baliño. Primer Pensador Marxista Cubano. El estudio de su pensamiento filosófico-social. La Habana, 1985.
- Grobart F.* Obras escogidas. La Habana, 1985.
- Massón Sena C.* Comintern y comunismo en Cuba. Una reflexión crítica // Revista Izquierda. 2010. Año 3, N 7.
- Pérez Camejo B.N.* Cuba en el Archivo de la Internacional Comunista // Boletín del Archivo Nacional. La Habana, 2012. № 18-20.
- Serviat P.* 40 Aniversario de la Fundación del Partido Comunista. La Habana, 1965.

¹⁸ *Baliño C.* Documentos y Artículos. P. 146.

¹⁹ *Baliño C.* Documentos y Artículos. P. 148.

²⁰ *Baliño C.* Documentos y Artículos. P. 173, 189, 192.

В.Л. Хейфец *
V.L. JEIFETS

МЕКСИКА И МЕКСИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ КОМИНТЕРНА В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ**

MEXICO AND THE MEXICAN REVOLUTION IN THE EYES OF THE III INTERNATIONAL (1920s – 1930s)

Аннотация: В докладе анализируется теоретическое видение Мексики Коминтерном в 1920-х – начале 1930-х гг. Продемонстрированы основные противоречия этого подхода. Так, показано, что в III Интернационале не всегда понимали специфику страны и мексиканской революции, часто просто полагая Мексику «полуколонией США». Показана роль в формировании теоретических воззрений Коминтерна о Мексике различных персонажей истории всемирной компартии: М. Бородина, М.Н.Роя, Ч. Филлипса, Л.Фрайны, С. Пестковского, Э. Воога, Е. Варги и др. Поначалу Москва расценивала Мексику как поле для развертывания панамериканской революции, что обусловило создание там Панамериканского бюро Коминтерна и требование развивать не национальную, а общеамериканскую коммунистическую деятельность. При этом Коминтерн не сумел вовремя оценить значимость отношений с потенциальными сильными лидерами из числа революционных националистов. Только в середине 1920-х гг. III Интернационал, наконец, признал определенную специфику Мексики и то, что коммунисты конкурируют в борьбе за массы не с анархистами, а с правительством; тем не менее, основные дефекты вос-

* *Виктор Лазаревич Хейфец* — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (*Victor L. JEIFETS* — St. Petersburg University), jeifets@gmail.com.

** Данное выступление подготовлено при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»).

приятия страны остались прежними. Попытки неортодоксального анализа мексиканской действительности (Е. Варга, Э. Воог) оказывались неизменно исключением из общего правила и не становились тенденцией. Это подтвердила и дискуссия по Мексике на Первой конференции компартий Латинской Америки (Буэнос-Айрес, 1929), задачей которой было подвести определенные итоги десятилетия формирования коммунистического и левого движения в Западном полушарии и выработать концепцию латиноамериканской революции. Глобалистское видение континента исключало возможность дифференцированных подходов к проблематике латиноамериканской революции. После сталинизации Коминтерна произошел окончательный отказ от признания мексиканской специфики в революционном движении.

Ключевые слова: Коминтерн, Мексика, революция, панамериканизм, Пестковский.

Abstract: The report analyzes the theoretical vision of Mexico by the Comintern in the 1920s – early 1930s. It demonstrates the basic contradictions of this approach. Thus, it is shown that the Communist International did not understand the specifics of the country and the Mexican Revolution, and was often calling Mexico “semi-colony of the United States”. The role report contains analysis of the role played by different persons (M. Borodin, M.N. Roy, Ch. Phillips, L. Fraina, S. Pestkovsky, E. Woog, E.Varga and others) in the formation of the Comintern's theoretical views about Mexico. At first, Moscow regarded Mexico as the field for the deployment of Pan-American revolution, which led to the establishment there of the Pan American Bureau of the Comintern and the requirement to develop broader American (instead of national) communist activities. At the same time, the Comintern failed to appreciate the significance of relations with potential strong leaders among the revolutionary nationalists. Only in the mid. –1920s. Comintern has finally admitted a certain specificity of Mexico and that the Communists were competing for the masses not with anarchists, but with the government. Nevertheless, the basic defects were not corrected. Some attempts of un-orthodox analysis of the Mexican reality (made by E.Varga and E.Woog) proved consistently to be just an exception to the general rule, and did not become a trend. This was confirmed by the discussion on Mexico at the First Latin American Communist Conference (1929), whose task was to bring certain results of decades of formation of communist and left-wing movement in the Western Hemisphere and to develop the concept of the Latin American revolution. The globalist vision of the continent excluded the possibility of differentiated approaches to the

problems of the Latin American revolution. After the stalinization of the Communist International the specificity of the Mexican way to revolution was never more concerned.

Keywords: The Comintern, Mexico, revolution, pan-americanism, Pestkovsky.

Мексика, схожая в начале XX в. по социально-экономическим показателям со многими латиноамериканскими государствами, принципиально отличалась от них по политическим характеристикам: в стране только что завершилась национальная и буржуазно-демократическая революция 1910–1917 гг., в ходе которой развернулось массовое крестьянское движение за землю, а «Красные батальоны» ремесленников и промышленных рабочих вошли в состав конституционалистской армии для борьбы против реакционных генералов. В принятой в 1917 г. Конституции Мексики содержались положения, весьма прогрессивные для того времени: принадлежность нации земель и недр, приоритет общественных нужд над интересами частных лиц; восьмичасовой рабочий день для трудящихся, минимум заработной платы и ряд социальных благ. Размах забастовочного движения в Мексике был настолько значителен, что вынудил власти распустить влиятельную профорганизацию «Дом рабочих мира». Тем не менее, трудящиеся страны в целом оставались лояльными постреволюционным властям. Ко времени, когда Коминтерн распространил свою деятельность на Мексику, ему пришлось соперничать с незавершенной мексиканской революцией в деле привлечения на свою сторону рабочих и крестьян.

Реформистский профцентр КРОМ (Мексиканская региональная рабочая конфедерация) сумел завязать прочные и взаимовыгодные отношения с властями, что создавало дополнительную опору для постреволюционной системы. Впрочем, серьезным конкурентом реформистов было растущее анархо-синдикалистское движение, находившееся в оппозиции к государственной машине Мексике. Влиятельность анархо-синдикализма, при общей слабости социалистических групп и недостаточном знакомстве рабочих с марксистской теорией, была феноменом, характерным для Латинской Америки в целом.

Несмотря на все это, III Интернационал полагал Мексику полуколонией США. С точки зрения теоретиков всемирной компартии, подчиненность правящей элиты Мексики американскому и британскому империализму и её зависимость от них обрекали на провал попытки реформистского правительства реконструировать государство и экономику на более

независимой и самостоятельной основе, чем та, что существовала при режиме Порфирио Диаса. На самом деле руководство большевистской партии и Коминтерна практически ничего не знали о ситуации в Мексике, обладая лишь фрагментарными сведениями о мексиканской революции. В.И. Ленин в ходе встречи с делегатом Второго конгресса Коминтерна Ч. Филлипсом не скрывал: главное, что ему было известно о данной стране — это сам факт буржуазно-демократической революции в Мексике и желание крестьянской массы получить землю. Осознавая «рудиментарную роль» социалистов и коммунистов среди крестьян, руководитель советского государства, в первую очередь, интересовался силой антиамериканских настроений жителей.¹ Ленинские ремарки, как и документы Коминтерна в целом, демонстрировали врожденный дефект теоретических подходов к анализу мексиканских проблем: Мексика была важна для Интернационала как ближайший сосед США и потенциальный плацдарм для развертывания коммунистической деятельности в мощнейшем капиталистическом центре региона, а не как страна, где только что завершилась мощная национальная и социальная революция.

Еще на Втором Всемирном конгрессе (1920) Коминтерна возобладало глобальное видение: страны Латинской Америки рассматривались в комплексе — как часть колониального мира. Делегат Коммунистической партии Америки (КПА) Луис Фрайна объявил страны континента основным полем деятельности в борьбе с империализмом США, тогда как британские колонии должны были сыграть аналогичную роль в кампании против империализма Великобритании². Верно отметив идеологическую близость латиноамериканского рабочего движения не с географически близким американским, а с испанским (находившимся под влиянием анархо-синдикализма), американский коммунист выдвинул план организации «гигантского революционного движения» в масштабах всего Западного полушария. Ведущую роль в континентальном коммунистическом движении должна была, по его мнению, сыграть КПА, до этого времени не уделявшая южным соседям должного внимания. При этом совершенно не учитывался важнейший фактор — высокая степень развития антиамериканизма в ряде стран региона, что не могло не осложнить любые организационные усилия Коминтерна, осуществлявшиеся чрез

¹ *Gómez M. From México to Moscow // Survey. 1964. № 53. P. 43; Письмо Х. Рамиреса В. Ленину 11.9.1920. // Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 828. Л. 1; Shipman Ch. [Phillips Ch.]. It Had to Be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London, 1993. P. 118.*

² Второй конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. / Под ред. О. Пятницкого, Д. Мануильского, В. Кнорина, Б. Куна и М. Зоркого. М., 1934. С. 111-112.

США. К осени 1920 года руководство III Интернационала перешло к практической разработке теории панамериканской революции на базе проекта, направленного в Малое бюро (МБ) ИККИ Фрайной и делегатом Объединенной коммунистической партии Америки — Карлом Янсоном. Главной целью левых по-прежнему провозглашалось единство коммунистического движения США, Канады и Латинской Америки как обязательное условие серьезной борьбы с американским империализмом. Эта идея легла в основу обращения ИККИ «Американская революция»³. Автор же данного документа (Фрайна) в 1920–1921 гг. стал членом Панамериканского бюро Коминтерна. Основные положения этого документа не подвергались официальному пересмотру на протяжении почти десятилетия, оставаясь де-факто незыблемой теоретической основой деятельности мировой компартии в Западном полушарии в 1920–х гг.

Исполком Коминтерна поставил в качестве насущной задачи интернационализацию революционных действий — подход к революции с точки зрения не конкретной страны, а с точки зрения «революции обеих Америк, то есть... американской революции». От латиноамериканских сторонников мировой революции ИККИ требовал решительно размежеваться с «изменниками рабочего класса» в лице Американской Федерации труда и социалистов и воздержаться от участия в восстаниях «отдельных банд, организованных политическими авантюристами и проходимцами».

Само по себе предложение координации деятельности коммунистов США с их единомышленниками в Южной Америке было небезынтересной идеей, обладавшей определёнными перспективами. Однако распространить такую координацию реально было бы в лучшем случае на Мексику, Центральную Америку и страны Карибского бассейна — и только при условии равноправного сотрудничества, а не кураторства со стороны американской компартии. Очевидно, что ИККИ, под влиянием делегатов Второго конгресса от компартий США, и солидарного с ними делегата компартии Мексики, американца Ч. Филлипса, явно преувеличил возможности широкомасштабных совместных действий, совершенно не взяв в расчет глубокие различия в истории и традициях стран Южного конуса и США. По тем же причинам, естественно, утопичной выглядела предлагавшаяся далее идея латиноамериканской компартии. Указание же воздерживаться от поддержки «политических авантюристов» в итоге не могло не привести к обособлению компартий

³ Письмо Л. Фрайны и К. Янсона МБ ИККИ 1.10.1920. // РГАСПИ. Ф. 495, оп. 2, д. 5а. Л. 2; протокол заседания МБ ИККИ 2.11.1920 // Там же. Д. 3. Л. 105; Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3373–3390.

от потенциальных партнёров и даже союзников. Именно это и произошло в Мексике, где только что появившаяся секция Коминтерна практически развалилась ввиду конфликта большинства ее руководителей с возглавившимся генералом Альваро Обрегеном, вскоре ставшим президентом страны. Впоследствии подобный подход затруднял коммунистам Мексики и других стран сотрудничество с антиимпериалистической Армией защиты национального суверенитета «генерала свободных людей» Аугусто Сесаром Сандино в Никарагуа, движением левых «тенентистов» в Бразилии, возглавившимся Луисом Карлосом Престесом, и, наконец, с буржуазными революционерами на Кубе А. Гитера-сом и Р. Грау Сан-Мартинем во время революции 1933 г.

Вне поля зрения теоретиков III Интернационала в этот момент оставался антиимпериалистический настрой мексиканской революционной и националистической элиты, её готовность сотрудничать в деле отстаивания национального суверенитета с максимально широким кругом партнеров, в том числе с большевистской революцией, то, что эти элиты видели в Советской России, если и не образец для мексиканской революции, то, по крайней мере, искреннего союзника в деле осуществления решительных трансформаций в социальной и аграрной сферах (но с результате усилий национального государства, а не революционного взрыва).

При постановке руководством Коминтерна непосредственных задач революции в Латинской Америке фактически происходило смешение как действительно весьма значимых для многих стран региона целей (объединение пролетариата с крестьянством и аграрная революция), так и иррелевантных задач, вроде дискредитации реформистского социализма (который фактически отсутствовал в большинстве государств Западного полушария). Предполагалось создание революционной панамериканской профсоюзной федерации с коммунистическими ячейками в каждом профсоюзе и присоединение этой континентальной организации к Красному Интернационалу профсоюзов; очищение латиноамериканского революционного и рабочего движения от влияния анархизма и анархосиндикализма при одновременном сотрудничестве с «революционными синдикалистами».

Итогом воззвания оказался вывод о неизбежности вооруженной интервенции со стороны США в случае революции в той или иной латиноамериканской стране. Это, по мнению ИККИ, обязательно бы спровоцировало к выступлению пролетариат в самих США как «этап по пути к американской революции». Действительно, возможность американского вторжения рассматривалась многими политиками в Мексике и за ее пределами со времени революции 1910–1917 гг. как вполне ве-

роятная опасность⁴. Однако, теоретические построения авторов «Американской революции» нисколько не были связаны с анализом конкретных противоречий между США и странами Западного полушария и не базировались на реалиях практики рабочего движения стран региона, что делало данную схему явно нежизнеспособной.

Обращение к панамериканской проблематике и идее борьбы с империализмом имело еще одну сторону — отождествление латиноамериканских реалий с действительностью стран Востока — ввиду их рассмотрения как единого комплекса колониальных и полуколониальных стран. Поэтому неслучаен факт поручения делегату Мексиканской Коммунистической партии на Второй конгресс Коминтерна Манабендре Нат Рою — человеку, доселе неизвестному в международном рабочем движении — разработки дополнительных к ленинским тезисов по национально-колониальной проблематике. Эмиссар Москвы в Западном полушарии Михаил Бородин и глава Амстердамского бюро ИККИ Себальд Рутгерс, а затем высшее руководство РКП/б/ и Коминтерна увидели в Рое одну из самых ярких и перспективных фигур для работы в колониях⁵. Индийский эмигрант, сыгравший одну из главных ролей в формировании мексиканской компартии, имел, с точки зрения ИККИ, способности для того, чтобы возглавить борьбу против англичан в колониальном мире.

Весьма показательно и то, что если во время первой встречи с большевистскими лидерами (с Лениным), в центре внимания были вопросы Латинской Америки, то во время второй беседы (со Сталиным) речь шла уже в основном об Азии⁶. Уже тогда в восприятии значительного числа руководителей Коминтерна и компартий (и самого Роя в том числе) Латинская Америка и Восток представляли собой весьма сходные регионы. В 1930–е гг. это привело к отождествлению китайского и латиноамериканского опыта, попыткам его воплощения от Кубы и Мексики до Чили и одному из самых крупных провалов III Интернационала — восстанию Национально-Освободительного Альянса Л.К. Престеса в Бразилии в 1935 г.

⁴ *Spenser D.* El triángulo imposible. México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. México: 1998. P. 30-38.

⁵ *Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* «Он хорошо разбирается в проблеме...». К истории написания М.Н.Роем тезисов по национально-колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна // Восточный архив. 2008. Т. 17.

⁶ *Das Gupta B.N., M. N. Roy.* Quest for freedom. Calcutte: 1970; *Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Псевдоним — Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // Латинская Америка. 1994. № 3. С. 107-115; *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.–Липецк: 2007.

Ощущение близости революции создавало иллюзорные представления о неизбежности нового социального переворота в масштабах полушария даже у тех представителей Коминтерна, кто был лучше знаком с региональной проблематикой. Обратившись к тексту выступления на Втором конгрессе КИ Ч. Филлипса, представлявшего вместе с М.Н. Ро-ем коммунистов Мексики и прожившего в этой стране около двух лет, можно увидеть: мексиканский делегат всецело разделял постулаты пан-американской стратегии. По его мнению, свержение капитализма в Америке требовало хорошо скоординированного движения во всем полушарии, работать же в отдельных странах Центральной и Южной Америки по образцу II Интернационала — было бы «смешно»⁷.

Кстати, подобной же линии придерживался и генеральный секретарь компартии Аргентины Родольфо Гиольди, направивший летом 1921 г. руководству Коминтерна проект обращения к рабочим своей страны, в котором указывал на необходимость совместных действий «аргентинского пролетариата вместе с пролетариатом других стран Южной Америки, а этого последнего — в сотрудничестве с пролетариатом Соединённых Штатов». Фактически проект Р. Гиольди являлся попыткой применить принципы, сформулированные в «Американской революции», к условиям Аргентины и всей Южной Америки. Однако воззвание, составленное на базе представленных руководителем КПА материалов и опубликованное Исполнительным бюро Профинтерна, было опубликовано в сильно сокращённом и радикально переработанном виде⁸. В отличие от Коминтерна Профинтерн почти сразу отказался от идеи создания общеконтинентальной Конфедерации труда ввиду отсутствия к тому достаточных предпосылок (и лишь в конце 1920-х гг. изменил свою точку зрения). Такой подход руководства революционного профцентра, согласованный с ИККИ, представляется, свидетельствовал о возобладании более реалистического подхода к проблемам континентального рабочего и коммунистического движения, позволяя в будущем уделить больше внимания специфике конкретных стран. Тем не менее, Исполнительное бюро КИП сохраняло сильные иллюзии относительно степени своего влияния в рабочем движении континента, в частности, Мексики. Это показывает его предложение членам КРОМ объединяться с Всеобщей конфедерацией трудящихся, объявившей весной 1921 г.

⁷ Записка Ф. Симэна [Ч. Филлипса] об империализме [1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 489, оп. 1, д. 24. Л. 43.

⁸ Рабочим Аргентинской Республики // Международное рабочее движение. Вестник Международного Совета Профессиональных и Производственных Союзов. 1921. № 3. С. 53-54.

о присоединении к московскому объединению революционных профсоюзов⁹. В силу существенных различий в идеологии реформистской КРОМ и анархо-синдикалистской ВКТ при значительном численном перевесе первой, ожидание объединения обоих профцентров на условиях Профинтерна было иллюзией, Это подтвердил отказ лидеров КРОМ от подобной идеи в 1922 г. по возвращении из Москвы Э. Мартинеса.

Постепенно Коминтерн начал признавать определенную специфику Мексики¹⁰. Так, к середине 1920-х гг. данную страну относили к группе стран (только из неё и состоящей), в которых действовало революционно-демократическое правительство, стремящееся создать национальную экономику, независимую от иностранного капитала. Не без труда руководство III Интернационала признало: левому движению не принадлежит монополия на революционность, а правительство является важным конкурентом в борьбе за консолидацию симпатий широких масс. Тем не менее, основные дефекты восприятия страны остались прежними. Теоретики всемирной компартии не увидели, что приход к власти Обрегона, а затем Плутарко Элиаса Кальеса был вызван во многом их способностями в деле привлечения на свою сторону крестьян и рабочих.

Равным образом практически ускользнуло от ИККИ важнейшее обстоятельство: политика мексиканских правительств 1920-х гг. была вызвана не только стремлением договориться с американским «соседом», но и желанием умиротворить страну и достичь социальной стабильности. Это означало необходимость наладить отношения с крестьянским и рабочим движением, при этом постоянная ставка властей на какую-то одну группу была маловероятной. Москва же фактически дала левому движению рекомендацию готовиться к моменту измены правительства идеалам революции и его блокированию с национальной аграрной буржуазией — чтобы в случае таких перемен оказаться готовым к решительному противостоянию властям.

Стоит, впрочем, отметить и попытки подойти к анализу мексиканской действительности неортодоксально. Видный коминтерновский теоретик Евгений Варга обратил внимание на возможности сотрудничества между коммунистами и революционными националистами по аграрному вопросу (он опирался на примеры такого альянса в Китае, при

⁹ Письмо к мексиканским рабочим Исполнительного бюро Красного Интернационала профсоюзов // Там же. 1921. № 8. С. 330-331.

¹⁰ Нин А. Мексика. Рабочее движение в Мексике // Там же. 1923 (январь). № 1. С. 90-95; Мексика. Современное положение рабочих организаций и борьба за единый фронт // Там же. 1923 (май-июнь). №. 5-6. С. 875-877; II-й конгресс Всеобщей Конфедерации рабочих // Международное рабочее движение. 1923 (апрель). № 12. С. 8.

этом не занимался общим сравнением двух революций). По мнению Варги, в тех странах, где пролетариат все еще являлся самым слабым звеном в классовой структуре, организованные крестьяне, а не пролетариат, могли руководить социальной революцией. Несмотря на свою ограниченность, утверждал Варга, мексиканская аграрная реформа улучшила условия городского пролетариата¹¹. Подобная постановка вопроса могла бы способствовать формированию коминтерновской политики, направленной на укрепление связей КПМ с крестьянством, однако точка зрения Варги не была типичной для теоретических подходов Москвы.

Убийственную оценку большинству коминтерновских документов, рассматривающих проблемы развития Мексики — «перемальвание воздуха» — дал самый опытный в 1920-х гг. эксперт ИККИ по латиноамериканской тематике Эдгар Воог («Альфред Штирнер»). По его словам, в созданной руководством Коминтерна мексиканской комиссии никто не разбирался в ситуации в стране, более того, никому «даже в голову не приходит абсурдность сравнения» Мексики с Китаем или Индией¹². Швейцарский коммунист, принимавший прямое участие в формировании КПМ, сумел осознать важнейшее отличие мексиканской революции от процессов, происходивших на Востоке: революция не «идет вперед бурным темпом, а развивается как медленный мучительный процесс». Но и эта точка зрения не стала доминирующей среди руководителей Коминтерна.

Интересно сравнить восприятие Мексики теоретиками Коминтерна с публикациями в прессе СССР. В статьях обычно высмеивался мексиканский революционный национализм, а усилия Мексики в деле экономического восстановления изображались как неудачная битва против империализма. Однако те же самые тексты свидетельствуют о различиях между политической практикой и теоретическими дискуссиями. В то время как ряд функционеров Коминтерна указывал на революционный потенциал мексиканского пролетариата, другие авторы отмечали, что в стране, где национальная буржуазия слаба, ее развитие определяется иностранными промышленниками, а пролетариат численно и качественно слаб. Они постоянно подчеркивали: крестьяне были наполнены революционным духом, что и представляло важные перспективы для мексиканских революционных процессов.

Дискуссия в Коминтерне по поводу Мексики и остальной Латинской Америки проходила на основе ленинской теории империализма, соглас-

¹¹ Варга Е. Мексика // Плановое хозяйство. 1926 (Сентябрь). № 9. С. 137-154.

¹² Письмо А.Штирнера [Воога] Х.Пенелону. Москва, 10 февраля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503, оп. 1, д. 6. Л. 3.

но которой империализм ставил непреодолимые препятствия на пути развития национального капитализма в полуколониальных странах. Из этой концепции следовало, что борьба мексиканского националистического правительства за изменение экономической структуры страны не могла преуспеть, поскольку Мексика, как и остальные «полукolonии» представляла собой «слабое звено» в цепи операций мирового финансового капитала. Коминтерн и советское руководство оказывались заложниками собственной иллюзорной убежденности в том, что мексиканское правительство является неизбежной жертвой в соперничестве разных империалистических группировок.

Важным источником для понимания отношения к Мексике со стороны Коминтерна являются две книги, вышедшие в 1927 г. из-под пера бывшего советского дипломата Станислава Пестковского, после возвращения из Мексики назначенного «ответственным за латиноамериканское движение» Крестинтерна — «История мексиканских революций» и «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике». Обе они стали практически первыми научными исследованиями мексиканских проблем, опубликованными в СССР. Автор исходил из наличия в стране двух основных общественно-политических сил: «громadной силы иностранного империализма, имеющей внутри Мексики могущественных союзников в лице помещиков и католического духовенства» и «рабочего класса и крестьянства, представляющих в потенции большую силу, но до сих пор раздробленной и слабо организованной». Между этими силами, по его мнению, маневрировала «военно-полицейская диктатура мелкобуржуазных промежуточных элементов», поддерживаемая крестьянством и рабочими, но неспособная «по существу своему» выполнить задачу организации рабочих и крестьянских масс населения для борьбы против иностранного империализма. Исходя из этого, автор сформулировал стратегию и тактику революционного движения Мексики: не переставая поддерживать до поры до времени мелкобуржуазное правительство, крестьяне и рабочие страны должны неустанно «подготавливать почву для создания подлинного рабоче-крестьянского правительства, единственно способного вывести трудящихся из плена помещиков и капитала»¹³.

Первая конференция компартий Латинской Америки (Буэнос-Айрес, 1929), задачей которой было подвести итоги десятилетия формирования коммунистического и левого движения в Западном полушарии и выра-

¹³ Вольский А. [Пестковский С.С.] История мексиканских революций. М.—Л., 1928. С. 174, 176; Ортега Д. [Пестковский С.С.] Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.—Л., 1928. С. 137.

ботать концепцию латиноамериканской революции, продемонстрировала лишь стремление большинства ее участников и представителей штаб-квартиры Коминтерна к глобалистскому видению континента¹⁴. Любые (немногочисленные) попытки найти дифференцированные подходы к проблематике латиноамериканской революции (показательны в этом плане тезисы, разработанные перуанцем Хосе Карлосом Мариатеги) наталкивались на общее отождествление стран Латинской Америки с миром колоний и утверждение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Так или иначе, относительная идеологическая и интеллектуальная открытость 1920-х гг. и возможности дискуссий по теоретическим вопросам внутри Коммунистического Интернационала стали лишь достоянием прошлого после сталинизации СССР и всемирной компартии. Уже с 1929 г. та небольшая историческая специфика, которую идеологи III Интернационала (и то не сразу) признали за Мексикой, уступила место универсальной пролетарской интерпретации социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

- Варга Е.* Мексика // Плановое хозяйство. 1926. № 9. С. 137-154.
- Вольский А.* [Пестковский С.С.] История мексиканских революций. М.–Л., 1928.
- Ортега Д.* [Пестковский С.С.] Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.–Л., 1928.
- Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.–Липецк, 2007.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Псевдоним — Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // Латинская Америка. 1994. № 3. С.107-115.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* «Он хорошо разбирается в проблеме...». К истории написания М.Н.Роем тезисов по национально-колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна // Восточный архив. 2008. Т. 17.
- Das Gupta B.N., Roy M. N.* Quest for freedom. Calcutte, 1970.
- Gómez M.* From México to Moscow // Survey. 1964. № 53.
- Shipman Ch.* [Phillips Ch.]. It Had to Be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London, 1993.
- Spenser D.* El triángulo imposible. México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. México, 1998.

¹⁴ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires: 1929.

*А.С. Андреев**

A.S. Andreev

КОМПАРТИЯ УРУГВАЯ И КОМИНТЕРН

КАМПАНИЯ ПОМОЩИ ИСПАНИИ (1936–1939)**

THE COMMUNIST PARTY OF URUGUAY AND THE COMINTERN

**THE CAMPAIGN OF AID
TO THE SPANISH REPUBLIC (1936–1939)**

Аннотация: В докладе на основе документов фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) рассматривается процесс взаимодействия компартии Уругвая (КПУ) и Коминтерна в ходе кампании солидарности с республиканскими силами гражданской войны в Испании. Особое внимание уделяется источниковедческому и историографическому аспектам вопроса.

Ключевые слова: компартия Уругвая, Коминтерн, гражданская война в Испании, интербригады.

Abstract: Based on documents of Communist International of Russian State Archive of Social and Political History paper shows the relations between Communist Party of Uruguay and the Comintern in the context of the campaign of solidarity with the Republican forces in the Spanish Civil War. Particular attention is given to the historical sources study and historiographical aspects of the question.

Keywords: the Communist Party of Uruguay, Communist International, Spanish Civil War, International Brigades.

* *Антон Сергеевич Андреев* — аспирант СПбГУ, преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук ГИЭФПТ (*Anton S. Andreev* — St. Petersburg University), anton.andreev89@gmail.com.

** Выступление подготовлено при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»).

Взаимодействие «всемирной коммунистической партии» — Коминтерна — и его национальных секций во многом продолжает оставаться нерешенной историографической проблемой. На протяжении всего времени существования Коминтерна взаимодействие его организационных структур с национальными компартиями осуществлялось с переменным успехом: связи развивались постепенно, неравномерно, в зависимости от континентов и организационных и финансовых возможностей как местных коммунистических групп, так и самого Коминтерна. В предыдущих публикациях, связанных с историей взаимодействия компартии Уругвая и Коммунистического Интернационала была рассмотрена, прежде всего, реализация тактических установок Коминтерна в деятельности партии, влияние Москвы на формирование отдельных аспектов программы партии, решение внутрипартийных конфликтов эмиссарами Интернационала в Южной Америке и влияние на комдвижение в Уругвае региональных управленческих структур Коминтерна. Однако, безусловно, одним из наиболее значимых событий «поздней» истории взаимодействия Интернационала с его национальными секциями является кампания солидарности республиканским силам в гражданской войне в Испании, а именно, формирование при участии местных компартий и органов Коминтерна интернациональных бригад, участвовавших в гражданской войне с оружием в руках. Интербригады стали значимым феноменом международного рабочего движения конца 1930–х гг.

В отечественной историографии рассматривался как сам феномен Интербригад, так и его особенности в отдельных странах, в том числе Латинской Америки. Однако, в отечественной историографии не создан портрет бригады уругвайских интернационалистов, которая формировалась при участии Коминтерна и КПУ с 1936 г. и были отправлена на фронты Гражданской войны. К судьбе уругвайцев, воевавших на фронтах гражданской войны в Испании, вполне применимы слова М. Мещерякова: «Существует масса неизвестных страниц, малоизвестных фактов и «белых пятен» в истории интернационального движения, не позволяющих воссоздать подлинную, а не мифологизированную его историю»¹.

Однако, в целом история интербригад представляется исследованным и известным сюжетом. В этой связи необходимо назвать работу названного выше М. Т. Мещерякова «Испанская республика и Коминтерн»², в которой автор восстанавливает хронологию становления ин-

¹ Мещеряков М. Судьба Интербригад в Испании по новым документам // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 18–42.

² Мещеряков М. Испанская республика и Коминтерн. М.: Мысль, 1981.

тербригад и показывает роль III Интернационала в этом процессе. Однако, написанная в 1981 г. монография имела в своей основе доступные на тот момент документы — чаще всего, опубликованные в СССР мемуары участников Интербригад, деятелей Коминтерна³. Открытие советских архивов, в том числе фонда Коминтерна, позволило исследователем иначе взглянуть на судьбы интернационалистов во франкистской Испании, роль Коминтерна и его структур в поиске добровольцев и вербовке людей, желающих бороться в Испании, механизмы формирования бригад и создания убедительных легенд для их членов. Чуть позже были рассекречены личные дела интернационалистов⁴, включая их анкеты, автобиографии, что позволило проследить судьбы отдельных людей, уточнить количество участников бригад, оценить их возрастной состав, составить профессиональный и политический портрет интернационалистов, показать участие компартий отдельных стран в гражданской войне в Испании.

В зарубежной историографии открытые документы фонда Коминтерна используются недостаточно. Основные работы опираются на опубликованные мемуары и посвящены не созданию законченного исследования феномена интербригад, а выяснению судеб отдельных бойцов-интернационалистов отдельных стран. Часто отдельные сюжеты, посвященные интербригадам, затрагиваются в работах, посвященных в целом гражданской войне в Испании⁵ и истории страны⁶.

При этом, необходимо отметить, что судьбы латиноамериканцев-интернационалистов анализируются в научной литературе недостаточно. Отдельные аспекты участия левых Латинской Америки и компартий региона в гражданской войне в Испании показаны в работах петербургских ученых Л.С. и В.Л. Хейфецев⁷, исследовавших формирование

³ См. Мы — интернационалисты: воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании / Сост. М. Мещеряков, С.М. Александровская и др. М.: Политиздат, 1986; *Эйснер А.В.* Двенадцатая интернациональная: воспоминаний бойца 12 интербригады о национально-революционной войне в Испании в 1936. М.: Советский писатель, 1990.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 545. Интербригады республиканской армии Испании.

⁵ См., например: *Хью Т.* Гражданская война в Испании. 1931–1939. М.: Центрполиграф, 2003.

⁶ *Гарсия Х.* Испания XX века. М.: Мысль, 1967.

⁷ См., например: *Хейфец Л.С.* Интернационалисты // Латинская Америка, № 2, 1986. С. 91-105; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Человек, обладавший политическими способностями». Штрихи к биографии И.Р. Григулевича. 1936–1944 гг. // Исторический архив. № 1. 2002. С. 63-79.

и развитие левого движения в Латинской Америке и влияние Коминтерна на этот процесс. Некоторые судьбы интернационалистов — членов компартий Латинской Америки — изложены в подготовленном авторами биографическом словаре «Коммунистический Интернационал в Латинской Америке»⁸. Существуют исследования, посвященные латиноамериканским участникам интербригад⁹, в том числе судьбам уругвайских интернационалистов. В этой связи необходимо назвать работу Ниалла Бинса «Уругвай и гражданская война в Испании»¹⁰. Однако, как и многие публикации по этой теме, работа не опирается на полный комплекс доступных источников, а автор реферирует уже существующие издания.

Фонды Коминтерна содержат личные дела членов компартии Уругвая, которые добровольно вступили в состав интернациональных войск, выразив готовность защищать республиканские идеи в Испании. Необходимо отметить, что численность интернационалистов Уругвая была крайне невысокой — в документах фигурирует всего 22 имени: Карлос Перес Альварес, Рейнино Баер Кинтана, Эстебан Балон Гомес, Альберто Кабот Раго, Энрике Будевин Буркин, Рафаэль Кондидо, Хосе Рамон Факаль Руис, Хосе Родригес, Америго Лафантен Грайер, Хосе Лассарага, Хуан Хосе Лопес Сильвейра, Франсиско Мартинес, Балбино Матио Местре, Рамон Мендес, Пастор Родригес, Хорхе Поланио Вердуго, Сальвадор Клепах, Рамиро Дюран, Филиппе Торрес Перейра, Анхель Царев, Вашингтон Вилалба и Л. Тиллегас¹¹.

Несмотря на то, что названные выше люди имели разный возраст (от 22 до 38 лет), разное социальное происхождение (от художника до плотника, от сына русского эмигранта-крестьянина до потомка французских офицеров), всех их объединяло членство в компартии и военный опыт. Изучая анкеты уругвайских интернационалистов, можно заметить, что их жизненные пути, которые соединились на полях Гражданской войны

⁸ *Jeifets L.S., Jeifets V.L.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile: Ariadna Editores, 2015.

⁹ *Baumann G.* Los voluntarios latinoamericanos en la guerra civil española. Cuenca, Servicio de Publicaciones de la UCLM, 2009. Анализ участия мексиканских добровольцев в испанской войне частично осуществлен в работе: *Хейфец В.И.* Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, 2006.

¹⁰ *Binns N.* Uruguay y la Guerra civil Española. La voz de los intelectuales. Barcelona: Calambur, 2015. Об уругвайских добровольцах см. также: *Jeifets L., Jeifets V., Huber P.* Internacional Comunista y America Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, Moscow: ILA RAN, 2004.

¹¹ Личные дела уругвайских добровольцев интербригад — РГАСПИ. Ф. 545, оп. 6, д. 1023. Л. 1-152.

в Испании, были крайне различными. Анкеты, сохранившиеся в архиве, показывают, что многие вступали в компартию уже воюя в составе интернациональных бригад. Так, например, Хосе Лопес Сильвейра, направил открытое письмо в адрес генсека КПУ Эухенио Гомеса с просьбой принять его в партию, уже побывав в сражениях гражданской войны.

Анализ личных данных позволяет сделать вывод, что компартия Уругвая, организовывая пропагандистскую кампанию в поддержку Испании, не стремилась организовывать самих добровольцев и не занималась их отправкой в Европу. Люди вступали в бригады в разное время, имея разные цели и разный жизненный опыт. Большинство названных выше добровольцев имело военный опыт и военные звания, некоторые были профессиональными военными, имевшими воинские звания – от сержанта до полковника.

В официальной газете КПУ “La Justicia” публиковалась информация о событиях в Испании. Оценка событий делалась, исходя из установок Коминтерна и общего отношения левых сил к личности Франко и угрозе установления правого режима в стране. Компартия Уругвая систематически старалась выполнять все наставления Москвы, в том числе идеи VII конгресса Интернационала и выработанную в ходе его работы тактику народного фронта¹². Стоит отметить, что народный фронт не был насущной необходимостью для левых партий страны, хотя КПУ объявила о его создании и усердно планировала его деятельность. Народный фронт в Уругвае предполагал борьбу с диктатурой Г. Терры (1933–1938), которая закончилась через 3 года после VII конгресса Коминтерна. С исчезновением общего политического врага, легализацией компартии, находившейся под запретом в период правления Г. Терры, левые силы вновь вступили во внутренние конфликты. Угроза фашизма, о которой долгое время говорила компартия, отступила, но остались противоречия в рабочем движении, вновь обострилась борьба за влияние в профсоюзах. Внутренние проблемы интересовали левых Уругвая больше, чем события в Испании. Несмотря на то, что КПУ старалась буквально реализовать приходившие из Москвы и Буэнос-Айреса организационные указания, публикуя призывы вступать в ряды добровольцев для помощи Испанской республики и компартии Испании, воодушевления среди рабочих не наблюдалось.

Объявленная КПУ кампания помощи Испании заключалась в отправке денег, одежды, продуктов питания. Документы показывают, что

¹² Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латиноамериканские левые на пути к народному фронту в 30–е гг. XX в. // Латинская Америка. № 5. 2014. С. 57-79.

к марту 1939 г. при участии КПУ было собрано 140 тыс. уругвайских песо, которые были потрачены на посылки в Испанию¹³. При этом КПУ подчеркивало массовый характер кампании, стараясь в рамках народного фронта привлечь к кампании как прочие левые силы, так и буржуазные (в документах они обозначаются как «демократические») партии. Собранные средства и помощь отправлялись как непосредственно в адрес компартии Испании, так и в адрес уругвайцев, уехавших в Европу и находившихся во Франции в ожидании возможности вступить в ряды добровольцев.

Несмотря на позитивные отчеты КПУ о ходе кампании, нужно отметить, что серьезного результата она не достигла. За все время Уругвай в интербригадах представляли 22 человека, многие из которых, как уже было сказано выше, к моменту начала гражданской войны уже долгое время находились в Европе. Реально компартия смогла организовать отправку в Европу порядка 10 добровольцев. Поступление уругвайцев в состав интербригад шел медленно. Документы фонда Коминтерна показывают, что 22 добровольца, названные выше вступали в состав республиканской армии Испании на протяжении 1937–1939 гг., причем большинство анкет датируется 1938–1939 гг.

Безусловно, участие уругвайцев не оказалось значительного влияния на ход гражданской войны в Испании. Надо отметить, что в работе КПУ в рамках кампании помощи Испанской республике вновь обнаружили старые нерешенные проблемы: отсутствие постоянной организационной связи с Москвой, серьезное влияние компартии Аргентины и постоянное участие представителей КПУ в совещаниях в Буэнос-Айресе, слабое влияние партии на рабочие организации и профсоюзные объединения, слабая пропагандистская и организационная работа, не позволявшая решать серьезные политические задачи.

Испанская кампания стала предпоследней кампанией политической солидарности из проводимых КПУ до роспуска Коминтерна (последней станет кампания поддержки СССР во Второй мировой войне). Руководство компартии не вынесло из нее каких-либо уроков, словно не видя проблем, стоявших перед партией с момента ее основания и начала контактов с Коминтерном. Судьбу же добровольцев можно назвать достаточно трагичной. Большая часть погибла или пропала без вести на полях сражений, однако, были и те, кто вернулся в Уругвай. Среди них был и Хосе Лопес Сильвейра, представленный к поощрению компарти-

¹³ Отчет о работе КПУ. Кампания помощи Испании — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 352. Л. 18-19.

ей Испании за свои боевые заслуги. Испанская кампания была одним из сюжетов истории компартии Уругвая, не нашедшем достаточной поддержки среди рабочих и показавших в очередной раз слабые места как самой работы партии, так и ее организационных связей с Коминтерном.

ЛИТЕРАТУРА

Гарсия Х. Испания XX века. М.: Мысль, 1967.

Мещеряков М. Испанская республика и Коминтерн. М., 1981.

Мещеряков М. Судьба Интербригад в Испании по новым документам // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 18-42.

Мы — интернационалисты: воспоминания советских добровольцев-участников национально-революционной войны в Испании / сост. М. Мещеряков, С. М. Александровская и др. М.: Политиздат, 1986;

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Человек, обладавший политическими способностями». Штрихи к биографии И. Р. Григулевича. 1936–1944 гг. // Исторический архив. № 1. 2002. С. 63-79.

Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, 2006.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинскоамериканские левые на пути к народному фронту в 30–е гг. XX в. // Латинская Америка, № 5, 2014.

Хейфец Л.С. Интернационалисты // Латинская Америка, № 2, 1986.

Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931–1939. М.: Центрполиграф, 2003.

Эйснер А.В. Двенадцатая интернациональная: воспоминаний бойца 12 интербригады о национально-революционной войне в Испании. М.: Советский писатель, 1990.

Baumann G. Los voluntarios latinoamericanos en la guerra civil española. Cuenca: Servicio de Publicaciones de la UCLM, 2009.

Binns N. Uruguay y la Guerra civil Española. La voz de los intelectuales. Barcelona: Calambur, 2015.

Jeifets L., Jeifets V., Huber P. Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004

Jeifets L.S., Jeifets V.L. América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile: Ariadna Ed., 2015.

*А.А. Щелчков**
A.A. Schelchkov

НЕОЦЕНЁННАЯ ВЕРНОСТЬ

ХОСЕ АНТОНИО АРСЕ И КОМИНТЕРН**

UNAPPRECIATED LOYALTY

JOSÉ ANTONIO ARZE AND THE COMINTERN

Аннотация: Отношения латиноамериканских радикальных левых интеллектуалов и коммунистического движения, Коминтерна, являются одной из самых сложных страниц истории латиноамериканского революционного движения. Чаще всего интеллигенты разочаровывались в политике коммунисты и переходили во враждебный им лагерь, но были и случаи, как например, с боливийцем Хосе Антонио Арсе, когда преданность идеалам и верность СССР не была оценена другой стороной, что привело к крупным политическим ошибкам, как в случае с Боливией, где подвергнутый остракизму Х.А. Арсе создал одну из самых влиятельных левых партий в стране в 40-е годы XX века. Настоящая статья посвящена сложным взаимоотношениям Коминтерна и Х.А. Арсе.

Ключевые слова: Коминтерн, Боливия, Хосе Антонио Арсе, латиноамериканская интеллигенция.

Abstract: Relationship of the Latin-American radical leftist intellectuals and the communist movement, the Comintern, are one of the most difficult pages in the history of the Latin American revolutionary movement in XX Century. Most often, the intellectuals disappointed in communist politics, but there were also cases, such as with the Bolivian politic José Antonio Arze which idealism and loyalty to the Soviet Union was not appreciated by Moscow, its led to a major

* *Андрей Аркадьевич Щелчков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Andrey A. Schelchkov* — Institute of World History), sch2000@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»).

political error of Comintern in Bolivia, as ostracized J.A. Arze has created one of the most influential left-wing parties in the country in the 40th of the XXth Century. This article focuses on the complex relationships of the Comintern and J.A. Arze.

Keywords: Comintern, Bolivia, José Antonio Arze, Latin-American Intellectuals.

Отношения Коминтерна и вождей левых марксистских партий в Латинской Америке складывались весьма противоречиво. В большинстве случаев, если партия или левая группа в чем-то не устраивала Москву или товарищей из Южноамериканского бюро (ЮАБ) Коминтерна в Буэнос-Айресе, со временем дружеские или нейтральные отношения портились, и лидеры таких партий превращались в ярых противников СССР и коммунистического движения. Крайне левые примыкали к троцкизму, центристы эволюционировали к революционному национализму. Иная история произошла с выдающимся боливийским политиком, популяризатором марксизма в этой стране, лидером влиятельнойлевой революционной партии (Partido de Izquierda revolucionaria, PIR — ПИР) Хосе Антонио Арсе-и-Арсе. Его искренняя преданность СССР, Коминтерну, Сталину, всегда декларируемая и подтверждаемая без всяких оговорок, также непременно была отвергаема коммунистами и Москвой.

Арсе родился в Кочабамбе в 1904 г. Очень молодым человеком заинтересовался социалистическими учениями. Юношей прославился своими статьями в журнале «Arte y Trabajo», который издавал известный боливийский анархист Сесарео Каприлес. Некоторые свои статьи он подписывал псевдонимом Леон Мартель. Уже в этих ранних работах он писал о враждебности капитализму, о противостоянии буржуазии и пролетариата в мировом масштабе, отрицал ценности буржуазного патриотизма, декларировал свою приверженность интернационализму¹. В 17 лет, в 1921 г. он создал Вечерний рабочий университет в Кочабамбе, где уже тогда занялся распространением современных социалистических идей. Ещё в 1919 г. (ему было 15 лет) на публичной лекции он заявил: «Мы, молодёжь, должны стать рулём, компасом, маяком для наших рабочих»². Он преподавал и возглавлял этот Университет шесть лет, до 1927 г. Тогда же в 1921 г. он стал издавать собственный литературный

¹ Arze J.R. Ensayo de una bibliografía del doctor José Antonio Arze. Cochabamba: Universitaria, 1968. P. 82.

² Arze J.A. Escritos literarios. (Comentarios y semblanzas). La Paz, 1981. P. 5.

журнал «El Paladín», который выдержал три выпуска. Всю свою жизнь он видел основное, своё и других коммунистов призвание в просвещении рабочего класса. Боливийцы почитают его одним из самых выдающихся просветителей в стране в XX в.³

В 1923 г., по достоинству оценив инициативы молодого Арсе по просвещению народа, муниципалитет Кочабамбы отправил его в Аргентину, Уругвай и Чили для изучения дела народных школ для рабочих в этих странах. Там он познакомился с новыми людьми и идеями, а Аргентина в те годы была центром мощного студенческого движения за Университетскую реформу, что было очень близко молодому боливийцу. Большое влияние на него оказали работы Хосе Инхеньероса, особенно те, что приветствовали наступление новой мировой эпохи, начатой Русской революцией, большим поклонником которой тот был. Свои впечатления от этой поездки Арсе опубликовал в обстоятельной статье в «Arte y Trabajo».

Огромное впечатление на Арсе произвела русская революция и создание СССР. Арсе не критически воспринял сталинскую трактовку и периодизацию Русской революции, всегда ориентировался на теоретические работы, издаваемые в СССР⁴. Свою веру в страну советов и её лидеров он пронёс через всю жизнь несмотря на разочарования и остракизм со стороны международного коммунизма.

В 1925 г. всего в 21 год Арсе закончил Университет и стал адвокатом. Помимо своей профессиональной деятельности он не оставляет своего просветительского поприща. В эти годы он возглавлял Университетскую библиотеку в Кочабамбе. В признании авторитета Арсе среди студенчества, в 1927 г. президент Эрнандо Силес назначил его членом комиссии по университетской реформе. В 29 лет он стал профессором социологии в Университете Ла-Паса. Уже в эти молодые годы он был хорошо известным и уважаемым интеллектуалом. Арсе был неутомимым популяризатором марксизма.

В Боливии в 20-е годы возникают первые марксистские группы под воздействием коммунистического движения в соседних странах, в Чили и в Аргентине. Немногочисленные боливийские марксисты входили в левые партии, называвшиеся «социалистическими», «рабочими»⁵.

³ *Abecia López V.* 7 Políticos bolivianos. La Paz: Juventud, 1986. P. 44.

⁴ *Arze J.A.* Ensayos filosóficos. Polémica sobre el marxismo y otros ensayos afines. La Paz: Roalva, 1980. P. 79-98.

⁵ В июле 1927 г. возникла Рабочая партия, переименованная в конце года в Лабористскую партию, которая провозгласила себя марксистской. Первая коммунистическая группа в Боливии была создана в 1926 г. М. Диком Ампуэрро, который по

Наиболее прочные позиции марксисты завоевали в студенческом движении. В августе 1928 г. на Первом конгрессе студентов, созванном Арсе и его другом и двоюродным братом Рикардо Анайя Арсе, была создана Университетская федерация Боливии (ФУБ). Ее программа и Декларация принципов, написанные Арсе и Анайя, являли собой попытку проанализировать боливийскую действительность с марксистских позиций. ФУБ возглавил Хосе Антонио Арсе.

В конце 1927 г. коммунистические группы планировали образование компартии. Тогда же, ими была создана общенациональная Конфедерация труда Боливии (СТБ). Накануне созыва континентальной конференции «красных» профсоюзов в Монтевидео в 1929 г. было объявлено о присоединении СТБ к Профинтерну.

Подготовка к профсоюзной конференции в Монтевидео столкнулась с серьёзными проблемами связи с коммунистами и синдикалистами в Боливии, Чили и Перу. Удавалось поддерживать лишь спорадические контакты с СТБ, с группой Карлоса Мендосы Мамани, но ясной идеи о происходящем в Боливии в ЮАБ Коминтерна в Буэнос-Айресе не было. ЮАБ сетовала в Москву, что некого послать в эти страны, чтобы разобраться на месте с положением коммунистических групп. В конце концов М.С. Хаскин (Морис) сообщал, что удалось послать в Боливию агента, в задачу которого входило организовать общенациональную профсоюзную конференцию, которая бы избрала делегатов в Монтевидео⁶.

Национальная профсоюзная конференция собралась в Потоси в январе 1929 г., одним из пунктов повестки дня стояло: «Национальный совет получил приглашение от Подготовительного комитета Латиноамериканской конференции в Монтевидео направить туда боливийскую делегацию»⁷. Речь шла о приглашении не только коммунистических профсоюзов, но и представителей всех течений синдикализма. В начале 1929 г. состоялась совещание коммунистов для выборов своего делегата на партийную конференцию в Буэнос-Айрес.

Боливийцы участвовали в обеих конференциях. Карлос Мендоса Мамани был избран в исполком созданной в мае 1929 г. в Монтевидео Латиноамериканской профсоюзной конфедерации (CSLA). Вслед за профсоюзной конференцией в Монтевидео состоялась первая партийная в Буэнос-Айресе, в которой принял участие Альфредо Мендисабаль. Он принадлежал к группе молодых коммунистов, только что примкнувших

время правительства Б. Сааведры (1921–1925) был выслан в Чили. Там он вступил в Компартию и создал коммунистическую группу из боливийских эмигрантов.

⁶ РГАСПИ. Ф. 534, оп. 4, д. 51, л. 52, 58, 292.

⁷ *Delgado Gonzales T.* 100 años de lucha obrera en Bolivia, La Paz: Isla, 1984. P. 85.

к группе Мендосы Мамани. Все они были руководителями Студенческой федерации. Среди них выделялся Хосе Антонио Арсе, безусловный лидер этой группы, которая уже стала самой многочисленной и активной частью компартии. Арсе являлся самой авторитетной фигурой среди бывших студентов, в то время как Мендоса Мамани был лидером синдикалистской группы. Тем не менее, и последний во многом ориентировался на Арсе, признавая его интеллектуальное преимущество.

Помимо Мендосы Мамани, адвоката, сотрудничавший с профсоюзами, синдикалистское крыло в небольшой компартии представляли Вальдо Альварес (будущий первый министр труда в военно-социалистическом правительстве Давида Торо в 1936 г.) и Фернандо Синьяни. Однако ядро партии составляли молодые марксисты, бывшие лидеры студенческого движения Х.А. Арсе, А. Мендисабаль, Р. Анайя, Х. Агирре Гайнсборг и другие. В начале 1930 г. через Боливию проехал эмиссар ЮАБ, перуанский коммунист Эудосио Равинес, целью которого было установить более устойчивую связь с компартией Боливии. Как писал впоследствии сам Равинес, за эту миссию он получил благодарность от главы ЮАБ А. Гуральского⁸.

Действительно, связь ЮАБ с боливийской партией становится более систематической. Для укрепления кадров ЮАБ предлагает боливийцам послать двух товарищей на учёбу в Москву⁹. А в 1930 г. боливийский представитель от «красной» СТБ Фелипе Сааведра Моралес принял участие в V конгрессе Профинтерна и во Второй конференции коммунистических партий региона в Москве¹⁰. Через Боливию в 1928–1930 гг. проехало несколько эмиссаров ЮАБ. Последний из них немец по национальности, представившийся как Ригель, создал комитет партии в составе Вальдо Альвареса, Моисеса Альвареса и Эрнесто Калеро. Все трое были рабочие печатники.

В августе 1931 г. Арсе предложил своим друзьям и товарищам по партии Хосе Куадросу Кирого и Вальдо Альваресу план преобразования коммунистической партии. Как писал Арсе, в начале 1931 г. он пришёл к выводу, что «левый» интеллектуализм недостаточен, нужно идти к рабочим массам, изучать их положение. Тогда его друг и соратник Х. Куадрос Кирого¹¹, который был редактором газеты «El Diario» и по

⁸ *Ravines E.* La gran estafa. La penetración del Kremlin en Iberoamérica, México, D.F.: Libros y Revistas S.A., 1952.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 153, л. 5.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 122, л. 1.

¹¹ Один из активистов студенческого движения в 20-е годы, соратник Арсе, пропагандист марксизма в Боливии. В 30-е годы перешёл на позиции «революцион-

работе был связан с типографскими рабочими, свёл его с лидером профсоюза печатников и также членом кружка Вальдо Альваресом. Из этого общения у Арсе родилась идея создать нечто новое.

Как рассказывал Арсе, на одной из его встреч с Кирогой и Альваресом в доме последнего был прочитан написанный им устав новой организации. В виду слабости движения в Боливии, он предлагал создать на основе компартий Боливии, Чили и Перу «Тихоокеанскую конфедерацию рабочих республик» (КРОП — Confederación de la Repúblicas Obreras del Pacífico). Затем в доме у Альвареса было проведено собрание всего кружка, которое одобрило этот план¹². Все видные фигуры партии Моисес Альварес, К. Мендоса Мамани, Фелипе Сааведра, Вальтер Гевара Арсе поддержали эту идею. Никто не выступил против. Генеральным секретарём КРОП был избран рабочий Вальдо Альварес.

18 октября 1931 г. был принят устав КРОП, которая объявлялась «коммунистической ассоциацией»¹³. Это любопытный и примечательный документ, в котором есть все, что должно было вызвать оппозицию со стороны Коминтерна. В первых же строках устава указывалось, что целью КРОП является пропаганда марксистских идей через создание народного университета, марксистской библиотеки, исследовательского центра, рабочей прессы. Лишь в последнюю очередь целью КРОП объявлялось создание компартии в стране, но в русле объединения с братскими партиями Чили и Перу.

Арсе всю свою жизнь ставил просвещение во главу угла любой политической борьбы, именно этому он посвятил большинство своих трудов. Поэтому неудивительно, что его партия так напоминала Народный университет. Причём Арсе искренне не понимал, почему это является его ошибкой, по мнению ЮАБ, «прекраснодушием» и даже оппортунизмом. Именно в просвещении, а через него в изменении образа жизни Арсе видел главные достижения Советской России. В своей большой статье «Новый быт» (по-испански статья называлась «Novuu Buitu»), посвящённой культурной революции в СССР, он восхваляет политику «сталинского руководства» в ликвидации неграмотности, революционные изменения образа жизни. Особо он отмечал огромную роль молодёжи в создании нового быта, видел в этом главную задачу коммуни-

ного национализма». Был одним из лидеров и идеологов национал-реформистской партии Националистическое революционное движение (МНР).

¹² Historia de izquierdas bolivianas. Archivos y documentos (1920–1940). *Andrey Schelchikov y Pablo Stefanoni* (coords.). La Paz: CIS, 2016. P. 272.

¹³ Historia de izquierdas bolivianas. P. 208.

стов¹⁴. Он был убеждён, что главное достоинство КРОП состоит в просветительстве среди рабочих масс.

Членами КРОП могли лишь стать те, кто имел рекомендацию трёх членов, основателей организации, и только после защиты ими «диссертации» на марксистскую тему. Обязанностью членов КРОП было марксистское самообразование, в том числе написание статей, участие в семинарах, конференциях о положении рабочего класса, участие в курсах Народного университета. Помимо взносов члены КРОП были обязаны внести минимум четыре марксистские книги в народную библиотеку, которую предстояло создать. В уставе КРОП предстаёт как Народный университет, марксистские просветительские курсы.

Невинные и вегетарианские цели омрачались статьёй 7 устава, где речь шла о возможности выхода из КРОП. Любое исключение трактовалось как предательство, а «если последствия предательства исключённого члена будут серьёзными для организации, КРОП примет меры репрессий как пример для других, и они будут приведены в исполнение абсолютно тайно». Там же указывалось, что все академические формы деятельности — это лишь маскировка и тактическая уловка, чтобы обмануть власти.

КРОП решительно заявляла о своём принятии принципов и целей Коминтерна. Своей конечной целью КРОП называла создание Всемирной конфедерации советских республик в составе СССР. Переходным шагом на этом пути должны были стать региональные объединения советских республик, одна из которых и будет Тихоокеанская, то есть КРОП в составе Боливии, Перу и Чили. Крописты декларировали интернационализм и отказывались от местного, национального патриотизма, что в будущем стало причиной их преследования как «пораженцев» со стороны правительства с началом войны с Парагваем¹⁵.

Экономическая программа дословно повторяла выдвинутый Тристаном Марофом лозунг «Земля — индейцам, рудники — государству»¹⁶, включала экспроприацию городской промышленности местными Советами. В период до прихода к власти, который крописты называли «переходным», они предполагали «интенсифицировать создание кооперативных и социалистических организаций в координации с CSLA в Мон-

¹⁴ *Arze J.A.* Escritos literarios. P. 34-35.

¹⁵ *Historia de izquierdas bolivianas.* P. 211-215.

¹⁶ Тристан Мароф (Густаво Наварро), писатель, политик, революционер, в 1926 г. в книге «Справедливость Инки» выдвинул этот лозунг, сразу подхваченный левыми и профсоюзными организациями Боливии: уже в 1927 г. Рабочий конгресс в Уруро проходил под этим лозунгом. — *Щелчков А.А.* У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 45-60.

тевидео, организовывать забастовки, борьбу безработных». В политической части документа КРОП заявляла о необходимости «классовой диктатуры для внутренней организации партии и на начальной стадии после прихода к власти». Но главное — «интенсивное просвещение рабочих и крестьян на принципах коммунизма». В полном соответствии с тезисами «третьего периода» (борьба с социал-фашизмом) КРОП объявляла бойкот и борьбу с соглашательскими, реформистскими партиями и анархо-синдикализмом.

В религиозном вопросе крописты предлагали крайне радикальные меры: «Конфискация собственности церкви и изгнание из страны священников. Создание реформированной церкви при прямом контроле государства, пока атеизм не сделает её существование бессмысленным». Будущее социалистическое правление им представлялось исключительно как воспитательная работа на коммунистических принципах и создание нового человека. В этом вопросе они интуитивно опережали идеи коммунистического движения, питались антропоцентристскими доктринами домарковского социализма, всей гуманистической традицией левого движения. Однако, именно это показалось коллегам в Коминтерне инфантилизмом и классовой незрелостью.

Любопытно, что в уставе имеется раздел «Мораль и евгеника». В нем авторы провозглашали свою идейную причастность к «целостному феминизму», свободной любви, неомальтузианству, а также признанию «художественного индеанизма». Такие заявления явно тянули на обвинение в мелкобуржуазном интеллектуализме. Это были идеи, которым увлекался молодой Арсе ещё в период сотрудничества с «*Arte y trabajo*», когда был дружен с первой боливийской феминистской и анархистской А. Самудио, которой впоследствии посвятил свои статьи. Мораль, а в применении к социалистической перспективе рассматриваемая как моральное возрастание народа, его культурное и этическое просвещение, занимала важнейшее место в воззрениях Арсе. Параллельно и при влиянии идей Мариатеги он более склонялся к моральной концепции социализма, хотя на словах не отрицал классовой борьбы и необходимости социально-экономических преобразований¹⁷. Также как и Мариатеги, Арсе представлял гетеродоксию в коммунистическом движении, что было осуждено «товарищами» из ЮАБ.

Крописты считали себя профессиональными революционерами, или как они писали, специалистами. Каждый член организации отвечал за что-то конкретное: военная область, экономика, публичная политика,

¹⁷ Historia de América Latina. Tomo 12. Barcelona: Crítica, 1997. P. 82.

журналисты, международные связи. Эти «специалисты» должны были сформировать вокруг себя «суб–специалистов», объединённых в тематических секциях. Становление революционеров должно было проходить в атмосфере самокритики и марксистского обучения¹⁸. Этот устав был отправлен с Буэнос-Айрес с Хосе Антонио Арсе, который также повёз туда специальное обращение КРОП к ЮАБ, принятое на заседании 20 октября 1930 г. Его подписали Вальдо Альварес и Вальтер Гевара Арсе¹⁹. В письме указывалось: «Наша ассоциация считает своим первым долгом во имя дела революции предложить слияние коммунистических партий Боливии, Чили и Перу в одну Конфедеративную коммунистическую партию, которая будет иметь своей ближайшей задачей установление Первой советской республики в Латинской Америке, которая войдёт в Советскую конфедерацию всех стран континента, а затем будет включена в состав всемирного СССР. Наши страны, которые войдут в Советскую конфедерацию Боливии, Чили и Перу, связаны между собой общей многовековой историей и единством со времён Инков и колониального режима. Нас связывает география, общие экономические проблемы, а граничащие друг с другом север Чили, запад Боливии и юг Перу являются самыми пролетаризированными районами всей Южной Америки. К этому следует добавить общую для Перу и Боливии индейскую проблему»²⁰.

Х.А. Арсе просил ЮАБ признать КРОП единственной подлинно коммунистической организацией в Боливии. Далее, испрашивал инструкций, как в дальнейшем действовать в отношении братских партий соседних стран, с которыми боливийская партия претендовала объединиться²¹. Как замечает аргентинский исследователь Пабло Стефанони, документы КРОП несут на себе печать «незрелости» и наивности совсем ещё молодых людей, пылко отдавших себя коммунистической идее и марксизму²².

Арсе и Мендоса Мамани собирались вместе поехать в Монтевидео, где после военного переворота в Аргентине обосновалось ЮАБ. Арсе был душой проекта КРОП, а Мендоса Мамани ранее был лично знаком руковод-

¹⁸ Historia de izquierdas bolivianas. P. 214.

¹⁹ В. Гевара Арсе после войны в Чако он перешел на позиции «революционного национализма», становится идеологом национал–реформистской партии МНР, в 1979 г. был временным президентом Боливии.

²⁰ Historia de izquierdas bolivianas. P. 218.

²¹ Historia de izquierdas bolivianas. P. 274.

²² Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939). Tesis de Doctorado, Facultad de Filosofía y letras, Universidad de Buenos Aires, 2014. P. 148.

ству ЮАБ (хотя были доносы из Боливии о его связи с полицией²³), он был необходим для установления доверительных отношений. К сожалению, из-за недостатка средств в октябре 1931 г. поехал только Арсе.

В Монтевидео, куда Арсе приехал 29 октября, в течение 17 дней он постоянно вёл переговоры как с представителями ЮАБ, так и CSLA. Он встретился и переговорил с чилийцем Элиасом Лаферте, которому изложил свои идеи объединения сил коммунистов обеих стран²⁴. В начале ноября состоялась встреча с представителем ЮАБ, представившимся Перейрой²⁵. Ему Арсе и передал все документы КРОП, которые привёз с собой и изложил суть своих предложений. Из этой встречи Арсе вынес два заключения: во-первых, ЮАБ сам задумывался над децентрализацией своего контроля над андскими странами через создание специального Тихоокеанского бюро, что позволило бы более эффективно контролировать движение нежели из Буэнос-Айреса; во-вторых, ЮАБ рассматривает КРОП не как коммунистическую партию или даже группу, а лишь только как комитет симпатизирующих Коминтерну. ЮАБ заявляло, что вскоре в Боливию будет послан представитель, который и создаст партию. Кроме того, не устраивало само название КРОП²⁶.

Другой важной встречей были переговоры с секретарём CSLA, аргентинцем Мигелем Контрерасом. С ним были обсуждены планы созыва общенационального рабочего конгресса. Все эти разговоры и встречи были важными, но Арсе не мог не почувствовать, что с ним имеют дело не как с товарищем по партии, а как с «попутчиком», подозрительным молодым человеком. Арсе ждал инструкций, что следует предпринять им в Боливии для создания компартий, ждал, что ему поручат это дело, а вместо этого — непонимание и дистанция. Единственное, чего удалось добиться — Контрерас пообещал дать письменный ответ на бумаги, которые были привезены Арсе, и по поводу КРОП, и по поводу рабочего конгресса. Это письмо ему было вручено накануне отъезда.

²³ В марте 1929 г. накануне конференции профсоюзов в Монтевидео редактор газеты «*Vandera Roja*» Х.Т. Гусман, пользовавшийся доверием в ЮАБ, в частности аргентинца Педро Ромо, написал донос на Мендосу Мамани, обвинив его в тайной службе полиции, и только арест последнего развеял подозрения, но как потом окажется, не навсегда. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 122. Д. 2. Л. 41.

²⁴ Он не встретил понимания, Лаферте заявил, что во всем полагается на решение ЮАБ.

²⁵ Бразильский коммунист Леонсио Басбаум работал в CSLA и ЮАБ в 1931 г., в 1934 г. исключён из компартии за троцкизм.

²⁶ *Historia de izquierda bolivianas*. P. 276.

При возвращении из Монтевидео Арсе был арестован аргентинской полицией в Буэнос-Айресе. Освобождён он был под личную ответственность боливийского посла, пост которого в тот момент занимал видный интеллектуал Даниэль Санчес Бустаманте, который лично знал Арсе и уважал его²⁷. Однако участие властей Боливии в его судьбе негативно сказалось на его «революционной» репутации в глазах коминтерновцев, став лишним подтверждением их убеждения, что Арсе является мелкобуржуазным политиком.

Письмо ЮАБ за подписью Контрераса содержало уничтожающую критику кропистов. В нём говорилось: «Ваш устав, «программа», социальный состав, ваш опыт в пролетарском движении, ваша «тактика» и отсутствие реальных действий свидетельствуют о том, что КРОП, по нашему мнению, не имеет ничего общего с революционным синдикализмом масс, которые представляет CSLA и Профинтерн». Далее высмеивались претензии руководить профсоюзным движением Боливии, не имея для этого никаких оснований. Более того, КРОП претендовала занять место ЦК компартии, которая даже ещё не создана, а «КРОП забыла о главной задаче движения: об организации сил рабочего класса и индейских масс в борьбе за свои непосредственные требования, что является первым условием для развития и победы революционной борьбы против национальной буржуазии, империализма и всей буржуазной системы».

Самое страшное обвинение состояло в том, что КРОП является по сути боливийской АПРА, которая при своём «псеводоимпериализме» в начале также говорила, что она «поддерживает Россию, является защитницей пролетариата, симпатизирует коммунизму» и только из тактических соображений не называется коммунистической. Это клеймо априори так и останется за кропистами. Ни Арсе, ни его соратники так никогда и не смогут переубедить Коминтерн в своей лояльности и классовой сознательности.

В письме Контрераса советовалось вместо того, чтобы подробно описывать, что будет делать правительство будущей рабочей конфедерации Чили, Перу и Боливии, «подумать, как вести борьбу за хлеб, за заработную плату, за снижение продолжительности рабочего дня и социальные гарантии»²⁸. Колкой иронии удостоились пункты о диссертациях на марксистские темы при вступлении в партию: особенно это привлечёт неграмотных рабочих шахтёров и крестьян индейцев. Крописты — это незрелые интеллектуалы и не более. И вывод: «КРОП — это не пролетар-

²⁷ *Abecia López V. 7 Políticos bolivianos. P. 48.*

²⁸ *Historia de izquierdas bolivianas. P. 227.*

ская организация, а элитарная, сектантская и инфантильная в своей конспиративности группа, далёкая от реального действия и от масс... Настоящее рабочее и революционное движение создаётся не в академических кабинетах или на конспиративных собраниях, а в ходе реальных действий, в борьбе с рабочими и индейцами за их требования»²⁹.

Кроме того, CSLA высказалась против созыва общенационального рабочего конгресса под эгидой ФОТ, которую считала реформистской, хотя та и входила в CSLA. Сначала надо создать революционные профсоюзы и компартию, как руководящую силу, а КРОП для этого не годиться. Товарищам из КРОП предлагалось влиться в борьбу пролетариата, делом доказать свои намерения в создании компартии, а свою организацию необходимо распустить³⁰.

Этот удар боливийцы выдержали, вполне разумные аргументы их убедили не вполне, но они решили подчиниться. Сам же Арсе ещё долго спорил и доказывал свою правоту, цитировал классиков, Маркса, Луначарского, Чернышевского, Плеханова, ссылаясь на примеры русской революции, посылал письма в Коминтерн, то есть упорствовал в своих «заблуждениях», что поставило окончательный крест на его репутации в ЮАБ. Его считали создателем боливийской АПРА, то есть враждебной Коминтерну партии³¹.

Тем временем, в Ла-Пас прибыли два перуанских коммуниста Саведра Фахардо (Ило) и Чавес Бедойя (Негри), которых представил местным коммунистам эмиссар ЮАБ Рикардо Мартинес (Буконе)³². В их задачу входило помочь боливийцам создать компартию³³. В это же время в Потоси была арестована вся ячейка партии. Только в Ла-Пасе оставалась более или менее крупная организация в составе около 30 человек, включая кропистов³⁴.

В Ла-Пасе перуанцы создали новый ЦК, в который не вошли крописты, хотя Вальдо Альварес вновь был назначен генеральным секретарем

²⁹ Historia de izquierdas bolivianas. P. 224.

³⁰ Historia de izquierdas bolivianas. P. 228-229.

³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 5.

³² Рикардо Мартинес выехал из Ла-Паса в Аргентину тем же поездом, что и Арсе. Они вместе добрались до Монтевидео и не раз виделись уже в уругвайской столице, но ни разу тот не обмолвился о миссии перуанцев, которых он оставил в Ла-Пасе. — Historia de izquierdas bolivianas. P. 286.

³³ Арсе утверждал, что эти перуанцы не имели полномочий от ЮАБ. Из документов архива Коминтерна очевидно, что Ило и Негри пользовались доверием ЮАБ. — РГАСПИ Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 5.

³⁴ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 1.

рём, так как был рабочим лидером³⁵. Когда Арсе прибыл в Ла-Пас, то с удивлением обнаружил не только перемены, совершенные перуанцами, но и то, что копия письма, вручённая ему в Монтевидео за подписью Контрераса, уже была у них на руках³⁶.

Арсе созвал собрание кропистов, куда пригласил перуанцев. Он проинформировал о всех своих встречах и их результатах, затем предложил распустить и КРОП, и созданный перуанцами ЦК. В результате 13 декабря 1931 г. состоялось объединительное собрание двух групп коммунистов и составлен «Акт основания Временного ЦК Компартии Боливии (секции Коминтерна)». В этот новый ЦК вошли как крописты (в том числе Х.А. Арсе, Х. Куадрос Кирога, К. Мендоса Мамани, Ф. Сааведра, В. Гевара Арсе), так и члены ЦК, созданного перуанцами (самым известным деятелем был Х. Ордоньес, прошедший через многие социалистические партии и не принятый в своё время в КРОП, так как его считали несознательным, представителем ремесленников, а не рабочего класса, то есть мелким собственником).

Новый ЦК заявлял о признании решений VI Конгресса Коминтерна и программных документов коммунистического движения. Во исполнение критики CSLA было решено отложить создание Профсоюзной конфедерации до появления полноценной партии. Новый ЦК решил запросить в ЮАБ подтверждение своих полномочий³⁷.

Формального ответа на это обращение боливийцы так и не дождались. Вместо этого в начале 1932 г. перуанцы вдруг сообщили, что через Боливию по дороге в Чили проехал эмиссар ЮАБ некто Лесама, который передал устные инструкции: ЦК распустить, а партию считать Коммунистической группой (АК — *Agrupación comunista*), а также вывести из неё кропистов Моисеса Альвареса, Х. Куадроса Кирогу и Х.А. Арсе, которых следовало считать симпатизантами. В ответ на это Арсе предложил дожидаться письменных инструкций ЮАБ, так как не доверял перуанцам. В знак протеста Вальдо Альварес также покинул партию. Во главе АК встал ветеран движения и человек известный в ЮАБ Карлос Мендоса

³⁵ В этот ЦК вошли деятели, связанные в прошлом с Лабористской партией (1927), в которую входили коммунисты с благословения Коминтерна, рассчитывавшего использовать эту партию как легальный фасад для деятельности коммунистов. Однако партия перешла под контроль реформистов, и В. Кодовилья в своём докладе на конференции в Буэнос-Айресе 1929 г. признал этот опыт неудачным, возложил вину на боливийских коммунистов. — *El Movimiento revolucionario latinoamericano. Documentos de la primera conferencia*. Buenos Aires, 1929.

³⁶ *Historia de izquierdas bolivianas*. P. 286.

³⁷ *Historia de izquierdas bolivianas*. P. 229-231.

Мамани, который в своё время также поддерживал КРОП. Вскоре АК развернула кампанию в рабочей прессе против кропистов и лично Арсе, называя их социал-фашистами и контрреволюционерами³⁸. В провинции коммунистические группы были полностью дезориентированы. Ячейка в Оруро во главе с Фернандо Синьяни призвала в рабочей газете «La Igualdad» всех товарищей создать, наконец, компартию Боливии³⁹.

Последний удар по боливийской партии нанёс очередной эмиссар ЮАБ Рафаэль (настоящее имя неизвестно), который прибыл в Боливию в апреле 1932 г., когда перуанцы Ило и Негри уже покинули страну. Этот агент ЮАБ сыграл самую печальную роль для истории компартии Боливии. Исследователь Ольга Ульянова писала об эмиссарах Коминтерна: «В рамках коминтерновской культуры, европоцентричной и мессианской, для них во время их миссии в разные страны главным было обеспечение «правильного» курса во имя мировой революции. Часто не зная реалий местной жизни и политики, убеждённые в том, что они являются носителями нового откровения во имя спасения мира, эмиссары Коминтерна считали себя вершителями судеб и Истории с большой буквы, нечто вроде новых пророков»⁴⁰.

Рафаэль принялся решительно искоренять кропизм из рядов компартии. ЮАБ рекомендовала оставить Карлоса Мендосу Мамани генеральным секретарём и с его помощью получить контроль над всеми группами внутри страны (там думали, что таких групп много и их контролирует Мендоса, что было далеко от действительности)⁴¹. Однако Мендоса сразу не понравился Рафаэлю, который считал, что тот запятнал себя сотрудничеством с кропистами и не заслуживал доверия. Рафаэль принял решение заменить его на посту лидера партии. В это время бывшие крописты во главе с Арсе предложили АК слияние и созыв общенационального съезда коммунистов, на который была бы создана партия. Это предложение противоречило миссии Рафаэля по созданию партии под строгим контролем ЮАБ. Рафаэль рассчитывал оставаться длительное время в Боливии и полностью контролировать деятельность партии. Деятельность Арсе и предложение слияния он расценил как неисполнение распоряжения ЮАБ и как враждебные⁴².

³⁸ Historia de izquierdas bolivianas. P. 289.

³⁹ Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz, 1994. P. 180.

⁴⁰ Ulianova O. Develando un mito: emisarios de la Internacional Comunista en Chile // Historia. N° 41. Vol. 1. Santiago de Chile, 2008. P. 103.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 2. Л. 16–17.

⁴² РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 4. Л. 2.

В мае 1932 г. из партии были «вычищены» все участники КРОП, которые создали свою группу, в будущем ставшую ядромлевой революционной партии (ПИР). В этот момент ЮАБ объявил кропизм в Боливии угрозой равной троцкизму, олицетворением которого стал боливийский писатель Тристан Мароф⁴³. Крописты обвинялись в стремлении создать «национальный коммунизм»⁴⁴. Затем Мендосу обвинили виновным в аресте Рафаэля боливийской полицией⁴⁵. Фактически партия была уничтожена, а полицейские репрессии, обрушившиеся на всех левых, и прежде всего кропистов, лицом которых был Арсе, за их последовательную антивоенную позицию против войны с Парагваем, сделали невозможным возрождение коммунистического движения. «Пораженцы» Арсе, Куадрос Кирога, В.Альварес бежали из страны, другие были отправлены на фронт.

Оставалась небольшая группа в Потоси, на основе которой в феврале 1933 г. с разрешения ЮАБ была проведена Национальная конференция коммунистов⁴⁶. Это собрание было объявлено первым съездом партии, на котором присутствовал представитель аргентинской компартии некто Гарридо. Новым генеральным секретарём был избран Рикардо Клоса Валье, но с началом войны в Чако он был призван в армию и попал в плен⁴⁷. После

⁴³ Любопытно, что именно троцкизм в лице Марофа и кропизм в лице Арсе были единственными левыми марксистскими движениями, которые укрепились в Боливии и стали там влиятельными силами, в отличие от исчезнувших искусственно созданных эмиссарами ЮАБ коммунистических групп и партий. По иронии судьбы и Мароф, и Арсе постоянно искали сближения с Коминтерном, но неизбежно получали резкий и враждебный ответ.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 4. Л. 7-8.

⁴⁵ По свидетельству Мендосы Мамани, опубликованном Г. Лорой, этот Рафаэль созвал совещание всех членов коммунистической группы, пренебрегая элементарными правилами конспирации, и в результате через несколько дней был арестован и выслан из страны. — *Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. Vol. 2. La Paz: Los Amigos de los Libros, 1969. P. 249.*

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 4. Л. 10.

⁴⁷ Г. Лора утверждал, что в плену в Парагвае Клоса Валье «вёл странную деятельность, пользуясь поддержкой парагвайских властей, объезжал лагерь военнопленных боливийцев и агитировал там против боливийских господствующих классов», за что приписывал ему «самый позорный оппортунизм». — *Lora G. Historia del movimiento obrero. Vol. 2. P. 285.* В действительности, в этой кампании агитации среди боливийских пленных также участвовала парагвайская компартия. Своё освобождение из лагеря Клоса объяснял «неофициальными» договорённостями компартии Аргентины и Университетской федерации Аргентины с парагвайскими властями. Клоса Валье доказал свою преданность левым идеям на полях сражений Гражданской войны в Испании, где был ранен. — РГАСПИ. Ф. 545, оп. 6, д. 318. Л.

плена он оказался в Аргентине, в 1938 г. записался добровольцем в Испанию, где были нужны люди именно с военным опытом⁴⁸. Вместе с тем Алипио Валенсия Вега (Иван Кесвар) называет его среди членов группы «Тупак Амару» под руководством Т. Марофа, из которой затем выросла троцкистская Революционная рабочая партия (ПОР)⁴⁹. С уходом на фронт «последнего» генерального секретаря компартии, более не находим упоминаний о каких-либо попытках создать партию в Боливии. Коминтерн на третьей конференции партий региона в Москве в октябре 1934 г. по-прежнему ставил задачу создания партии в Боливии и требовал от партий соседних стран способствовать этому⁵⁰. Неуклюжая, а порой просто близорукая позиция ЮАБ, да и центра в Москве отвергла возможно наивных и неопытных, но искренних и страстно верящих в коммунизм молодых людей, образовавших, вообще-то нелепую организацию КРОП. Нежелание Коминтерна иметь дело с Арсе, который был преданным Москве и коммунистическому движению человеком, привело к поражениям и провалам попыток ЮАБ создать компартию в Боливии. Узость классового подхода, боязнь интеллигенции и прочих попутчиков, свойственные «третьему периоду» недостатки, привели Коминтерн к краху его политики в Боливии.

Арсе оказался в Перу, где сразу же вступил в контакт с перуанской партией. Он продолжал настаивать на своей идее объединения трех партий, чилийской, перуанской и боливийской. Он отказался от уже дискредитировавшего себя в Коминтерне названия КРОП, и написал проект создания «Трифедерального бюро партий Чили, Перу и Боливии». Этот проект через перуанских товарищей он отправил в Москву. В нем была учтена предыдущая критика ЮАБ по проекту КРОП. Однако коммунисты упорно отказывались иметь дело с Арсе и осуждали все его инициативы как мелкобуржуазный уклон, как апризм⁵¹. Арсе безусловно был готов исправить все свои «ошибки» и «отклонения», постоянно декларировал верность учению Маркса — Ленина — Сталина, осуждал Троцкого⁵², называл себя сталинцем, прославлял успехи и политику

10-12об.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 545, оп. 6, д. 318. Л. 14.

⁴⁹ Lora G. Historia de la POR. Contribución a la historia política de Bolivia. T. 1. La Paz: Isla, 1978. P. 78.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 101, д. 22. Л. 71.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 188, Л. 89-95.

⁵² Даже после убийства Троцкого в Мехико Арсе отказывался признать очевидность — ответственность СССР за это преступление. Он считал это недоказан-

СССР. Арсе всегда ждал от Коминтерна равной дискуссии, диалога, а перед ним просто закрыли дверь.

После войны в Чако Арсе вернулся в Боливию и активно участвовал в политических событиях после установления в 1936 г. так называемого режима военных социалистов. Свою главную задачу Хосе Антонио Арсе видел в популяризации и распространении марксизма в Боливии. Арсе и его родственники, многочисленные двоюродные братья были страстно увлечены марксизмом и социализмом. Вальтер Гевара Арсе (будущий президент страны) состоял в коммунистических кружках, а затем ушел к «революционным националистам»; Рикардо Анайя Арсе был преданным сподвижником Хосе Антонио все годы его жизни; Эдуардо Арсе Лоурейро был одним из основателей троцкистской партии ПСОБ Тристана Марофа. Как писал журналист Альфонсо Пруденсио Клауре (Павлович), марксизм и социализм стали их семейным Евангелием⁵³.

Военные социалисты создали в 1936 г. министерство труда. Министром стал соратник Хосе Антонио Арсе, в прошлом кропист Вальдо Альварес. Он пригласил Х.А. Арсе на пост юридического советника министерства. На этом посту Арсе выступил инициатором создания нового государственного органа, во многом напоминавшего «советы», АНПОС — Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций. Формально объявлялось, что в задачу Ассамблеи входит контроль за деятельностью министерства труда со стороны рабочих организаций и подготовка общенационального конгресса, на котором планировалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений, в том числе ФОТ и ФОЛ. По мысли Арсе, эти органы должны были заменить собой классический парламент. Даже факт заседаний АНПОС в зале Сената символизировал их будущую роль⁵⁴.

Активная работа марксистов во главе с Арсе в министерстве труда раздражала и беспокоила военных и националистов. Идеолог боливийского национал-реформизма Карлос Монтенегро (бывший товарищ Х.А. Арсе по журналу «Arte y Trabajo») со страниц газет обрушился на Х.А. Арсе и всех левых с обвинениями в коммунизме и интернационализме, что было для него синонимично национальному предательству⁵⁵. Парадоксально, но коммунисты обвиняли Х.А. Арсе в апризме, а «революционные националисты» (боливийские апристы) обвиняли его в пре-

ным и маловероятным. — *Arze J.A. Escritos literarios*. 139.

⁵³ *Abecia López V. 7 Políticos bolivianos*. P. 50.

⁵⁴ *Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936–1939 гг.* М.: ИВИ РАН, 2001. С. 156–157.

⁵⁵ *La Calle*. La Paz, 14 de octubre, 1936.

дательстве национальных интересов в угоду соседним странам и международному коммунизму. К. Монтенегро даже припомнил Арсе его идею создать КРОП, что трактовалось им как желание передать соседям суверенитет Боливии во имя будущей пролетарской конфедерации⁵⁶.

В сентябре 1936 г. военные решили положить конец «творчеству» левых в министерстве. Их объявили вне закона. Агирре Гайнсборг и Арсе были вынуждены попросить политического убежища в мексиканском посольстве. Однако президент Д. Торо отказался разрешить им выехать из страны и усилил охрану посольства. Все эти мероприятия были представлены как победа национального правительства над интернациональными, космополитическими (читай антинациональными) силами. Д.Торо обвинял многих левых руководителей в шпионаже в пользу Коминтерна и Москвы. В ходе длительных переговоров при посредничестве председателя Социалистической партии Х.Тамайо 24 сентября Агирре Гайнсборг и Арсе были депортированы в Чили.⁵⁷

Эта эмиграция Арсе продолжалась до 1940 г., когда военно-социалистический режим уже прекратил свое существование. Во время своего пребывания в Чили Арсе поддерживал дружеские отношения с чилийскими коммунистами, о чем вспоминал Володя Тейтельбойм⁵⁸. Позиция чилийской компартии, в чём-то шедшей дальше решений VII Конгресса Коминтерна, в отношении широкого демократического антиимпериалистического блока была близка Арсе, всегда говорившего о самом широком союзе рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, средних слоев.

В Чили он активно поддерживал движение солидарности с республиканской Испанией. Перемены политики Коминтерна и его поворот в сторону Народного фронта имели огромные последствия в Чили, где к власти пришла коалиция радикалов, социалистов и коммунистов. Видя успехи социалистов в Чили, являвшихся левой, марксистской партией, не связанной с Коминтерном, Арсе укрепился в убеждении, что пришло время создания самостоятельной марксистской партии в Боливии, которая сможет реализовать лозунги Народного фронта. Надо признать, что этот лозунг Коминтерна Арсе воспринимал в соответствии со

⁵⁶ МВД использовало КРОП как повод для высылки Х.А. Арсе. — Письмо МВД — Д.Торо от 14 января 1937 г. — Archivo Nacional de Bolivia. PG. 1937. С. 13. Т. 156. (PG6875).

⁵⁷ Archivo Historico Genaro Estarda. Secretaría de Relaciones Exteriores. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 25 septiembre de 1936. 27 – 29 – 13.

⁵⁸ *La Razón*. La Paz, 01 de marzo de 2015.

своими представлениями о политических союзах, укоренившимися привычками и нормами боливийской политической культуры. Ещё до возвращения на родину, в Чили он создал в апреле 1939 г. Фронт боливийской левой, от имени которого призвал к единству всех боливийских левых на основе широкой, но марксистской платформы.

В 1940 г. Арсе вернулся в Боливию. Ему с его сторонниками и старыми товарищами удаётся провести в Оруро массовый Съезд левых сил Боливии. На нем, несмотря на объявленное осадное положение в Оруро, 26 июля 1940 г. была создана Левая революционная партия (ПИР), безусловным лидером которой становится Арсе. Власти арестовали и выслали 33 делегата во главе с Арсе в Чако. Вскоре под давлением профсоюзов и общественного мнения Арсе был освобождён. На состоявшихся в тот же год президентских выборах Хосе Антонио Арсе получил около 15% голосов, заняв второе место.

В 1940 г. Арсе создал Институт боливийской социологии, который стал издавать первый научный социологический журнал в Боливии. В первом же номере стало очевидным его предназначение — популяризация марксистской теории и научного знания в стране. В этом же первом номере журнала Арсе опубликовал блестящую по форму и глубокую по содержанию статью, в которой оспаривал ставшие в то время популярный, в частности среди левых индеанистов, тезис о том, что инкское общество было социалистическим или коммунистическим по своему содержанию. Арсе подробно разобрал эти тезисы и доказывал, что отсутствие свободы, которая являлась, по его убеждению, главным необходимым элементом социализма, а также техническая и социальная отсталость Инков, принадлежавших эпохе рабства и феодализма, не может позволить всерьёз говорить о коммунистической природе Инков⁵⁹. Арсе шел в русле либерального и марксистского подходов к главному наследию доколумбовой Америки, а именно к индейской общине, считая её препятствием для развития и прогресса страны. Примером для слома старой общины и преобразований в Америке Арсе служила Русская революция, уничтожившая феодализм и общину в России⁶⁰. Взгляды Арсе вполне можно характеризовать как «либеральный марксизм». Арсе считал, что Боливия должна пройти полный цикл капиталистического развития подобно странам Западной Европы и США, прежде чем появятся предпосылки для проведения социалистических преобразований. Это положение выводилось из известной гегелевской

⁵⁹ *Arze J.A.* ¿Fue socialista o comunista el Imperio Inkaiko? // Revista del Instituto de Sociología Boliviana. Sucre, 1941. Julio – diciembre de 1941. No. 1. P. 27.

⁶⁰ *Arze J.A.* ¿Fue socialista o comunista el Imperio Inkaiko? P. 30.

триады как основного диалектического принципа развития. По его мнению, Боливия должна была пройти длительный процесс изменений: тезису — господству империализма и полуфеодального латифундизма противостоит антитезис — антифеодальная революция, а их синтезом будет победа буржуазных отношений и вызревание следующего этапа⁶¹.

«Либеральные марксисты», такие как Х.А. Арсе и его соратники Рикардо Анайя, Мигель Бонифас, Артуро Уркиди, сохраняли преемственность с либерально-позитивистской идеологией. Вместе с тем, марксистская терминология, а главное, социальные цели были столь отличны от либеральных, что не следует преувеличивать охранительную тенденцию этого течения. В конечном итоге, даже в этой форме марксизм разрушал существовавшие идеологические установки, призывая к политической и экономической реформе и проповедуя классовую борьбу и социальную революцию.

Арсе был универсальным мыслителем, писателем, учёным, но над всем его творчеством доминировала политическая идея. Он как-то решил написать «футурологическую повесть», причём не только по-испански, но и на эсперанто. Сохранился лишь её план. Так начинался короткий план повести: «Это автобиографическая повесть. Её главный персонаж — Тупах Кондор. Он родился 1 января 3000 года на Альтиплано в Андах, но ребёнком переехал в город МЕЛСУРБО (название создано из слова город и первых букв фамилий Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина), находившийся на территории современного СССР, где министр образования «Панландии» (имя Всеобщей Родины Человечества, всемирной державы, где победил коммунизм) проводил эксперимент, собрав самых талантливых детей всех рас и географических зон мира, чтобы ускорить формирование Космополитической культуры всего человечества»⁶². Повесть должна была быть написана на эсперанто, так как Арсе был убеждён, что это язык будущего человечества. Здесь следует обратить внимание не только на его коммунистическую убеждённость в будущем человечества, но и упорство в увлечении евгеникой, что во времена КРОП фигурировало с программе этой партии. В этой же повести упоминается, что в Панландии ведётся строгий контроль за рождаемостью и качеством человеческого материала, то что в программе КРОП называлось «неомальтузианством».

В апреле 1941 г. Арсе был приглашён прочитать лекции в США, где пробыл 2 года. По возвращении в Боливию в 1944 г. он активно вклю-

⁶¹ *Arze J.A.* Ensayos filosóficos. P. 139-143.

⁶² *Arze J.A.* Escritos literarios. P. 162.

чился в политику. В Боливии у власти в это время был союз националистов МНР и военных из тайной ложи РАДЕПА, отличавшихся своими симпатиями к нацистам и итальянскому фашизму⁶³. Последовали новые репрессии и эмиграция. ПИР стала крупнейшей боливийской партией, а Арсе одним из главных политиков страны. На него было совершено покушение, которое фатально сказалось на его здоровье. Хотя он выжил, эти выстрелы в спину стали причиной его ранней (в 51 год) смерти несколько лет спустя.

ПИР объявляла себя партией рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии, что сразу же ставило её вне рамок московской или троцкистской моделей коммунизма и социализма. Хотя ПИР была создана как марксистская партия вне любого Интернационала, по заявлениям Арсе, это ни в коем случае не отменяло международной пролетарской солидарности с СССР, со строительством социализма в СССР и её лидерами, прежде всего со Сталиным⁶⁴. Уже в конце жизни он писал: «Да, да, да, Ленин является самым великим реформатором всех времён, стоящий выше Христа благодаря масштабу своего освободительного дела... Ленин был учителем своего последователя в руководстве Большевицкой партии с 1924 г., Сталина, великого организатора советской экономики, маршала, защитника своей родины и лидера Мировой пролетарской революции»⁶⁵.

В краткий период ПИР превратилась во влиятельную партию с солидным электоральным потенциалом. Арсе был депутатом Конгресса, видным политиком и уважаемым интеллектуалом. 40-е гг. — время наибольшего влияния ПИР в стране. Это была массовая марксистская партия, декларировавшая свою верность учению и идеалам Ленина — Сталина, но никаких отношений с Москвой уже не было. После роспуска Коминтерна такое желание уже не могло возникнуть. ПИР предпочитала укреплять связи с латиноамериканскими левыми, такими как мексиканец Ломбардо Толедано. В 1946 г. под руководством ПИР, выступившей в союзе с олигархическими партиями, было свергнуто националистическое правительство Г. Вильяррозля. Сотрудничество с правыми партиями дискредитировало ПИР.

В 40-е годы несмотря на отсутствие признания со стороны Москвы, ПИР поддерживала тесные отношения с чилийской компартией, чья политика союзов с левыми и центристскими партиями, социалистами и радикалами, Арсе более всего казалась адекватной политической повестке дня на континенте. Члены партии, молодежь проходила обу-

⁶³ История Боливия с древнейших времён до начала XXI века / Отв. ред. *Ларин Е.А., Щелчков А.А.* М.: Наука, 2015. С. 447-451.

⁶⁴ *Arze J.A.* Escritos literarios. P. 137.

⁶⁵ *Arze J.A.* Ensayos filosóficos. P. 96.

чение в партийной школе КПЧ⁶⁶. В 1950 г. от неё откололась молодёжная организация, образовавшая Компартию, которую, наконец, признали в Москве. После Национальной революции 1952 г. ПИР под грузом собственных ошибок оказалась нежизнеспособной партией. С ее крахом закатилась и звезда Арсе. Он скончался в Кочабамбе 23 августа 1955 г.

ЛИТЕРАТУРА

- История Боливии с древнейших времён до начала XXI века / Отв. ред. *Ларин Е.А., Щелчков А.А.* М.: Наука, 2015.
- Щелчков А.А.* Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936–1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Щелчков А.А.* У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 45–60.
- Abecia López V.* 7 Políticos bolivianos. La Paz: Juventud, 1986.
- Arze J.A.* ¿Fue socialista o comunista el Imperio Inkaiko? // Revista del Instituto de Sociología Boliviana. No. 1. Sucre, 1941.
- Arze J.A.* Ensayos filosóficos. Polémica sobre el marxismo y otros ensayos afines. La Paz: Roalva, 1980.
- Arze J.A.* Escritos literarios. (Comentarios y semblanzas). La Paz, 1981.
- Arze J.R.* Ensayo de una bibliografía del doctor José Antonio Arze. Cochabamba: Universitaria, 1968.
- Delgado Gonzales T.* 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984.
- El Movimiento revolucionario latinoamericano. Documentos de la primera conferencia. Buenos Aires, 1929.
- Historia de izquierdas bolivianas. Archivos y documentos (1920–1940) / *Andrey Schelchov y Pablo Stefanoni* (coords.). La Paz: CIS, 2016.
- Lora G.* Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. Vol. 2. La Paz: Los Amigos de los Libros, 1969.
- Lorini I.* El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz: Los Amigos del Libro, 1994.
- Stefanoni P.* Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939). Tesis de Doctorado, Universidad de Buenos Aires, 2014.
- Ulianova O.* Develando un mito: emisarios de la Internacional Comunista en Chile // Historia. № 41. vol. 1. Santiago de Chile, 2008.

⁶⁶ *La Razón*. 01 de marzo de 2015.

CONTENTS

<i>Ivanov N.S.</i>	
Fidel and not only... (On the 80th Anniversary of Eugene Larin).....	5
<i>Kazakov V.P.</i>	
The Socialist Movement in Argentina (At the End of the XIX – the Beginning of the XX Centuries)...	28
<i>Damier V.V.</i>	
“You Get us Confused with Somebody... Argentine Anarchists and the Russian Revolution of 1917.....	80
<i>Ivkina L.A.</i>	
Julio Antonio Mella. The Life after the Death.....	100
<i>Urtubia X.</i>	
Models of Militant in the Communist Party of Chile, 1924–1933...	125
<i>Larin E.A.</i>	
The Formation of the Ideological Foundations of the Cuban Revolution	145
<i>Ivanov N.S.</i>	
Hugo Chavez and the Socialism of the XXI Century.....	157
<i>Schelchkov A.A.</i>	
The Left Alternative to Neoliberalism: the Cultural and Democratic Revolution in Bolivia.....	192
<i>Tarcus H., Stefanoni P.</i>	
The Lefts in Argentina today.....	241
<i>Roque García C.</i>	
VII Congress of the Communist Party of Cuba. The Prospects for Socio-economic Development.....	260
ROUND TABLE: RUSSIAN REVOLUTION, COMINTERN AND LATIN AMERICA	
<i>Selivanova I.V.</i>	
The October Revolution in the Development of the Communist and Movement in Latin America.....	268
<i>Kazakov V.P.</i>	
The Russian Labour Organizations in Argentine and Comintern, 1917–1922.....	277
<i>Ivkina L.A.</i>	
Carlos Baliño, the Founder of the First Communist Party of Cuba	281
<i>Jeifets V.L.</i>	
Mexico and the Mexican Revolution in the Eyes of the Comintern (1920s –1930s).....	291
<i>Andreev A.S.</i>	
The Communist Party of Uruguay and the Comintern during the Campaign of Aid to the Spanish Republic (1936–1939).....	303
<i>Schelchkov A.A.</i>	
Unappreciated Loyalty: José Antonio Arze and the Comintern.....	310

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иванов Н.С. Фидель и не только... (К 80-ти летию Евгения Александровича Ларина).....	5
Казаков В.П. Социалистическое движение в Аргентине (в конце XIX – начале XX века).....	28
Дамье В.В. «Вы нас с кем-то спутали...» Аргентинские анархисты и российская революция 1917 года...	80
Ивкина Л.А. Хулио Антонио Мелья. Жизнь после смерти.....	100
Уртубия Х. Тип партийца в компартии Чили (1924–1933).....	125
Ларин Е.А. Формирование идеологических основ Кубинской революции.....	145
Иванов Н.С. Уго Чавес и «социализм XXI века».....	157
Щелчков А.А. Левая альтернатива неолиберализму: культурная и демократическая революция в Боливии в начале XXI века.....	192
Таркус О., Стефанони П. Левые в Аргентине сегодня.....	241
Роке Гарсия К. VII съезд коммунистической партии Кубы. Перспективы социально-экономического развития в ближайшие годы.....	260
КРУГЛЫЙ СТОЛ: РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КОМИНТЕРН И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКЕ	
Селиванова И.В. Роль Октябрьской революции в развитии коммунистического движения в Латинской Америке.....	268
Казаков В.П. Российские рабочие организации в Аргентине и Коминтерн, 1917–1922 годы.....	277
Ивкина Л.А. Карлос Балиньо — основатель первой компартии Кубы.....	281
Хейфец В.Л. Мексика и Мексиканская революция глазами Коминтерна в 1920 – начале 1930-х годов.....	291
Андреев А.С. Компартия Уругвая и Коминтерн: кампания помощи Испании (1936–1939).....	303
Щелчков А.А. Неоценённая верность: Хосе Антонио Арсе и Коминтерн.....	310

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Андрей А. ЩЕЛЧКОВ

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 17.11.2016
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–21–1

9 785906 578211